

С М О Н О 90 96

Михаил Любимов

Лондонский

ноктюрн

Элмер Купч

Рука сатира

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
зам. главного редактора
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.06.96.
Подписано и печати 29.07.96.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. отт. 17,64.
У-изд. л. 23,10.
Тираж 66770 экз.
Заказ № 811
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Фанс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. №014832
Учредитель — коллентив
редакции журнала
«Смена».
Рукописи, фото, и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».
Отпечатано в типографии
издательства
«Пресса».
125865, ГСП, Москва,
А-137 ул. Правды», 24.
В случае полиграфического
брака обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

9 (1583) СЕНТЯБРЬ

© «Смена», 1996

СОДЕРЖАНИЕ

36

Проза

СЕРГЕЙ УСТИНОВ
**НЕ ВЕРЬ, НЕ
БОЙСЯ, НЕ
ПРОСИ, ИЛИ
«МАШИНА
СМЕРТИ»**

Криминальная повесть

164

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ
**ЛОНДОНСКИЙ
НОКТЮРН**

Шпионский детектив

218

ЭЛЛЕРИ КУИН
РУКА САТИРА

Детектив

12

Поэзия

ГРИГОРИЙ ПОЖЕНАН

4

Зрелище и мис

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ
**ПИВО —
ЭТО ДИВО**

16

ВЯЧЕСЛАВ ОРЛОВ
ВЫСШАЯ МЕРА

28

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ
**ГОЛУБОЕ
СУХОРЕЧЬЕ**

139

МАЙЯ ОРЛОВА
**БРЮНЕТ,
НО РУССКИЙ**

24

История и изобраз

НАТАЛИЯ ВДОВИНА:
**«ТЕАТР
СПАСАЕТ МЕНЯ»**

122

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ
**ТАЙНА МОГИЛЫ
ВЕЛИМИРА
ХЛЕБНИКОВА**

150

АЛЕКСЕЙ ПЕВЧЕВ
**«ПИКНИК»
НЕ НА ОБОЧИНЕ**

154 АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА
САРЬЯН

202 ЮРИЙ БУРАНОВ,
ВЛАДИМИР ХРУСТАЛЕВ
МИХАИЛ
ПОСЛЕДНИЙ

На 1-й обложке:
ФОТОЭТЮД МИХАИЛА ШЕБАПИНА.

На 2-й обложке:
ФОТОЭТЮД МИХАИЛА РАЗУМОВСКОГО.

А Н О Ю Н Ь С

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ И вновь — встреча
БРОСОК КОБРЫ с полковником МУРа
Львом Ивановичем

Гуровым. Новые времена, новые структуры и... новые преступления — заказные убийства. На этот раз Гуров расследует дело подпольного синдиката «Бюро добрых услуг», как его называют в МУРе, руководители которого берутся не только получать долги с обанкротившихся фирм, но и решать политические споры...

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ Встреча Ференца Листа
«ДУША ИЗНЫВАЕТ с графиней Марией д'Агу
ПО АБСОЛЮТНОМУ...» стала для них роковой.
«Я ужасно опечален. Я

постоянно мысленно пересчитываю одно за другим все страдания, которые причинил вашему сердцу. Больше не хочу с вами ни разговаривать, ни видеть вас, еще меньше писать вам».

ПИВО

4

Кто-то привык делить людей по национальности, вероисповеданию или классам, кто-то — по скопленному богатству, для меня же, снажу честно, важно, как эти самые люди относятся к пиву — любят или не любят его.

Последних, кажется, меньшинство, и они могут пролистнуть этот материал, не читая. Он — для посвященных. Какими были, каждый в свое время, Иван Бунин и Карл Маркс, Иммануил Кант и Николай Лобачевский, Томас Манн и Эдуард Мане, Роберт Бернс и Рубенс...

За пивом, за пивом!

Лично я в пиво «въехал» в самое неудачное для этого время — в начале девяностых. Встретить в магазине «Жигулевское», пусть даже к прилавку очередь человек в тридцать, считалось удачей. «Яч-

менный колос» — почти праздник. «Московское» — вообще фантастика. Поэтому приходилось отстаивать длиннющие хвосты к ларьям, торговавшим безбожно разбавленным и, по некоторым утверждениям, приправленным стиральным порошком пойлом.

Вспоминать страшно! Но нигде не денешься — было, и совсем недавно. Нынче все изменилось. Не только в столице, но в любом российском городе пиво купить не проблема. И дело тут не только в том, что нашу страну накрыла пенная волна зарубежных «холстенов» и «хайниненов», но и в модернизации отечественного пивного производства, о чем речь впереди...

В Москве пиво можно встретить буквально на каждом углу в любое время дня и ночи. Что хорошо — и наше российское в том числе. Его, кстати, и предпочитаю покупать. Дешевле, а главное — вкуснее, хотя на вкус и цвет, сами

-ЭТО ДИВО

АЛЕКСАНДР ПЬЯНКОВ

знаете... И выбор, пусть не самый богатый, всегда есть. Тут тебе и тверское, и питерское, и московское, и казанское. Да по несколько сортов каждого. Пей — не хочу.

Как же получилось, что при всеобщем спаде промышленного производства наша пивная отрасль не только не разрушилась, но и вышла за несколько лет на качественно иной уровень? За ответом на этот вопрос я отправился в «мозговой центр» пивоваренного производства всей Руси — ассоциацию «Пивоиндустрия».

— Четыре года назад, когда пивная отрасль пошла вразнос и каждое предприятие «танцевало» само по себе, — рассказывает генеральный директор ассоциации Владимир Дмитриевич Шишин, — мы решили создать единую профессиональную организацию, представляющую всех пивоваров России. В ассоциацию вошли 85 из 180 существующих в стране пивза-

водов... Но надо сказать, что мы изначально защищаем интересы всех — независимо от того, входит предприятие в ассоциацию или нет. «Мы» — это бывшие сотрудники Управления пивоваренной промышленности и объединения Роспивопром, профессионалы, отдавшие годы совершенствованию пивного производства... В первую очередь взялись за акцизы. Они еще недавно были непомерными — сначала 25 процентов, потом и вовсе 40. Как тут развиваться производству? Эти дикие налоги взвинчивали цену пива. Спрос резко упал. И если в 1991 году в стране было выпущено 331 миллион декалитров, то в 95-ом — всего 177 миллионов.

— Постойте, но ведь как раз сейчас пива на прилавках достаточно, не то что пять лет назад, когда его днем с огнем было не сыскать.

— Прилавки полны не оттого, что мы стали больше производить, а потому, что многим россиянам пиво,

увы, не по карману. Бутылка самого дешевого — около трех тысяч рублей. Самый большой любитель, если он месяцами не получает зарплату, почешет затылок. Да вот статистика: в 1985 году среднестатистический россиянин выпивал 24 литра в год, сейчас — 11-12. К тому же есть и такие, которые предпочитают пиво импортное, причем часто даже не из-за вкуса, а из соображений якобы престижности...

Другое дело, — продолжал Владимир Дмитриевич, — что качество отечественного пива сильно за эти годы изменилось. Мы многое делали для его конкурентоспособности. Снажем, петербургская «Балтика», тверской «Афанасий», московское «Столичное» очановского завода, да и многие другие марки ничуть не уступают зарубежным сортам ни по вкусу, ни по оформлению. К тому же наше пиво натуральное — там нет ни консервантов, ни так называемых стабилизаторов, влияющих на сроки хранения. Можем похвалиться и тем, что ни одно пивоваренное предприятие России не было остановлено или закрыто: наоборот, появились новые. Например, питерский завод «Балтика», созданный с участием иностранных фирм — сейчас там производится семь сортов, причем все по чисто русской рецептуре.

В 1991-м этот завод выпускал 2741 тысячу декалитров, в прошлом варил уже 11334 тысячи. В феврале нынешнего года правительство наконец снизило анцизную ставку для российских пивоваров до 15 процентов: теперь производство, без сомнения, будет расширяться — отдавать отечественного пивка станет доступно всякому жаждущему...

Истинно народное

Но откуда вообще он взялся, этот напиток, ради которого люди готовы не то что в очереди стоять,

но даже создавать политические партии?

Вряд ли когда-нибудь станет известно, кто первым догадался смешать проросшие зерна ячменя с водой, осчастливив тем самым человечество на многие тысячелетия. Может, у изобретателя это вообще нечаянно получилось?

Так или иначе, родитель пива неизвестен. Зато мы знаем его многочисленных «опенунов».

Дошедшие до нас документы свидетельствуют: еще девять тысяч лет назад древние шумеры наслаждались напитком, схожим с нынешним пивом. Знали его и в Вавилоне, и в Ассирии, и уж, конечно, в Египте, где якобы сам бог Осирис научил людей сеять ячмень, сажать виноградники и делать пиво и вино. Сама Нефертити была его прилежной ученицей и слыла первоклассным специалистом по приготовлению божественного хмельного варева. Чуть позже в число любителей пива вошли греки, римляне, а затем и другие народы, населявшие в те далекие времена Европу.

На Руси, судя по всему, пиво прижилось приблизительно в XI веке. Хотя славяне знали о нем и раньше — первое упоминание относится к середине пятого века. При раскопках в Новгороде Великом были во множестве найдены бочки для приготовления напитка из ячменя, и обнаруживали их во дворах не только богатеев, но и простого люда. Стало быть, уже тогда пиво явилось истинно народным питьем...

Из пива возгорится пламя!

Именно принцип народности и стал основой создания в нашей стране три года назад, пожалуй, самой экстравагантной политичес-

ной организации — партии любителей пива, сокращенно ПЛП.

Знаю о ней не понаслышке — сам состоял «в рядах» (с моей-то фамилией просто Бог велел) и даже был «министром теневого кабинета». На тусовках, которые еще недавно без устали собирала партия, я увидел и осознал, сколь безгранична любовь россиян к янтарному напитку.

Кто только в партию не вступал — музыканты и антеры, поэты и писатели, студенты, журналисты и даже бомжи. Единение было полным!

Но студентов всегда оказывалось большинство — какой же Гаудамус без Гамбринуса?

Приедешь на очередную сходку после трудового или учебного дня, весь уставший, весь в проблемах, глотнешь холодненького — и снова в форме. Круто и весело. Вокруг сплошные братки, гимн партийный в воздухе витает: «Если вместе пиво пить — значит мирно жить».

И если бы не большая политика, которая даже самого яркого человека превращает в унылого зануду и от которой мутит поколение, выбирающее пиво, расти бы нашей партии и веселиться по-прежнему. Но, видно, все хорошее и вправду быстро проходит. Не набрав нужного числа голосов на прошлогодних парламентских выборах, ПЛП стала тихо сходить на нет.

Господи, да зачем любителям пива сидеть в Думе? Нам ведь и без того было хорошо.

«Путем брожения, но без перегонки...»

А что это вообще такое — пиво? Любое — «Ячменный колос» или, скажем, «Туборг»? Определе-

ний масса. Самое понятное из них дано прантическими немцами: пивом считается напиток, изготовленный из воды, ячменя, хмеля и дрожжей. В Германии оно, кстати, идет не по разряду алкоголя, а в категории продуктов питания. Если же говорить научнообразно, как в большинстве отечественных рецептов, то «...пиво — это слабоалкогольный пенящийся напиток, получаемый путем брожения, но без перегонки из крахмалистых веществ, проросших зерен (солода) различных злаков с добавлением воды, дрожжей, а также хмеля и ароматических добавок».

— Если хотите посмотреть, как сегодня варят пиво, поезжайте на завод в Очаково, — посоветовал Владимир Шишин.

И я поехал.

...От платформы подмосковной элентрички пришлось долго идти вдоль белого забора, которым окружен Очаковский пивкомбинат. Как потом выяснилось, забор не случайно такой длинный: очаковское производство — самое крупное в бывшем СССР.

Комбинат был пущен в 1978 году, и уже за первый десяток лет москвичи успели привыкнуть к его продукции, выпускавшейся раньше по принципу — кроме «Жигулевского» никаких чудес. Зато много. Сейчас вместо «Жигулей», которые и пивом-то можно назвать с большой натяжкой, скорее это «пивной напиток» (по аналогии с кофейным), АО «Моспивокомбинат» варит сорта чудесные: «Очаковское специальное», «Очаковское светлое», «Очаковское темное», «Столичное». Последнее разливают теперь в двухлитровые пластиковые бутылки и даже (впервые в России!) в жестяные банки по типу импортных.

Треть всего производимого в столице пива выпускается именно в Очаково...

— Есть такая поговорка: «Чтобы сделать хорошее пиво, нужны всего три вещи: солод, холод и совесть», — пошутил генеральный директор пивкомбината Алексей Андреевич Кочетов. — Я бы к этому добавил еще одно условие — стерильность производства. К сожалению, практически на всех российских заводах, в том числе и на нашем, эти требования можно соблюсти не всегда... Наверное, каждый замечал, что пиво одной марки дане с одного предприятия может быть и очень хорошим, и вполне заурядным — то пена не поднимется, то вкус не тот. А ведь для пива качественного главный показатель — стабильность. Возьмите, к примеру, датский «Гессер». И сегодня, и через пять лет вас порадует одинаково хороший состав и вкус. Для нас — это пока проблема. Поэтому закупаем новое оборудование, работаем над технологиями. Старемся доказать прежде всего себе, что можем работать не хуже, а то и лучше западных предприятий. Мы, например, не добавляем в пиво консервантов — просто пастеризуем его. Хотя при абсолютной стерильности и этого бы не пришлось делать: все равно пиво хранилось бы и по три месяца, и по полгода...

Не знаю уж, что имел в виду генеральный, говоря о стерильности, но цеха, по которым я прошелся — от огромных чанов, где варится народный напиток, до линии розлива — сияли чистотой. Как и само оборудование. Священный акт приготовления пива полностью скрыт от глаз людских и «окружающей среды», ни пылинки, ни ворсинки, ненется, не проскочит. Может, чего изнутри оседает...

Производство пива — процесс настолько сложный, что описывать полностью его долго, да и незачем. А вкратце это выглядит так: сначала смешивают солод с водой (чем она «мягче», тем лучше получается пиво), потом оноло двух часов варят с

хмелем. Полученное сусло фильтруют и остужают, добавляют дрожжи и оставляют бродить примерно на неделю. Затем перегоняют в металлические чаны, где пиво «дображивает» при температуре 1-2 градуса. Длится это от трех недель до полугода, в зависимости от того, какого сорта пиво хотят получить. Наконец, готовый напиток фильтруют и разливают по бутылкам...

А мы его уже ждем не дождемся.

С чем его едят?

То есть, извините, пьют. По поводу закуски под пиво можно спорить до хрипоты. Тут уж точно: сколько людей — столько и мнений. Любимой русской закуской традиционно считается вобла. Почему — не знаю. Наверное, это одна из многих загадок славянской души...

Помню, два года назад мотался с коллегой из Голландии по Дальнему Востоку. Купили мы кан-то пива. Пойдем, завелся я, рыбку вяленую поищем. Голландец мой страшно удивился: а что это, мол, такое? Пытаюсь объяснить — не понимает. Когда наконец воблю разыскали, есть ее он наотрез отказался. Ну, думаю, и жуй, бестолковый, свои фисташки.

Уже потом, когда был «министром в ПЛГ», спросил генерального секретаря партии Константина Калачева об этом самом нашем пристрастии к вобле.

— Знаешь, — ответил он, — настоящий любитель пива воблу есть не станет — она перебивает вкус. Вяленая рыба — это хорошая закуска к плохому пиву. Она провоцирует жажду, и человек выпивает больше. К хорошему же пиву идет абсолютно все, что тебе лично по вкусу. Я, например, больше всего люблю вяленых кальмаров.

В столичных магазинах закуски к пиву можно найти любую. Всякие

солёные соломки, орешки, чипсы и прочие заморские штучки-дрючки. Но вот загадка — чем больше их пробуешь, тем сильнее тоскует сердце по вялым ребрышкам. Или по вареным поросёчьиим ножкам (все-таки в Эстонии вырос).

Вообще к пиву идет много чего съестного. Та же рыба, только вареная или жареная, сосиски и сардельки с тушеной напистой, подсолённые сухарики из черного хлеба, копчености, бутерброды с сыром, нильной или икрой — их лучше сделать маленькими, на один укус, сману больше.

Короче, не жалеите фантазии... Но, оказывается, и сам ячменный напиток можно с успехом использовать для приготовления весьма необычных блюд. Если вы любите экспериментировать на кухне, попробуйте сотворить себе или гостям славянскую похлебку. Для этого потребуется поллитра пива, две столовые ложки сметаны или нефира, два желтка, две (опять же — столовые) ложки тертого сыра, корочка черного хлеба, гренки из черного хлеба и одна столовая ложка сахара.

Разотрите сметану с сахаром и желтками, добавьте ложку пива и все взбейте. Вскипятите пиво с мелко нарезанной корочкой хлеба, влейте туда тонкой струйкой сметанную смесь, поставьте на медленный огонь и разогрейте, не доводя до кипения. В тарелки насыпьте тертый, чуть подсушенный сыр и гренки. Залейте супом и подавайте на стол. Если не понравится — отнесите с юмором...

Пиво пить — здоровым быть

Нынче вошли в моду всякие нетрадиционные методы лечения. Иглокалывание, экстрасенсорика,

лечение травами, заговорами, Или, к примеру, уринотерапия. Помоему, пиво пить все-таки приятнее. Тем более что оно не только жажду в знойный полдень утоляет, но и помогает избавиться от множества недугов. Об этом, кстати, знали и древние шумеры, и даже Парацельс.

А что же современные научные исследования? Есть ли с их точки зрения польза от питья ячменного напитка?

Безусловно, есть. Оказывается, содержащиеся в пиве вещества, перешедшие туда из хмеля, действуют успокаивающе и болеутоляюще, тормозят размножение бактерий. Если пить в меру, то снижается риск заболеть ишемической болезнью сердца или получить сердечный приступ. Пиво промывает почки, лечит волосы, экзему, улучшает обмен веществ. А пиво горячее — лечит простуду. В Чехии, где уж точно о пиве знают все, существует даже пивная клиника.

А у американцев, говорят, такое присловье есть: «Любишь свою жену — давай ей каждый день пива».

Посмотрите на стенки бокала

Какое пиво лучше? Кто-то любит баночное, кто-то разливное. Кто-то выбирает светлое, кто-то жить не может без темного. Одни пьют отечественное, другие предпочитают только импортное.

У каждого знатока есть свой любимый сорт, который он ни на что не променяет...

У профессионалов — свои мерки. Один из главных показателей качества пива — пена. Влейте напиток в высокий бокал. Высота пены у очень хорошего пива должна быть четыре сантиметра и дер-

жаться не менее четырех минут. Так что, сделав последний глоток, посмотрите на стенки бокала. Если там остались следы пены, поздравляю вас — вы пили настоящее пиво.

В мае этого года в Сочи прошла пятая международная выставка-ярмарка «Пиво-96». Дегустаторы из России, Белоруссии, Украины и Прибалтики должны были выбрать лучшие из 170 привезенных на выставку сортов. Оценивались не только вкус, прозрачность, стойкость пены, аромат, но и внешнее оформление — рынок диктует свои условия.

Безусловным победителем в Сочи стало разливное пиво «Нутузовское» мосновского пивзавода «Трехгорный», Золотую медаль получили: рижское «Алдара Лунсус», ульяновское «Витязь», казанское «Сабантуй», волжские «Престиж» и «Сталинградское». А еще — сваренный в Стерлитамаке «Шихан» и магнитогорский темный сорт «Рождественское».

«Очаковское» и «Тверское» удостоились медалей серебряных, а бронза досталась «Клинскому» и киевскому «Оболонь». Как видите, хорошее пиво теперь варят не только в столице.

Так что пробуйте и выбирайте. При этом помните: лучше отдать предпочтение пиву бутылочному. Но если глаза разбегаются при виде бутылок и разливного в хорошем баре, не сомневайтесь: разливное лучше.

Где же кружка?

Вроде бы кануло в Лету время, когда мужички в пивной тянули заветный глоток из поллитровых банок или обрезанных молочных панетов, что унижало и сам напиток, и достоинство пьющих. Появился выбор, и теперь не лишне

будет рассказать, как и из чего пьют пиво настоящие любители, получая при этом максимум наслаждения.

Самая удобная посуда — бокал, поллитровая кружка, стакан или кружка с крышкой. Наверху сосуд должен быть немного сужающимся. Не стоит пить из посуды металлической или пластмассовой. (Выпить-то можно, да кайф не тот...)

Оптимальная температура для пива — 6-8 градусов выше нуля. Но ни в коем случае не охлаждайте его резко в морозильнике и уж тем более не замораживайте — испортите все удовольствие, сам не раз на этом прокальвался.

Питие пива — процесс тоже довольно тонкий и имеет свои заповеди. Выпивать залпом жадными глотками сразу всю кружку — занятие не для ценителя, если только вы не путешественник в пустыне. Да так пить и не слишком приятно.

Как-то раз я поучаствовал в соревновании — кто быстрее опрокинет кружку в глоток. Первым же глотком подавился и вылил половину на свитер. Что обидно — пиво было очень хорошее, а я этого даже почувствовать не успел. Хотя кого-то, наверное, и греет титул «самого-самого».

Прочим же знатоки советуют пить пиво в три глотка. Первым выпейте половину бокала, вторым — половину оставшегося и уж третьим осушите до доньшка.

От себя добавлю — иногда очень даже приятно попить пива из горлышка небольшой бутылки, особенно на природе.

Цифры, факты и... аргументы

Олег Кокотов сейчас руководит аналитическим центром Ассоциа-

ции производителей, поставщиков и потребителей пива. Знает он о пиве буквально все, в том числе и о всевозможных пивных рекордах, и о забавных случаях, связанных с этим напитком.

Ну, например, мировой рекорд по скорости выпивания пива, рассказал Олег, поставлен в 1977 году американцем Стивеном Петро-сино, который выпил литр всего за 1,3 секунды.

В меру пьющим считается человек, выпивающий в день не более четырех стаканов пива. Восемь стаканов — уже пьющий много. А до четырнадцати стаканов в день — просто алкоголик.

Одна из крупных пивных Лондона ежегодно проводит выборы самого большого почитателя ячменного напитка. В 1991 году этот титул завоевала ровесница века, 91-летняя Харриет Брунс, она заявила, что начиная с восемнадцати лет ежедневно в обязательном порядке выпивает около литра пива.

В Германии пьют пива больше, чем в любой другой стране мира, — в среднем по 180 литров в год на брата. В Бельгии среднедушевой уровень потребления — 160 литров, в Чехии — 140, в США — 100. Замыкают этот ряд Россия и... Непал.

Самая большая пивная кружка хранится в Германии: высота два метра, год создания — 1820-й.

Самую большую в мире пивную бочку изготовили в Австралии в 1989 году. Ее высота — 211 сантиметров, а вмещает она 418 литров пива.

В Гамбурге выпускают пиво, снабженное этикетками с фотографиями красоток, с которых легко «снять» одежду, если этикетку поскрести ногтем.

В Книге рекордов Гиннеса есть такой рекорд — жители одной австралийской деревни построили башню из 56 пивных ящиков, и

она простояла аж 15 секунд. А вот в Италии поклонники пенистого напитка из пустых банок возвели копию собора Святого Антония в одну четверть натуральной величины, на что ушло 3 миллиона 45 тысяч пивных жестянок.

Ну, и так далее... А вообще-то с созданием этой новой ассоциации у всех российских любителей пива появляется надежда на возрождение все той же незабываемой атмосферы единения и дружбы, но только уже без «политической крыши» над головой.

Ведь пиво само по себе — не только и не столько пиво, сколько особый взгляд на мир, стиль жизни, способ бытия, символ добра и объединения. Это, если хотите, живой организм, способный справиться со злобой, с плохим настроением и депрессией.

Быть может, если мы, россияне, хотя бы постепенно начнем предпочитать хорошее пиво водке и самогону, глядишь, и сама наша жизнь станет проще, чище и веселей...

P.S. За время написания этого материала мною было выпито пять бутылок «Тверского светлого», две бутылки «Хамовнического», три бутылки «Балтики», двухлитровая бутылка «Столичного» (на пару с приятелем) и много бутылочек «Афанасия» новой емкостью в 0,26 литра — в Москве стояла жара, а работал над этими заметками я не один день.

Благодаря пиву взбодрился теплом и духом, чего и вам желаю...

*Защищая свою крутизну,
не печальтесь, что губы разбиты.
Ни погонщику и ни слону,
как слоны, не прощайте обиды.*

*Шрам притерпится, боль отболит.
Как бы ни были поводы жестки,
никому не прощайте обид.
Защищайте свои перекрестки.*

*Есть особый изгиб у спины,
принимающий вызов обрыва.
И особая власть у разрыва,
не прощайте обид, как слоны.*

*Без любви: ни щепы, ни следа.
Ни чужим, ни своим и ни званым.
Ни тоски, ни слонят, ни саванны.
Как слоны: никому, никогда.*

СЛОВНО ВЕЧНЫМИ ЛЬДАМИ ЗАТЕРТЫЙ

*Не легенда, не миф, не музей,
но из плоти и крови — реальный.
На доске моей мемориальной
я живу среди погибших друзей.
Никому не желаю быть мной.
Просьшаться живым среди мертвых,
словно вечными льдами затертый
по небрежной ошибке штабной.
Свет обрывается, и день ото дня
неземные границы смещая,
я физически ощущаю,
что все меньше и меньше меня.
А они все живей и живей,*

и с годами их больше и больше.
Страшно, берег терзая, — не бойся.
Ржа, от сырости лет — не ржавеи.
И порою мне не по плечу,
но без этой судьбы не могу я.
Выбирал бы — не выбрал другую.
Рад, не рад, но иной не хочу.

Прошу у судьбы не денег,
а в горестный час — совета.
У ночи прошу я тени.
У полдня прошу я света.

Прошу у судьбы не хлеба.
Мне хватит в меже двух зерен.
Двух звезд — на любое небо.
Просвета прошу, зазора.

Прошу у судьбы не славы,
так хлопотно жить под током.
Хочу я уйти не слабым,
а сам, по своим же срокам.

Но пусть за моим порогом
случится мне эта битва.
Молитва — не сделка с Богом,
если это молитва.

Когда настанет зноя пора
развязать осужденья и участья.
И осветитель мой, после причастья,
погасит надо мной юпитера.
И, отойдя в безмолвный мир теней,
ничей я распорядок не нарушу.
Ничью с собой не унесу я душу,
не знавший на земле, что делать с ней.
Без сожаленья знаю наперед,
как неизменен мир под облаками:
ось не прогнетса, не смягчитса камень,
звук не растает, коршун не замрет.
Но, миг продлив, останутся стихи.
Они, как травы, сквозь асфальт пробьются.
Товарищи помзнут и напьются.
А женщины простят мои грехи.

И нагрзнут вдруг холода
в середине зеленого лета.
Никому не понравилось это.

В. Аксенову

Но никто не ушел никуда.
И никто ничего не сказал
ни на площади, ни по секрету.
В середине зеленого лета
был безмолвным притихший вокзал,
был безлюдным пустынный причал.
Дверью хлопнуло в доме поэта.
Но никто никого не встречал
в середине зеленого лета.
Ох, уж эти мне зимние сны!
Так и хочется выкрикнуть: «Полно!»
Все мне грезятся хвойные полдни
подобревшей от солнца весны.
Все мне чудится: за поворотом,
на исходе осеннего дня,
будто кто-то окликнет кого-то...
И уже не моя в том забота,
что пойдут они вдаль без меня.

СТИХИ

Не опуская головы,
полны страстей и наважденья,
стихи, как женщины, увы,
уходят без предупрежденья.
И незачем мараить листы,
во сне губами шлепать сонно.
Как зона вечной мерзлоты,
стихами брошенная зона.
Остыл пустынный мой престол.
Плывет луна в дверном проломе.
И прямо с облака, на стол,
ложится снег в сгоревшем доме.

ПРОРУБЬ

И вырубил прорубь,
а лед толщиной в три пальца.
Ты тоже попробуй.
Достойней пырнуть, чем трепаться.
И сразу: все ясно.
И по снегу ножки босые.
И будешь ты красным,
а может быть, белым и синим.
Смеялись: припайщик.
Объелся он, брат, беленою.
Я страннный купальщик.
Объелся я только войною.
Мне ночью не спится.
Я желтыми взрывами маюсь.
И чтобы не спиться,
я с горя зимою купаюсь.

ПЕРВЫЙ ВЗВОД

Цари, чего уж, что ни говори,
все кровью перемазаны цари.
Сердчишко у владык не замирало.
Малюта, при Ивановом дворе,
иль Ромодановский —
князь-кесарь при Петре,
рубил много, а страдал мало.
Страдали, да слеза была грязна.
И не в убытке от слезы казна.
От стога и от боли не в убытке.
Когда редеет гордый строй мужчин,
царям не прибавляется морищи.
У них иной расклад, иные пытки.
Все прикрывает царская пола:
хмель топоров, побед колюкола,
мольбу пророка, клевету клеветата.
И, чтоб не различали тень и свет,
придворный возвышается поэт
опальной головой поэта.
... С годами, выбирая круг друзей,
стыжусь бояр и сторонюсь князей.
Мне по нутру особое сословье,
как те, что шли, не потирая лбы,
прощаясь, не дослушав зов трубы,
за все своей расплачиваясь кровью.
О, золотая «чернь» —
мой первый взвод, —
все на тебе: и бой, и недород.
К твоим стопам все чаще припадаю.
И что бы ни корежило меня,
мое спасенье ты, моя броня.
И, пропадаю, я не пропадаю.

Поклон всему — так я хочу проститься.
Благословение — вот мой поклон.
А все не знаю: пить или поститься.
Куда ни гляну — барс из всех окон.
Рожденный в одиночестве пристрастным,
преследуя опасность, день за днем,
собой он заполняет все пространство,
чтоб так же просто раствориться в нем.
И мне — туда, где за горами горы
стоят, небесный подпирают свод.
Где барсы морды задирают гордо,
не знавшие с рожденья несвобод.
Там, в тишине, уже полунебесной,
на скошенной веками крутизне,
мне может померещиться над бездной:
не я к нему, а Бог идет ко мне.

ВЫСШАЯ МЕРА

КОММЕНТАРИЙ К ПРОБЛЕМЕ

... **Н**ынешняя молодежь на каждом углу может обменять рубли на иностранную валюту. И ей, вероятнее всего, не ведомо, что еще недавно за это санжали в тюрьму и даже расстреливали.

При Хрущеве, например, за «валютные махинации» были арестованы некие Рокотов, Файбищенко и Яковлев. По действующему, на день их ареста, Уголовному кодексу им дали максимальный срок — по восемь лет.

И надо же так случиться: именно в это время в Западном Берлине Никита Сергеевич упрекнул немцев, дескать, они и их западные соседи превратили город в гнездо спекуляции и черную валютную биржу. Немцы согласились, но заметили: самая большая валютная биржа все же находится в Москве.

Уязвленный Хрущев, вернувшись, потребовал ответа: как так? Почему не знаю? «Компетентные органы» тут же доложили: работаем, троих уже замели, дали по 8 лет. По 8 лет?! — удивился Хрущев — в бараний рог, в порошок, расстрелять!

Юристы тут же пересмотрели уголовный кодекс; срок по этой статье увеличили до 15 лет и дали троице бедолагам «на полную катушку».

Но, узнав, что его приказ посмели «скорректировать», Хрущев пришел в ярость: приказал председателю Мосгорсуда выгнать с работы, а на ближайшем Пленуме ЦК КПСС

напомнил законникам, что они живут не на Западе, а в России...

— Руденко здесь? — спрашивает Хрущев.

— Здесь, — рапортует Генеральный прокурор СССР.

— Не думайте, что ваша должность понижена... А Горнин здесь?

— Здесь, — отзывается Председатель Верховного суда СССР.

— Ну вас-то мы давно знаем, как законченного либерала. (Слово «либерал» в партийном новоязе КПСС было одним из самых оскорбительно-угрожающих и использовалось с устойчивым прилагательным «гнилой».) Далее Никита Сергеевич сообщил Пленуму, что думает об этих «выродах-фарцовщинах» рабочий класс, а через несколько дней уже с другой трибуны продолжил: «Вы читали, какую банду изловили в Москве? И за все ее главарям дали по 15 лет! Да за такие приговоры самих судей судить надо!»

Понятно дело, всех троих расстреляли. В России закон о смертной казни, как и некоторые другие законы, — гармонь, которую власть то растягивает, то снимает, подводя под эту статью те преступления, что нажуются ей особенно опасными сегодня...

После падения монархии у нас смертную казнь отменяли трижды: в октябре семнадцатого, в январе двадцатого, в мае сорон седьмого. (Даже четырежды: в марте семнад-

цатого Временное правительство отменило ее, в июне восстановило, а уж большевики в октябре отменили ее снова...)

Никаного особого смысла в этих решениях не было: власть просто «шаманствовала» и, как только литавры смолкали и надо было заниматься делом, смертная казнь восстанавливалась. Делалось это всегда молчком, «по просьбе трудящихся». (Замечу в скобках: редчайшие случаи, когда такая часто применяемая формулировка не носила издевательского характера. Народ действительно всегда считал и считает, что и сейчас, и в будущем смертная казнь в России должна существовать — сомневайтесь, опросите десятков знакомых и родственников...)

Недавно, в 1995 году, убили журналиста Листьева. Дело громкое... Тут же на трибуну в Думе вышел некто Миронов — заместитель председателя думского комитета по безопасности — и предложил «на три года ввести в России безальтернативную смертную казнь за убийство журналиста».

Почему именно журналиста, а, например, не судьи? Убийство судьи — еще более наглый и опасный вызов обществу, а ведь убивают и судей...

В России решение вопроса о смертной казни всегда зависит от конъюнктуры и никогда — от здравого смысла.

Ну, а как относились к смертной казни наши предки? Карать преступника смертью было привычно, хотя термина «смертная казнь», в нашем понимании, древняя Русь не знала и вносить его в судебные документы нужды не имела.

При рассмотрении дела в суде любая из тянущихся сторон, если дело казалось ей достаточно важным, в поисках наиболее справедливого решения могла требовать (и часто требовала) так называемого «суда Божия», или, иначе говоря, — «поля».

«Дай нам, господине, правду божию; целовав крест, да лезем на поле битися», — говорили наши предки судье и переходили от канущихся неубедительными судебными дознательствами и прочего юридического крючкотворства к решению спора с помощью силы и оружия. (Обычай крестьян для решения, например, земельных тяжб сходиться на меже с дренольем, а то и косами, еще наши деды застали...)

Были и другие виды «божьего суда», что могли окончиться смертельным исходом: например, «испытание железом или водой». Но они применялись реже. Испытание водой — чаще всего по делам о колдовстве: «утонул — оправдан, выплыл — виноват». (Это вовсе не остроумно, а буквальный изложение смысла «испытания водой»). Видно, юридические шутки на Руси не с

нас начались и не с нами закончатся...]

Значит, хоть и малую, но все же надежду на справедливость жертва имела. Впрочем, если имела силу или деньги ее добиться. Во всяком случае, закон за такие «казни» не преследовал и позволял «исполнителю» их жить среди соплеменников, не таясь. А если у жертвы ни сил, ни денег не было? Тогда ее в древней Руси ждала та же участь, что ждет жертвы без силы и денег и сегодня: терпеть.

В суде нас и до сего дня так и называют — потерпевшие...

По всем же остальным убийствам, когда не только мстить, но и жалеть и помнить было некому, древняя Русь знала только одну кару — денежный штраф, «виру». Причем соображения доходности для власти перевешивали все остальные — моральные, человеческие и прочие. Нянчий суд неумолим. Не нашли убийцу? Пусть платит та община, на земле которой подняли труп. Убийцу нашли, но он нищий? Пусть за него платит вся община. Не можете заплатить сразу? Платите частями, пока не выплатите. Он заведомый разбойник, за него платить община считает несправедливым? И такой вариант предусмотрен: «...за такого разбойника общество не платит виры, но выдает его князю со всем: с женой и с детьми, и с имуществом, для продажи в рабство на чужую сторону». (Здесь вам не налоговая инспекция перестроечной России — деньги давай!..)

Но уже в 996 году, через восемь лет после крещения Руси, греческое духовенство требует у князя Владимира замены виры, то есть денежного штрафа за убийство, смертным наказанием по византийскому праву. «Се реша епископи Володимиру: се умножашися разбойници, почто не казнишь их?» Владимир ввести смертную казнь отказался, сохранил виру — справедливость и здравый

смысл очень важны, да деньги еще важнее: надо закупать оружие и коней...

Перенесемся теперь в 1015 год. Один из двенадцати сыновей Владимира, Ярослав Мудрый, княжил сначала в Новгороде, потом в Киеве. В Новгороде в его личную дружину входил наемный отряд варягов.

Вели они себя так, как ведет себя пришлое воинство всюду и во все времена. «Крещение варяги не имее», — замечает летописец. «Креста на них нету», — сказали бы мы сегодня.

Когда терпение новгородцев лопнуло, они темной августовской ночью напали на варягов и многих из них убили. Нападение на дружину князя — это не шутки, утром Ярослав велел зачинщиков схватить и казнить. Казнь произвела на новгородцев, вероятно, сильное впечатление. Не смертью нескольких десятков человек — такое новгородцам, как и всем россиянам было не в диковину — а именно фактом казни, а не взиманием виры за убийство.

Во всяком случае, именно в связи с этим событием Ярослав написал устав «Русская правда» — едва ли не первый дошедший до нас писанный судебный устав Руси. И уставом этим сказал русичам: августовские казни — случайность, вспышка; за убийство россиянами друг друга казней не будет.

Первый пункт устава упорядочивает приведение в исполнение кровной мести за убийство: во-первых, власть признает законность мести за убийство не всякого человека, а только в случае, «если свободный человек убьет свободного...», а во-вторых, мстить могут только близкие кровные родичи — отец или сын, брат родной или двоюродные и племянник. Если любое из этих условий отсутствует — например, мстить некому, — то и за эти убийства платится вира. В уставе дается подро-

ный преискурант: от 5 гривен за убийство простолюдина до 80 гривен за убийство высшего должностного лица.

(Убивать, конечно, боже сохрани, нельзя, но если очень хочется, то можно. Почти как сегодня...) Году в шестидесятом мой товарищ утром, опаздывая на работу, перебежал широкий Кутузовский проспект — правительственную трассу. Точно на осевой к нему подлетел милиционер на мотоцикле и, отругав его за переход в непопозволенном месте, протянул ему штрафной талон на пятьдесят копеек. Торопливо уплатив штраф, приятель спрашивает: могу я перебежать дальше? Широко обведя рукой весь проспект, милиционер говорит: «За полтинник — в любом месте».

Не скудеет Русь мудрыми людьми... Чтобы подчеркнуть неизменность главного интереса князей, можно отметить, что лет через 10 после смерти Ярослава «собрались сыновья его — Изяслав, Святослав и Всеволод с советниками своими... и отменили смертную месть за убийство, а установили выкуп деньгами, во всем же прочем, как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его». Как в анекдоте: возмущенный судья, напирая на мораль, вопрошает убийцу — как же ты мог за рубль старуху убить? На что убийца прямо по «Русской правде» отвечает: ну и что же, что рубль... А 10 старушек — это уже 10 рублей.

Возникшая через четыре века Русь Московская смертную казнь имела с самого рождения. И где-то в длинном ряду причин гибели Руси Киевской и выживания Руси Московской занимает свое скромное, но твердое место и вот эта причина: подход к смертной казни...

В первых же писанных судебных актах возрожденной Руси сразу читаем статьи, предусматривающие высшую меру (уже в нашем понимании). И требовались эти статьи именно по

тем преступлениям, по которым решение «полю» либо по какому-то обстоятельству невозможно, либо они, преступления эти, казались людям преступлениями перед обществом.

В «Псковской правде» читаем:

«...Вора, совершившего кражу в Кромю (т.е. в Псковском кремле), а также конюграда, заговорщина и поджигателя казнить смертью». Ясно, в таком перечислении конюграждство может быть отнесено только к коням няжеской дружины, как мы назвали бы сегодня, к казенным. И в деревянном Пскове поджигатель — общий враг. Далее: «Вора, крадущего на посаде, за две первые кражи не лишать жизни, а собрав достаточные улики, наказать, смотря по вине: если же он попадается в третьей краже, уличив его, казнить смертью, подобно вору, совершившему кражу в Кромю».

Да, отдельно каждый из обворованных на «поле» не пойдет, а проклятое ворье уже и в то время людей «доставало».

По мере своего усиления церковь и государство старались уменьшить количество смертельных исходов при «поле», ввести эти суды в законные рамки. «Если тянущимся присужден будет поединок, истец, победивший ответчика, взыскивает с него, чего на нем искуп; но с убитого взыска нет, а победитель только снимает с него доспех и одежду, в которой тот вышел на поединок». Так церковь и государство вводят нормы ущерба для победителя «поля». Убил истец ответчика — тянбу выиграл, а имущество или деньги — отдай государству, то есть тому же князю. И хотя «поле» в позднейшее время все реже заканчивалось смертью, проигравший тянбу еще долго назывался в наших судебных актах старинным словом «убитый».

Спор о том, имеет ли право общество отбирать жизнь у убийцы, лишь в последние 200 лет стал пе-

реходить от моральных аргументов (в рамках которых рационального решения он и не мог иметь...) к аргументам научным.

Философ Джон Лонг в 1690 году в книге «Опыт о человеческом разуме» доказал, что врожденных идей и принципов не существует и все поведенческие программы человек приобретает из жизненного опыта. Эта теория легла в фундамент всех социалистических учений и через французских материалистов века восемнадцатого, утопических социалистов девятнадцатого дошла до социалистов-практиков века двадцатого.

Достоевский в «Преступлении и наказании» излагает теорию эту устами одного из своих героев. «Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормального социального устройства — и только, и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда ясно, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать и в один миг все будут праведными». И вот уже целый век с разных социалистических стройплощадок перекликаются вожди: какой-нибудь Владимир Виссарионович кричит Фиделю Полпотовичу: «Ну как? Записал? Нормально?». «Не, — кричит тот. — Чуть отпущу, чуть дышать начинают — сразу за свое: частная собственность, права человека...»

На «бытовом» уровне итог этой философии наиболее кратко подвела в недавнем интервью Мэяя Плисецкая: «Я думаю, вообще учение, желающее переделать человеческую природу, — какая-то фигня». А на уровне научном — этология, изучающая врожденные программы поведения, доказывает: родившийся человек вовсе не чистая доска, на которой общество может «написать» что угодно; человек становится преступником не только тогда,

когда к этому есть «социальные предпосылки» — всегда будут люди, запрограммированные на насилие и убийство, а среда и обстоятельства могут только частично способствовать или частично препятствовать реализации этих программ.

И мы уже знаем, что с ухудшением экологии, усилением техногенных факторов число таких людей растет; технические возможности «реализации программ» растут еще быстрее. И единственное средство у общества регулировать эти процессы — смертная казнь. Но...

«Нампанию» по отмене смертной казни открыла в 1902 году маленькая благополучная Норвегия. Сочетание законопослушности населения и морального авторитета такого великого гуманиста, как Хансен, вероятно, оправдывало подобный шаг. А далее, в течение всего века число стран, отменявших смертную казнь, медленно, но увеличивалось: 1906 — Эквадор, 1907 — Уругвай, 1921 — Швеция... К началу девяностых годов оноло 35 стран (20 процентов от всех) отказались от ее применения. Но вывести закономерность из этого процесса практически невозможно: слишком велико влияние приводящих факторов — конъюнктуры, моды, демагогии... Создана даже международная ассоциация противников смертной казни. Название ее кажется мне очень выразительным: «Не трогайте Каина» — заветная мечта, а в наши дни почти не скрываемое требование всех убийц.

Преступники молча, с ухмылкой одобряют это движение: давай, давай, фраера, ветер вам в спину... Гораздо ярче видна закономерность в противоположном процессе — восстановлении казни в тех странах, которые ее прежде отменяли. СССР неоднократно, США — восстановили в 1976 году; всего девять лет продержался без казни Таиланд... Многие в последнее время начали

вводить ее как единственный эффективный способ борьбы с терроризмом: тут речами о гуманизме не обойтись!

И вот тысячу лет спустя после князя Владимира, в юбилейный, так сказать, год, по каким же соображениям должны мы в России снова отказаться от смертной казни?

Сильную поддержку наши противники смертной казни получили со вступлением России в Совет Европы. Ведь один из «вступительных взносов» состоит в том, что исполнение уже вынесенных смертных приговоров должно приостановить сразу, а самое позднее через три года и вовсе отменить смертную казнь.

Ну три года нам на отмену смертной казни — это, я думаю, европейцы опять к нам свой аршин прикладывают.

17 декабря 1995 года Дума избрана, 25 января 1996 года Ассамблея нас в Совет Европы приняла, а 8 февраля ИТАР-ТАСС сообщил: «В Госдуме подготовлен законопроект об отмене смертной казни. Его необходимость вызвана тем, что принятие такого закона является одним из условий членства России в Совете Европы». Характерна формулировка: ну, видите же, чудачи, мы и сами понимаем — нельзя, но Совет Европы вынуждает.

Если знать, какой Уголовный кодекс принят Думой (его не зря называют «самым уголовным кодексом в мире»), на каких далеких подступах отбиваются все дозарезу нужные поправки к нему, без которых правоохранительные органы как без рук (защита свидетеля, ответственность за отказ или изменение показаний и т.д.) — подготовна такого законопроекта даже раньше, чем парламентарии вернулись с Ассамблеи, еще раз показывается, какой мощной дирижерской рукой правится этот бал... А европейцы со своим аршином небось все гадают: имеет ли

преступность свое лобби в Думе или не имеет...

Тридцать восемь стран, входящие в Совет Европы, смертную казнь не отменяют, считая это своим внутренним делом. И для нас разумнее объяснить Европе, что мы сейчас отменить ее не можем. Боюсь только, что Дума уже запрограммирована на «отмену»...

А на сегодня, я думаю, вопрос «быть или не быть смертной казни» имеет для России все-таки справедливое решение: пусть каждый противник смертной казни напишет на последней страничке своего паспорта всего одну фразу: «Я противник смертной казни. Прошу моего убийцу не казнить». И если, Боже избави, его убьют, а убийцу поймают, суд удовлетворит эту просьбу...

Российским гражданам соображения, по которым европейцы отменяют в своих странах смертную казнь, известны мало. Но они вообще-то не много потеряли... Соображения эти очень похожи на соображения и наших борцов за отмену казни.

Нужно помнить, что, как свидетельствует история, глупости в Европе — увы — делаются почти так же легко и просто, как и у нас. Из последних могу упомянуть, например, закон, принятый в Италии в 1993 году, по которому большие СПИДом не могут быть посажены в тюрьму, а около трех тысяч уже сидящих больных по этому закону были из тюрем выпущены. Таной вот «гуманизм». Тут, я думаю, и нашей Думе впору остановиться и примолкнуть, как малолетнему шалуну при виде великовозрастного хулигана.

Наиболее активный борец за отмену «высшей меры» в России сегодня — председатель комиссии по помилованию при Президенте писатель Анатолий Приставкин. Из многочисленных интервью с ним мы узнаем: если число честных, законопослушных граждан, погибших от рук

убийц, увеличилось в тридцать раз, а погибших милиционеров — в сто раз, и эти цифры продолжают быстро расти, то самая эффективная борьба с этим — отменить смертную казнь... При этом он ссылается на европейский опыт.

Впрочем, отменяя смертную казнь, европейцы всегда имеют в виду замену ее пожизненным заключением. А Приставкин печалится: «...Пожизненное заключение, не так давно появившееся в нашем кодексе, оказалось пострашней смертной казни. Они там криком кричат... Я считаю, что заключение должно быть пожизненным, но со сроком».

«Заключение пожизненное, но со сроком». Умри, Иванецкий, лучше не снажешь!.. Но мы напрасно стали бы только улыбаться: мол, гляди, наши-то, опять ихнюю блоху на все четыре ноги подковали... Бандиты стареют, дряхлеют; держать их в тюрьмах со временем становится совсем хлопотно. Что делать? Лет 15 назад наше правительство приняло такое решение: переселять в дома престарелых. Это туда, где доживают вен наши старики и инвалиды — с протезами, костылями, хворями и горем. Куда они могут попасть только после мучительно долгого оформления бесконечных бумаг, а многие и совсем попасть не могут — мест нет. А бандитов доставляют на казенном транспорте без всяких хлопот. И они сразу начинают издеваться, куражиться над беспомощными людьми. По телевизору нам нанто показали и бессильно плачущего старика с орденами, и дрожащих от страха женщин. Показали и бандита. Помню последнюю фразу его интервью: «Начальник? А я его посылаю на ... а сам не ругаюсь».

Мат телевидение стыдливо обеззвучило... «Заключение пожизненное, но со сроком»? Вполне возможно. С зачетами да амнистиями — лет этак через 6-7 встречайте, земляки, своих убийц.

Какие социальные функции выполняет казнь?

Первая: обезопасить общество от повторных преступлений одного и того же преступника. Вторая: урок всем потенциальным преступникам. Можно мысль эту бросить энергично, коротко, как Петр I: «Людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы тем удобнее оторвать охоту к воровству людей, ибо сия сарынь, кроме нестоции, не может унята быть». (Помните: «сарынь — на кичну»? Выразительное слово «сарынь», зря мы его потеряли. Аналога ему нет. Босяки, чернь, люмпен — не то...) А можно романтично, не без поэзии, как Василий Андреевич Жуковский: «Смертная казнь, как угрожающая вдали своим мечом Немезида, как страх возможной гибели, как привидение, преследующее преступника, унасная своим невидимым присутствием, и мысль о ней, конечно, воздерживает многих от злодейства». Но не знаю, как во времена Жуковского, а сегодняшнего убийцу привидением и Немезидой не проймешь. Да и Немезида сегодняшняя — уже давно и не богиня, и не девица.

И мы, и преступники это видим... Поэтому вот еще одна из функций смертной казни: возможность для правительства показать народу, обществу, что в противостоянии с преступностью оно с ним, с народом и обществом, а не с преступностью. Знаюки «загадочной русской души» и России часто цитируют изречение Достоевского — «красота спасет мир». Я думаю, мир спасет — или не успеет спасти — только разум. Какой должна стать Россия, чтобы о ней можно было сказать «разумная»?

Непременное условие: способность отличать «милость к падшим» от потворства убийцам и насильникам.

Я категорически против насилия по отношению к законопослушному

гражданину. Но «гуманизм», отвергающий насилие по отношению к насильнику и смертную казнь по отношению к убийце, — неразумен, негуманен и оскорбителен по отношению к жертве и обществу и должен быть отвергнут.

А комиссия по помилованию при Президенте России должна быть немедленно упразднена: ее деятельность сегодня только приближает взрыв того осадка, который накапливается на дне душ россиян...

Ну а как мы, россияне, издавна относимся к преступникам — ненавидим, боимся, завидуем, восхищаемся? Всего понемногу, но главное — сочувствуем... Лев Гумилев, описывая стереотипы поведения представителей разных этносов, говорит: «Представьте себе такой случай. Вот у нас, в Ленинграде, идет трамвай. В нем умеренное количество людей, не очень давят друг друга. И там сидят совершенно одинаковые научные сотрудники: русский, татарин, кавказец и прибалт или немец. Они сидят тихо, читают газеты или смотрят в окно. Ничего не происходит. И мы определить, кто из них кто, никак не можем. И вдруг в трамвай вваливается буйный пьяный, который начинает к людям приставать, произносит санраментальные фразы в присутствии дам, кого-то толкает, ведет себя совершенно по-хамски. Как они среагируют? Я знаю, и все знают, что русский ему скажет: «Нирюха, ведь тебя же сейчас заметут. Давай смывайся на остановке, в другом трамвае поедешь».

Он же, Гумилев, отметил одну из важных особенностей «русской души» — даже самого мерзкого преступника, убийцу считать все-таки не столько преступником, сколько несчастным человеком, заслуживающим жалости и сострадания.

В наших народных песнях всегда слышится сочувствие к бродяге, бежавшему с Сахалина звери-

ной узкою тропой, разделяется радость беглеца, которого горная стража не поймала. Стеньга Разин, какой-нибудь Нудеяр-атаман — тут уж чуть ли не гордость звучит: «Из людей лишь один на утесе том был, лишь один до вершины добрался. И утес человека того не забыл». Нынче телевидение показывает последнее достижение: «Братки, не стреляйте друг в друга». Автор, представляя этот клип, рассказывает, в каком божественном озарении удалось ему создать «шедевр», и как культурно проходили бы бандитские разборки, если бы братки прониклись его чувствами и стреляли бы лишь в ментов и фраеров...

А те, кого ограбили, изнасиловали, убили («герои» нашего эпоса и искусства, — всего лишь фон, материал.

Советская власть всегда считала бандита, уголовника «социально близким элементом». В 1938 году, в разгар истребления «врагов народа» в лагерях ГУЛага, воры, блатари были объявлены «друзьями народа». Проводились даже «политзанятия», на которых «работники культуры» разьясняли блатарям, что власть рассчитывает на их помощь при уничтожении «врагов народа»...

Какой-нибудь садист со многими преступлениями, выходя в очередной раз на свободу, с ухмылкой читает на воротах тюрьмы: «На свободу с чистой совестью». И хотя слово «совесть» он употребляет только в поговорке «где была совесть — там х... вырос», ухмылка его вполне уместна.

«Главная фигура судебного процесса — преступник». Этой фразой начинаются наши юридические учебники. Я мечтаю, что когда-нибудь она изменится на иную: «Главная фигура судебного процесса — жертва, честный законопослушный гражданин». Но боюсь, что такие учебники будут изданы в России не скоро...

наталья вдовина:

"Театр спасает меня"

Два года назад Наталья Вдовина дебютировала в московском театре «Сатирикон», сыграв роль Стеллы в нашумевшем спектакле Петра Фоменко «Великолепный рогоносец». И сразу же получила одну из самых престижных театральных наград — «Хрустальную Турандот». Удача оставалась к ней благосклонна и дальше, наделяя заметными ролями практически в каждом новом спектакле «Сатирикона», включая и знаменитую Дюльбетту. О Вдовиной за-

говорили как об одной из лучших молодых антрис Москвы — и в этом строгая критика и простые зрители весьма единодушны.

А начиналось все вполне обычно: детство в Симферополе, нормальная семья, от искусства весьма далекая, и вечная девчоночья мечта — стать артисткой. И непременно «звездой», как Любовь Орлова или Людмила Гурченко. Но у многих мечта эта с годами забывается, у Наташи — осталась. И вот в 17 лет,

окончив школу, она равнула в Москву и на удивление легко, с первой попытки, поступила в театральное училище имени Щепкина.

— *Наташа, сегодня профессия артиста несколько утратила ореол престижности. Вчерашние школьники рвутся в коммерсанты-бизнесмены, даже конкурс в театральные вузы падает. Вы об этом никогда не задумывались?*

— Нет, для меня желание стать антрисой — это склад души. Данке голова здесь ни при чем, наверное. Просто сердце так хочет, и все.

— *Ну хорошо. Первый шаг к мечте оказался весьма удачен. А дальше?*

— А дальше все четыре года учебы я слышала одну и ту же фразу: «Ты никогда не станешь антрисой». Хотя у меня были очень хорошие педагоги, правда, достаточно жесткие. Я училась на последнем курсе Михаила Царева. Спасибо Римме Гавриловне Солнцева, которая верила в меня и учила работать.

— *В наши дни каждый выпускник должен сам устраивать свою судьбу — обивать пороги театров, предлагая свои услуги...*

— Да, это так. Я тоже ходила с показами по разным театрам, и нигде не брали. Только Константин Аркадьевич Райкин, увидев меня, сказал: приходи и работай. Вот пришла, работаю.

— *Значит, «Сатирикон» возник в общем-то случайно? Это не был осознанный выбор?*

— Совершенно случайно. Мне даже педагоги говорили: куда идешь? У тебя такое серьезное драматическое образование, а там будешь только петь и танцевать. Я же тогда ни о чем не думала. Меня просто Райкин очень расположил к себе.

— *Говорят, актерская судьба — вообще цепь случайностей, и закономерностей здесь искать не стоит. Так ли?*

— Конечно, случай очень важен, но его нужно уметь использовать. А

вот как это сделать — тут уж каждый решает по-своему.

— *В вашей актерской судьбе были счастливые случаи?*

— Да, конечно. И то, что Райкин меня пригласил в театр. И то, что он порекомендовал меня одному из лучших режиссеров, Петру Фоменко, на роль Стеллы. Я ведь знала, как много актрис на нее пробовались. Но вот случай выбрал меня. Повезло. Попала в таную ситуацию, о которой молодая антриса может только мечтать.

— *Легко ли работать над первой в жизни ролью с таким известным мастером?*

— Очень легко, потому что Фоменко отталкивался от моей индивидуальности и никогда на меня не давил. Как-то бережно ко мне относился, может, потому, что это был мой дебют.

— *Наташа, награждение «Хрустальной Турандот» изменило что-нибудь в вашей жизни, в отношениях с коллегами?*

— С партнерами отношения не изменились. А вот у меня появилась уверенность в себе. До этого я еще сомневалась: могу что-то сделать или нет?

— *А вообще, как призы, награды, победы в конкурсах влияют на актера?*

— Кто-то сразу начинает ощущать себя «народным артистом», «звездой». Но это опасно — тут же последует провал в профессии, в личности. Я, наоборот, почувствовала большую ответственность — теперь каждой новой ролью нужно доказывать, что тебя наградили не зря.

— *Ваши героини — Стелла, Сестра из «Превращения» Ф. Кафки, Джульетта — такие разные. Интересно, откуда берется каждый раз новый характер?*

— Все очень непредсказуемо. Что-то вытаскиваю из себя, наблюдаю. А вообще все происходит интуитивно. Поначалу мои работы мне

всегда не нравятся. Кажется, что ничего не получилось. И должно пройти какое-то время, чтобы роль стала настоящей, живой, а не только шла на уровне обозначений.

— *Актерам часто задают вопрос: что им интереснее играть — классику или современность?*

— Интересно работать с хорошим режиссером и хорошими партнерами. А что играть, не так уж и важно. Хотя, наверное, классическая роль все-таки больше дает актеру: прекрасный язык, да и себя воспитываешь как личность.

— *В наши дни молодому актеру легко стать популярным?*

— Нет. Все зависит не столько от самого актера, сколько от обстоятельств вокруг него. Иногда ведь человек очень талантлив, а как-то не складывается. Нет режиссера, который бы его открыл. Нет материала, где он мог бы проявить себя.

— *То есть, вы считаете, что талант и популярность — разные вещи?*

— Абсолютно.

— *Раньше популярности добавляло кино, сейчас его никто не видит. У вас есть киноопыт?*

— Очень небольшой, всего одна картина — «Дачники» режиссера Сергея Урсуляка, где я сыграла Варвару Басову. Мне снова повезло, потому что Урсуляк когда-то работал в нашем театре, он близкий мне по духу человек. Да и материал хороший — все-таки Горький. Партнеры замечательные.

— *Актерство накладывает отпечаток на характер человека?*

— На меня — да. Становлюсь жестче, дисциплинированнее и в работе, и дома. Раньше впадала в какие-то депрессии, переживания. Сейчас на напризы нет времени. Театр спасает в жизни, в нем можно укрыться. Но, наверное, от этого же я что-то и теряю.

— *В жизни поиграть не хочется?*

— Мне достаточно игры на сцене. Актерство в жизни терпеть не

могу и у себя, и у других. Ведь тогда человек исчерпывает себя, исчезает настоящее. В жизни хочется подлинных эмоций, искренности.

— *А на эту самую жизнь время остается?*

— Почти нет, поэтому муж страшно не любит мою профессию. Я мало бываю дома, а ведь у меня есть маленькая дочка, которой нужно внимание.

— *Из работ коллег вам что-нибудь запомнилось в последнее время?*

— Очень понравился спектакль Петра Фоменко «Волки и овцы». Это одно из моих последних театральных потрясений.

— *Наташа, если бы вам предложили выбрать век и страну, где вам бы хотелось пожить?*

— Конечно, выбрала бы Россию. Только не наше время, а какой-нибудь девятнадцатый век. Наверное, там мне было бы очень хорошо.

Беседу велла ИРИНА АЛПАТОВА,
фото ИГОРЯ ЯКОБЛЕВА

ИЗРАИЛЬСКАЯ ФИРМА,
5 ЛЕТ УСПЕШНО РАБОТАЮЩАЯ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ,
ПРЕДЛАГАЕТ ШИРОКИЙ
АССОРТИМЕНТ КРАСОК, ПОКРЫТИЙ
И СПЕЦИАЛЬНЫХ ХИМИКАТОВ

КРАСКИ

Водоземulsionные акриловые краски для любых поверхностей. Алкидные грунтовки и разнообразные по цвету эмали для металлоконструкций, стен и дерева. Эпоксидные краски для особо тяжелых условий эксплуатации, полиуретановые краски, нитрокраски, мочевиноалкидные лаки, меламиноалкидные краски горячей сушки, краски «металлик», мебельные лаки.

МИР КРАСОК — НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

ПОКРЫТИЯ

Высококачественные защитно-декоративные покрытия с различной текстурой «под шубу» и под мрамор для внутренних и наружных поверхностей на основе водной акриловой эмульсии и на основе специальных органорастворимых морозостойких полимеров. Обеспечивают отличную защиту от жестких погодных условий при эксплуатации от +60°C до -60°C.

ХИМИКАТЫ

Различные химикаты для подготовки поверхностей и мытья оборудования и деталей машин, а также растворители для разбавления лаков и красок: автокосметика и моющие средства (стиральные порошки, кремы, пасты и шампуни).

*Доставка контейнерами
в любую точку России.*

Справки и организация контрактов для оптовых покупателей
по тел.: (095) 251-03-51; факс: 250-59-28

ГОЛУБОЕ СУХО

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

РЕЧЬЕ

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

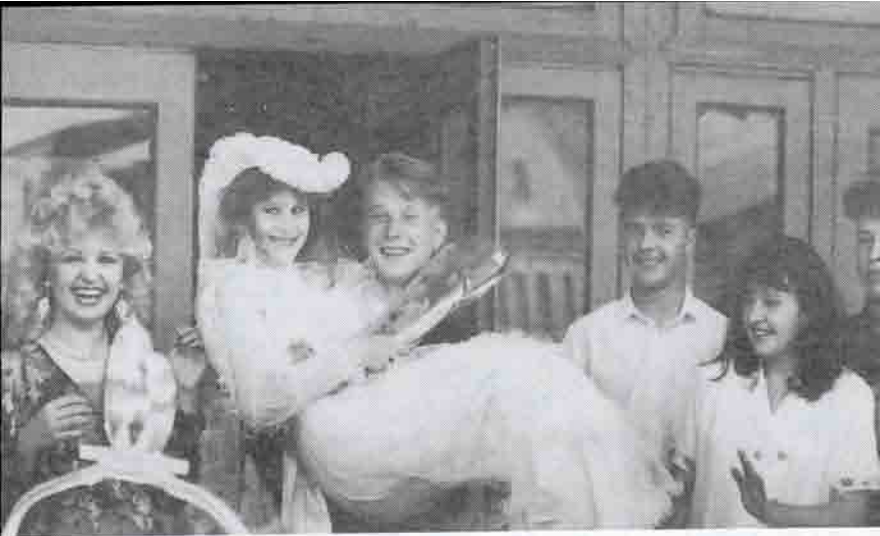
В этом российском городке, что примостился вдали от проезжих трантов в сотне километров северо-западной Твери, нет роскошества и богатства напоказ. Но нет бросающейся в глаза бедности. Коммерческие магазины не столь нарядны, как в Москве или в Твери. Набор продуктов и промтоваров попроще, зато больше отечественного...

Со стороны гостиницы «Волга», расположенной на самой крутизне правобережной части Старицы, город — как на ладони. Он удобно и красиво раскинулся по обеим берегам Волги, органично вписав свои улицы и улочки в изгибы и складки холмистого пейзажа.

На левом берегу, с моста, хорошо просматривается сохранившийся до наших дней земляной вал, что опоясывал старое городище на длинном узком мысу между Волгой и сливающейся с ней Верхней Старицей. Вал напоминает об изначальном назначении Старицы — была она основана как крепость для защиты юго-западных пределов Тверского княжества от орды и новгородцев, которые не менее других претендовали на первенство в еще раздробленной Руси.

Здесь был обустроенный и укрепленный кремль; велась бойкая торговля с купцами, прибывавшими на ладьях из других поволжских мест. Спустя столетия к обновленной пристани притирались унжани и баржи с товарами из Твери, Нижнего Новгорода. Причал был выложен белым тесаным камнем. Здесь же была и бурлацкая станция, где

Ах, эта свадьба!

Раскопки возле Старицы.

менялись команды бурлаков. Получив расчет, они первым делом отправлялись в набак — уж не в той ли стороне он был, где сейчас кафе «Молоденное», занимающее какое-то старое строение купеческого вида?

К подножию древнего городища прильнула Пятницкая церковь (постройки XVIII века) со своими изящными приделами-ротондами. Неподдалену — ряд арок из крупных беломраморных блоков; ансамбль, архитектурно напоминающий старинные торговые ряды, которые можно увидеть, к примеру, в Костроме. Но здесь коммерцией и не пахнет: это кузницы екатерининской поры — тогда множество их вознижало по всей России.

По правую сторону, напротив бывшего кремля, в небольшой лощине, окруженной крутыми взгорьями, — строения и храмы Успенского монастыря. При большой воде, в сильные половодья Волга подступает к остаткам монастырской стены, разрушенной в 30-е годы.

В гербе Старицы, утвержденном Екатериной II в 1775 г., — старуха с посохом, одиноко и горделиво шествующая по серебряному полю геральдического щита... А вот что записано в древней Тверской летописи: «8805 (что соответствует по тогдашнему летоисчислению 1297-му году. — В.М.) в лето срублен быть городок на Волге, по Зубцову, на Старице».

Тан что, согласно этому «свидетельству о рождении» Старица в будущем году наравне с Москвой будет отмечать свой круглый юбилей.

— О каких праздничных торжествах нам задумываться? — говорит мне Нина Смирнова, заместитель главы районной администрации, — когда бюджетных денег не хватает на то, чтобы кормить приютских детей. Спасибо местным предпринимателям, не столь уж, кстати, и богатым, за то, что хоть как-то поддер-

живают приют. Но, конечно, юбилей все же отметим; худо-бедно идет ремонт старых исторических зданий; пушкинский сквер заложен...

А чем жили горожане Старицы в далекое от нас века? Как складывались их судьбы? Не увидишь этого ни с высоты моста, ни с высоты прошедшего времени. Лишь можно догадываться по тем событиям, что документально запечатлелись в истории.

Вспомним некоторые факты... Московские князья неоднократно пытались овладеть Старицей. Но удалось это сделать Дмитрию Донскому в 1375 году. (Впрочем, вскоре она опять отошла к Твери...)

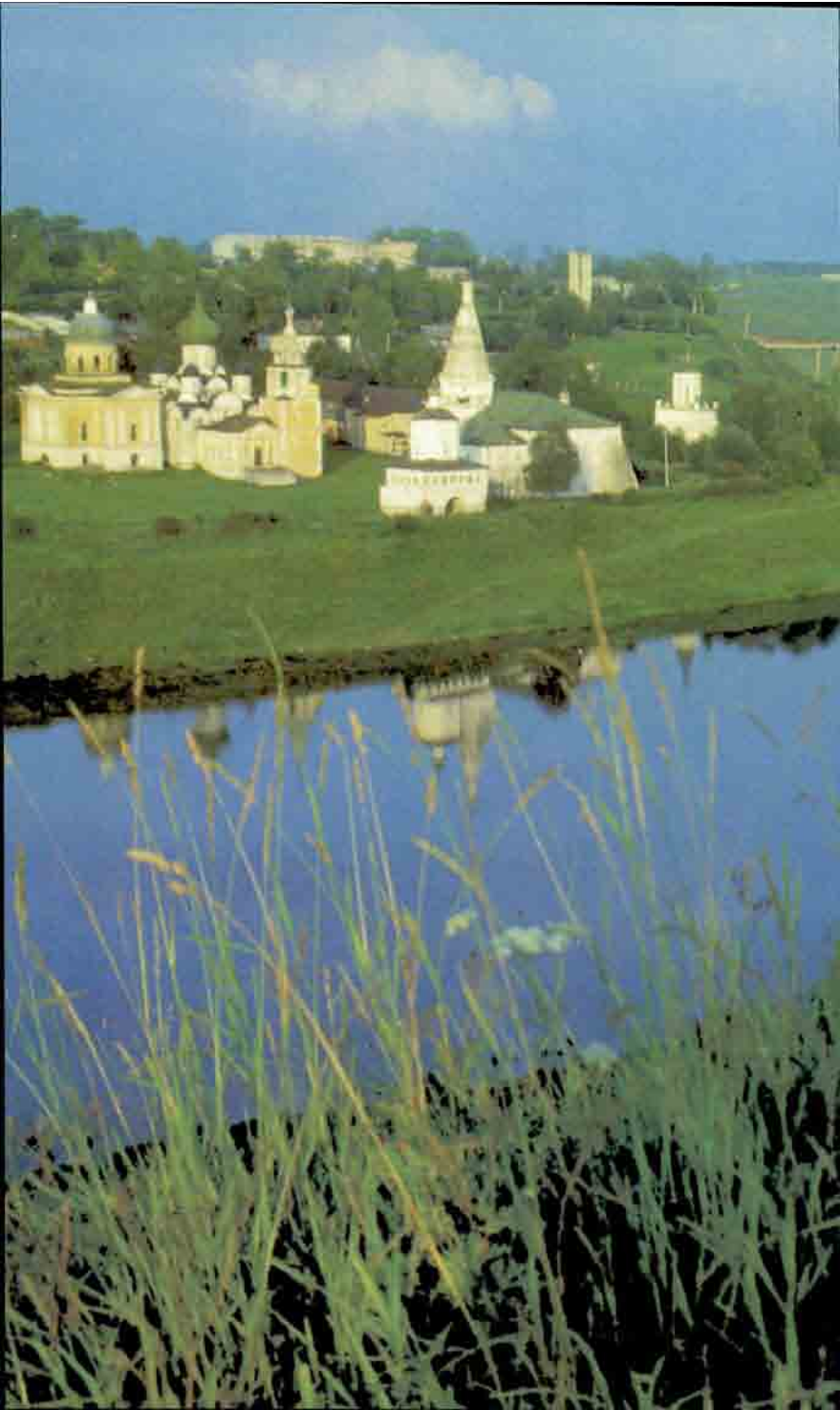
Спустя столетие с лишним Старица стала уездным центром Московского государства. В начале следующего века Иван III выделил ее в удел сыну Андрею. После смерти отца Андрей потребовал прибавления земель, но Елена Глинская отназала, заподозрив отпрыска в заговоре; обманом путем заманила в Москву и уморила голодом. Все сотоварищи и спутники старицкого князя в его последнем путешествии были повешены на столбах вдоль дороги на Новгород... А в конце того же века первый русский царь Иван Грозный назвал старицкого удельного князя Владимира, как последнего (по теперешнему оценивая) идеолога децентрализации государства. Здесь же, в Старице, Грозный и пировал свою победу. Здесь он проводил и переговоры со Стефаном Баторием, заканчивая мирным договором Ливонскую войну.

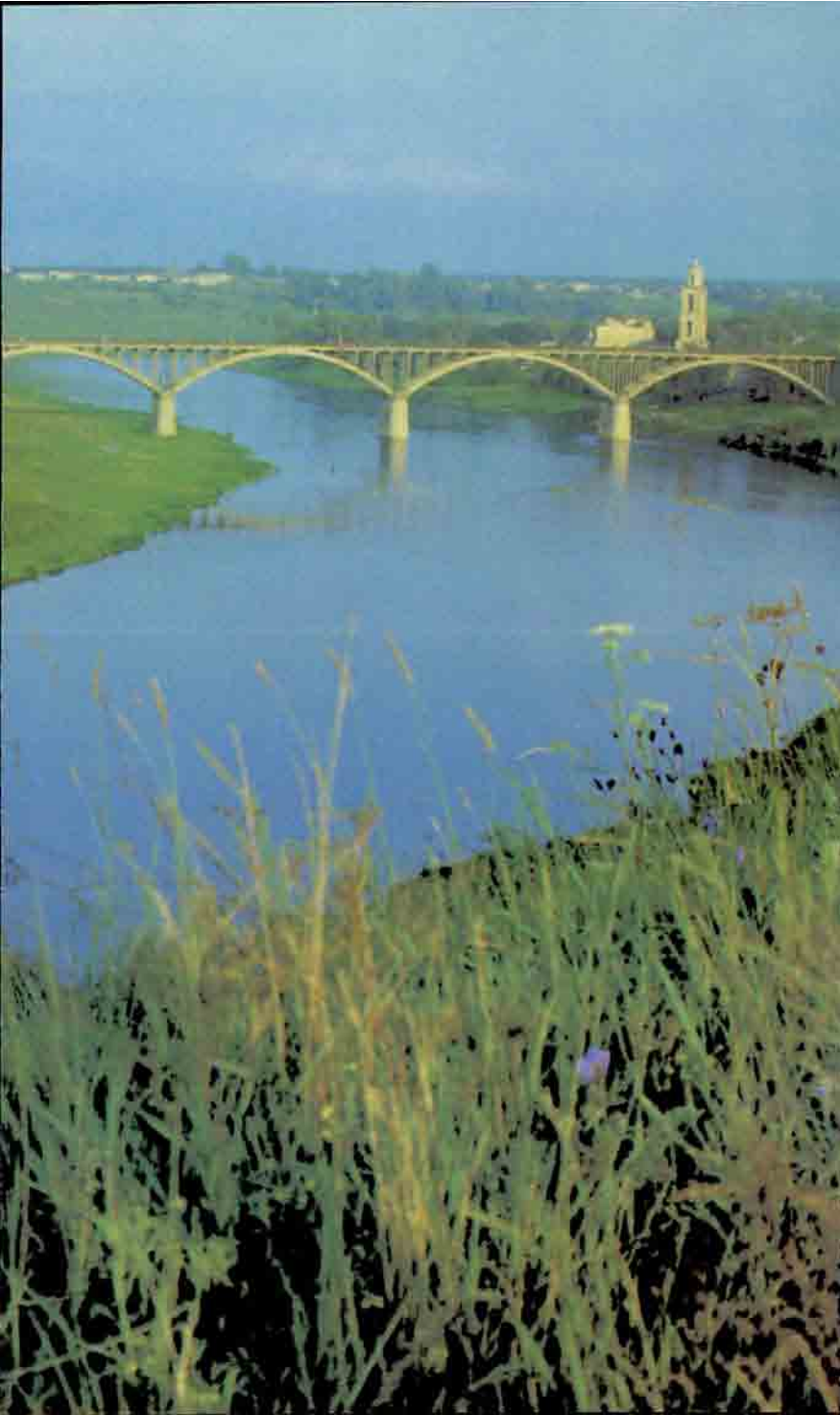
С городом этим связано имя и первого Патриарха Московского и всея Руси Иова. Это ему писали отцы Константинопольского собора в 1590 году в грамоте, утверждавшей образование Московского Патриархата: «Имеем тебя себе братом и сослужителем своим, пятым Патриархом...» (Имелось в виду место Московского Патриарха в общепра-

Въспоминаніе
оубоу души
свѣтлицы

свѣтлицы
свѣтлицы
свѣтлицы

вославном диптихе.) Когда Лжедмитрий вошел в Москву, Патриарх призвал верующих не признавать самозванца. За что и был сослан в Старицу, где закончил свои дни в одной из келий Успенского монастыря. (В его память была поставлена часовенка с часами, которые били через каждые 15 минут. Но она, к сожалению, не сохранилась. Боюсь, не сыскать и орнаментированного надгробия, которое оставалось в монастыре после того, как Иов был канонизирован, а его мощи перевезены в Москву...)

У моста начинается недлинная, круто идущая вниз, тропа к старой обители. Тут же и указатель — «Старицкий историко-архитектурно-художественный и археологический музей».

Возле арочного входа в монастырский ансамбль столкнулся с группой парней и девушек — у всех за плечами рюкзачно-палаточная поклажа. Узнаю, что они из Твери. Группа подобралась по принципу дворового знакомства — кто студент, кто инженер; есть элентрик из строительной фирмы; секретарша, ко-оператор...

Директор музея Ольга Мудрова говорила, что экскурсанты теперь — дело обычное.

— Было время, когда поток посетителей музея изощел почти на нет. А сейчас случаются дни, когда, что называется, не продохнуть...

В Старице музей возник задолго до большевистской революции. Числился он в Лейпцигском каталоге — своеобразном мировом индексе музеев, так что можно представить, насколько обширны и богаты его фонды. Музею этому повезло и в годы Отечественной войны: когда город оказался на оккупированной немцами территории, экспонаты вывезли, а частично надежно спрятали.

Здесь демонстрируется великолепная коллекция одежды, которую

носили местные женщины в прошлые века; старинные предметы домашнего обихода; диорамы, старые документы, фотографии, повествующие об истории города...

Но, увы, многое из того, что собрано и сегодня поступает в музей, выставить пока негде. Музейная площадь невелика; да к тому же который уж год медленно и трудно движется ремонт здания...

— Но выжили в этом разоре, сумятице — дело не умерло, — сказала с толикой гордости Ольга Васильевна.

А произошло это во многом оттого, что генерал-полковник запаса Юрий Михайлович Бошлян сумел создать Тверское музейное объединение, куда вошли 34 музея области. Вместе, как оказалось, можно не только в ы ж и т ь, но и жить.

— Все музеи области, все их сотрудники ощущают себя одной семьей, — продолжила Ольга Васильевна, — Нам делить нечего: историю Отечества на нуски не растащишь...

И впрямь, по нынешним временам музеи Тверской области живут, только помогая друг другу. Тут и экскурсантов прибавилось заметно (а это — доход!), и экспонаты, коллекции обновляются, и даже книги краеведческие под музейным приглядом выходят...

Александр Волнухин — поэт, краевед и... председатель колхоза. Колхоза, который имени своего не менял — как звался так и зовется «Ленинским путем».

— Тогда, в 91-ом, 92-ом годах уже от всего отрециваться стали, готовы были и «Ивана» на «Дюна» поменять... А я считаю, негоне историю свою зачернивать, перелицовывать. Вон, «Комсомолка», так «Комсомолкой» и осталась, да и вы журналу своему имя новомодное не стали иснать. Верно говорю?

Как тут не согласиться!.. Кто не слышан о бедственном положении множества хозяйств, располо-

женных, ападемпично выражаясь, в зоне рисованного сельскохозяйственного производства? «Ленинский путь» находится именно в ней, в этой зоне. Основа хозяйства — льноводство. Дело это — трудоемкое, но весьма прибыльное, если вести его разумно. Плюс — молочное животноводство и откорм свиней... Так вот, нынче вся техника в колхозе на ходу: землю, которая в этих краях без удобрений не родит ничего, «нормят» органиной, как положено; работают все «не по часам, а по совести». Ну а результат — в платежных ведомостях: в среднем колхозники у Волнухина получают по миллиону рублей. А добавь к этому крепкие личные хозяйства, когда на столе мясо, молоко, овощи — не магазинные. Вот тебе и «рисованное земледелие»...

Стихи Волнухин пишет давно. Бывало, напишет и сразу читать всем друзьям и знакомым. А в ответ — хоть и не злые, но насмешки: дескать, вот еще «стихотворец»... Волнухин и уверовал, что сельчане принимают его за чудака, случайно ставшего дипломированным специалистом сельского хозяйства. Но четыре года назад, когда тогдашний «Ленинский путь» авиду нерентабельности был ликвидирован, сельчане, избрав дальнейшую форму существования в виде (опять же!) коллективного хозяйства, своим председателем выбрали именно его, чудака-стихотворца.

С председательством стихи Волнухин не забросил. Более того, книжку поэтическую издал. А давнее увлечение историей Старицы, окрестных деревень и сел (в первую очередь родной Рясни) дало себя знать в новом качестве: он публикует краеведческие заметки, статьи в газетах.

...Проезжая как-то дорогой до Берново (было это еще до знакомства с Александром Волнухиным), я увидел указатель, показывавший

путь к деревне Денежное. Отчего так назвали деревню эту?

И вот что рассказал мне позже Александр Яковлевич: оказывается, во времена шествия орды старицкие монахи свезли и утаили на дне отдаленного лесного озера драгоценности. Озеро прозвали Денежным. От него имя перенинулось и на деревню, что выросла позже на его берегах...

— Если вдуматься, дворяне были своеобразными «председателями колхозов». От многих историков и публицистов ускользнули любопытные детали. Например, у каждого дворянина была печать, которой удостоверялись все документы и бумаги хозяйственного назначения. Дворяне несли ответственность за состояние своих поместных владений. А тех, кто доводил деревни до нищеты, развала, лишали не только владений, но и титула...

Сейчас Волнухин увлечен работой о древнем дворянском роде Норниковых, том самом, откуда и знаменитый адмирал. Здесь, в Рясне, похоронены его отец и брат Александр, лицейский товарищ Пушкина, между прочим. Стараниями председателя восстановлены памятники на их могилах; на месте снесенной кладбищенской церкви поставлена часовенка.

Неподалеку от Рясни находится еще несколько деревень и сел, связанных с именами людей, составивших славу Отечества.

Это Берново, Курово-Покровское, Малинники, Павловское, где бывал Пушкин, зачастую подолгу задерживаясь у своих друзей. В старицких местах писалось поэту легко и свободно; тут рождались такие шедевры, как «Анчар», «Поэт и толпа», «Цветок». Здесь он работал над «Путешествием Онегина» и посвящением к «Полтаве». Приметами старицкого быта насыщен неоконченный пушкинский «Роман в письмах».

В Берново сохранилась усадьба Вульфова с обширным парком и не-

большим прудом, на который выходит дорожка от фасада. В усадьбе этой Александр Сергеевич бывал неоднократно — есть комната, что предоставлялась ему для жилья и работы, в целости гостиная, где проходили веселые вечера...

В словаре Даля слово «старица» толкуется двояко. Если с ударением на первом слоге, это старуха, монахиня, отшельница, черница; когда же ударной становится вторая гласная, слово обретает иное значение — русло, покинутое реной. Сухоречье, как еще говорят...

Но русло жизни Старицы никогда не пересыхало. Бывало, что перемешивалась в нем живая вода с мертвой, затхлой, а все же «вода живая» брала свое и русский городок этот, переходя из века в век, не терял главного — чести и достоинства, завещанного прадедами...

Худо-бедно, но пережил город и «деспотизм», и «волюнтаризм», и «застой». Да и перестройка не выжгла из душ доброты и надежды. Здесь не размахивают транспарантами, не кричат на митингах; как издавна заведено, обиханивают дома, пашут, сеют, выгоняют по утрам своих буренок в луга... Мелкий и средний бизнес, ремесло, торговля, — что и прежде в Старице было стержнем житейским, нынче вновь ожило.

И уне не едут на перекладных жители этого края в столицы российские Москву да Питер за колбасами, обувкой, одежкой модной, — есть все это в достатке и тут...

Город на отшибе живет, конечно, по своим меркам. Но и пристани то и дело причаливают туристские пароходы, натера. И кажется, что той «большой» России стало вдруг особенно интересна жизнь России «малой», что, соизмеря свой шумный и суетливый быт с течением старицкого времени, находит здесь приезжий люд — и молодые, и старые — пищу для души и ума. А назне город-

ской — прибыль. И прибыль эта, в расчете на недалекое будущее, по словам администрации города и района, составит чуть ли не 40 процентов бюджета...

Так что, кто нынче идет по геральдическому голубому полю Старицы — монахиня с посохом или турист с новомодным заплочным мешком, — стоит внимательней приглядеться.

На мой взгляд, места тут всем хватит — земля старицкая каждому рада...

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ,

ИЛИ МАШИНА

19. АБСОЛЮТ

Очнулся я от того, что снова пошел дождь. Как они уехали, сколько я пролежал у этой стенки? Не ведаю. Кругом было темно и страшно. Холодные капли падали на лицо и сбегали за шиворот, щекотные и противные, как маленькие насекомые. Под лопаткой что-то страшно давило, и в первые секунды после того, как вернулось сознание, я был уверен: это нож. Мне в спину всадили нож! Пару ужасных в своей мучительности мгновений я не смел пошевелиться, но потом все-таки рискнул приподняться на локте. Подо мной был здоровенный обломок кирпича. Я отшвырнул его прочь, сел и попытался обследовать свою голову. Шишка за правым ухом была на месте. Левое ухо, по которому от души развернулся Рикошет, тоже никуда не делось, только здорово распухло и так горело, что было странно, почему оно не шипит под дождем. Руки немного кровили, но, пошевелив пальцами, я убедился, что они целы. Теперь можно было вставать на ноги, что я и сделал. Держась за стенку.

Так по стеночке я и двинулся. Под ногами скрипело битое стекло, за штанины цеплялись обрывки ржавой проволоки, приходилось все время спотыкаться о груды какого-то мусора. Стенка казалась бесконечной, но все-таки и она кончилась. Я завернул за угол и на фоне чуть светлеющего неба увидел, что стою между двумя рядами коренастых, вросших в землю глухих

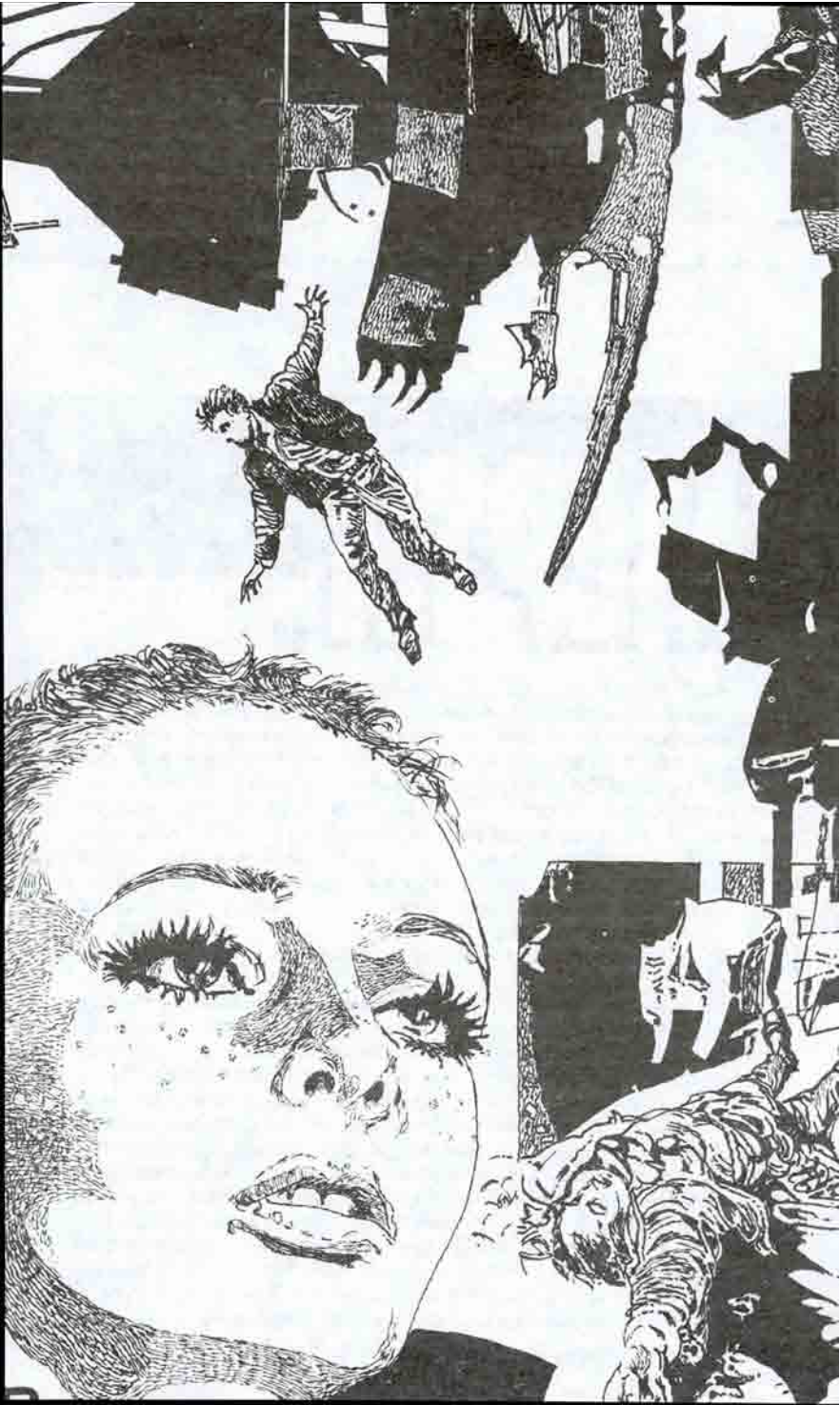
СМЕРТИ

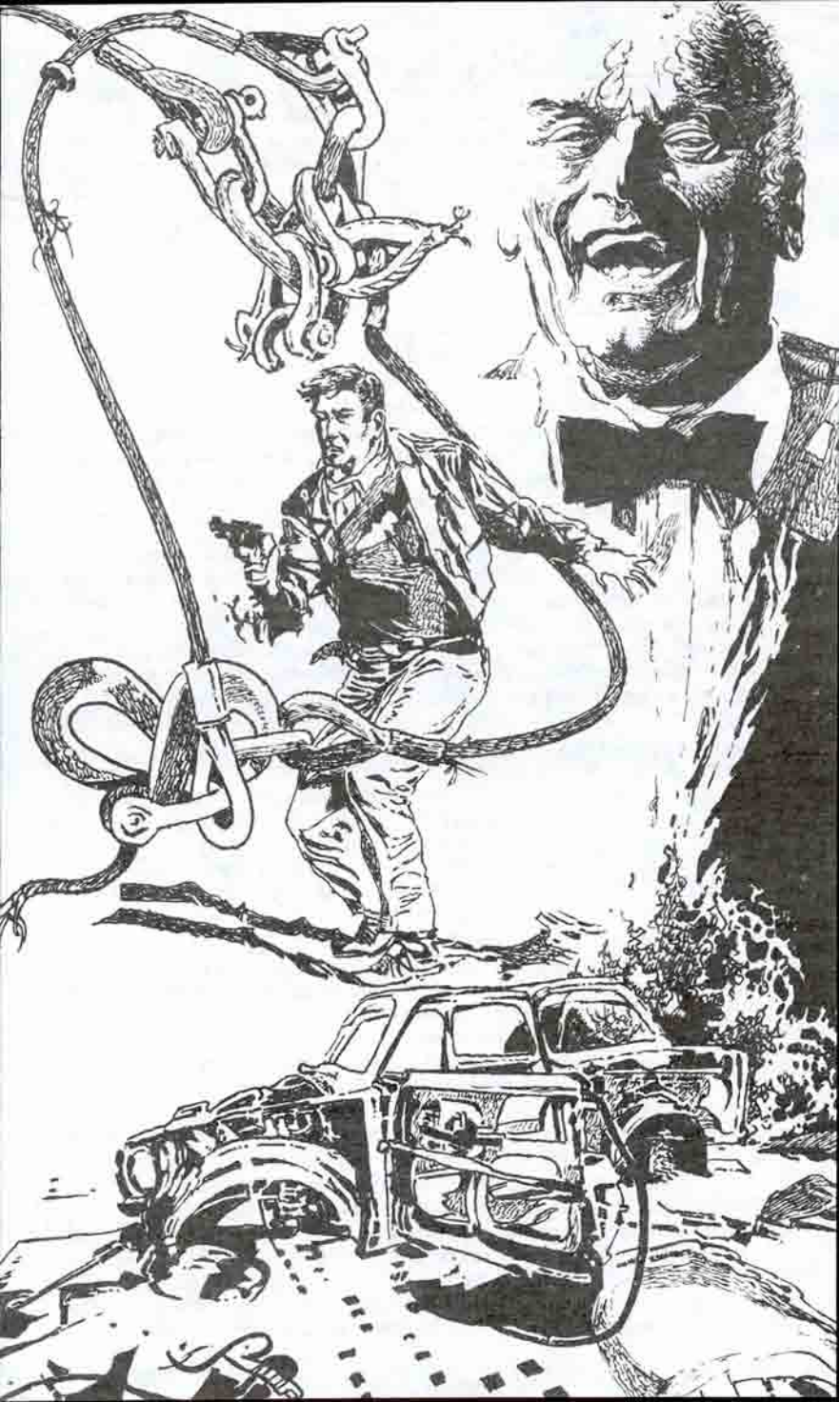
СЕРГЕЙ УСТИНОВ

37

и мрачных строений. То ли недостроенные гаражи, то ли давно заброшенные склады. Судя по свалке под ногами — скорее, второе. Господи, как же отсюда выбираться-то, чуть не завыл я от тоски. Кричать? Да тут кричи не кричи, все равно ни одной живой души вокруг, никто не услышит. Идти? Да в какую сторону идти-то! И тут ноздри мои учуяли легкий запах — уж не дыма ли?! А тут и глаза, кажется, углядели где-то вдалеке слабый отблеск — не костерок ли! Я ринулся по проходу не разбирая дороги, пару или тройку раз отменно шмякнулся, что-то еще на себе порвал, что-то поцарапал, но в конечном счете пришел к финишу первым, оставив преследующий меня страх на полкорпуса сзади.

Наградой мне стала представшая моему умильному взору картинка, такая привычная для наших широт, такая родная. Три живые души сидели на перевернутых ящиках вокруг крохотного импровизированного очага, пили водочку и негромко беседовали между собой. Легкий дождичек не мешал ни им, ни костру, ни беседе. Судя по всему, не помешал и я: только один из бомжей лениво обернулся на мои шаги. Остальные сфокусировались на мне не раньше, чем я остановился у самого костра. «Добрый вечер», — выдал я из себя что-то сиплое. «Эка, сказанул, скоро утро вона, — зевнул во весь щербатый рот маленький плохонький мужичонка, одетый на голое тело в синий затасканный халат, какие носят грузчики в подсобках. — Хорош гнать, вынай, чего принес». Я молчал слегка ошарашенно. Я не знал, чего вынать. «Ну? — посильнее надавил голосом щербатый. — Тебя за

чем посылали?» «Погоди, Валюсик, — с сомнением в голосе остановил его другой, с маленькими и красными, как у морской свинки, глазками на крупной синюшной морде. — Посылали-то, вроде, не этого». «Точно, — подтвердил щербатый Валюсик, присмотревшись. — Тот был в сандалиях, а этот, вона, в штиблетах!» «Федот да не тот! — радостно захихикала тяжелым простуженным басом третья живая душа, дама в мужской ковбойке и хабэшных тренниках, черная лицом, как шахтер из забоя. — Хорошенький! Может, замуж меня возьмет?» «Что стоишь, как мильтон? — сурово поинтересовался Валюсик. — Или садись, или вали, откуда пришел. Чего тебе надо?»

Я замялся. Валишь, откуда пришел, не хотелось, но и сформулировать, чего надо, как-то не получалось. Неожиданно для самого себя я промямлил: «Мне бы... э... насчет... дорогу спросить». Валюсик отвалил в изумлении щербатую челюсть, огляделся по сторонам, потом подозрительно вперился в меня: «Дорогу? Какая тут может быть дорога?» А его чернолицая подруга захохотала, заухала совой: «Ой, не могу, ему в дурилку дорога нужна!»

Идиотизм моего положения открывался мне в абсолютной полноте, но в связи с последними событиями мысли были похожи на сильно спутанный моток шерсти: тянуть можно было только за одну короткую ниточку. И я тянул: «В смысле... что это за местность?» Все трое выдупили на меня глаза. «Гребанашка», — уверенно констатировала подруга. «Обширянный», — возразил ей наблюдательный красноглазый. Один только Валюсик подошел к моему вопросу со всей серьезностью. «Эта, мил человек, такая специальная земля. Там железка, поезда ходят, — он махнул рукавом халата в сторону заброшенных складов, — и там, — взмах в противоположную сторону, — тоже железка. А посерединке, стало быть, мы. Называемся — полоса отчуждения».

Урок географии неожиданно прервался, потому что заскрипел в темноте гравий, и явился тот, которого посылали. Он, действительно, был в сандалиях. Карманы его шароворот победно оттопыривались. О моих дурацких вопросах в радостном возбуждении немедленно забыли. Всем разлили поровну, включая и меня. Я с давно не испытываемым наслаждением высосал пол майонезной баночки удивительно дрянной водки, явно поддельного «абсолюта», запил его «жигулевским» и зажевал все это куском весьма сомнительной кровяной колбасы. Быстренько налили по второй, а затем и по третьей, после чего я почувствовал себя намного лучше и очень скоро достиг ранее ускользавшего взаимопонимания с новыми друзьями. Мне подробно и словоохотливо, почти что хором, перебивая друг друга в неизъяснимом желании быть полезным и приятным случайному прохожему, объяснили, куда я должен направить свои стопы. Я направил. Стопы были не слишком тверды, но вывели меня в конце концов на пустынный в этот предутренний час проспект, где на первый же легкий взмах руки остановился пыхтящий мусоровоз, за весьма скромное вознаграждение доставивший расслабленного путешественника домой. Боже, подумал я, снова оказавшись перед собственным подъездом, на опустевшей теперь сцене, где

совсем недавно разыгралась вся эта мрачная пьеса, неужели ночка кончается?

Заря уже слегка подсветила декорации. Но черные кулисы окружающих домов были абсолютно мертвы. Ни звука. Ни огонька. Похоже, соседи мои отреагировали на перестрелку с привычным урбанистическим хладнокровием. Наверное, подумали, ученья идут. Меня слегка пошатывало, но вместо того, чтобы тихо-мирно идти домой, я с пьяной храбростью направился к тем кустам, где совсем недавно мы почти что в обнимку валялись с пареньком, который должен был меня пристрелить, и решительно раздвинул их. Ничего. Никого. Пусто. Только вдруг почудилась на темной траве темная, почти черная кровь.

Вот тут-то на меня и нахлынуло. Навалился давешний страх, ужас бешеным хорьком вцепился в загривок. Я ломанул в подъезд, бегом взлетел по неосвещенной лестнице, в полной темноте слепо принялся тыкать ключом, привычно нашаривая замочную скважину: домой, домой, домой! И вдруг понял, что скважины на привычном месте нет. И вообще дверь — это не моя дверь. А может, и дом — не мой дом? Куда меня привезли?! Дыхание перехватило, я и впрямь на протяжении нескольких мгновений был на грани умопомешательства. Потом понял — и отпустило.

Чертов Матюша. Чертов сейф. Чертов Глузман, не вовремя отваливший в свою Америку. Лучше б он взял эту хренову дурю туда с собой. Я дрожащей рукой нашарил звонок. Давай, Стрихнин, просыпайся, побудка, шмон, хипеж, или как там это у вас называется! Но Стрихнин не просыпался. Я звонил, трезвонил, названивал, а он все не просыпался, и мне пришлось-таки смириться с мыслью, что не просыпается он по простой причине: его там нет. Внезапно обессилев, я сполз по гладкой стальной поверхности двери на половочок и чуть не завыл от злости. Мне отчетливо представилось, как завтра кто-то найдет мой уже закоченевший труп на пороге моей собственной квартиры. Сквозь намернувшиеся на глаза слезы вспомнилось из детства: смерть индейца Джо.

Ну уж нет! Собрав остатки мужества и хладнокровия, я решительно встал на ноги, подбадривая себя громким топотом, поднялся этажом выше и надавил на звонок. Через минуту дверь мне открыла заспанная и насмерть перепуганная Матюшина жена Ника. Сжимая у горла ночной халатик, она вгляделась в меня, потом внюхалась и с негодованием, какого свет не видывал, наверное, с тех самых пор, как Марк Юний Брут в одночасье утратил доверие Гая Юлия Цезаря, вынесла вердикт: «И ты туда же!»

Понимая, что сейчас не время вступать в полемику, я, не отвечая на инвективу, просто прошмыгнул мимо нее на балкон и через пару секунд оказался наконец дома. Не намного больше времени мне понадобилось для того, чтобы с отвращением стащить с себя одежду и нырнуть на диван под одеяло. В эту ночь я спал плохо, часто просыпался с гадостным ощущением во рту и в душе, мне приснилось много снов, но запомнился из них только один. Будто стою я у стенки в тени, а напротив меня по ярко освещенной набережной гуляют люди. Среди них я заметил Таракана под ручку с секретаршей Неллей, живущее у меня за

стенкой семейство Адамчиков в полном составе, почему-то свою умершую пять лет назад тетку Тамару и еще многих других, знакомых и незнакомых. Они проходили мимо, некоторые совсем близко, почти касаясь меня рукавами, но не замечали, что я стою тут, рядом, а я, хоть и видел их, сам почему-то ощущал полную невозможность не только заговорить, но даже просто привлечь к себе их внимание. Это не было обидно или неприятно, это просто было, как было, и слегка раздражало лишь непонимание: почему? Я — здесь, они — там, мы совершенно отдельно друг от друга. Весь сон отгадка не давалась и пришла только с рассветом, когда сон уже кончился. Открыв глаза, я понял: полоса отчуждения.

20. ЗМБОЛИЯ

Утро застало меня в весьма неприятном состоянии. Это было похмелье в наиширочайшем смысле слова. Мутило от всего вчерашнего. Трясло. Воротило с души. Что-то, похожее на внезапно накотившую панику. Да чего уж, надо называть вещи своими именами: самая настоящая паника. Стоило отойти давешнему наркозу (шок, «абсолют» и «жигулевское»), и я остался с ней один на один. Лежал, вцепившись зубами в край одеяла, и боялся изо всех сил. Вчера меня хотели убить. Три раза. За всю предыдущую жизнь — ни одного разочка, а за один минувший вечер два раза точно и один раз — оставили жить под влиянием не совсем ясных и, вполне возможно, случайных обстоятельств. Может, в качестве подсадной утки, может, так — на развод.

Июльским утром шерстяное одеяло не грело ни черта. Меня бил озноб, а под черепашкой колотилась, как припадочная, мысль — одна-единственная. Легко обличать преступность на бумаге, проще простого заходиться в праведном гневe на газетной полосе — но все до поры, все до времени. Пока однажды из кустов сирени навстречу сочинителю не шагнет человек с пистолетом в руке и не прицелится ему точно в лоб.

Я разгадал свой сон. Полоса отчуждения — это ничто. Небытие. Тот свет. Я не хочу на тот свет, не хочу умирать. К чертовой бабушке! Игорек, честно признайся перед самим собой: ты не герой. Наносное это, Игорек, ты самый обычный парень, ты хочешь жить, ты не хочешь больше в полосу отчуждения!

Дверь в комнату отворилась пинком босой ноги, и мне явился Стрихнин: в одних трусах, мытый, бритый и благоухающий — в общем, полная моя противоположность. Он шумно втянул носом воздух, окинул меня изучающим взглядом и поинтересовался: «Что, умираешь?» Попало настолько в точку, что я смог ответить только злобным рычанием: «Да, умираю!» «А ты подвинься на край дивана и кинься вниз, — деловито посоветовал Стрихнин. — Быть может, крылья тебя поднимут, и вновь увидишь родное небо...» У меня не было ни сил, ни желания отвечать на его кретинские шутки, поэтому я просто еще крепче вцепился зубами в одеяло и молча отвернулся к стенке. Но он не отстал. Присел на стул рядом со мной, схватил за плечо и повернул меня обратно. После чего спросил уже без всякого ерничания: «Что случилось?»

В порыве отчаянной жалости к самому себе я подумал, что если и впрямь загнусь, должен же хоть кто-нибудь знать, в чем причина, и все ему рассказал. «Хреново, — подвел итог Стрихнин. И докторским голосом поставил диагноз: — А у нас, батенька, натуральная депрессуха. Говоря по-простому, испугали тебя до усеру. Я в лагере такого навидался. Сейчас мы вас вылечим, есть кой-какие народные средства». С этими словами он ушел на кухню. Накрывшись с головой одеялом, я отстраненно слушал, как он там громыкает ящиками и стучит дверцами. Наконец он вернулся с жестяным подносом, сервированным, вероятно, этими самыми народными средствами, среди которых наличествовали: бутылка греческого коньяка «Метакса» вкупе со стаканом, пачка польского снотворного «тазепам» и русский соленый огурец, нарезанный крупными дольками. При виде коньяка меня чуть не стошнило. «Ничего, ничего, — ободряюще приговаривал Стрихнин, густо посыпая тазепамом огурец, — клин клином вышибают. Запомни: это мы не похмеляемся, это мы лечимся. От страха». С этими словами он налил стакан аж до самого верха, потом одну руку подsunул мне под затылок, а другой поднес коньяк к моему рту. «Назначено по двести грамм в прием перорально», — сообщил он профессорским тоном. «А если перорально не пойдет?» — усомнился я, тщетно борясь с подступившим спазмом. «Введем анально», — пообещал Стрихнин.

Не стану описывать подробности последовавшей мучительной процедуры. Скажу только, что ему каким-то образом удалось впихнуть в меня и «Метаксу», и огурец с тазепамом. И что уже через несколько минут я был, как выброшенная штормом медуза под жарким солнцем: расслабленный, бесчувственный и даже, не исключаяю, слегка прозрачный. Вскоре время приятно замедлилось, а там и вовсе остановилось. Я уже не знал, день на дворе или ночь (Стрихнин плотно задернул на окнах шторы), да меня это и не интересовало. Ушел, ускользнул только что владевший всем телом отвратительный липкий мандраж, потеплело в зябких кончиках пальцев, пропала противная ватность в коленках. Все кончилось, и я снова, будто в овраг оступился, провалился в кромешный сон.

Сон был без сновидений. Просто сон, глубокий, как колодезь, темный, как подземная река. Мое безгласное тело тихо колыбалось в волнах этой реки, медленно кружась в неспешных водоворотах, далеко-далеко от поверхности, от света, от жизни и всяческой связанной с ней досадной суеты. Кое-какие звуки, впрочем, долетали ко мне, в мое укрытое труднопроницаемыми толщами далёко. Однако я не обращал на них внимания. Заливался телефон, причем несколько раз удивительно настойчиво. Потом звонили и даже стучали в дверь. Но звуки были несерьезные, завернутые в вату, как хрупкие елочные игрушки, и игрушечными, несерьезными представлялись любые причины, эти звуки порождавшие. Несколько раз я вполне сомнамбулически вставал в туалет, пил из-под крана, прикладывался к «Метаксе». И снова с нежной благодарностью погружался в темную воду забвения...

Пробуждение было внезапным и абсолютно полным. Меня вынесло на поверхность, как утопленника по весне, — во всяком

случае именно такое сравнение первым пришло мне на ум, когда я доковылял до ванной и взглянул на себя в зеркало. Дальнейшие описания отменяются. Каждый может сам нарисовать себе эту картинку в меру своего воображения. Но гораздо важнее внешнего было мое внутреннее состояние. Часы показывали, что после сеанса психической анестезии, блестяще проведенного Стрихнином, прошли ровно сутки. Всего сутки — а каков результат! Никаких страхов и фобий. Никаких депрессий. Чистая зубы, принимая ледяной душ, скобля суточную щетину, я ощущала лишь твердость и уверенность в себе. Ноль сомнений. Ноль колебаний. Есть железное решение, которое даже не то чтобы созрело, нет. Я с этим решением проснулся. Я с ним всплыл на поверхность. Дальше — больше: постепенно пришло ощущение, что я с ним родился.

Слегка поплутав в охваченных утренней свежестью зеленых дворах, я отыскал наконец свою «копеечку» — к немалому удивлению, целую и невредимую, если не считать глубокой царапины по левому борту, оставленной давным-давно, в те полудзабытые уже времена, когда меня убивали в самый первый раз. Не скрою, с изрядным трепетом обошел я ее дважды или трижды, потом заглянул под днище и тщательно исследовал сквозь стекла салон, прежде чем решился взяться за ручку дверцы. Но поскольку никаких посторонних предметов — всяких жестянок из-под пива, проволок, веревок и прочих ужасов, которыми меня пугал мой милицейский дружок Шурик Невмянов, не обнаружилось, я решительно уселся за руль. Честно говоря, помедлил еще чуток, прежде чем повернуть ключ зажигания, потом поплевал через левое плечо, завелся — и покати́л в контору.

44 Я катил в контору, в который раз за это утро убеждая себя в том, в чем больше меня убеждать не требовалось: так жить нельзя. Не может нормальный человек без достаточных к тому оснований существовать в постоянном ожидании, что его вот-вот убьют. Нельзя же считать достаточным основанием фанаберическое желание написать очередную сенсационную заметку, от которой в конечном счете никому ни холодно ни жарко. Подумать только, на одной чаше весов какая-то дурацкая статейка, на другой — моя жизнь! Я чуть не расхохотался. Кретинская статейка, из-за которой я уже целую вечность живу под страхом смерти! Бред собачий. Вдруг вспомнился ведьмак, встреченный мной у Склифосовского: «Кто смерти все время боится, тот покойник среди живых». Не хочу быть покойником. Не должны покойники жить среди живых. Это противоестественно.

К редакции я подъезжал в приподнятом настроении. Железобетонное решение, отвердевшее во мне сегодня утром, приятно распрямляло плечи. Я ехал в контору с единственной целью: написать заявление об отпуске. С завтрашнего дня. По состоянию душевного здоровья. Я ехал, внутренне почти ликуя, потому что знал: в мире не существует причин, способных поколебать меня.

Внизу, у лифта, мне попался вечно угрюмый юморист Чепчахов. Его рожа показалась мне еще более мрачной, чем обычно, и я на ходу крикнул ему с улыбкой: «Старик, знаешь, как надо смешить людей с твоим лицом? Только до смерти!» В ответ он

как-то странно посмотрел на меня, но двери лифта уже сошлись, не оставив ему возможности для парирования. Чрезвычайно довольный собой, я выскочил на нашем этаже, влетел в двери конторы и сразу увидел Артема, который смотрел прямо на меня, улыбаясь своей белозубой улыбкой. Я остановился как вкопанный.

Артем улыбался мне со стены. Вернее, с фотографии, приклеенной к большому листу ватмана. С фотографии, обведенной жирной черной рамкой. С жирными черными буквами под ней. Эти буквы прыгали у меня в глазах, никак не складываясь в связный текст. «Безвременно... один из лучших... эмболия... щедро отдавал... трагическая... коллектив... глубокое соболезнование...» Я столбом стоял перед этой фотографией, растеряв мгновенно всю решимость, всю уверенность в своей безмерной правоте, и только чувствовал, как слезы наворачиваются на глаза, но все никак не могут вырваться наружу и в бессильной ярости жгут, жгут, жгут изнутри сухие веки.

Вместе с буквами прыгали мысли. Артем умер. Но причина смерти — не эмболия. Он убит, его убили при исполнении служебных обязанностей. Какие-то люди подходили ко мне, говорили что-то участливыми, сочувственными голосами — я никого не слышал. У меня заложило уши. Прыгая, мысли путались. Я отчаянно старался привести их в порядок. Нет, конечно, он умер от эмболии, от тромба, по чудовищно несправедливой случайности закупорившего ему артерию, умер на больничной койке.

И все-таки его, конечно, убили. Его убил наемный киллер в машине с фальшивыми номерами. Безжалостная патлатая тварь. Которую послал на убийство другой отвратительный хладнокровный ублюдок.

Ненавижу. Ненавижу до крови под ногтями, впившимися в ладони. До темноты перед глазами. До паморока. Я их ненавижу. И я их боюсь.

Господи, что же мне теперь со всем этим делать?

21. ТИРАЖ

Статья была готова к шести часам вечера. Я перетаскал к себе в комнату компьютер из машбюро, отключил телефон, заперся на ключ и влупил все сразу прямо на дискету: осталось только сверстать и отправить в цех.

С Тараканом мы обо всем договорились. Он, конечно, сперва схватился за голову, запричитал, что я подставляю его под сумасшедшие штрафы, что типография сдерет с нас семь шкур, что дежурной бригаде придется сидеть из-за меня до глубокой ночи и все такое прочее. В ответ я только пожал плечами и цинично заметил, что в противном случае текст под моим фотом в траурной рамке можно начать писать уже прямо сейчас, я сам помогу с формулировками, а потом все дружно успеют домой к ужину. И Таракан смирился.

Вторая полоса экстренно переверстывалась. Охрана получила указания до предела ужесточить пропускной режим. На ближайшую ночь в мое распоряжение был предоставлен священный в обычное время для всех смертных кожаный диван в редак-

торском кабинете. Перед уходом со службы Нелли лично заваривала мне чай в персональном таракановском чайнике, заботливо извлекала из шкафа подушку и плед, а потом, видимо, в порыве неизъяснимых словами чувств, даже принесла из буфета тарелку с бутербродами. Случайно заглянувший сюда под вечер водитель Генка Троицын ахнул, обомлев от такой картинке, и спросил голосом какого-то киноперсонажа: «Что еще нужно человеку для тихой счастливой старости?» «Дожить до нее», — ответил я с набитым ртом.

Впрочем, на этот раз я, кажется, лукавил — ради красного словца. Потребовался очередной и, наверное, самый мощный за последние несколько суток стресс, вызванный смертью моего ближайшего друга, чтобы мне вдруг открылась истина, простая, как апельсин: я был полнейшим идиотом сегодня утром, когда решил почему-то, что могу спастись, если не стану ничего писать, уйду в отпуск, уеду из города, короче, притворюсь шлангом, венником, дохлым тараканом.

Истина состояла в том, что, говоря языком экономическим (а всякое заказное убийство, относясь к сфере платных услуг, оказываемых населению, безусловно является частью экономики и даже, если хотите, народного хозяйства), так вот, говоря экономическим языком, в случае моего бегства ажиотажный спрос на мою брэнную жизнь должен был отнюдь не прекратиться, а всего лишь перейти в категорию отложенного. Пример: забудыгутотошника и вместе с ним Артема убили не только и не столько потому, что один из них хотел разболтать какие-то чужие секреты, а другой собирался их опубликовать. Коли посмотреть на дело с прагматической точки зрения, убили их как раз потому, что они еще не успели этого сделать!

Интересно, что моя теперешняя логика представлялась мне точно такой же железобетонной, как и давешнее решение ничего не писать. Противоречий не усматривалось. Диалектика, мой друг, диалектика, на месте не стоим, развиваемся по спирали! Если я напишу все, что знаю, вывалю на газетную полосу все ихние секреты, то стану пуст, как барабан. Вот это и будет гарантией моей безопасности. Месть? Ну, знаете ли... Месть — понятие внеэкономическое. Во всяком случае, хочется на это надеяться. К тому же после того, как газета выйдет, можно и впрямь дернуть куда-нибудь подальше — для полного спокойствия. Такими вот досужими размышлениями я то ли тешил, то ли утешал себя, попивая чаек в редакторском кабинете. От меня теперь уже практически ничего не зависело. Как говорится, процесс пошел.

Сначала где-то на верстке, шурша и поскрипывая, вылез из принтера первый девственно-гладкий лист. Это макет, простая, в сущности, бумажка: при желании можно скомкать, разорвать на мелкие клочки, сверстать новый. Потом его отправили в фотоцех и там сфотографировали на пленку. В ней, говорят, есть серебро, но и она покудова стоит не намного дороже, чем драгметалл, который пошел на ее производство. Подсушив в сушилке, пленку отнесли в офсетный цех, где с ее помощью изготовили медную пластину, железяку, тоже саму по себе совершенно бессмысленную, — но только до тех пор, пока

она не попадет в цех ротационный. В то самое место, где печатается тираж газеты.

Я заглянул на ротацию около полуночи. Грохот здесь стоял такой, что после охватившей редакцию вечерней тишины можно было запросто рехнуться: ощущение, будто ты угодил между двумя встречными поездами. Не слыша стука собственных каблучков, я по железной лесенке взбежал к машинам: как раз вовремя, чтобы подхватить один из первых напечатанных экземпляров. Пачкая руки не до конца просохшей краской, развернул газету — и, хоть ничегошеньки неожиданного там не обнаружил, сердце все равно екнуло. Вот она, на второй странице: «МАШИНА СМЕРТИ». Шрифт заголовка, пожалуй, великоват, ну да кашу маслом не испортишь.

Я держал развернутую газету в руках, а кровь колотилась в висках, и слегка шатало из стороны в сторону, словно меня и впрямь занесло в узкий коридорчик меж двух бешенно несущихся навстречу друг другу экспрессов. «Все-ли-правильно? Все-ли-правильно?» — стучало, билось, колотилось со всех сторон. Это ведь больше не макет, не пленка, не медная железка — это газета, это тираж, который завтра, нет, уже сегодня придет к сотням тысяч читателей! Как раньше любили говорить? К инженерам и рабочим, врачам и учителям, к академикам, плотникам, дояркам, космонавтам, к кому там еще? К бандитам и наемным убийцам.

О, может быть, еще не поздно? Броситься к дежурному редактору, крикнуть: «Отбой, ошибка!» Нажать кнопку, рвануть рукоятку, остановить машины, уничтожить напечатанные экземпляры... Я потряс головой, сбрасывая наваждение. От такого грохота и впрямь нервы могут пойти вперекосьяк. Взяв из поддона еще несколько свеженьких газет, я отправился обратно в тишину, допил остывший чай, комфортно устроился на начальственном диване и с головой накрылся пледом. Странно, но в эту ночь мне не приснилось ничего.

22. АЛЛЕРГЕН

Диалектика, мой друг, диалектика: живем по спирали, начало которой теряется в уже забытых потемках, а конец пропадает в неразличимой покуда тьме. Вероятно, это свойство молодости, вернее, незрелости, не-старости: философствовать о вечном больше при мысли о чужой смерти, нежели о своей. Даже если своя буквально наведни косила газоны вокруг да около, то и дело заступая на твою лужайку.

Разумеется, о том, чтобы сбежать куда-нибудь из Москвы до похорон Артема, не могло быть и речи. А ехать домой пока было все-таки боязно. Поэтому с раннего утра я сидел у себя в кабинете, за неимением лучшего размышляя о вечном. Но ровно в 9.35 меня от этого занятия оторвал первый звонок. А в десять с копейками явился и первый посетитель. Потом пошло-поехало, и их в этот день навалило столько, что на втором десятке я бросил считать. Но раньше всех был звонок Аржанцева. «Ты хоть представляешь себе, что наделал? — патетически вопросил он. — Какую кашу заварил?»

Из дальнейших слов автомобильного сыщика нарисовалась такая картина. Как только начался рабочий день, у его начальника сразу зазвонил телефон. Сперва с ним пожелали побеседовать из городской прокуратуры. Потом из МУРа. Затем из управления по борьбе с организованной преступностью. Среди последующих интересантов стоило выделить: помощника генерального прокурора, вице-мэра Москвы и зам. министра внутренних дел. После того как позвонили из контрразведки, начальник неожиданно сказался больным, объявил, что уезжает в поликлинику на процедуры, а отвечать на звонки посадил кого? Правильно, Аржанцева!

У меня мелькнула садистская мысль посоветовать ему в таком случае не занимать попусту телефон, но я сдержался. Отделу розыска ГАИ сейчас действительно трудно было позавидовать: вряд ли они могли по данному делу отрапортовать своим высоким собеседникам о каких-либо новостях, кроме почерпнутых из утренних газет. Правда, мстительная Мнемозина, не успокоившись, выкинула из закоулков памяти подзабытого уже было «мудилу-мученика», коим меня однажды презрительно наградили. Тут же кстати вспомнилось и ироническое предложение «поработать до кровавых мозолей», с которым мне вручался ящик, полный тех самых «висяков», с чего, собственно, все началось. Язык так и чесался в ответ на все эти жалобы прочесть небольшую назидательную лекцию, с высоты своего триумфа этак небрежно-торжествующе кинуть вниз пару-тройку полезных советов. Например, в следующий раз подходить к розыску как к процессу творческому. Стараться мыслить аналитически. Короче, чего там: шибче работать мозгами. Но я сказал себе, что пинать побежденных, да еще и униженных, это неинтеллигентно, и, весьма гордый собой, снова удержался от сарказма. В этот раз как нельзя вовремя. Потому что Аржанцев под конец разговора вдруг вывернул на совершенно неожиданный вывод. «Так что, писатель, выражаю тебе благодарность от имени нашего отдела, — объявил он, радостно хихикнув. И пояснил: — Теперь как пить дать все наши «висяки» передадут в РУОП или в ФСК. Эх, знали бы раньше, сами бы их туда спихнули...»

Гордыня — смертный грех, смиренно думал я, медленно опуская трубку на аппарат. А грех наказуем. Фейсом об тейбл, как сказала бы а-аба-жающая мое творчество и вообще фанатеющая от нашей газеты девочка Тина. Как это там? Не суровость, но неотвратимость. Бодрое хихиканье рябого сыскаря прямо давало понять, что истинное служение Отечеству состоит отнюдь не в том, чтобы быть в каждой бочке затычкой. А в том, что каждый должен заниматься своим делом. Они, значит, знай раньше, сами спихнули бы. А я, выходит, знал и не спихнул... Своим ли делом я занимаюсь?

Или не грехи, или не кайся, как любил говорить (Господи, теперь уже л ю б я — и как быстро я к этому привык! Нет, найдем пока какую-нибудь другую словесную форму), по любимому выражению Артема. Впрочем, на покаяние и прочие рефлексии мне просто не оставили времени. Едва я положил трубку городского телефона, как зазвонил внутренний. Нелли сообщала, что

ко мне пробивается какой-то, судя по голосу, пожилой господин, уверяет, что по крайне важному делу, связанному с сегодняшней публикацией. «Что значит «пробивается»? — без всякого энтузиазма попросил уточнить я. — Откуда он звонит?» «Снизу, из бюро пропусков, — ответила Нелли. — Твердит, что никуда не уйдет, пока не увидит лично тебя». «Запускской», — согласился я со вздохом.

Первой в моем кабинете появилась обширная лысина. Не лицо, не даже какая-нибудь часть туловища, а именно бокастая и округлая, как дыня «колхозница», пятнисто-коричневая от времени лысина, обладатель которой двигался вслед за ней, согнувшись глаголом, словно высматривал что-то на моем полу. Оказавшись посреди комнаты, он туда-сюда повел этой защитного цвета плешью, словно отыскивая боевую цель, в результате установил лысину прямо на меня и для начала потребовал идентификации моей личности. Визитер шепелявил, как старая заезженная пластинка, поэтому выглядело это так: «Вы и ешт тошамый Машнимов?»

Я признался: да, тот самый. Удовлетворенно кивнув своей макировочной макушкой, он направился к креслу у окна и опустился в него, наконец-то открыв лицо: сухое, изрезанное морщинами, как у старого вождя апачей из фильма про индейцев. Одет вождь был в выдавшие виды синие спортивные брюки, серый шерстяной пиджак всего с одной сохранившейся пуговицей и почему-то в разбитые комнатные шлепанцы, будто, выходя из дома, он не собирался дальше, чем с ведром до ближайшей помойки. Но всякое желание иронизировать по поводу внешности посетителя пропадало при виде его глаз. Из-под выпуклых надбровных дуг в тебя упирался холодный и колючий, словно сталгмит, умный, пронзительный взгляд. «Кириллов-Лямин Шемен Трофимовиш, профешор, доктор фишико-математипешких наук, — представился он и сообщил: — Я прошита вашу штатю. Вы молодеш».

Кивнув с благодарностью за комплимент, я приготовился слушать дальше, ведь со слов Нелли мне было известно, что пожилой господин рвется ко мне по весьма важному делу. И мой читатель продолжал: «Позтому я хошу рашкашать вам о шем-то более шрашном. О другом шпошобе, которым убивают людеи. Вы долшны об этом напишать! Долшны!» Его только что ледяные глаза пылали теперь таким ярким и горячим пламенем, в них отражалась такая боль, что я вздрогнул и спросил: «Кто? Кто убивает?» В ответ он криво усмехнулся. «Ешиб я шнал... То еш, коешто я шнаю, догадываюш. Доштатошно пошмотреть, кого они убили ша пошнее время — и вшо штанет яшно. Клеменшук Павел Гавриловиш, шлен-корр, — начал он загибать пальцы, — Гольдберг Лев Осиповиш, академик, шветлейшая голова! Рябинкин Коштя, шовшем молодой, но ошень талантливый... — он вдруг оборвал себя и, выпятив подбородок, обидчиво поинтересовался: — Вы пошему не шапишиваете? Вам не интересно?»

В некотором обалдении я автоматически придвинул к себе лист бумаги и спросил: «Кто эти люди? Вот все, о которых вы говорите?» Семен Трофимович горестно покачал головой. «Не

шнаете... Да вам и не положено шнать. Мы вше были шотрудниками одного иншитута. Шакрытого, шами понимаете. Вышшца штепень шекретношши. И этот иншитут год нашад ликвидировали. Варвары! Вандалы! — глаза его снова стали, как две ледышки, два сталагмита в гаубокой и холодной пещере. — У них больше нет денег на оборону! Они рашвалили великую дершаву — и теперь у них нет денег! Теперь им, конечно, ошталош одно: рашпродавать штрану направо и налево! А тех, кто шопротивляется, они бешшалошно убивают!» У меня мороз прошел по коже. «Семен Трофимович, давайте по порядку, — взмолился я. — Кто убивает, кого и за что?» «Я, мещу прошим, и нашал по порядку, — сварливо насупился профессор. — Клеменшук, Гольдберг, Рябинкин... У меня шельй шпишок. И я в нем — пошледиий». «То есть как это?» — не понял я. Голова у меня шла кругом. «Ошень прошто, — устало усмехнулся он. — Мне шемдешать вошемь лет, и иш них пошледиие шорок я шанималша лашерами, ишкущвенной плашмой, а Гольдберг и Коштя Рябинкин работали в другой лаборатории. Мне не положено было шнать, шем они там шанималиш, но теперь я шнаю! Шпешальными лушами, которые могут убивать на раштоянии. Пришем шнаете, в шем шекрет? Никто ни о шем не догадываетша! Шеловек умирает вроде как от инфаркта. Или, например, от шерроша пешени. Пошмотрите на меня! — Кириллов-Лямин вонзил взгляд прямо мне в лоб, и я почувствовал себя пришпиленной к картонке бабочкой. — Видите, как я хошу? Думаете, наверное, у меня болашнь Бехтерева? Мой враш тоше так думает. Так вот шнайте: нишего подобного! Они шпешиаально купили квартиру у меня ша штенкой — шещаш вшо продаешша! — и уштановили там аппаратуру. Ту, которую рашрабатывал Гольдберг. Луши смерти!»

Лучи смерти. Вот оно что. Я вздохнул с облегчением. «Погодите, Семен Трофимович...» — Но профессор словно перестал слышать все вокруг. «У меня перебой в шерше, выпадають шубы, — кричал он, потрясая кулаком, — ишкривлен пошвоношник, боли в шелудке, но я их вше равно не боюшь! Им меня не шапугать! Не боюшь!» «Успокойтесь, миленький, дорогой, успокойтесь, — бормотал я, со смешанным чувством жалости и естественной при встрече с безумием опаски пробираясь мимо него к двери. — сейчас все уладится, все будет хорошо!»

Врач с психиатрической «скорой», здоровенный детина в белом халате с закатанными рукавами, лицом и комплекцией больше смахивал на вышибалу в ночном клубе, чем на представителя гуманнейшей профессии. Он, ласково кивая головой, внимательно послушал пациента минуты три-четыре, после чего, не прерывая рассказчика, ловким движением вонзил ему шприц в иссохшую подагрическую руку. Но когда старик обмяк с утомленно закрытыми глазами, неожиданно сказал с уважением: «У деда, между прочим, мания преследования в стадии обострения, а он держится — дай Бог каждому. Вот оно, настоящее мужество. Никого из них не боится». «Из кого — из них?» — не понял я. Доктор посмотрел на меня прозрачными, как осеннее небо, глазами и ответил раздумчиво: «Ну как же... из этих, которые всех убивают... Лучами смерти...»

День еще только-только начался, а я, проводив до машины носилки с профессором, уже чувствовал себя морально и физически разбитым. По пути назад меня встретила Нелли, которая сообщила, что ко мне снова посетитель. Я сказал, что если это очередной сумасшедший, то пусть заказывают психовозку сразу на двоих: меня тоже наверняка заберут. Но человек, желавший со мной увидеться, оказался вполне нормальным. К сожалению, как я теперь понимаю. В общем, это вполне относится еще ко многим другим, с кем мне приходилось встречаться или беседовать по телефону в день выхода «МАШИНЫ СМЕРТИ». Все они были совершенно нормальными. В том-то и ужас.

Если отбросить случаи, на которых лежал явный налет избыточной мнительности, женской экзальтированности или старческого маразма, в моем блокноте и на ленте диктофона оказались зафиксированы восемь рассказов, выглядящих более или менее достоверно. Восемь рассказов о внезапной и как бы случайной гибели людей, чья смерть кому-то приходилась весьма кстати. Конечно, я был далек от того, чтобы вот так огульно, уже с первого взгляда, признать все эти истории заказными убийствами. Поступи я так, всякий хоть сколько-нибудь трезво мыслящий критик скажет мне: мало ли каких совпадений не бывает в жизни. И будет прав. Но с другой стороны, я ведь не прокуратура и не суд, мне отпечатки пальцев и баллистическая экспертиза не требуются для того, чтобы высказать кое-какие предположения. Да, совпадение каких-то обстоятельств — мягко говоря, не самая серьезная основа для научных выводов. Ну и пусть. Репортерство, слава Богу, пока не наука, у нас тут свои законы. Например: нет дыма без огня, на воре шапка горит. Или вот еще: слишком много совпадений не бывает.

К пяти случаям известных мне автомобильных наездов со смертельным исходом (шести, если считать тот, при котором я присутствовал) прибавилось еще три. Из числа «висяков» я их тогда не отобрал, потому что ориентировался на как бы классически чистые: есть свидетели, которые абсолютно точно запомнили номер, цвет и марку машины-убийцы, но проверка показала, что автомобиль с такими данными в ДТП не участвовал. В трех новых случаях свидетелей либо не было совсем, либо они давали противоречивые показания. Но с предыдущими их объединяло иное: личности убитых. Генеральный директор аэрокосмического предприятия, бывшей «оборонки», ставшей акционерным обществом. Сын покойного уверял меня, что незадолго до гибели отца в руководстве АО разгорелись нешуточные страсти вокруг нескольких крупных зарубежных заказов. Речь шла о десятках, если не сотнях миллионов долларов. Председатель правления банка средней руки. Его вдова рассказала мне, что у мужа были какие-то неприятности с кредитами: он жаловался, что на него дают, требуют дать крупную сумму без достаточно-го обеспечения. Подробностей она, к сожалению, не знает. Не-кто, как любят писать в милицейских сводках, неработающий москвич двадцати восьми лет. От его матери я узнал, что сыну-ля был позор приличной семьи: наркоман с десятилетним ста-жем, сам торговал наркотиками. В последнее время чего-то

очень боялся, приходил домой за полночь, тихонько ускользал на рассвете. Как-то темным мартовским утречком его и сбила неизвестная машина — в двух шагах от дома.

Далее шло нечто новенькое. Два человека погибли в своих квартирах в результате взрывов, произошедших по причине утечки газа, — таковы официальные выводы пожарных и милиции. Один сгорел вместе со своим загородным домом — «из-за неисправностей электропроводки». Еще двоих попросту забили насмерть (в обоих случаях головы разможены тупыми тяжелыми предметами) — якобы с целью ограбления. Среди них: крупный бизнесмен, фирма которого среди прочего работала на рынке драгоценных металлов, владелец большой рекламной фирмы, сумевшей в свое время отхватить солидную по размерам делянку сразу на трех каналах телевидения, пенсионер, семьдесят два года проживший в коммуналке на Тверской и ни в какую не соглашавшийся приватизироваться и переезжать в отдельную квартиру. Два его приятеля, тихие интеллигентные старички, пришли ко мне с сообщением, что квартирка на Тверской, откуда неудобный жилец был выписан с идеальной формулировкой «в связи со смертью», была — пальчики оближешь. Шесть комнат, четырехметровые потолки, старинный наборный паркет, два камина. Ее торговали за баснословную сумму (что-то около трехсот тысяч долларов) чуть не на следующий день, как похоронили строптивного дедушку. И, наконец, еще двое — довольно темные и невнятные личности. Из маловразумительных пояснений родственников можно было догадаться, что один торговал чем попадетсЯ, ездил то в Чечню, то в Приднестровье, из чего я сделал уже самостоятельный вывод, что чаще всего ему должны были попадаться оружие и боеприпасы. Второй и вовсе сам, кажется, состоял в какой-то преступной группировке.

Разумеется, я отдавал себе отчет, что пять последних эпизодов можно назвать, мягко говоря, притянутыми за уши. Но ведь и первые пять я начинал тянуть примерно за то же место. Так или иначе, мне, репортеру, подвалила превосходная фактура для разработки. Восемь случайных смертей. И ни одной случайной жертвы. Впору готовить материал «МАШИНА СМЕРТИ-2». Но когда ушел от меня последний визитер, я что-то не чувствовал привычного охотничьего азарта. Наверное, размышляя я, это оттого, что охотничий азарт скорее должен охватывать того, кто охотится, а не того, за кем идет охота. Диалектическая спираль сделала очередной вольт, кинув мне неожиданную подлянку. Я больше не был пустым, как барабан. Я снова оказался под завязку набит взрывоопасной информацией. Разрабатывать ее самому — страшно. Слечь по примеру Аржанцева «компетентным органам» — стыдно. Сидеть на ней и ничего не предпринимать — смешно. Так малодушными нас делает раздумье, рефлексировал в аналогичной ситуации принц датский Гамлет. Поздно, бабка, пить боржом, когда почки отвалились, реагирует в таких случаях Генка Троицын по прозвищу «проститутка Троицкий». Вспомнив Льва Давидовича, я по близкой ассоциации решил: ни мира, ни войны. Слишком велика накопившаяся за день

усталость. Утро вечера мудреней. И, как ни странно, оказался прав: утром меня вызвали в прокуратуру.

А накануне я уезжал из конторы с эскортом. Таракан настоял, чтобы со мной в машине непременно поехали два редакционных охранника. Пылкое предложение Нелли привлечь кого-нибудь, как она выразилась, от общественности, я решительно отверг, пояснив, что лично мне и на миру смерть не красна. Впрочем, мы добрались без приключений (хотя я на всякий случай все-таки загнал машину в чужой двор). Ребята проводили меня до самой квартиры. Закрывая за ними на все замки sacramентальную железную дверь, я размышляла над тем, много ли в ней, действительно, проку. Ведь завтра хочешь не хочешь придется ее открыть, чтобы идти на работу, а, как справедливо заметил в свое время Матюша, железную башку мне никто не приделает.

Когда охранники ушли, мне вдруг почему-то стало одиноко и немного тоскливо. Пройдясь по дому, я зажег повсюду свет, включил телевизор, поставил на огонь чайник. Какого-то рожна все равно не хватало. И только заглянув в раковину, где томилась уже слегка покрывшиеся махровой плесенью тарелки и чашки, я понял, какого. Стрихнина с его прибаутками, с его дурацкой хлопотливой суетливостью.

По некоторым бытовым приметам мне стало ясно, что он не появлялся здесь с тех самых пор, как лечил меня от депрессии коньяком с тазепамом. Уж не случилось ли чего? Может, по своему обыкновению, зайвится под утро... Но утром Стрихнин не пришел. А меня закрутили многочисленные дела, первым из которых была необходимость ехать в прокуратуру. Позвонили прямо домой. Безликий канцелярский голос начал привычно: «Мы бы, конечно, могли вас пригласить официально, повесткой, но...» «Но почта работает плохо, повестка будет идти долго, а вам охота видеть меня прямо сегодня, поэтому вы вызываете к моей гражданской совести, — подхватил я. — Так, да?» На том конце провода ошарашенно молчали. Тогда я снова взял инициативу. «Докладываю: моя гражданская совесть стоит по стойке смирно. Куда мы с ней должны явиться? Когда? Этаж? Номер комнаты?»

Но час спустя, перешагнув порог указанного мне кабинета, я утратил львиную долю желания хохмить и подтрунивать над всеми без разбору сотрудниками этого серьезного учреждения. В кресле за обширным столом, угрожающе заваленном бумагами, сидел мой не сказать чтобы добрый, но во всяком случае давний знакомец, старший следователь по особо важным делам («следователь по особо важным делам», как прозвал его Артем), в просторечии важняк Альберт Хван.

Он-то был, в отличие от меня, готов к этой трогательной встрече, но радости испытывал явно не больше моего. За последнее время наши пути пересекались примерно два с половиной раза — и крови друг у друга мы выпили немерено. За половинку (а может, четвертушку или даже осьмушку) я считал тот случай, когда мой голос был лишь одним из многих в хоре возмущения, поднятого прессой и телевидением по поводу уголовного дела, которое возбудил Хван. Это было так называемое «льняное дело», оно началось много лет назад и, кажется, до сих пор не за-

кончено. Хван и несколько особо упорных репортеров ведут его, как столетнюю войну, с переменным успехом. Две другие истории — наше личное. Почти, я бы сказал, интимное. В общей сложности шесть газетных материалов, семь заседаний суда, три возврата на исследование, один оправдательный приговор. Счет 1:1.

«Садитесь», — Хван приглашающе взмахнул рукой в сторону жесткого стула справа от стола. «Закуривать и рассказывать?» — уточнил я. «Ну, началось», — пробормотал он, извлек откуда-то из-под столешницы огромный мятый носовой платок в пятнах сырости и принялся промокать им лицо.

О лице Хвана стоит сказать отдельно. Бедняге не позавидуешь — он страдает, по-моему, от всех известных видов аллергии, проявляющейся в высыпании пятен на коже. Ему нельзя гладить собак и кошек. Нюхать цветочки. Есть мучное, молочное, рыбное, шоколадное и еще Бог знает какое. Ему вредны бытовая пыль и автомобильные выхлопы. Также, как я подозреваю, Хвану противопоказано общение с репортерами. А поскольку совсем избежать всех этих бесчисленных аллергенов он не в состоянии, его лицо постоянно похоже на лоскутное одеяло, сшитое бедной, но рачительной хозяйкой из обрезков подручного материала. В довершение ко всему в жару он всегда обильно потеет. По-человечески мне его ужасно жаль, но вот беда, нам с ним еще ни разу не удалось опуститься (или подняться, не знаю, где точка отсчета) до уровня простого человеческого общения. Мы — Прокурор и Репортер.

Итак, Хван пробормотал: «Ну, началось» и вытащил платок, словно давал отмашку нашему с ним новому забегу. Дистанция неизвестна, зато препятствия гарантированы. Аллергия была налицо, переливаясь по прокурорской физиономии всеми цветами от лилового до багрового. Интересно, это на бытовую пыль? Или уже на меня?

Важняк развернул перед собой газету с моей «МАШИНОЙ СМЕРТИ» и, крепко постучав по заголовку заскорузлым от хронического нейродермита указательным пальцем, строго спросил: «Кто вас на это надоумил?» Я уселся поудобней на стуле, закинул ногу на ногу, натурально закурил и в свою очередь безмятежно поинтересовался: «Это что, допрос?» «Да!» — рявкнул он. И одновременно кинул мне через стол листок бумаги со словами: «Ознакомьтесь. Постановление о привлечении вас к уголовному делу в качестве свидетеля, — помедлил немного и добавил не без угрюмого злорадства: — По к а свидетеля». «Это как прикажете понимать?» — воздел я брови. «Как хотите», — отрезал он, с явным интересом наблюдая за моей реакцией. Нужно было без промедления уравнивать шансы, и я сказал: «Свидетель, как известно, по закону не имеет права отказаться давать показания, но тут другой коленкор. Если я правильно понял, от официального лица прозвучала угроза перевести меня в разряд обвиняемых. Поэтому с этой минуты я отказываюсь произнести хоть слово без моего адвоката».

Цветные пятна на лице Хвана стремительно набирали яркость и даже, кажется, меняли оттенки. Я давно заметил, что

заясь он становится особенно похож на разъяренного спрута. Головоукий моллюск с холодными прищуренными глазами. «Прекратите кривляться, Максимов, — процедил он сквозь зубы. — Если я сказал «пока», это значит, что сейчас вы свидетель — и больше ничего. Поэтому извольте отвечать на вопросы». «Спрашивайте», — пожал я плечами. «Еще раз: кто вам подкинул мысль написать эту статью?» — «Никто», — «Тогда откуда к вам пришла сама идея, что за обычными дорожно-транспортными происшествиями могут стоять заказные убийства?» «Оттуда, — ответил я, не скрывая некоторого сарказма, — откуда к вам она почему-то не пришла: из головы», — для наглядности я даже постукал костяшками пальцев по лбу. «Так-так, — покивал Хван, одновременно пальцем отыскивая в газете какое-то место. Нашел и процитировал: — «Из собственных источников в криминальной среде нам стало известно, что смерть авторитета Ступенечкина по кличке Ступа была, вполне вероятно, выгодна другому бандитскому лидеру по кличке Барин». Это, скажете, тоже из головы?» «Нет, там же ясно написано: из источников в криминальной среде. Я, естественно, прежде чем писать, проводил собственную проверку». Воспоминание о том, как проходила именно эта проверка, вызвало у меня короткий, как толчок сердца, но мучительный паморок — отголосок той кошмарной ночи. «Из источников в криминальной среде, — повторил он. — Безымянных, разумеется?» Я подтвердил это решительным кивком. «А отдадите ли вы себе отчет, кому в первую очередь нужна такая ваша публикация?»

По его медовому тону было ясно, что он заманивает меня в какую-то ловушку, или, во всяком случае, ему так кажется. Я снова пожал плечами: «Думаю, общественности. Потом редакции — для поднятия тиража. Вот, оказывается, и правоохранительным органам пригодилась...» «А кому она не просто нужна? — продолжал настаивать он. — Кому она необходима позарез?» «Понятно, — кивнул я. — *Cui prodest?*» «Чего?» — не понял он. «Это на латинском, — пояснил я. — «Кому выгодно?» Вы ведь должны были изучать латынь на юридическом. Неужто забыли?» Мне показалось, Хвана сейчас хватит кондрашка: все цвета на его ряске сделались почти неразличимо бордовых оттенков. «Эта ваша заметка, — отчеканил он, от ярости клацая зубами на каждом слове, — на руку криминальным структурам, которые хотят стравить между собой своих конкурентов! Вот вы пишете: «...заказчиков... найти нельзя, зато вычислить можно. По принципу «кому выгодно»... «Ага, *cui prodest*», — вставил я. Он метнул на меня полный гнева взгляд и продолжал: «... «кому выгодно». А вот это уже не всем нравится. На войне как на войне, юридическими доказательствами никто себя не обременяет. На гангстерской войне — тем более. Если тебя «вычислили», последствия могут быть вполне определенными...» дочитав, Хван поднял на меня широко раскрытые глаза. «Нет, каково! Сам признает, какими могут быть последствия, и сам же это все равно публикует! Провокатор! — выкрикнув это, он ткнул теперь уже в меня своим сучковатым пальцем. — Вы что, хотите развязать гангстерскую войну на улицах? Чтоб смаковать потом подробности?!»

«Эк его», — подумал я с огорчением. И ведь снова их волнует не то, о чем, собственно, речь, а как посмел, зачем высунулся, почему не согласовал. И еще: что теперь будет. Глядя в шальные зрачки важняка, можно было подумать, что будь у него сейчас на боку маузер, пустил бы он меня в расход без всяких сантиментов. Руководствуясь революционным правосознанием. Всего этого вслух я, конечно, не сказал, а лишь заметил рассудительно: «Ну, во-первых, гангстерскую войну нечего развязывать, она и так давно идет, без моей помощи. Во-вторых, почти все, с кем я встречался при подготовке материала, либо твердо знали, либо подозревали, кто и за что мог убить их близких — от них, собственно, вся информация. Единственное, что я сделал — так это объединил разрозненные случаи в систему. Кстати, весьма неполную, потому что людей, судя по всему, убивают не только с помощью автомобилей, есть и другие способы...» Произнеся последние слова, я с ужасом понял, куда меня невзначай занесло, и прикусил язык, но Хван, кажется, ничего не заметил. Он талдычил свое: «Необходимо тщательно изучить вопрос, не содержится ли в ваших действиях умысла на подстрекательство к убийству...» «Замысла», — поправил я его. Стало ясно, что спорить по существу абсолютно бессмысленно. «Что?!» — вытаращился он. «Не надо путать понятия, — объяснил я. — У людей пишущих это называется не «умысел», а «замысел». Почувствуйте разницу». «Хорошо, — неожиданно, как все неврастеники, Хван успокоился и перешел к нормальному тону. — Давайте поговорим о ваших замыслах. Готовите новую статью на ту же тему?» «С чего вы взяли?» — неприятно удивился я подобной прозорливости. «Ну как же! — почти весело объяснил он. — Толкуете про другие способы убийств! Вероятно, в редакцию пошли отклики, граждане приходят с аналогичными случаями?»

Ах ты, сукин сын, подумал я со смесью досады и уважения, заметил все-таки! И вслух нехотя признал: «Есть кое-какие обращения. Что с того?» «А то, — снова посуровел голосом Хван, — что все эти сведения отныне относятся к уголовному делу, заведенному по фактам, изложенным в вашей статье. И подлежат немедленной выдаче следствию. Как, выдадите добровольно или прикажете провести обыски дома и в редакции? Про личный допрос тоже не забудем, не беспокойтесь». Он глядел на меня торжествующе, его лицо горело теперь передо мной всеми переживаниями красного, как светофор, запрещающий любое движение вперед. Впрочем, колебался я недолго. С некоторым даже облегчением вытащил кассеты и блокнот. Баба с возу...

Хван споро оформил выдачу документально. Округло формулируя, накалякал быстренько короткое объяснение от моего имени и протянул мне со словами: «Ознакомьтесь и внизу напишите: «С моих слов записано верно и мною прочитано». А после того, как я поставил подпись, заметил снисходительным тоном победителя: «Надеюсь, вам ясно, что отныне использование всех этих материалов, так же, как и им подобных, возможно только с санкции следствия. И что дальнейший сбор новых улик и свидетельских показаний находится в юрисдикции исключительно прокуратуры. Вы предупреждены. Не советую нарушать закон».

С этими словами он поднялся, давая понять, что допрос окончен. Я тоже встал со стула и сморщился, обнаружив, что у меня затекли нога и шея. Хван же сил, как новый блин: похоже, он полагал, что эта встреча закончилась в его пользу. Смешно, но я считал, что в мою.

23. ЛАПША

В конце концов, если смотреть на вещи здраво, это было не так уж плохо, что суровая рука закона сняла с моих усталых плеч необходимость писать продолжение «МАШИНЫ СМЕРТИ». По зрелом размышлении я пришел к выводу, что мне, пожалуй, не прожить еще одну такую же неделю под угрозой погибнуть каждую минуту: не прибьют бандиты, помру сам. Со страху. Поэтому в редакцию я возвращался, можно сказать, с легким сердцем. И даже очередной нагоняй, которым меня приветствовал Таракан, был воспринят мною с необычной покладистостью. «Ты не заболел?» — поинтересовался он озабоченно. Но получив отрицательный ответ, тут же успокоился и потребовал, чтоб я ему немедленно в письменном виде представил график, который будет отражать, как и в какие сроки спецкор Максимов намерен разрабатывать «Интертур». «Или ты хочешь дожидаться, пока нас всех засудят?» — угрожающе раздувая усы, спросил Таракан напоследок.

Я пообещал все сделать в точности как он велел, и пошел к себе, размышляя по дороге, почему это все сегодня хотят меня засудить. Никакого графика я, конечно, составлять не собирался. Прежде всего потому, что у меня в плане имелся только один пункт — позвонить Ангелине в городской суд, каковой я немедленно по прибытии в свой кабинет и выполнил. Ангелина была чем-то занята, раздражена, выпалила мне, что провозилась с этим чертовым списком три дня, там фамилий десять или больше, но у нее нет сейчас времени его диктовать. Если желаю, могу приехать за ним лично. Я не желал: дорога через полгорода, жара, пробки. Сошлись на том, что как только у нее выкроится минутка, она скинет его для меня в редакцию по факсу.

И наконец-то начались нормальные трудовые будни. То есть я слонялся по конторе, пил с Чепчиховым кофе в буфете, беседовал о политике с Железным Веником, периодически заглядывал к Нелле узнать, не пришел ли мне факс, а между этими занятиями отвечал по телефону и принимал посетителей. Посетители все были из ранней жизни, с профессиональной точки зрения — пустая порода в отвале, шлак, отработанный пар. Пара новых эпизодов со смертельными наездами. Рутинка. Правда, еще два случая со свеженькой начинкой: в одном человек упал под поезд в метро (толкнули?), в другом задохнулся в собственном гараже от угарных газов. Надо ли подчеркивать, что все погибшие имели достаточные основания быть убитыми? Стоит ли говорить, что всех приходящих я с душевной легкостью переправлял в прокуратуру, прямо к следователю по особо важным делам господину Хвану?

Только одного визитера, вернее, так сказать, визитерку, пришедшую под самый вечер, следует отметить отдельно, потому

что ее рассказ занятным образом не подпадал строго под категорию старых или новых случаев. Точнее, возвращал меня к уже известному эпизоду, но с дополнительными подробностями.

Это была тонкорунная еврейская женщина лет тридцати с тысячелетним лицом, слепленным в незапамятные времена еще старым Богом Яхве, темноокая и крутобедрая, мягкая в движениях и уверенная в словах. Больше мне нечего сказать про нее, кроме разве того, что посмотри она хоть раз на меня ласково, я тут же влюбился бы без памяти, бросил все и пошел за ней на край света. Но это, конечно, не характеристика. Тем более что она вообще никак на меня не смотрела, она смотрела с к в о з ь меня, в какую-то невообразимую даль.

Буквально с первых слов я понял, что речь идет о смерти Александра Фурцева. Инесса (имя под стать волнистым смоляным волосам) была его любовницей. Именно к ней, а не к какому-то мифическому «школьному товарищу» ездил так часто нефтяной магнат. В ста метрах от ее дома он и был сбит насмерть неизвестным автомобилем. Было видно, что описание подробностей не доставляет ей большой радости, поэтому я не стал дожидаться конца рассказа и объяснил, что мне эта история уже известна. Правда, прежде чем сделать следующее сообщение, я маленько внутренне помялся в смущении, но потом решил, что мертвые сраму не имут, и пересказал то, о чем узнал от куклы Барби, она же законная вдова покойного.

«Этого не может быть», — просто, без нажима произнесла Инесса. Она вообще не только двигалась, но и говорила удивительно мягко. Поразительное дело, от этого ее высказывания выглядели чрезвычайно убедительными и категоричными. «Не может быть — почему?» «По многим причинам, — пожала она тонкими плечами. — Но хватит и одной: Шура и Кирилл никогда не были смертельными врагами, они до самой смерти оставались лучшими друзьями». «Выходит, Диана врет?» Новое пожатие плеч дало мне понять, что обсуждать вдову своего любовника Инесса не намерена. Но я не унимался: «Позвольте, а как быть с тем, что Кирилл вышел из бизнеса? Разве это не говорит о том, что они поссорились?»

58

Ответы Инессы были коротки, но емки. И все, абсолютно все переворачивали с ног на голову. Кирилл вышел из бизнеса не потому, что поссорился с Александром из-за денег, а потому что с ним из-за денег поссорилась Диана. Попросту говоря, она его выжила. У Шуры же с Кириллом остались те же дружеские отношения, но только в тайне от жены. Кому как не Инессе знать об этом: они с Сашей не раз ездили в гости к Кириллу в его загородный дом, прекрасно проводили там время втроем. «А как же охрана? — спросил я обескураженно. — Ведь она должна была везде за ним следовать. Неужели он не боялся, что Диана узнает?» Я все еще отчаянно цеплялся за ту версию событий, которая была для меня единственной всего полчаса назад. Инесса добила ее одной легкой полуулыбкой: «Как видите, ко мне он выбирался без охраны. Просто брал такси. А для загородных поездок... Ему еще от деда, дед у него был какой-то крупный строительный начальник, в общем, от деда досталась дача. Там никто не жил, хо-

тя прошлым летом Шура начал ее перестраивать. Потом... после гибели... все, конечно, застопорилось. Теперь, говорят, опять начались работы... Так вот, на этой даче стоит в сарае старая «Волга». Шура брал ее, и мы катались на ней, где хотели, в свое удовольствие. Заезжали к тому же Кириллу...» Я вышел проводить ее до выхода, и там, на лестнице, она неожиданно сказала, просительно заглянув мне в глаза: «Если еще увидите ее, не говорите ей ничего, пожалуйста. Теперь это все не имеет никакого значения».

Я согласно кивнул, потому что думал точно так же. Но после ухода Инессы думать так мне оставалось не больше трех минут. В приемной меня ждал факс от Ангелины. Красивым почерком вышколенной секретарши она вывела на нем с десяток фамилий, сопроводив их краткой справкой. Я шел к себе в кабинет, на ходу просматривая этот листок, и вдруг споткнулся на совершенно ровном месте. Под номером восьмым в списке стоял Михаил Анисимович Фураев. Ликуй, о Таракан! Спецкор Максимов, кажется, нашел наконец зацепку для «Интертура». Крошечную. Малюсенькую. Вполне возможно, бесперспективную. Но единственную. Но зацепку. Прощальный подарок Артема.

В отличие от Гаркуши парламентский корреспондент Веничка Орозов бумажных архивов не признает. Он человек компьютеризированный. К тому же сам придумывает заголовки к своим материалам. Поэтому обошлось без задержек, и очень скоро я уже сидел у себя за столом и изучал распечатанную на принтере политическую биографию Фураева.

Михаил Анисимович прошел долгий и славный трудовой путь отечественного политика. Мастер на заводе. Секретарь парткома (там же). Заведующий отделом в обкоме партии. Заместитель министра. Потом еще несколько должностей в правительстве. Депутат союзного парламента и всех российских. Сейчас относится к группе независимых. Член комитета по законности и правопорядку. Если смотреть по датам, ходатаем в деле Аркатова он был, состоя на то время в должности зампреда Совета Министров России. Каким образом я могу повернуть этого, безусловно, влиятельного и наверняка весьма занятого функционера к моим проблемам?

Собственно, стратегия была совершенно ясна — за полным отсутствием альтернативы. Единственное, чем я на сегодня способен был заинтересовать Фураева, могли быть только какие-нибудь новые сведения о гибели его сына. Да вот беда, даже мне самому было очевидно, что сведения, имеющиеся у меня, во-первых, крайне противоречивы, во-вторых, могут оказаться для Михаила Анисимовича не слишком новыми, да и вообще хиловаты как наживка для такой крупной рыбы. Что я имею? Главным образом, Диану, которая за каким-то чертом навешала мне лапшу на уши. С какой целью? Господи, да она же сама мне все объяснила: не хочет, чтобы вся эта грязь вылезла на широкую публику! Стоп. Неувязочка. Если мальчишки не ссорились и если бывший партнер не убивал, то какая же грязь?

Итак, из непреложных фактов наличествуют: так до конца неразъясненная, явно криминальная гибель Фураева-младшего

и... такая же неразъясненная, тоже, вполне вероятно, криминальная смерть его друга Кирилла. Что хоть как-нибудь объединяет эти события? Ложь Дианы? Так, проехали... Что еще? Что же еще, елки-палки?!

Я сидел за столом, крепко обхватив голову руками, и усиленно пытался заставить ее работать. Получалось плохо. Башка не варила, что-то мешало сосредоточиться. Некий зуд в подсознании, невнятный, но раздражающий, как гудение фонащего радиоприемника. Я тряс головой, пытался вообще переключить мысли на другую тему — зуд не проходил. Тогда я решил поменять тактику. Попробовал разобраться с зудом. По опыту я примерно знал, что за ним кроется. Скорее всего, какая-нибудь мелькнувшая по околице мыслишка — может, автоматом подмеченное совпадение, может, аналогия с чем-то давним, забытым. Попала, как камешек в ступицу, и гремит, гремит на каждой колдобине, не давая покоя. Вопрос: как извлечь это наружу? Лучший способ — еще раз спокойненько, не торопясь, пройтись от печки по всем деталям последних разговоров. Когда появился этот чертов зуд? Пожалуй, после ухода Инессы. А что если еще до, где-то во время нашей с ней беседы?.. Начали!

Вдова рассказала, что Кирилл убил бывшего друга и затем покончил с собой. Любовница выразила по этому поводу большое сомнение. Объяснила, что друзья не были «бывшими». Она вместе с Шурой не раз навещала Кирилла. Диана не могла знать об этом: Фурсев-младший в таких случаях отрывался от охраны, для загородных поездок у него на старой даче была машина. Объяснение для жены: он якобы ездит на встречи со школьными товарищами... Стой, раз-два! Не могла жена, вполне нормальная женщина, не заинтересоваться в конце концов этими самыми «товарищами». Уж не это ли зудит? Я прислушался к своим ощущениям: нет, не это. Поехали дальше.

Инесса утверждает нечто прямо противоположное словам Дианы: это не Александр, а его жена и партнерша сама поссорилась с Кириллом, выжила того из бизнеса. А потом к тому же возложила на него вину за смерть мужа. Кому из двух дам прикажете верить? Я легонько, как вишенку, покатал во рту свои ощущения и решил: верить следует Инессе. Значит, примем за основу: Диана врет. Вешает лапшу. Но зачем? Чтоб грязь не вылезла... Ах, черт, я иду по тому же кругу! И тут вдруг словно что-то щелкнуло, замкнуло проводочки в бедной моей головушке. Я, кажется, уцепился.

Диана сказала тогда про грязь, после чего намекнула на то, что мы несомненно «можем найти общий язык». И тут же, не отходя от кассы, продемонстрировала, какой именно «общий язык» она имеет в виду: для этого лишь нужно было дать слегка разъехаться ее роскошному кимоно. А я... Как отреагировал я? Я отреагировал плохо. Женщина предложила мне самое дорогое, что у нее есть, а я жертву не принял. Пообещал... Да, точно, пообещал «сделать все, что в моих силах». Та еще формулировка. Короче, отказался дать гарантии, что «грязь», о которой так пеклась безутешная вдова, останется втуне. А буквально через десять минут меня попытались убить. Задавить машиной. Мне

не удалось запомнить тогда ни номеров, ни даже цвета, но единственное, что осталось в памяти — кажется, это была «Волга».

В сарае на старой даче тоже хранилась «Волга». И... Я схватил со стола свой блокнот с записями для той, еще первой «МАШИНЫ СМЕРТИ», принялся судорожно искать в нем нужное место. Вот оно. Я не ошибся, не зря чесалось у меня в подкорке! Александр Фурьев был сбит неизвестным автомобилем марки «Волга».

Все, зуд кончился, фонить перестало. Я вытащил наружу так досаждавший мне инородный предмет. Что дальше? Дальше следует признать, что все это — не больше, чем рабочая версия. Чтобы ее проверить, надо по меньшей мере взглянуть на тот автомобиль, что стоит в сарае фурьевской дачи. Чтобы добраться до дачи, неплохо узнать ее адрес. Чтобы узнать адрес, надо связаться с Инессой. Чтобы связаться с Инессой... Боже, какой же я кретин! У меня нет никаких ее координат!

Наверное, это был тот самый момент истины, когда озарение рождается из полного отчаяния. У меня нет координат Инессы потому, что я их у нее не спрашивал, они мне были без надобности. Зато они наверняка есть там, где ими, безусловно, интересовались и даже записали: в бюро пропусков. Узнать телефон по адресу было делом техники. Через несколько минут слегка удивленная женщина уже отвечала на мои вопросы. Я не стал ничего выдумывать и прямо сказал, что хочу съездить на дачу, взглянуть, не той ли романтической «Волгой» меня хотели задавить несколько дней назад. Она восприняла это вполне серьезно и продиктовала адрес. О том, что этой же машиной могли убить и ее возлюбленного, я говорить не стал. А она не спросила.

Поздним вечером, лежа на жестком диване в своей не слишком уютной холостяцкой квартирке, я никак не мог заснуть. Я думал о Диане. Диане-красавице, Диане-прелестнице. Диане-охотнице.

24. БЕТОНМЕШАЛКА

Настал день похорон. К двенадцати надо было ехать в морг, на панихиду, потом в крематорий, а затем, конечно, в ресторан, который для этого случая сняла и оплатила наша контора. Текущие дела, разумеется, откладывались и переносились, в том числе и рейд на фурьевскую дачу. Но когда закончились все эти скорбные траурные процедуры, с поминок я сбежал.

Мне и так-то было тягостно сидеть там. С трагической маской на лице Неелли организовывала выступления товарищей. С курьерской скоростью надирался пушкарь Пыпин. Присутствующие пили, ели, с каждой минутой все больше теплея и оттаивая. Я знал по опыту, что будет дальше: захмелеют, и застольные разговоры начнут все дальше и дальше отходить от повода, по которому здесь собрались. Иногда, спохватываясь, станут, не чокаясь, поднимать стаканы: вечная память! И снова — каждый о своем, утешаясь: мы-то покудова живы. Примерно через час я поднялся со своего места, пробрался к Лильке, которая сидела молча, не проронив ни слова, ни слезинки — белое пятно лица над черным шифоновым платьем. Обнял ее за плечи, поцеловал,

она прижалась ко мне, как маленькая девочка, обвила за шею руками и первый раз за весь день тихонечко всхлипнула. «Извини, родная, мне надо идти», — шепнул я ей на ухо. Она покорно кивнула. Лилька знала, кем мы с ее мужем были друг для друга. И понимала: если я сказал, что надо, значит, так оно и есть. Я был уверен, что Артем тоже не осудил бы меня.

Дача, оставшаяся Александру Фуряеву от бабушки, находилась в Покровке, по дороге на Петербург, и двадцать километров через город до окружной я преодолевал дольше, чем оставшиеся сорок по шоссе. Солнце уже садилось, когда я увидел указатель поворота на Покровку, но потом началась какая-то чертовщина. Надо думать, архитектор был сильно подшофе, когда планировал поселок, а строили его веселые люди глухой и темной ночью. Эта, с позволения сказать, административная единица располагалась по обе стороны железной дороги, то, как квашня, выпирая из балки на поле, то уползая в низину. С трудом найдя съезд с проселка, я минут пятнадцать петлял в облаке пыли, пытаюсь постичь местное представление о градостроительстве. Улицы здесь начинались по одну сторону рельсов, а продолжались по другую, так что из конца в конец по ним можно было пройти, но нельзя проехать. Ближайший переезд был в пяти верстах, встречные попадались почему-то сплошь бестолковые дачники, которые совершенно не знали туземной географии, но уверенно посылали меня в разных направлениях. Поэтому, когда я, скрипя песком на зубах, все-таки нашел нужную улицу и выяснил, что дома по ней идут только четные и с одной стороны, удивления не было. Оказалось, что другая сторона находится через заросший кустарником овраг. Как туда проехать на колесах, было абсолютно непонятно, я махнул рукой, закрыл машину и полез по обрыву сквозь бурелом.

Калитка дома №19 оказалась заперта. Да и калиткой ее можно было назвать разве что с поправкой на сельскую местность. Это была солидная, оснащенная финским замком дверь рядом с железными воротами в мощном, высотой метра два с половиной, остроконечном деревянном заборе, имеющем довольно свежий вид. Безнадежно подергав ручку, я побрел вдоль ограды сперва в одну сторону, потом в другую и вскоре убедился, что иного пути, кроме как карабкаться наверх, у меня нет.

Происхождение нового забора на старой даче было мне понятно: Инесса говорила, что в прошлом году здесь затеяли строительство второго дома, а в наше время рачительный хозяин сперва надежно огородит место от воров и только потом завезет на площадку первый кирпич. То, что я не вор и лезу на дачу, можно сказать, в силу служебной необходимости, утешало лишь морально. Забор оставался забором. Наконец с помощью растущих рядом сосен мне кое-как удалось взобраться на гребень, но по ту сторону деревьев не оказалось, и пришлось прыгать. Упал я камнем, кажется, в малинник, отделавшись, в общем, легко — несколькими царапинами на лице и руках. Дорожка виднелась метрах в десяти от места моего приземления, я выбрался на нее и двинулся в глубь участка. Он показался мне огромным. Я прошел шагов сорок, прежде чем впереди появился дом.

Шедевром архитектуры он, конечно, не был. Бревенчатая развалюха еще, небось, довоенной постройки, серая от снегов и дождей. Короче, не для нефтяных королей. Я обошел ее слева, и передо мной открылась стройплощадка. Не Храм Христа Спасителя, но тоже вполне впечатляюще. Посреди обширного, рассчитанного от деревьев и кустарника пространства зиял котлован. По одну его сторону стоял экскаватор, по другую — автокран. Отметив, что стройка ведется с размахом, я возблагодарил небеса, что обстоятельства позволили мне заявиться сюда только вечером. Боюсь, днем здесь могло оказаться слишком многолюдно для моих планов.

На дне котлована уже лежали, оцетинившись стальными арматурными прутьями, бетонные плиты, кое-где возвышались перегородки будущих подвальных помещений. Осторожно, чтоб ненароком не сверзиться, я заглянул вниз на четырехметровую глубину. Интересно, что тут будет у богатых людей? Сауна, бильярдная, бар с напитками... Пока я разевал рот на чужие богатства, край ямы угрожающе начал осыпаться под моими подошвами, я еле успел отскочить. Это, кстати, напомнило мне, что я приехал сюда совсем за другим, а, между прочим, уже темнеет, так что пора заняться делом.

Сарай я нашел в дальнем конце участка. Его ворота были заперты на большой амбарный замок. Побродив вокруг, я обнаружил одно-единственное пыльное оконце, тоже на запоре. Но колебался я недолго: семь бед — один ответ. Пошарив в траве, отыскал подходящую замшелую каменюку и решительно треснул по стеклу. Оно вылетело с легким звоном, заодно распахнулась настежь подгнившая рама, и я приступил к своему первому опыту проникновения в помещение со взломом.

Опыт дался легко, если не считать того, что, протискиваясь внутрь, я разорвал рукав куртки о какой-то ржавый гвоздь. Спрыгнув на земляной пол, я огляделся, увидел «Волгу» и только тут понял, какой я болван. Сумеречного света сквозь разбитое окошко явно не хватало, чтобы тщательно рассмотреть поверхность автомобиля. А прихватить с собой какой-нибудь осветительный прибор мне в голову не пришло. Ну что ж, для начала попробуем на ощупь.

Мне нужен был правый бок машины. Все время спотыкаясь о невидимые под ногами железяки, я кое-как перебрался в другой угол сарая и присел на корточки. Здесь темень стояла совсем уж непроглядная. Наконец мне удалось нащупать правую фару. Никаких вмятин вокруг нее не обнаружилось, но теперь я получил исправную точку в своих поисках и медленно, не отрывая ладоней, двинулся вдоль переднего крыла...

Пришел слепой в еврейскую семью. Ему дали мацу, он пощупал ее и говорит: «Какой кретин написал всю эту херню?» Ха-ха. Мои пальцы замирали каждый раз, натываясь на малейшую неровность, но мало ли их могло быть на поверхности сильно подержанной «Волги»! Я миновал переднюю дверь, потом заднюю, и когда в полном отчаянии добрался до заднего крыла, стало ясно, что Роза Кулешова из меня не вышла. То ли я ничего не могу определить, то ли вся моя теория идет прахом к чер-

товой матери. По моим представлениям, если это была та машина, которая бок о бок проехала по моей «копеечке», на ней должна была остаться довольно заметная вмятина. И тут я сообразил, что где-то в карманах у меня должны быть спички. Нашел и, уже ни на что почти не надеясь, чиркнул сразу двумя или тремя, поднес их поближе к автомобилю и чуть не заорал от неожиданности. Вдоль всего борта — от переднего крыла до заднего — тянулась широкая, ладони в две, неровная белая полоса. Она явно шла на месте длинной царапины, уже выправленной, зашпатлеванной и затертой. Осталось только покрасить — и не останется никаких видимых следов. Как, однако, вовремя я сюда поспеел!

Спички догорели, опалив мне кончики пальцев. Я хотел было зажечь новые, чтобы спокойно рассмотреть все еще раз, но сделать этого не успел. За стеной сарая послышались тяжелые шаги, кто-то по-хозяйски громыхнул замком, и сразу же в нем заерзал ключ. Никаких соображений, догадок и предположений у меня в это мгновение не было. Была только острая жалость к себе: как же, однако, не вовремя меня сюда занесло!

Ворота неторопливо разъехались, но, к моему счастью, в сарае сильно светлее не стало: на дворе уже почти стемнело. Для меня это было надеждой попытаться выскочить незамеченным. Высунув нос поверх крыла «Волги», я увидел в сереющем проеме ворот силуэт мужчины, который со страху показался мне огромным. Он вошел в сарай с противоположной стороны машины, и я, как был, на корточках, начал потихоньку продвигаться к выходу. Шаг, шагок, шагочек... Когда до выхода оставалось совсем немного, громко, как кнут, щелкнул выключатель, и сарай залило ярким электрическим светом. Все дальнейшее уложилось в какие-нибудь три четверти секунды. Я вскочил на ноги, чтобы рвануть вон, человек на шум повернулся ко мне, и мы узнали друг друга. Это был Петрик.

Я уже улепетывал что было мочи, а в глазах все стояла его вурдалачья морда. Впрочем, через пару мгновений я понял, что эта рожа не только стоит в глазах, но еще и вместе со своим обладателем несется вслед за мной. Надо отдать ему должное, Петрик среагировал мгновенно. Мы ломимся сквозь кустарник, как два обезумевших зверя. Вернее, обезумевшим зверем был я. Он был охотником.

Собственно, никаких шансов у меня не было. Во-первых, я совершенно не представлял, куда бежать: вокруг были сплошные кусты, деревья и густеющая с каждой минутой тьма, а по всему периметру — непреодолимый забор. Во-вторых, Петрик явно оказался здоровее и подготовленнее меня: его дыхание за моими плечами становилось все ближе и ближе. Вдруг заросли кончились, я вырвался на поляну, и это, по-видимому, стало для меня роковым. На открытом пространстве Петрик настиг меня в несколько прыжков, сделал подсечку, и я кубарем полетел на траву. Почти не дав мне приземлиться, он сходу нанес по моему туловищу, как по футбольному мячу, страшный удар ногой, от которого я, несколько раз перевернувшись, упал на четвереньки. От следующего удара мне каким-то чудом удалось увернуть-

ся и даже схватить его за ногу, но он тут же ребром ладони врезал по моему затылку, и я растянулся пластом.

Наверное, ему показалось, что я вырублен, и он тоже взял тайм-аут, чтобы отдышаться. В голове у меня все пылало, дрожало и рябило, как в плохо настроенном телевизоре, но сознание я окончательно не потерял. Соображения хватало ровно настолько, чтобы понять: как только Петрик отдышится, он меня добьет. Собрав все силы, я оттолкнулся от земли и вскочился на ноги. Впрочем, возможно, «вскочил» — это только мне казалось. С интересом глядя, как я барахтаюсь, Петрик даже не двинулся с места. Просто дождался, пока мое тело примет более или менее вертикальное положение, и нанес мне удар в голову, от которого я полетел куда-то во тьму.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я пришел в себя. Полагаю, примерно столько, сколько понадобилось Петрику, чтобы сходить за фонарем. Сам Петрик стоял на краю котлована, заглядывая вниз, а луч фонарика неторопливо двигался по дну, приближаясь ко мне. Как я попал на дно котлована, я не знал, но догадывался, что мой последний полет во тьму был не только фигуральным, но и натуральным. Свет неумолимо приближался, и мне пришлось кряхтя подниматься. Страшно ныло плечо и саднили колени, но, как ни странно, руки и ноги все еще слушались. Когда световой круг уперся прямо в меня, я уже стоял на земле, точнее, на бетонной плите. «Вылезай!» — взвизгнуло железом по железу где-то над моей головой. В ответ я рубанул левой ладонью по правому предплечью, ясно демонстрируя свое отношение к этому предложению. Тогда фонарь злобно дернулся и принялся осторожно спускаться вниз.

Видно, это оказалось не таким уж простым занятием. Склон был крут, это только мне ничего не стоило слететь по нему в бессознательном состоянии. Петрик же пребывал в полном сознании, и ему было боязно двигаться в темноте по осыпавшемуся грунту. Но я не стал ждать, пока он успешно справится с этими трудностями. Перебежал на другую сторону котлована и принялся что есть силы карабкаться наверх.

Ему это не понравилось: можно было предположить, что я буду вылезать с той же скоростью, с какой он — слезать. Свет фонаря заметался, Петрик развернулся на сто восемьдесят градусов, выскочил на поверхность и побежал вокруг котлована, чтобы встретить меня на выходе. Но фонарь, который был его преимуществом, одновременно выдавал маневры своего владельца. Я мгновенно оставил свои попытки выбраться здесь и вернулся к противоположному склону. Увидев это, Петрик побежал туда же. Стало ясно, что наступила патовая ситуация. К сожалению, продолжалась она недолго.

Свет фонаря ушел куда-то за край котлована, оставив меня в темноте и одиночестве с тревогой размышлять, что намерен предпринять противник. Голова у меня болела и кружилась, но воображение еще работало. Я предположил, что сейчас, скорее всего, начнется известная с древних времен игра под названием «побивание камнями», и начал шарить вокруг себя в поисках укрытия: я помнил, что при свете дня видел на дне ямы какие-то

стенки и переборки. Но даже в страшном сне я не мог бы себе представить гнусного коварства и изуверской изобретательности этого упыря.

Наверху вдруг страшно взревело, залязгало, и, прежде чем я успел понять, что происходит, к краю котлована подкатил экскаватор. С чудовищным визгом лебедек в небо над моей головой взлетел хищный клюв ковша — и рухнул вниз. Не знаю, как, но я сумел отскочить. Однако дальше началось такое, что я, наверное, буду до конца жизни вспоминать, просыпаясь ночами в холодном поту. Снова взревели двигатели, и ковш метнулся вправо. Я упал на холодные плиты — и как раз вовремя. Потому что он, как маятник, качнулся в другую сторону и пролетел прямо над моей головой.

Я не могу сказать, как долго это продолжалось. Может, несколько минут, может, гораздо больше. Не могу даже толком описать, что происходило. Помню только, что я закрывал голову руками, стараясь то вжаться в склон, то заползти под плиту, пытаюсь забиться хоть куда-нибудь. А кругом грохотало, визжало и выло. Летели во все стороны осколки бетона и кирпича, которые лупили меня, вонзались в меня, валяли меня с ног. И над всем этим носился разъяренный, оскаливший зубья ковш весом в полторы тонны.

Потом вдруг все замерло. Остановилось. Затихло. В наступившей тишине я совершенно отчетливо слышал, как хлопнула дверца кабины экскаватора, как спрыгнул на землю Петрик. Я слышал его шаги, которые замерли на краю котлована. Я понимал, чем он занят: шарит фонарем по дну ямы, чтобы убедиться, что дело сделано. Я вчуже наблюдал, как луч света остановился наконец на моем полузаваленном землей и битым кирпичом теле. Чувства жили, но сам я был настолько оглушен, что казался себе парализованным. Удовлетворенно кивнув, фонарь второй раз за этот нескончаемый вечер стал спускаться ко мне, но теперь я больше не ощущал в себе сил встать, бежать, карабкаться...

Тогда я сделала все, на что силы оставались: приподнялся и сел. Однако этого было мало, катастрофически мало. Рука моя опиралась на груды кирпичных осколков и, слепо пошарив рядом с собой, я выбрал один из них. Он показался мне страшно тяжелым, почти неподъемным. Но я все-таки постарался приладить его поудобней в ладони. Последний шанс. Свет фонаря уже добрался до середины склона и замер, отыскивая дорогу поудобней. Сволочь. Скотина. Сволочь! Мне кажется, я заорал что-то хриплое, дикое. И последним отчаянным усилием обреченного на смерть что есть мочи метнул кирпичину прямо в горящий гибельным для меня огнем зрак...

Вероятно, это оказалось непосильным перенапряжением. Перед глазами все поплыло, даже ненавистный фонарь вдруг закрутился каруселью и полетел куда-то в сторону кувырком, после чего я не то что потерял сознание, а просто, удовлетворенный собственным достижением, смежил устало веки, чтобы чуть-чуть передохнуть.

Но тут же вздрогнул в испуге и раскрыл их снова, обнаружив, однако, что за краткие мгновенья моего отдыха кое-что измени-

лось. Прежде всего, заметно посветлело небо. Слегка похолодало. Я отсидел ногу. А главное, нигде не было видно Петрика с его чертовым фонарем.

С трудом поднявшись, я кое-как отряхнул с себя комья земли и кирпичную пыль, после чего, слегка пошатываясь, отправился на экскурсию по дну котлована, но уже через несколько шагов остановился, пораженный неожиданным зрелищем. Передо мной лежал Петрик. Не вызывало сомнений, что он мертв. Видимо, сорвавшись со склона, он спиной налетел на стальные арматурные прутья, и они проткнули его насквозь.

Картинка была не из приятных, при виде нее тошнота подступила к горлу. Но я пересилил себя и опустился на колени рядом с трупом. Смерть не смогла еще больше обезобразить его лицо — видать, дальше было некуда. Но на лбу я заметил свежую ссадину. Господи, уж не след ли это моего кирпича? Еще секунда, и я бы не выдержал, рванул отсюда. Но спохватился и взял себя в руки: мне нужно было закончить дело, ради которого меня сюда принесло.

Петрик лежал навзничь. Превозмогая дрожь, я обшарил его карманы и во внешнем клапане куртки нашел то, что искал: бумажник с документами. Ибо мне для моих дальнейших планов нужен был не просто некий Петрик, а, как значилось в водительском удостоверении, Леонид Васильевич Петрянов. Мог мне пригодиться и оказавшийся там же техпаспорт «Волги» вместе с доверенностью на управление, выданной Петрянову ее владелицей Фурсаевой Дианой Константиновной. Но самая многообещающая находка ждала меня в одном из внутренних отделений этого довольно плотно набитого кожаного портмоне. Заглянув туда, я увидел толстенную пачку характерных листков из отрывного блокнота пластмассовой красавицы Барби, розовеющих в свете наступающего утра. Судя по их количеству, Петрик хранил едва ли не все указания своей хозяйки. Но ни сил, ни желания изучать этот архив прямо сейчас у меня не было. Я сунул бумажник себе в карман и начал кое-как выбираться из ямы, стараясь не оглядываться назад.

Раньше провалы в памяти случались у меня разве что в связи с крепким подпитием. Да и то в далекие студенческие времена, когда здоровье еще позволяло не считать рюмки в веселой компании. Теперь же выяснилось, что мое здоровье позволяет совершать даже не все дачные прогулки. Я абсолютно не помню, как выбрался с фурсаевского участка, как нашел свою машину и доехал до города. Выпало. Потерялось где-то по дороге между Покровкой и родимым домом. Первое из новейших воспоминаний относится к тому времени, когда я сижу в своей «копеечке», припаркованной по уже ставшей рефлексом привычке в одном из окрестных дворов. Наверное, я не просто сидел, а кемарил, причем довольно крепко, потому что далеко не сразу проснулся от сильного стука в ветровое стекло, сопровождаемого громким голосом, который спрашивал с тревогой: «Эй, ты там коньки не сбросил?»

Я с невероятным трудом разлепил ресницы и увидел перед собой девочку-сексапилочку Тину. Причем узнал я ее не сразу,

потому что как раз сейчас в ней ничего сексапильного не наблюдалось: застиранные джинсики, потертая хабэшная курточка, ни следа косметики, усталое лицо с кругами под глазами. «Эй, — повторила она, — ты живой? Или мертвый?» Я живой, хотелось ответить мне, живой, хотя маленько, конечно, мертвый. Но язык плохо слушался, и все, что мне удалось сделать, это ухватиться за ручку и открыть дверь машины. При этом не исключено, что я бы выпал, если бы Тина в последний момент не подхватила меня. «Ну и рожа, — констатировала она, изучив мое лицо с близкого расстояния. — Ты ею что, гвозди заколачивал?»

Через некоторое время нам все же удалось совместными усилиями взгромоздить меня наверх, к ней в квартиру. Почему именно туда, не знаю: инициатива была не в моих руках. В прихожей она прислонила меня к стенке, критически осмотрела теперь уже с головы до ног и высказала предположение: «Упал в бетономешалку?» Я кивнул. Это было довольно близко к истине. Тогда она скомандовала: «Двигай в ванную». Там Тина включила воду, после чего довольно ловко стащила с меня куртку и рубашку. Усадив на край ванны, сдернула с меня башмаки, стянула носки и принялась за ремень на брюках. «Не надо, я сам», — неуверенным голосом попросил я, руками делая слабые попытки защитить свое целомудрие, но она с ходу отменяла их, сурово заявив: «Медработников можно не стесняться». «Ты врач?» — приятно удивился я. «Нет, хирургическая сестра». Брюки, а потом и трусы полетели на пол. Тина помогла мне забраться в ванну и сказала: «Отмокай пока». С благодарностью погрузившись в теплую воду, я действительно принялся отмокать — душой и телом. Стало легко и приятно, в том числе от уверенности в том, что тобой занимается специалист своего дела. «И где же ты работаешь?» — расслабленно прикрывая глаза, уточнил я. «В ветлечебнице», — ответила она, прежде чем захлопнуть ко мне дверь.

Где-то я слышал, что десять минут поспать в воде это то же, что шесть часов в постели. Наверное, я дремал минут пятнадцать, потому что, когда очнулся, чувствовал себя гораздо бодрее. Пробудило меня возвращение Тины, но, взглянув на нее, я испытал уже нечто большее, чем просто бодрость. На ней не было ничего, кроме трусиков и клетчатого фартука для мытья посуды. Не говоря ни слова, она намылила мочалку и принялась тереть мне спину и плечи мягкими круговыми движениями, стараясь не слишком давить на мои многочисленные синяки и ссадины. Ее маленькие острые груди с рыжими сосками выскакивали то там, то тут из-под фартука, словно играли со мной в пятнашки, и я не удержался, как бы невзначай обхватил рукой нечто, явно расположенное ниже талии. За что тут же схлопотал мыльной мочалкой в ухо и гневную отповедь: «Я после суток, еле на ногах стою, а он тут еще руки распускает!» «Созрел, — честно повинился я. — Дошел до кондиции».

Закончив мыть, меня завернули в большую махровую простыню и препроводили в кухню, где велели лечь на топчан и не орать, пока будут «процедурить». Но когда Тина принялась одну за другой прижигать мои болячки, я, конечно, все равно заорал: «Полегче, я ведь не кошка и не собачка!» В ответ она сообщила,

что собачек даже жалче. Не возымела действия и моя угроза ее покусать: обещано было в этом случае замотать мне пасть полотенцем. Наконец, курс лечения был окончен, больному объявили, что ему прописан полный покой. «А лечебная гимнастика? Под контролем опытного медработника?» — сделал я последнюю слабую попытку. И по тому, как она фыркнула, понял, что угадал. Тина скинула фартук и нырнула ко мне под простыню. Она оказалась не столь опытной, как, может быть, хотела выглядеть, но старалась быть ласковой и нежной — именно то, что было надо израненному воину. Так что в конце концов все, слава Богу, обошлось без новых травм, и мы заснули в обнимку, как говорится, усталые, но довольные:

25. ПЕДАНТ

Дома, куда я зашел переодеться перед тем, как ехать на работу, обнаружился Стрихнин. Он возбужденно бегал по квартире, собирая в большую сумку свои раскиданные по разным углам бебехи. «Где тебя носит?» — вяло поинтересовался я. «А тебя? — напористо парировал он. — Прихожу утром — его уже нет, ухожу вечером — его еще нет!»

Понаблюдав немного за активной деятельностью своего жильца, я спросил: «Никак отваливаешь?» «Готовлюсь, — подчеркнул он. — Дело к свадьбе». «Неужто отдает деньги?» — не поверил я. Стрихнин кивнул со сдержанной гордостью: «Куда же ему деваться. За все уплочено!»

Когда я повесил куртку на вешалку, он тут же наметанным глазом углядел торчащий из кармана бумажник Петрика и прокомментировал: «Новый лопатничек. С приобретеньцем!» Лучше б он мне про это не напоминал! Мурашки поползли вдоль позвоночника, словно над головой вновь пролетел обезумевший экскаваторный ковш. Меня передернуло, и я безрадостно сообщил: «Это не мой». «А где взял?» — удивился он. «Э... как тебе сказать... украл», — ответил я, с произнесением этих слов все глубже осознавая, как низко я пал. Но Стрихнин, услышав мое признание, почему-то, наоборот, воодушевился: «Украл и украл, с кем не бывает! И нечего тут стесняться, трудно только начать, а там само пойдет!» С этими его словами мне разом окончательно открылась вся бездна, на дне которой я оказался. Чуть не заплакав, я пробормотал: «Ну... это, возможно, не называется «украл»... Хозяин уже был мертвый, когда я... взял...» «Да это не кража, всего лишь мародерство», — пренебрежительно махнул рукой Стрихнин. И вдруг, сообразив, наконец, что к чему, нахмурился озабоченно: «Мертвый? А кто замочил?» Я, как мог, изложил. Он выслушал, после чего, поджав скептически губы, поделился: «У нас в зоне чалился один хачик. Сам метр с кепкой на коньках, а влез на баскетболистку из юношеской сборной. Так вот он тоже на суде все хотел втюхать кивалам, что изнасиловал ее в пределах необходимой обороны...» Я попросил разъяснений, что имеется в виду, и услышал: «А то и имеется, что есть золотое правило: никогда не ходи стучать сам на себя. Все равно не оценят.»

Стрихнин закончил паковать и умчался куда-то, багаж свой, однако, оставив на месте. Перед этим он торжественно со-

общил, что решительный день — завтра, и попросил к этому времени непременно купить побольше шампанского. На мой вопрос, за чей счет, был дан ответ: если Стрихнин придет с деньгами, то за его, Стрихнина, счет, а если без денег, то тоже за его, но — в долг. Тогда я сварливо поинтересовался, не может ли так повернуться, что не будет ни Стрихнина, ни денег. Он ответил со своей обычной ухмылочкой, что все может быть, но в таком случае, поскольку на поминках шампанское не пьют, его придется обменять на водку.

На этом полном оптимизма аккорде мы расстались, и я решил, что пора, наконец, мне изучить доставшийся такой чудовищной ценой трофей. И с первых же шагов убедился, что, может быть, впервые за много дней мне привалила удача. Едва начав перебирать вытрусенные из бумажника на кухонный стол листки, я обнаружил под знакомым уже нервическим почерком прекрасной Дианы какие-то мелкие закорючки, больше похожие на клинопись, чем на привычные буквы. Повертев их так и сяк, я неожиданно понял, что это и впрямь не буквы. Это цифры, причем, похоже, писавший их то ли был левшой, то ли специально маскировался от случайных любопытных взглядов. Освоившись с манерой записи, я быстро стал разбирать: 283, 65, 174, 312. Что бы это значило? Просто порядковые номера? Или какой-то шифр?

Как часто бывает, разгадка лежала на самой поверхности. В виде листка со знакомым мне уже распоряжением красавицы Барби: «Человек из газеты, он меня не съест. В гараж. Завтра в 8.30». Внизу корячились, толкая друг друга острыми локотками, цифры 217. Я был в гостях у Дианы... постойте, постойте... в среду. А что у нас было в среду? В среду у нас было двадцать первое июля. Вот как просто-то! 21.7. Значит, 283 должно означать двадцать восьмое марта. 65 — шестое мая. 174 — семнадцатое апреля. 312 — тридцать первое февраля... Чувь какая-то! Разумеется, третье декабря. Петрик, вероятно, для памяти, а может, из каких-то других своих вурдалачьих соображений, помечал дату каждого хозяйского распоряжения. Отлично, посмотрим, какая нам от этого может быть польза.

Я просидел над разбором листочков из блокнота больше часа, не разгибая спины. И был вознагражден. Разумеется, в массе своей записки представляли собой простейшие бытовые указания, куда и к которому часу подъехать, сколько ждать, иногда просьбы что-то купить, кого-то встретить и тому подобное. Но в этой куче потерявшей всякий смысл и значение бумажной шелухи попадались и жемчужные зерна.

Сначала была странная, на первый взгляд, неоконченная запись: «Он выходит, смотри на окно. Если свет погас». Но дата, проставленная внизу педантом Петриком, объясняла все: те же 217, 21.7, двадцать первое июля. Это был мой смертный приговор.

И уже в самом конце, как приз за терпение и труд, я выудил бумажку со следующими словами: «Он сегодня у своей жидовки. Допоздна. Лучше не будет». Под ними рукой Петрика было накарябано 231. Двадцать третье января. Мне даже не было необходимости сверяться с записями в блокноте. На этот раз благода-

ря все тому же педантизму убийцы (убийственному, так сказать, педантизму) передо мной лежал смертный приговор нефтяному королю Александру Фуряеву.

Ну что ж, есть время собирать камни и есть время торговать своей коллекцией. Я снял трубку и набрал номер. Но на службе Фуряева-старшего не оказалось. Кто-то, вероятно, помощник, избыточно доброжелательным тоном сообщил мне, что депутат захворал, в ближайшие дни на работе его искать не стоит. Это меня не устраивало. Я порылся в блокноте, нашел домашний телефон, и уже через полминуты мне ответил знакомый внятный баритон с генеральской выправкой. «Нам с вами нужно встретиться. Срочно, — произнес я, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности. — Мне сказали, что вы нездоровы, но дело очень важное». «А нельзя ли по телефону? — пророкотал он недовольно. — У меня обострение радикулита, я по большей части в горизонтальном положении». «Как знаете, — ответил я. — Можно и по телефону. У меня на этот раз действительно есть новые сведения об убийстве вашего сына». Совершенно неожиданно для меня он хмыкнул иронически и произнес с некоторым, как мне почудилось, облегчением: «А-а, если вы про эту историю с Кириллом... Диана мне ее тоже на днях рассказала. Только что-то не очень верится. Да и не докажешь теперь ничего, не проверишь». «Нет, — ответил я. — Моя история без Кирилла. И у меня есть кое-какие доказательства, на которые неплохо бы вам взглянуть глазами». «Записывайте адрес», — ни о чем больше не расспрашивая, решительно сказал Фуряев.

И по тому, каким чугунно-глухим сделался враз его голос, я понял, насколько это для него важно. Понял — и устыдился. Мне сейчас предстояло сообщить этому пожилому, не так давно потерявшему сына человеку чудовищную вещь, которая непременно разобьет ему и сердце, и остатки семьи. Но я знал, ради чего занимаюсь этим малоприятным делом. Цена вопроса для моей газеты достаточно высока, чтобы все сантименты оставить у ее подножия. К тому же я утешался тем соображением, что лучше уж пусть он узнает об этом от меня, чем от какого-нибудь бездушного милиционера. К концу пути я почти уговорил себя, что совершаю едва ли не благородный поступок.

Михаил Анисимович проживал в знаменитом Доме на набережной. Каждый раз, оказываясь в этом здании, я мысленно содрогаюсь, примеряю на себя участь его нынешних жильцов и прихожу к неизменному выводу, что никогда не смог бы поселиться здесь. По-моему, это все равно, что жить на кладбище — столько здесь должно бродить неприкаянных душ невинно убиенных, их убийц и убийц этих убийц. Но, наверное, я действительно чересчур сентиментален, потому что многие поколения не только начальников, но и деятелей культуры с наукой, ни мало не смущаясь дурной славой дома, всегда рвались заполучить здесь апартамент.

Вот и Михаил Анисимович, сам открывший мне дверь, был меньше всего похож на призрак. На его картонных щеках гуляло даже некое подобие румянца: то ли сказался вынужденный отдых от рабочих забот, то ли так взволновал мой визит. Он был

в стеганой домашней тужурке, мягких домашних брюках и тапочках, с поясницей, обвязанной большим шерстяным платком. Мы с ним прошли в кабинет — комнату размером с площадку для бадминтона, с видом на Кремль, открывающимся из трех широких окон, и я понял, что, может быть, Париж стоит мессы: подумаешь, какие-то призраки!

«Читал, читал на днях вашу статью, — сказал Фурраев, усаживая меня в глубокое кожаное кресло у окна и сам усаживаясь в такое же напротив. — Вы молодец. И газета ваша молодец. Я, знаете ли, лет сорок каждое утро начинаю с нее. Как говорится, не стареют душой ветераны! Может, подогреть чаю?» От чая я отказался, и тогда старик — а сейчас особенно было видно, что он старик, выбеленный, высушенный и легкий на вид, как деревянный обломок на морском берегу, — поднял на меня свои ясные глаза и спросил, почему в статье он ничего не нашел про своего сына. Уклонившись от прямого ответа, я на всякий случай уточнил, готов ли он к о ч е н ь неприятным известиям. Михаил Анисимович, горько усмехнувшись, ответил, что после Сапиной смерти уже не ждет ничего, более неприятного. И задал вопрос: «Его, конечно, убили бандиты? Мафия?» Я отрицательно покачал головой. И стал рассказывать.

72

Вопреки ожиданиям, дед стойко перенес удар. Во всяком случае обошлось без валидола. Только в какой-то момент он прикрыл веки и не открывал их до тех пор, пока я не закончил. После этого он еще немного посидел молча с закрытыми глазами, а потом спросил: «Эти бумажки с вами?» «Пока только копии». Я действительно по дороге сюда заскочил на почту и сделал ксерокс с наиболее содержательных записок. Разумеется, оригиналы тоже были со мной, но расставаться с ними я пока не собирался. И Фурраев понял это вполне определенным образом. «Надо полагать, это шантаж?» — спросил он глухим и на этот раз совершенно бесцветным голосом. Я почувствовал, как краска стыда заливает мое лицо, но отступать было некуда. «Не надо так полагать! Все гораздо проще. Я мог бы пойти в прокуратуру...»

Ни черта я не мог туда пойти. Во всяком случае мне бы этого не хотелось. Я спинным мозгом чувствовал, что совет, данный мне Стрихнином, основывается на богатейшем опыте многих поколений наших сограждан, когда-либо вступавших в отношения с отечественным правосудием. Так что идти сдаваться с искренними, но не слишком на вид правдоподобными рассказами, я отнюдь не собирался, однако сказал: «Я мог бы пойти в прокуратуру, но, боюсь, толку от этого окажется мало: непосредственный убийца мертв, а привлечь вашу невестку на основании этих блокнотных листочков будет нелегко». «Прекратите лгать, — сказал он, и на этот раз в его густом баритоне я услышал хорошо закаленное железо. — Вы же не побежали в прокуратуру, когда набрали фактов для вашей статьи. Вы репортер, и вполне можете состряпать из этого отличный скандал. Говорите прямо, чего вам надо». Я готов был провалиться со стыда, мысленно проклиная Таракана, Дранова и вообще всю эту мерзкую историю. Но вслух произнес: «Скандал состряпать не проблема. Да, честно говоря, ни один профессионал не отказался бы от та-

кого материала: тут тебе и нефть, и большие деньги, и все это, извините, в семье депутата Думы. Но я отказаться готов. Потому что однажды вы сказали, что дорого заплатили бы за то, чтобы узнать, что на самом деле случилось с вашим сыном...» «И вы решили узнать, как дорого я готов заплатить?» — едко перебил он меня.

Может, бросить все это к чертовой матери, повернуться и уйти? Я тяжело вздохнул и потащил свой нелегкий крест дальше. «Нет, Михаил Анисимович, все не так просто. Есть вещи поважнее очередной жареной заметки, и сегодня сложилось таким образом, что мы можем оказать вам услугу. В надежде, что и вы можете нам». На этот раз он просто молча кивнул, глядя на меня выжидательно. Я набрал побольше воздуха в грудь и выдохнул: «Нас интересует человек по фамилии Аркатов». Ничто не шелохнулось на лице Фуралева. Фамилия бывшего командира молодежного туризма отскочила от него, как от стенки. Все так же сурово и жестко он спросил: «Кто такой?» Сердце мое подпрыгнуло и упало. Неужели все было напрасно? В отчаянии я принялся сбивчиво объяснять суть дела, и вдруг увидел, что черты лица моего собеседника разглаживаются. «Аркатов! — воскликнул он. — Теперь припоминаю. Я его даже не видел никогда, меня кто-то попросил, ну я и снял тогда трубочку. А вот Володю Квача знаю отлично, еще с комсомольских времен. Хороший парень, крепкий организатор».

У меня вертелось на языке рассказать Михаилу Анисимовичу, что хороший парень Квач не только жулик и взяточник, но еще, похоже, крепко организовал убийство одного из своих подчиненных. Однако я вовремя вспомнил, что пришел сюда не за тем, чтобы открыть Фуралеву глаза на всех поголовно его родственников и знакомых, а за тем, чтобы избавить свою газету от многомиллионных убытков. И сказал: «Собственно, надо только, чтобы они забрали из суда свой иск». «Это все?» — спросил Михаил Анисимович недоверчиво. «Все», — честно ответил я. «Ну что ж, есть на него кое-какие выходы... И после этого вы отдадите мне бумажки?» — уточнил он, а я еще раз поразился этим удивительно ясным пронзительным глазам, глядящим с помертвело-белого бумажного лица, и ответил: «Как только — так сразу».

26. ПЕПСИ

Роздых нужен каждому человеку, даже лошади, говорит Генка Троицын. И он прав. Отрапортовав Таракану, что сделал по его заданию все, что было в моих силах, я отправился домой. Прошедшая ночь у меня выдалась что надо, и больше всего я нуждался сейчас в одном — улечься на свой диван и выспаться. Что я и сделал, руководимый давно забытым ощущением: надо мной не каплет ни-че-го. Последний материал опубликован, отклики на него спихнуты в прокуратуру, а нового пока не предвидится.

На всякий случай я пришила к зеркалу в прихожей записку для Стрихнина, в которой просил будить меня только в случае войны или стихийного бедствия, а всем звонящим и приходящим врать что-нибудь жалостное. До позднего вечера я действитель-

но продрых у себя, а с наступлением темноты, как блаудливый мартовский кот, побежал через двор к Тине. День да ночь — сутки прочь. Когда следующим утром я снова появился в собственной квартире, то опять обнаружил там бурно хлопочущего Стрихнина. «Где тебя черт носит? — зсoral он при виде меня вместо приветствия. — Я ж предупреждал: сегодня съезжая! Принимай ключи от номера и считай наволочки. К тому же тебе обзвонились с работы». «Чего хотели?» — «Тебя, Вынь и положи». Так что я согласно инструкции врал, что ты тяжело болен, не в силах держать трубку». «Мог бы придумать что-нибудь похудожественней. — проворчал я. — И чем я у тебя болен?» «Острый приступ педикулеза», — ответил Стрихнин.

Наверное, я дал бы ему в морду, но тут мой квартирант картинно щелкнул замками кейса, и все, абсолютно все проблемы отъехали на второй план. Столько денег живьем я не видел ни разу в жизни. «Здесь что, триста тысяч долларов?» — спросил я с душевным трепетом. «Как одна копеечка! — подтвердил он. — А еще, не забудь, должна быть сдача с моего заказа. Я позвонил, отменил. Не пропадать же деньгам». «Не торопиться?» — усомнился я, но Стрихнин легко махнул рукой: «Меня найти — загребется пыль глотать! Через полчаса я вас покину, уж не обессудьте. Помоги-ка лучше снести вниз манатки». Только тут я обратил внимание на сложенные у двери вещи — и удивился их количеству. Оказывается, Стрихнин основательно оброс бытом у меня в квартире. Кроме двух сумок, здесь стояло еще несколько коробок, тук и какие-то вполне габаритные свертки. «Что значит «вниз»? — спросил я подозрительно. Знаем мы эти штучки типа «мамаша, дай воды напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде». — Спустимся, а там попросишь подкинуть тебя на машине? До аэропорта?» «Не дожدهшься!» — горделиво отрезал Стрихнин.

Конечно, как всегда, когда надо перетаскивать тяжести, лифт оказался сломан, и мы стали спускаться пешком. Тут, к моему удивлению, выяснилось, что Стрихнин не только обзавелся обширным хозяйством, но и успел перезнакомиться с половиной дома. Столкнувшийся с нами на площадке многосемейный Леня Адамчик уважительно потряс ему руку, а любвемобильный Зурик, который на этот раз выходил из своей квартиры в сопровождении сразу двух пассий, на прощание даже обнялся с ним. «Вот уедешь, все им расскажу про тебя», — мстительно шепнул я, в самое сердце пораженный такой народной любовью. «Не старайся, не поверят», — с самодовольной ухмылочкой ответил он.

Но главное испытание еще только ждало меня. В десяти шагах от подъезда стоял задастый «BMW» цвета «металлик», и именно к нему, на ходу небрежно бренча ключами, направился этот фат. Пусть не новый, пусть коцанный, с битым крылом и оцарапанной дверью, подобный автомобиль посреди нашего помочного, усеянного с прошлой осени не убранными жухлыми листьями и прочим полусгнившим мусором двора смотрелся, как, с позволения сказать, корова в седле. Стрихнин ткнул кнопку на брелке, вздрогнули, словно глаза невиданного зверя, габаритные огни, мягко щелкнул замок и неторопливо раззявилась

внушительная пасть багажника. «Купил, понимаешь, по случаю, — небрежно пояснил он мне, укладывая в машину свои ма-натки. — Хотел сперва взять новье, но передумал: с моей специ-альностью лучше из толпы не выделяться». У меня не нашлось слов прокомментировать последнее заявление. Поверх всего он аккурратно уложил кейс с деньгами и тщательно захлопнул крышку багажника. Потом протянул мне руку: «Ну, бывай!» «Чем теперь займешься? — поинтересовался я. — С такими-то день-жищами?» Стрихнин открыл переднюю дверцу, уселся за руль и повернул ключ зажигания. После чего ответил, состроив на лице философическую мину: «Видишь ли, мне тридцать три года. В этом возрасте Иисус Христос уже все тутюшные дела закругил, а Илья Муромец только с печки слез... Железно могу одно ска-зать: ни стирки метать, ни тем паче квартиры бомбить я больше не стану, — подумал, ухмыльнулся своей обычной ухмылочкой и добавил скороговоркой: — Бля буду, мент буду, зуб даю, век сво-бодка не видать!»

Двигатель бээмвухи урчал, как довольный кот. В своем сером фланелевом костюме от Версачи Стрихнин совсем не был похож ни на Иисуса, ни на Илью Муромца, а скорее тоже смахивал на жирного довольного кота, добравшегося наконец до крынки со сметаной. Я поймал себя на том, что уже смотрю на него отстра-ненно, как сквозь пыльное стекло набирающего ход вагона, и прощально махнул рукой.

Все последующее происходило как бы и последовательно, и одновременно. Машина тронулась, с хрустом давя широкими протекторами осколки битого стекла и старые ржавые жестя-ки. Одна из этих жестянок, кажется, от «Пепси», на вид поновее прочих, почему-то тоже поволоклась в путь под самым брюхом бээмвухи. Скорее почувствовав, чем разглядев, тонкую прово-лочку, соединяющую ее с автомобилем, я заорал: «Атас, Стрих-нин, бомба!» Я закрыл голову руками, круто повернулся и бро-сился в кусты, на землю. Сзади бабахнуло, пнуло в спину, осле-пило, оглушило, обдало жаром...

Когда я наконец осмелился обернуться и открыть глаза, то увидел, что «BMW» горит и трещит, как хорошая вязанка хворо-ста. На газоне в трех шагах от меня лежал Стрихнин. Слегка шатаясь, я поднялся на ноги и пошел к нему. Его залитое кровью лицо искажала странная гримаса, он что-то еле слышно бормо-тал, но я не мог ничего разобрать. Тогда я опустился перед ним на колени, в жалкой попытке хоть как-то облегчить его послед-ние мгновенья подsunул ему ладонь под голову и только тут раз-глядел, что он, оказывается, ухмыляется, а его разбитые губы с трудом, но шепчут: «Хорошенького понемножку... сказала ста-рушка, выходя из троллейбуса и попадая под трамвай...»

27. Ф-1

Надо отдать ему должное, Стрихнин проявил в критический момент отменную реакцию профессионального игрока. Как только я заорал про бомбу, он на ходу успел открыть дверцу и вы-валиться из машины. Так что в результате ему удалось отделать-ся легкой контузией, парой ушибов и покорябанной физиономи-

ей. Юридические последствия инцидента также оказались щадящими: из милиции нас выпустили довольно скоро, ничего толком не добившись. Я вообще проходил как случайный свидетель, а потерпевший твердил, что не имеет ни малейшего представления, кто именно мог покушаться на его скромную персону, и даже сделал письменное заявление, что ничего ценного в сгоревшей машине не было, да и сама она была развалюха из развалюх.

Но как только мы оказались за воротами отделения, с его лица тут же слетела маска напуганного обывателя, уступив место холодно-жесткому выражению. «Натурально, мне сделали оборотку, — сообщил он. — Ну да я им тоже так оберну, что жопа треснет. У тебя еще не пропала охота поглядеть на диспетчера по заказным делам?» «Нет!» — встрепенулся я. «Тогда сегодня можешь получить это удовольствие». Сделав столь многообещающее заявление, Стрихнин с весьма целеустремленным видом куда-то отвалил, назначив встречу в моей квартире на одиннадцать вечера. А я поехал в редакцию: мне было интересно, чего это оттуда так настойчиво звонили.

Но сенсаций там не оказалось. Просто Таракан напустил на меня свою секретаршу, потому что редактору, во-первых, не терпелось поделиться со мной радостной новостью: «Интертур» забрал из суда свое исковое заявление. А во-вторых, ему было страшно любопытно, как все-таки мне удалось сей Гераклов подвиг. Я скромно ответил, что пусть это останется моей маленькой тайной. Но он продолжал настаивать, и пришлось мне объявить, что все детали и подробности я берегу для своих мемуаров. «Ты что, уже собрался на пенсию?» — поразился Таракан. Я сказал, что нет, пока не собираюсь, однако жизнь — сложная штука, во многих знания — многие печали, и обстоятельства могут повернуться по-всякому. Но в любом случае, ежели такие мемуары напишутся, я уже сейчас точно знаю, какая в них будет последняя фраза. «Ну и какая же?» — заинтересовавшись, спросил он. И я продекламировал с выражением: «С моих слов записано верно и мною прочитано».

Кажется, тут он наконец дотумкал. Потому что срочно свернул эту тему и переключился на другую: есть ли у меня в данный момент, над чем работать? Вот на этот вопрос, памятуя предложение Стрихнина, я ответил со всей возможной искренностью: «Есть!».

Откровенно говоря, моя способность ничтоже сумняшеся влезать в любые авантюры пугает меня самого. Правда, как правило, потом. После авантюры. Реже — в процессе. Но и это не часто приводит к адекватному восприятию происходящего, по крайней мере, настолько, чтобы вовремя остановиться. Обо всем этом я с грустью размышлял, наблюдая за тем, как Стрихнин бесшумно хлопочет, громоздя непонятную конструкцию из разнородных предметов. Время — половина второго ночи. Место — чужая лестничная клетка, слабо освещенная еле тлеющей под потолком пыльной лампочкой. Цель — проникновение в частное жилище путем взлома.

Насколько я мог судить, основным нашим орудием на первом этапе должен был стать обычный домкрат, позаимствованный

из багажника моей машины. К нему Стрихнин с пугающей меня ловкостью пристроил обрезок стальной трубы и внушительных размеров изогнутую фомку. Все это сооружение одним своим концом упиралось в выступ кирпичной стены, а другим — в край металлической двери, очень похожей на ту, что установил мне Матюша. За всеми этими приготовлениями я следил с сомнением и надеждой. Сомнения мои касались самой возможности одолеть эту преграду чем-нибудь, кроме динамита. Надежды же состояли в том, что одолеть не удастся и мы с напарником уйдем отсюда побежденными, но на этот раз не согрешившими.

Ни то, ни другое не подтвердилось. Закончив подготовку, поплевав зачем-то на ладони, Стрихнин принялся крутить ручку домкрата. И к моему изумлению дверь, легонько подставывая и побряхтывая, начала поддаваться. «Когда войдем, молчи и не лезь, что бы ни происходило», — приказным тоном объявил он мне. «А там что, есть кто-нибудь?» — запоздало поинтересовался я испуганным шепотом. «Должен быть, сука», — злобно прошипел Стрихнин в ответ, и тут затрещало совсем уж угрожающе. Я даже не успел в полной мере ужаснуться мысли, что мы, оказывается, ломимся не в пустую квартиру, а к живым людям. Коротко, как выстрел, треснуло, и дверь распахнулась. Стрихнин рванул в черный проем, в одной руке у него оказался мощный фонарь, в другой многофункциональная, как выяснилось, монтировка. Я обреченно двинулся следом.

Похоже, мой поделщик неплохо здесь ориентировался. Фонарь мазнул лучом по застекленной двери в кухню, прошелся по коридору, уверенно нащупал спальню и бесцеремонно вломился туда. Нашим взорам предстала занятная картинка. На широкой кровати в круге света застыли три совершенно голых человека: мужчина и две девицы. Их позы не оставляли сомнений в том, что мы застучали их в самый неподходящий момент. «Полиция нравов! — заорал Стрихнин, размахивая фонарем и монтировкой. — Никому не двигаться!» О том, чтобы двигаться, никто, по-моему, и не помышлял, вся троица буквально оцепенела. А Стрихнин подскочил к ним поближе, ткнул одну из девиц фонарем и заорал еще пуще: «А ну, прошмандовки, брысь отседа!»

Прошмандовки, следует отметить, повторять не заставили. Кубарем скатились с кровати, опрометью бросились разыскивать в темноте по углам свои манатки. «Быстро, быстро, биксы майданные, бебехи в грабки и пошли! — подгонял их Стрихнин. Потом обратился ко мне: — Доведи их до лестницы и дай по вальторне, чтоб через минуту запаха ихнего тут не было!»

Но выполнять это поручение в полном объеме не потребовалось: майданные биксы с бебехами в охапку сами выскочили из квартиры, как ошпаренные, забыв одеться. Но и за то время, что я отсутствовал, сцена разительно переменилась. Теперь фонарь больше был не нужен, потому что в комнате горел свет, а герой-любовник переместился с кровати на стул, к которому его уже заканчивали приматывать тонкой капроновой веревкой, предварительно связав ему руки за спиной. Покончив с этим делом, Стрихнин отступил на два шага, как художник, любясь своим произведением, и неожиданно заговорил спокойным, даже поч-

ти любезным голосом, словно не он тут только что вопил благим матом: «Привет, Кулек. Извини, если оторвал. Срочный базар к тебе». Однако тот, кого называли Кульком, похоже, был еще не вполне готов тоже перейти к любезностям. Он молча сидел посреди кровати, выката на нас безумные глаза, мелко-мелко тряс нижней челюстью. Зато я наконец смог разглядеть его.

Кулек представлял собой скомканного (пардон за каламбур) человечешку средних лет с покатыми по-бабы плечами, кривонного, вислобрюхого, обладателя на редкость пустой, смазанной физиономии, точно кто-то нарочно поработал над ней ластиком. Впрочем, сейчас его бесцветную рожу украшали два все больше расцветающих с каждым мгновением ярких синяка, из чего я заключил, что перемещение с кровати на стул было действием хоть и стремительным, но отнюдь не добровольным.

Стрихнин взял еще один стул и уселся напротив своего пленника. «Ты чего трясешься? — миролюбиво поинтересовался он. — Думаешь, я жмурик? Не жмурик я, на, дотронься! А то, хошь, для убедительности еще раз в хавальник дам?» Голый, принайтованный к стулу Кулек в ужасе отрицательно затряс головой. Больше всего он походил сейчас на собственный penis — маленький, дряблый и скукоженный. «Ну вот, молодец, — похвалил Стрихнин. — Начал соображать! Я ведь, собственно, чего к тебе заглянул? Я к тебе заглянул сказать: хоть ты, волчара позорная, и сдал порядочного клиента, а один хер, замикстурить вам меня не удалось!» «Я-то причем?» — протяжно всхлипнув, наконец-то подал голос Кулек. «Странно, — поджал недоверчиво губы Стрихнин. — Давай разбираться. Я через тебя сделал заказ, так? Так. Проплатил бабки, при этом сказал, что если не приду до определенного срока, заказ надо выполнять. Потом позвонил, заказ отменил, но бабки забрать не успел: между прочим, тридцать штук баксов в дровах не найдешь. Куш, вполне достаточный за такого бобра залетного, как я, а? Так. Позвонил, значит, отменил — и прямо на следующий день мне под жопу суют хлопущку, вона, — в качестве доказательства он продемонстрировал на лице свои боевые царапины и подвел окончательный итог: — Ты говоришь — ни при чем, кто ж тогда при чем? Сказка. Тыща одна ночь».

Поискав вокруг себя глазами, Стрихнин неожиданно ни к селу ни к городу кивнул подбородком в сторону тумбочки: «Вон тот будильник у тебя ходит?» «Ходит... — эхом откликнулся Кулек, — как еврей на войну». Не вставая с места, Стрихнин правой нанес ему короткий, но мощный хук в ухо, от чего тот вместе со стулом полетел на пол и оттуда жалобно захныкал: «За что сейчас-то?» «Когда узнаю, за что — убью, — бодро пообещал Стрихнин, как неваляшку, возвращая привязанного Кулька в прежнее положение. — Так ходит или нет?» «Батарейка села...» Стрихнин снова пошарил глазами по комнате, обнаружил пульт от телевизора, извлек батарейку, приладил ее к будильнику, после чего поднес его к уху и радостно сообщил: «Ходит, родимый! Как еврей на войну!»

Я ничего не мог понять, Кулек, видимо, тоже. Но гадать, что на уме у Стрихнина, нам оставалось недолго. Сначала он выта-

щил из кармана перочинный ножик и ловко отщелкнул у будильника стекло. Потом оттуда же извлек шпульку ниток и моток липкой ленты. Подтянул поближе к Кульке тумбочку, установил на ней будильник, привязал к минутной стрелке нитку, укрепил ее для надежности скотчем, подергал — держится крепко. С удовлетворением оглядел всю конструкцию и из другого кармана вынул гранату.

У меня перехватило дыхание. Это была натуральная граната Ф-1, оборонительного действия, радиус разлета осколков — двести метров. Ее ребристые бока тускло поблескивали, пока Стрихнин устанавливал ее рядом с будильником и привязывал другой конец нитки к дужке чеки. Установив, он начал медленно, миллиметр за миллиметром, вытаскивать чеку из гнезда. Я заметил, как дрожат в напряжении его пальцы, и мне захотелось одного: быстро-быстро оказаться на лестнице, по ту сторону железной двери. Но ноги не слушались меня. Мельком взглянув на Кулька, я увидел, что тот и вовсе ходит ходуном, словно в малярном припадке. А Стрихнин, оставив чеку держаться на последнем издыхании, аккуратно развел будильник и лимонку в разные стороны так, что нитка оказалась провисшей лишь чуть-чуть, выдохнул и сказал, сильно понизив голос: «Я так думаю, Кулек, минуты через три-четыре твои яйца будут на соседней крыше. В жареном виде». После чего поднялся и коротко кинул мне: «Пошли. Только ногами не топай». И тут Кулька прорвало. Потекло сразу и по щекам, и по ляжкам. «Стрихнин, миленький... да я... да ни в жисть... откуда мне... ни сном ни духом», — заблеял он. «Верю, верю, — успокоил его Стрихнин, — сам трепло. Значит, ни в жисть, говоришь?» Кулек яростно закивал головой. «Кто ж тогда?»

Если б у Кулька не были связаны руки, он бы ими в отчаянии развел, а так это выразилось в жалобном дергании плечами. «Правильно, — одобрил Стрихнин. — Сам погибай, а товарища выручай. Салют Кибальчишу!» Он повернулся, чтобы уходить, и тут Кулек в голос завыл ему вслед. «Ну, хорошо, — Стрихнин как бы нехотя вернулся и сел обратно на стул. — Давай, я тебе помогу. Ты ведь лично на исполнителей не выходишь, передаешь заказики по инстанции, верно?» Кулек судорожно кивнул. «Вот и скажи — кому передаешь?» — «Я его не знаю. Только в лицо... Звоню на пейджер, сообщаю время, он приходит — плюс-минус два часа. В условленное место». — «Какое место?», — «На Чистых прудах, — нехотя выдал из себя Кулек. — В скверике у воды, напротив театра «Современник». Стрихнин удовлетворенно кивнул: «А теперь ну-ка опиши его похудожественней, — и, видя, что Кулек молчит, глядя на нас с мольбой и болью, подбодрил его: — Что, боишься, художественно не получится? Давай, давай, дерзайте, вы талантливы!»

Кулек обреченно открыл было рот, но тут Стрихнин неожиданно сам оборвал неначавшуюся исповедь, для вящей, вероятно, убедительности переходя на феню: «Только без понтов, не вздумай дурочку накатить! На этот случай процедура такая: ты его описываешь, говоришь номер пейджера и что должен сообщить. Я звоню и иду с ним на стрелку, а тебе завожу будильник

на... — он задумался, прикидывая, — плюс два часа после стрелки, к примеру. После этого можешь спать спокойно: если ты честный фраер, я вернусь и тебя разбудю. А если прогнал мне фуфло, тебя разбудит вот это». При этих словах мы все произвольно обратили взгляды к адской машине. Будильник тикал, как ни в чем не бывало, но ниточка уже почти перестала провисать, натягиваясь все больше и больше. Кулек громко сглотнул и с обреченным видом стал рассказывать: «Высокий такой, мордастый, лет за пятьдесят. Волосы седоватые. Да, вот! Всегда с «дипломатом», он туда бумажки и фотки, которые я приношу, прячет. Вроде, все...» «Ну а деньги? — спросил Стрихнин. — Денежки он тоже в «дипломат» прячет?» Кулек снова замаялся — всего на мгновение, а Стрихнин уже заорал так, что я испугался, как бы лимонку не снесло на пол звуковой волной: «Не лепить!» «Деньги я не ему отдаю...» — пробормотал, почти прошептал Кулек. «А кому?» — надавил Стрихнин. «Если заказ принят, ко мне приезжают. Специальные люди». «Ну хорошо, — Стрихнин словно вожди отпустил, ласковым похлопыванием по крупу разрешая загнанному Кульку перейти на легкий аллюр. — Принято пока что. Давай пейджер».

Совершенно подавленный Кулек диктовал, а я по указанию Стрихнина тут же, не отходя от кассы, крутил диск, сообщал номер абонента и назначал время стрелки: завтра в десять утра. «А теперь, — довольно потирая руки, проговорил Стрихнин, — последний вопросик: кто тебе дал номер пейджера и от кого приезжают за деньгами?»

80 Я думал, Кулек опять начнет артачиться, а потом, как уже было, Стрихнин его доломает. Но на этот раз реакция была столь неожиданной, что у меня мороз прошел по коже: Кулек засмеялся. Меленько так захихикал, трясаясь всем своим дряблым телом младенца-переростка в веревочных перетяжках. «Я тебе скажу, я-то тебе скажу, только вот как ты проверишь?» «Не бей хвостом! — снова перешел на феню Стрихнин. — Базарь!» Но Кулька, видать, разобрало не на шутку. Он давился истерическим смехом, с трудом выплевывая из себя отдельные слова: «Иди... проверь... дурак... ломом подпоясанный!» Наконец, отсмеявшись, он мало-помалу успокоился и произнес с плохо скрываемым злорадством: «Людей этих мне прислал Барин. Слышал про такого?» При этом имени я встрепенулся (оно ассоциировалось у меня с моими приятелями Ступой и Рикошетом), а Стрихнин и впрямь как будто слегка поник. Целую минуту, наверное, он молчал, размышляя, а потом заговорил, без прежнего, впрочем, напора: «Барин, значит... А хоть бы и Барин... Я тоже не из мужиков. Отдыхал со мной на даче у хозяина один профессор ботаники, жену отравил. Так вот он авторитетно заявлял: есть можно все грибы, только некоторые — один раз. Усек?» Не было похоже, что Кулек усек, да и про себя я бы этого не сказал. И Стрихнин, уловив это, разъяснил тоном жестким и нелицеприятным: «Меня дважды схарчить нельзя. Выгошнит».

Перед тем, как уйти, Стрихнин, действительно, перепривязал нитку с минутной стрелки на часовую таким образом, чтобы она натянулась до предела около двух часов следующего дня. Прове-

рил еще разок, хорошо ли связан Кулек, и заботливо поинтересовался: «У тебя насморка нет?» После чего захлеил ему рот куском липкой ленты. Критически оглядел плоды своих рук, с некоторым сомнением потрогал кончиком пальца, насколько устойчива граната на тумбочке, и пробормотал себе под нос: «Надеюсь, кашля тоже...»

После чего покинул квартиру, аккуратно пристроив входную дверь на место. Я, верный обещанию молчать и не вмешиваться, что бы ни происходило, вышел вслед за ним, но на лестничной площадке дал волю чувствам. Общий смысл моих патетических высказываний сводился к тому, что я не желаю быть соучастником возможного убийства этого, пусть и не самого лучшего, но все-таки представителя человеческого рода. Однако Стрихнин, во все время произносимой мною филиппики быстрым шагом катившийся по лестнице, остановился только у выхода на улицу, презрительно сморщился и махнул рукой: «Да не переживай ты так из-за этой поганки! Они, небось, не переживали, когда за какие-то сраные тридцать штук хотели мне движок заглушить! К тому же не грозит ему ровным счетом ни хрена, кроме родимчика. Граната, видишь ли, учебная. За боевую просили дорого, а у меня сейчас не то материальное положение, чтоб деньгами разбрасываться...»

28. ФЛЕШЬ-РОЯЛЬ

Ночка началась весело, и, похоже, конца развлечениям не предвиделось. Судить об этом можно было хотя бы по тому, что следующий обозначенный Стрихнином маршрут по темному городу закончился у входа в казино с громким названием «ЗОЛОТО МИРА». Заведение размещалось внутри бывшего речного трамвайчика, пришвартованного у набережной в месте, пугающем своей пустынностью и безлюдностью: если бы не несколько десятков автомобилей, в основном дорогих иномарок, сгрудившихся на площадке под сверкающей неоновой вывеской, можно было подумать, что, поднявшись на борт этой «Марии Селесты», мы рискуем и там не обнаружить ни единой живой души.

«Пошли, попытаем счастья, — предложил Стрихнин, когда моя «копеечка» робко припарковалась под боком у сверкающего лаком джипа размером с небольшой автобус. Но я, кожей чувствуя, что меня опять затягивают в очередную авантюру, в ответ на этот призыв не сорвался с места, а только пробормотал, главным образом имея в виду события последних суток: «Знаем ли твоё счастье...» «Попросил бы без намеков на национальность, — обиделся Стрихнин. — Не хочешь идти — жди в машине». Окинув взглядом окружающую нас асфальтовую пустыню, я прикинул, что этот вариант меня тоже не слишком греет, поехал и спросил: «А чего мы там, собственно, не видали?» «Этот катран, — объяснил Стрихнин, — принадлежит одному очень серьезному авторитету. Вообще-то, у него таких по городу — как грязи, но здесь его, так сказать, штаб-квартира. В смысле, он здесь квартирует, отсюда же и командует. Как из штаба. И знаешь, какая у него погоняла?» «Что?» — не понял я. «Погоняла — кликуха, — перевел он. — Короче, это Барин».

Подобное известие отнюдь не подняло мне настроения. «Ясно, — сказал я, — сейчас мы к нему пойдем, скажем то да се, некрасиво получилось, отдай-ка денежки. Да?» Стрихнин кивнул: «Примерно. Ну, может, не так в лоб, но смысл ты уловил. Вся штука в том, что Барин, говорят, сам большой любитель пошлепать стирками. Он-то меня от стенки не отличит, а я его пару-тройку раз срисовал — кенты показывали во время игры. Мы люди простые, без всяких там ффраерских понтов, нам в общем-то до фени, каким разрядом его в конечном счете отоварить: главное, алтушки свои назад получить. Знаешь, как грузина не пустили с бабой в баню? Он ее сажает в такси и говорит: «Нз мытьем, так катанизем!» Скумекал?» Я скумекал. И именно поэтому задал нелицеприятный вопрос: «А меня ты в качестве кого с собой зовешь?» «Мало ли... — помялся Стрихнин. — Семафором будешь», «Кем?» — оторопел я. «Кнокарем, — пояснил он и, увидев, что я все равно не понимаю, разъяснил: — Атасником. Стремщиком. Шухерщиком», «Спасибо, очень лестное предложение», — извительно поблагодарил я. «Тебе ж сказали: не хочешь — жди в машине», — пожал он плечами.

Я задумался: хочу или не хочу? То есть, что хочу, ясно. Неясно, больше хочу или больше боюсь? Как всегда в таких случаях, схватка между скучной осторожностью и активной безрассудностью окончилась победой последней: не зря Артем любил говорить про меня, что я из тех, кто за компанию готов повеситься. Что же касается моей гражданской совести, то с ней я и вовсе быстро управился. Хотя не вызывало сомнений, что, вопреки официальному предупреждению следователя, я уже опять полным ходом собираю фактуру для нового материала, вернее, для продолжения старого, в данном конкретном случае попытка передать в распоряжение прокуратуры все вновь открывающиеся обстоятельства была явно обречена на провал. Вряд ли, подставь я сейчас вместо себя Альберта Хвана, Стрихнин с той же легкостью предложил бы ему поработать у него этой ночью семафором. Не говоря о кнокаре или стремщике.

Получив краткие инструкции (хлеблом не щелкать, давить косяка по сторонам, в случае шухера семафорить), я вслед за своим Вергилием отправился ко входу в филиал, так сказать, вельзевуловых владений. Вот сейчас разверзнутся врата, и с полным основанием можно будет проконстатировать, что, утратив правый путь во тьме долины, я очутился в сумрачном лесу. «Каков он был, о, как произнесу?!»

В общем, честно говоря, ничего особенного. Из ожидаемых деталей подтвердилась разве что сумрачность. В остальном интерьер больше походил на декорации к какому-нибудь оперному действу, которому покровительствовал богатый и безвкусный спонсор. Много тяжелых портьер, псевдоампирных золоченых канделябров, псевдоперсидских ковров. На фоне всего этого совсем уж чужеродным телом смотрелся полированный, перенасыщенный зеркалами бар. На высоких табуретах у стойки томились проститутки, все в черном, как грузинские вдовы. Две рулетки стояли посередине, вдоль стен играли в «блзк джек» (в дни моего босоногого детства эта игра была известна под более про-

заичным названием — «очко»), а отдельно, за невысокой загородочкой, вокруг большого овального стола сидели игроки в покер. Бегло оглядевшись по сторонам, Стрихнин небрежной походочкой продефилировал по залу и остановился у рулетки. За полным неимением собственных планов я сделал то же самое.

Еще перед входом, который охраняли два добрых молодца, явно отобранные для этой работы по принципу максимального роста при минимальном интеллекте, Стрихнин сквозь зубы заинтересовался: «Деньги какие-нибудь есть?» Порывшись в бумажнике, я покорно извлек несколько купюр довольно среднего достоинства, но он едва бросил на них презрительный взгляд: «Я сказал — деньги!» Пришлось признать, что валютой я не богат. Зато сам Стрихнин нашарил по карманам тысячи полторы долларов — вероятно, все, что осталось от его недавнего богатства, — и тут же в кассе обменял их на жетоны. Чтобы и меня пустили внутрь, он милостиво сунул в мою ладонь горстку разноцветных кружков.

Публика вокруг рулетки собралась колоритная. Пара качков, уже заранее обреченно похожих на каторжан благодаря короткой стрижке и многочисленным цепям, мрачно метала фишки на игровое поле, как в топку паровоза. Зябко укутанная в цветастую шаль немолодая дама с бешено горящими глазами — от избытка то ли от азарта, то ли марафета — раз за разом упорно ставила на zero. Целая компания в дым пьяных юнцов с такими же подружками то и дело пыталась красиво швырнуть на разливанный стол вместо чипов пачку долларов, однако эти попытки неизменно вежливо, но твердо отвергались крупье, девицей со стеклянной улыбкой.

Мы нечувствительно вписались в этот коллектив: я поставил двести тысяч на «чет», Стрихнин триста на «красное», шарик остановился напротив номера 34, и мы оба выиграли. Следующий раунд он пропустил, а я, весьма воодушевленный, кинул сразу четыреста теперь уже на «нечет» — и проиграл. В моем активе еще оставалось тысяч триста, и я снова смело протянул руку, но в последний момент Стрихнин схватил меня за рукав. «Не за то отец сына лупил, что играл, а за то, что отыгрывался», — настаивательно проговорил он мне в ухо, увлекая за собой по направлению к «блэк джеку».

Заняв место у полукруглого стола, Стрихнин дождался, пока крупье, малоотличимая от предыдущей девица, включая аналогичную стеклянную улыбку, дойдет до него со своей деревянной коробочкой (сколько я помнил из литературных описаний, именуемой «сабо»), небрежно кинул несколько жетонов и получил в обмен карту. Это был король, четыре очка. Он попросил еще, и получил десятку. Решительно ткнул указательным пальцем в карты, и крупье правильно поняла его: вытянула карту, перевернула ее и перед нами легла пятерка. Девятнадцать очков! Отличные шансы на выигрыш. Но Стрихнин толкнул меня локтем в бок, подмигнул и спросил: «Сходим за фартом, а?» Я не поверил своим ушам: просить еще на девятнадцати?! Но он уже подал знак крупье, и из прорези в «сабо» поползла карта. Сто лет, наверное, я не брал в руки колоды, но тут вдруг ощутил, как, вопре-

ки всему, у меня отчетливо заколотилось сердце. Буквально все взгляды вокруг, даже игроков у соседних столов, были прикованы в этот момент к нам, вернее, к карте в руках крупье. Неторопливо, как в замедленной съемке, она перевернула ее и, легонько щелкнув, опустила на сукно. Валет. Двадцать одно!

Восхищенно взглянув на Стрихнина, я с недоумением обнаружил, что он единственный, кто не смотрит на стол. Его прищуренные глаза напряженно шарили по залу, но, судя по их выражению, не находили искомого. Небрежно смахнув в карман выигранные фишки, он двинулся к покеристам. Я поплелся вслед за ним, но не успел сделать нескольких шагов, как чуть не стукнулся носом об его затылок. Стрихнин замер в стойке, словно спаниель, почувший фазана. «Четыре сбоку, наши есть», — пробормотал он мне через плечо. «Который?» — спросила я полупшепотом. «У стенки, с удвочкой».

При других обстоятельствах я бы не удержался, ахнул. Барин меньше всего был похож на бандита. Широкий лоб интеллектуала, одухотворенное лицо в обрамлении густых выющихся бакенбард в сочетании с бордовой бабочкой поверх ослепительно белой манишки — во всем этом действительно чувствовалось что-то из раннего времени, помещичье, барское. Испугавшись почему-то гораздо больше, чем если бы он был весь в татуировках со стальными фиксами, я робко поинтересовался: «И чего мы будем с ним делать?» Стрихнин обернулся, приобнял меня за плечо и прошептал: «Ты — ничего. Запомни, мы с тобой два баклана, я играю, ты лупаешь». В этот момент из-за покерного стола встали сразу двое, и Стрихнин бормотнул, уже увлекая меня за собой: «Тронулись. Бог не фрэер, авось, отдаст, что положено».

Освободившиеся места оказались на противоположном от Барина конце стола. Стрихнин размахисто плюхнулся на один стул, другой уверенно подтащил поближе, поставил чуть позади своего, шлепнул приглашающе ладонью по сиденью, показывая мне, куда сесть. Крупье, на этот раз уже не девица, а лысоватый мужчина в смокинге, вооруженный, впрочем, все той же стеклянной улыбкой, открыл было рот, чтобы возразить, но Стрихнин, одновременно по-купечески вываливая на сукно фишки из всех карманов, сурово пресек его недовольство: «Спокуха, мы в доле».

Лично я последний раз сражался в покер в общаге где-то курсе на третьем-четвертом. От той поры остались в памяти две вещи: порядок комбинаций и сумма моего самого чудовищного проигрыша — три рубля сорок копеек. Уже через пару минут мне стало ясно, что комбинации не менялись, чего нельзя было сказать о суммах. Первоначальный вход стоил сто тысяч. «Потолок» для одной ставки — десять миллионов.

Играли, что называется, с «открыткой», без джокеров. Лысый банкомет раздавал каждому по четыре карты, а еще одну открывал — она становилась общей для всех. Игроки, а их, не считая нас, осталось трое, вели себя удивительно чинно, не позволяя ни единого лишнего слова. Исключение составлял Стрихнин. Он к месту и не к месту сыпал дурацкими прибауточками вроде «если нету в картах масти, мы поедem в гости к Насте» или

«деньги есть — Уфа гуляем, денег нет — Чишмы сидим», ерзал на месте, то и дело совал мне карты, якобы советуясь. Я видел, что партнеры, особенно Барин, смотрят на него с презрительным неодобрением.

В первом круге банкومت открыл короля треф. Толстенский господинчик с базедочными глазами, сидящий напротив нас, поставил на кон триста тысяч, следующий за ним по кругу бледный юноша с лицом Аполлона Бельведерского, слегка подпорченным сломанным носом, коротко бросил «пас». Барин уравнил, а Стрихнин, не дотронувшись до своих карт, набросил до пяти-сот тысяч втемную. Базедочный, раздумчиво покачав головой, добавил требуемые двести, зато Барин сразу повысил до миллиона. На этот раз Стрихнин соизволил посмотреть в карты и даже показать их мне: у него на руках не было даже пары, зато имелся бубновый король, с банкومتским парю составивший. Он решительно уравнил бариновский миллион, базедочный от игры ушел. Сменили карты, но Стрихнин снова получил полную разномастицу, так и оставшись при двух королях. Барин тем временем поставил на кон еще миллион. В ответ на это Стрихнин театральным шопотом, так, чтоб слышали все, кому хочется, сообщил мне на ухо: «Рупь за сто — блефует», после чего уже вслух провозгласил: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» — и открылся. У Барина тоже оказались два короля, но с двумя десятками. «Вы мне так совсем руки отобьете, — обиженно выкатив губу, прокомментировал это событие Стрихнин. Но в следующую секунду, расплачиваясь, разулыбался: — Первый ремиз — золото!»

И игра пошла-поехала. Понять до конца, какую стратегию выбрал Стрихнин, я не мог. Похоже, главной его задачей было доказать противнику, что он — типичный фраер, баклан, фофан, короче, дурачок. Ему это, кажется, вполне удалось. Непонятым оставалось, как в глазах других понтировщиков подобное сочеталось с тем, что гора фишек перед ним непрерывно росла. Возможно, они списывали это на глупый фарт, фраерское счастье и ждали только, когда же это кончится. Во всяком случае на лице Барина было написано, что он-то точно ждет. На физиономии Стрихнина невозможно было прочесть ни черта, кроме жадного азарта, но я определенно знал, что ждет и он.

Несколько раз я по просьбе Стрихнина ходил в бар, приносил ему выпить и очередной раз убеждался, насколько в этом богоугодном заведении продумано все буквально до мелочей: хочешь воды или, к примеру, соку — плати четвертной, не меньше, зато крепкие напитки с легкой закуской — бесплатно. Стрихнин требовал себе исключительно виски с содовой или джин с сухим мартини. Я из понятных соображений (боялся, как бы он не переборщил, изображая фраера, и не надрался по-настоящему) уже во втором заходе попытался споловинить, но был с негодованием отправлен обратно. В один из таких походов мне помстилось, что я встретил знакомого: за дальним от центра столом резался в «блэк джек» человек, поразительно похожий на моего старого, я бы даже сказал, кровного друга кирпичномордого Катка. Впрочем, я тут же с легкостью подавил в себе желание подойти рас-

смотреть поближе. Во-первых, до сих пор ничего хорошего, кроме членовредительства, в результате наших встреч не рождалось, во-вторых, представлялось маловероятным, что человек из банды Рикошета займется в казино, принадлежащее Барину, в третьих, вряд ли в мои обязанности семафора и атасника входило сообщать своему боссу о таких мелочах. Поэтому, в четвертых, я привел себя к логическому выводу, что все бандиты на одну рожу, и сосредоточился на приготовлении очередного коктейля для Стрихнина. А еще через минуту, вновь оказавшись у покерного стола, я и вовсе забыл о всяких глупостях. Судя по всему, те, кто чего-то ждал, дождались. На кону возвышалась огромная гора фишек, что говорило о сильной карте у всех играющих. Я присел на свое место в тот момент, когда, выражаясь языком архаическим, в новой талии уже вовсю шла торговля между понтировщиками перед сменой карт. Базедочный господин, судорожно дергая кадыком, на моих глазах добавил пять миллионов, беломраморный Аполлон с отбитым носом побледнел, казалось, еще больше и уравниал. Барин с легкой улыбкой на тонких благородных губах поднял до десяти. Настала очередь Стрихнина. Медленно, смакуя, он раздвинул карты так, чтобы было видно мне.

86

Перед банкометом лежал открытый туз червей, а у Стрихнина на руках оказался червовый трельяж — король, дама, валет и какая-то ненужная посторонняя фоска, вроде восьмерки пик или треф. Даже вместе с картой крупье это не составляло вообще никакой комбинации, зато таило в себе большие перспективы: после смены любая десятка образовывала в результате стрит, что уже само по себе очень неплохо, любая черва приносила колер, иначе масть, третье по старшинству сочетание, а десятка червей и вовсе создавала наисильнейшую из всех возможных комбинаций в игре без джокера — червовую флеш-рояль. Честно сказать, я бы все равно сильно задумался, но Стрихнин даже не помедлил, прежде чем уравнивать десять миллионов.

Мне показалось, что у господина напротив произошло резкое обострение базедки — так он вылупил глаза. Но ему в конце концов удалось справиться с приступом и подвинуть к банку гору жетонов. У бледнолицего Аполлона проступили наконец на щеках два ярко-красных пятнышка, свидетельствующие о том, что и мраморные люди подвластны простым человеческим чувствам. В отличие от Стрихнина он с полминуты подумал — но тоже уравниал.

Начался обмен карт. Господин с базедкой объявил «серви» — остался со своими, что свидетельствовало о наличии у него готовой комбинации. Аполлон сменил одну, Барин — две, Стрихнин долго думал, хмурился, снова показывал карты мне, как будто у него был выбор, я с серьезным видом кивал, тыкал пальцем. В общем, оба выламывались как могли, но в конечном счете вроде бы пришли к единому мнению: попросили тоже одну. И начался второй круг.

Пучеглазый осторожно поставил два миллиона — явно с разведывательными целями. Ломоносый ответил тем же: то ли у него ни черта не было, то ли, наоборот, заманивал. Барин небреж-

но поднял прикуп, глянул на него вполглаза, собрал щепоткой фишек на пять миллионов, после чего так же небрежно кинул их в банк. Настал наш черед. Купленная карта лежала на других рубашкой вверх, Стрихнин, взяв их все в левую ладонь, с почти отчетливым скрипом миллиметр за миллиметром принялся большим пальцем правой руки оттирать в сторону сначала короля... потом даму... валета... И наконец оказался краешек того, что он искал. Десятка. Десятка червей. Вместе с тузом банкомета — флеш-рояль.

У Стрихнина на лице появилось задумчиво-романтическое выражение. «Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины», — продекламировал он и сразу вслед за этим решительным жестом отправил в банк семь миллионов.

В какой-то момент мне показалось, что у господина визави глаза могут от перенапряжения лопнуть. Но он справился, удержал их в орбитах и даже уравнил нашу ставку. А. П. Бельведерский проявил стойкость и спасовал: понял, видно, что не туда попал, предпочел отделаться малой кровью. Барин скривил губы и кинул десять миллионов. Я поднял взгляд на Стрихнина и обалдел.

При виде повалившихся со всех сторон денег задумчивость и романтизм пропали, как сон. Как утренний туман. У него натурально тряслись губы. Горели глаза. Вообще все лицо ходило ходуном, демонстрируя полное отсутствие выдержки. Он судорожно добавил необходимые, чтобы уравнивать Барина, три миллиона, потом вроде понес туда же еще два сверху, с полдороги вернул их назад, кинул дрожащей рукой один, потом все-таки добавил сразу три... Короче, демонстрировал кошмарную смесь жадности с неуверенностью.

Базедочный, показалось мне, сейчас зарыдает. Но он только зло швырнул карты и встал из-за стола. Мы с Бариним остались один на один. Тот ухмыльнулся, выстроил из фишек аккуратную башенку еще на десять миллионов и коротенькими щелчками продвинул ее по сукну в банк. Стрихнин утомленно прикрыл глаза. Тяжко вздохнул. Открыл глаза. В который раз раздвинул свои карты. Показал мне — я пожал плечами, мол, поступай как знаешь. Снова сдвинул их. Положил на стол. Вздохнул еще тяжелее. И тоже двинул десять миллионов — теперь уже Барину, чтобы подняться до нашего уровня, надо было поставить три. Больше всего я опасался, что мы переиграем, и противник нас разгадает. Но этого пока не случилось. Вместо того чтобы уравнивать или двинуться дальше, Барин тоже отложил карты, потер задумчиво совершенно сухие руки и предложил: «Может, поднимем потолок?»

Стрихнин выпучил глаза не хуже нашего недавнего визави и упер их в меня. Включившись в игру, я с категоричным видом отрицательно замотал башкой. Но он, будто махнув на меня рукой, больше даже, будто бы махнув рукой вообще на все, ответил, как в воду кинулся: «Пошло!» «До пятидесяти?» — уточнил Барин. «Срослось!» — кивнул Стрихнин.

Поскольку нужного количества жетонов не было под рукой даже у крупье, Барин нацарапал на листке из блокнота «50 млн» и

кинул его в банк. Словно потеряв совершенно голову, Стрихнин сделал то же. Высоко воздев брови, наш соперник повторил операцию. Стрихнин последовал его примеру. Уже раздраженно Барин швырнул новую бумажку. Стрихнин ответил. Вскоре лично я потерял счет деньгам. Похоже, банк давно перевалил за полмиллиарда — больше ста тысяч долларов. Явно без былой уверенности Барин положил на кон очередную бумажку и, когда Стрихнин положил туда же свою, задумался. Результатов этих раздумий пришлось ждать недолго. «Ну, хватит, — произнес он с мягкой улыбкой. — Я все-таки здесь хозяин, невежливо обижать гостей. Уравниваю». Одновременно его руки веером выкладывали на сухие карты: три туза. Вместе с тем, что у крупье, выходило четыре. Тузовое каре. «Ну что вы, что вы! — еще любезней возразил Стрихнин, у которого как по мановению волшебной палочки вдруг перестали трястись щеки и гореть глаза. — Какие обиды, играть с вами — одно сплошное удовольствие!» С этими словами он аккуратненько, карточку к карточке, разложил на столе свою флеш-рояль.

В течение какого-то времени я боялся, что Барина хватит удар. Во всяком случае в его лице разом проявились все лучшие черты наших ранее сошедших с дистанции соперников: он дико побледнел и страшно выкатил глаза. Ни от благородного барства, ни тем паче от интеллектуальности не осталось и следа: беднягу перекосило от злобы. Я уже прикидывал, каким путем лучше сделать отсюда ноги, когда услышал ангельский голос Стрихнина: «Прикажете получить?»

Барин встал, его маленько пошатывало. Полагаю, он был потрясен не столько суммой проигрыша, сколько самим фактом. Какой-то фрей публично обул его в собственном, так сказать, доме! Но в том мире, где они со Стрихнином проживали, карточные долги, насколько я был наслышан, в иерархии жизненных ценностей квартировали где-то у самой вершины. «Иди, принеси», — кинул он сквозь зубы банкомету и, когда тот скрылся за дверью расположенного рядом служебного помещения, перевел тяжелый взгляд на Стрихнина: «Катала?» «Да нет, любитель», — с ясными глазами ответил тот. «Ну вот что, любитель, чтоб я тебя больше здесь не видел», — произнес Барин таким тоном, что лично у меня мурашки двинулись по спине широким фронтом.

Стрихнин, однако, уже не смотрел в его сторону, его глаза с нежнейшим выражением были прикованы к лысому банкомету, выходящему из подсобки с большим свертком. Стрихнин даже руки протянул ему навстречу, но тут начали происходить события, которые заставили всех оторваться даже от денег.

На противоположном краю казино возник и стремительно разгорался скандал. Некто, вероятно, недовольный то ли проигрышем, то ли поведением крупье, орал что-то во весь голос. Но уже в следующее мгновение ему, как видно, показалось недостаточным выказывать возмущение посредством лишь голосовых связок и он, для пущей наглядности, резким движением опрокинул стол. По ковру во все стороны покатались фишки, послышался сочный звук первой оплеухи. В сумеречном освещении трудно было разглядеть подробности, но двух добрых молодцев, натас-

канно рванувших от входа в самую гущу событий, не увидеть было невозможно. Наверное, это должно было стать их звездным часом — за то и зарплату получают. Но не стало. Двое давешних стриженных бандитов выскочили наперерез так прытко, будто им в жизни нечего было терять, кроме своих щек. В руках у них блеснули ножи, один из молодцев упал, другой успел сдать назад, но тут же получил удар по затылку и тоже оказался на полу. Над ним с короткой дубинкой в кулаке стоял Каток. Все-таки это был он.

Не вызывало сомнений, что происходит нечто хорошо спланированное. Я кинул взгляд на Барина и увидел, что он, похоже, того же мнения: неизвестно откуда в его руке появился пистолет. Но этой ночью ему уж как пошло невезти, так и продолжало: выстрелить он не успел. В дверях, столь легкомысленно оставленных без всякой охраны, появились один за другим сразу трое или четверо в масках и с автоматами. Первый же из них всадил короткую очередь Барину в живот — уже падая на пол, я увидел, как тот сгибается пополам на манер тряпичной куклы, потерявшей поддержку кукловода. Остальные принялись стрелять в потолок. Визжали женщины, от канделябров со звоном рикошетили пули, в разные стороны летели осколки хрусталя и лепнины.

Активно работая локтями и коленками, я, стараясь как можно меньше возвышаться над уровнем пола, галопом понесся к выходу. За спиной осталось уже две трети дистанции, когда где-то подо мной, наверное, в трюме судна, ужасно рвануло, и сразу пол вздыбился — слава Богу, в противоположную от дверей сторону, так что оставшийся до цели отрезок пути я проделал хоть и кувырком, зато очень быстро.

Трудно передать словами, что творилось на палубе. Еще мгновения назад чинная и расфуфыренная, а теперь совершенно потерявшая человеческий облик публика озверело прорывалась к сходням. В воздухе висели остервенелый вой и матерные вопли. Один за другим люди падали с хлипкого трапа в темную маслянистую воду, их крики о помощи тонули в грохоте выстрелов. Но самое страшное, похоже, еще только начиналось: двое или трое в черных масках, не обращая внимания на царившую кругом панику, деловито били стекла иллюминаторов, плескали из канистр внутрь казино. Отчетливо пахло бензином. Не надо было быть семи пядей, чтобы допереть, каким будет следующий акт. Прикинув на глаз расстояние до берега, я вскочил на поручни, что есть силы оттолкнулся и прыгнул. Нельзя сказать, что гранитная набережная с нежностью приняла меня в свои объятия — я со всего маху боком грохнулся на шершавые камни. Но все-таки это была твердь и, главное, твердь очень своевременная.

За моей спиной полыхнуло в полнеба, кругом сделалось светло, как днем. Опять что-то рвануло в трюме, и, обернувшись, я увидел, как бывший речной трамвайчик накренился еще больше и начал медленно уходить под воду. Все это напоминало картину «Пожар в бардаке во время наводнения». На моих глазах одна из проституток, сорвав с себя черное платье и оставшись в чем мать родила, вспомнила, видать, комсомольскую юность и эффектно сиганула ласточкой. Другие посетители казино не так

красиво, но тоже один за другим валялись в реку. «ЗОЛОТО МИРА», нещадно чадая, уходило на дно. Если я правильно понимал смысл происходящего, Рикошет со товарищи сполна расплатился с Бариним за смерть Ступы.

Оказываясь на берегу, игроки немедленно разбежались в разные стороны. Похоже, в свидетели поджога никто не рвался. Как, впрочем, в общество спасения на водах и в добровольную пожарную дружину. Ожила, засветилась огнями, зарычала моторами автостоянка. Прибыв сюда одной из последних, моя «копеечка» стояла, по счастью, с самого краю. Скорым шагом направляясь к ней, я уже на ходу доставал из кармана ключи, как вдруг замер, внезапно пораженный стыдом и тревогой: где Стрихнин?

Черт побери, да ведь я потерял его из виду в ту самую секунду, как ворвавшиеся бандиты начали поливать из автоматов! Какая же я скотина, трусливая и эгоистичная! Повернув обратно, я бросился в сторону причала. Глаза напряженно искали моего напарника по сегодняшним приключениям в толпе темных фигур, мечущихся на фоне пожара, но все безрезультатно. И вот, когда я уже совсем отчаялся, подозревая самое худшее, кто-то сзади крепко ухватил меня за рукав и знакомый голос с явным облегчением произнес: «А ну, быстро, сарынь на тачку!»

Через полминуты мы уже мчались по набережной, прижимаясь к обочине, чтобы пропустить с ревом несущиеся нам навстречу пожарные машины. Видимых повреждений на Стрихнине не имелось, зато от него остро пахло бензином и гарью, лицо и роскошный костюм были кое-где испачканы сажей, а под рубашкой что-то оттопыривалось. Когда мы отъехали подальше от места происшествия, он сунул руку за пазуху, извлек оттуда для моего обозрения объемистый пакет и сообщил: «Лысый, падал, хотел уйти с моим гальем. Пришлось его мокнуть». Руль от испуга дернулся в моих руках, «копеечка» чуть не вылетела на тротуар. «Да не в смысле — замочить, — успокоил меня Стрихнин, — а в прямом смысле». Я потребовал объяснений, и он, поначалу продолжая путаться в дебрях семантики, объяснил: «Я, понимаешь, пригрозил его окунуть... Ну, не в смысле ментам сдать, а в смысле — в речку... А он труханул — в смысле испугался. И тогда мы с ним махнулись не глядя: мне капуста — ему спасательный круг...»

Поздравив его с удачей, я поинтересовался: «Что теперь будешь делать?» «Куплю себе домик на берегу Средиземного моря, — ухмыльнулся он. — И буду там кайфовать, как Алексей Максимыч Пешков». Стрихнин запустил руку в пакет, наощупь вытащил оттуда горсть сто долларовых бумажек, швырнул ее мне на колени и сказал: «Твоя доля. Только не вздумай отказываться, человек с деньгами — это звучит гордо!» Впереди показалась стоянка такси, на которой ожидали клиентов две или три машины, и Стрихнин махнул рукой: «Тормози. В прямом смысле».

Прощание получилось коротким: «Долгие проводы — лишние слезы, — объяснил он. — А нам лишнего не надо». Мы коротко обнялись и разъехались. Я домой. А он, вероятно, прямым ходом на остров Капри.

Как скелет доисторического монстра, возле нашего подъезда все еще торчал обгорелый остов бээмвушки. Memento mori, напоминание о смерти. Но мне он напомнил еще кое о чем. Стрихнин уже заработал себе пенсию и отвалил в теплые края. А моя работа продолжалась. Светало, и значит, скоро в скверик на Чистых прудах должен прийти человек, через которого тянется цепочка от заказчиков к наемным убийцам.

Поразмыслив, я решил, что ложиться спать глупо: паратройка часов сна все равно ничего, кроме головной боли, не принесет. А вот если заменить их двумя чашками крепкого кофе и холодным душем, можно будет, пожалуй, продержаться до вечера.

Почему-то именно под ледяными струями мне всегда думается лучше всего, в голову приходят отличные мысли. Не исключено, что они забредают туда, спасаясь от холода. Но сейчас все соображения выглядели тусклыми и беспросветными, как дождливый осенний вечер. За серой пеленой не проглядывало никакой обнадеживающей перспективы. Ну, положим, он придет. Ну, представим, я его, как любил выражаться мой недавний жилец, срисую. Дальше что? Все-таки у нас со Стрихнином и задачи несколько разные, и, с позволения сказать, социальный статус несколько отличается: я не могу собирать материала для новой статьи с помощью гранат, пусть хоть и учебных.

С другой стороны, не идти тоже нельзя, такими шансами не бросаются. Все, что остается, это попытаться отследить человека с «дипломатом», чтобы выяснить, кто он такой. А там — куда кривая вывезет. На всякий случай я разыскал в шкафу свой старенький «Кэнон», тыщу лет не бывшую в употреблении «мыльницу». Не Бог весть какая техника для скрытой оперативной съемки, но, как говорится, за неимением гербовой... Надо только по дороге купить к нему батарейки и пленку.

К месту встречи я прибыл загодя, чтобы провести рекогносцировку. Вследствие раннего часа сквер был почти пустынен, только на одной из скамеек грелся в утреннем солнышке старичок в чесучовой паре, да несколько ребятишек у самой воды кормили хлебом лебедей. Гордые белые птицы принимали пищу, соблюдая достоинство, лениво и снисходительно. Поднявшись на ступеньки «Современника», я вытащил «Кэнон» и заглянул в видоискатель. Результат оказался удовлетворительным: отсюда просматривался весь сквер, берег пруда и лебеди. Следовательно, я со своей «мыльницей» вполне при случае сойду за безобидного болвана-туриста, фотографирующего на память умилятельные московские виды.

Теперь предстояло решить вопрос подходов и отходов. Тот, кого я ждал, мог приехать на машине, на трамвае или прийти пешком. Соответственно, так же он должен был и ретироваться. Вариант с трамваем я поставил на последнее место: как-то не слишком верилось, что серьезный человек, связанный с крутым криминальным бизнесом, может припилить к месту стрелки на «аннушке».

На второе с конца место мною был определен приезд на машине прямо к скверу. Однако так мог бы поступить только тот, кто ничего не опасается, а все эти штучки с сообщениями на пейджер и прочими атрибутами конспирации и взаимной анонимности, свидетельствовали, что наш случай далеко не таков.

Самым же перспективным я сам себе постановил считать вариант, при котором человек с «дипломатом» прибудет на машине, но оставит ее где-нибудь не слишком близко, но и не слишком далеко, а непосредственно к скверу придет на своих двоих. Исходя из этого наиболее вероятного предположения мне и предстояло наметить собственную диспозицию, желательно, с учетом и всех остальных возможностей, вплоть до трамвайной.

Пожалуй, удобно было бы оставить машину на том берегу пруда, где-нибудь возле кафе «Ностальжи». Но можно и на этом, если со стороны Покровки проехать мимо «Современника» дальше по направлению к метро и пешком вернуться обратно. Существовало также третье место, самое, наверное, удобное: короткий перешеек между двумя сторонами Чистопрудного бульвара, проезд, идущий вдоль знаменитой гостиницы восемнадцатого века у Покровских ворот. По крайней мере оно представлялось самым удобным для меня: отсюда можно было, не слишком дергаясь и не привлекая лишнего внимания, двинуться за объектом в любом из вышеназванных случаев. Именно там я запарковала свою «копеечку», после чего, очень гордый собой и своей смекалкой, занял позицию на ступеньках театра и принялся ждать.

В десять никого, соответствующего описаниям Кулька, в сквере не было. В десять тридцать солнце уже вовсю припекало, и я томился жарой и ожиданием, как именинный пирог в духовке. В десять пятьдесят чесучовый дед, тоже, надо полагать, перегревшись, сдал позиции и покинул лавочку. В одиннадцать ноль пять ушли с берега юннаты. Оставалось только сняться лебедам, чтобы я остался в полном одиночестве. И тут он появился.

Высокий мужчина в светло-сером летнем костюме неторопливо брел берегом пруда со стороны станции метро «Тургеневская». Его лица мне не было видно, потому что он глядел на воду и на лебедей, но темные с отчетливой проседью волосы и посверкивающий на солнце никелированными замочками «дипломат» говорили, что это тот, кто мне нужен. Дойдя до опустевшей после испарившегося пенсионера скамейки, он поставил на нее кейс, извлек из кармана сигареты с зажигалкой и закурил.

Я поднял к лицу фотоаппарат и прицелился. Поскольку человек пришел на встречу, не было сомнений, что рано или поздно он, никого не дождавшись, хотя бы мельком оглянется по сторонам. Но мужчина, похоже, никуда не торопился: стоял, пуская дым в сторону воды.

У меня начали затекать руки. Ну повернись же, повернись, черт тебя побери, едва не рычал я! И он, как будто услышав, повернулся.

Я щелкнул спуском в тот момент, когда его лицо анфас оказалось прямо напротив объектива. Что свидетельствует о моей отвратительной реакции. Если бы у меня была хорошая реакция, я бы, может, вместо этого сумел убрать камеру куда-нибудь за

спину, а если очень хорошая — успел бы и сам отвернуться в сторону. Но я не сумел и не успел, и вот теперь дурак-дураком стоял на видном месте со своей кретинской и совершенно ненужной «мыльницей» в руках. Ибо фотографировать было совершенно лишним — я и так прекрасно знал пришедшего в лицо. Больше того, фотографировать было вредно, так как теперь не имелось ни малейших шансов выдать нашу встречу за случайную.

Я узнал его, а он узнал меня. Перед этим человек еще пару секунд смотрел на меня пристально, словно отказываясь верить глазам, но потом, вероятно, все-таки поверил. Лицо его перекосила злобная гримаса, он резко отшвырнул сигарету, подхватил со скамейки свой чемоданчик и быстрым шагом устремился в ту сторону, откуда пришел. Выскочив со сквера на бульвар, он пересек трамвайные пути, почти перешел на бег и через полминуты оказался возле ярко-красного «опеля», припаркованного у входа в гриль-бар «Бешеный цыпленок». Должен с сожалением констатировать, что моя реакция оказалась не просто плохой, она оказалась совсем никудышной: я зачем-то припустил за ним и даже пролетел по инерции шагов двадцать, прежде чем остановиться. А ведь мне не было ни малейшей нужды не только снимать его на пленку, но и, согласно гениальному предварительному плану, отслеживать. И личность, и место проживания, и даже, до некоторой степени, биография человека с «дипломатом», пришедшего на встречу, чтобы получить очередной заказ на чью-то смерть, отнюдь не являлись для меня тайной. Это был лучший друг юных туристов и путешественников Иван Федорович Аркатов.

Первым, кто мне встретился в конторе, был Владик Гаркуша. Он неся по коридору с выпученными глазами, сжимая в потной ладони какие-то смятые листки, и чуть не сшиб меня с ног. На мой вопрос, что случилось, он, только что не задыхаясь от перевозбуждения, рассказал, какую прямо сегодня с утра надыбал сенсацию. В пресс-центре городской милиции ему рассказали про ночной пожар в казино «ЗОЛОТО МИРА» и намекнули, что, пожалуй, такой грандиозной по размаху и последствиям бандитской разборки в городе еще никогда не было. Среди погибших — хозяин казино, крупный криминальный авторитет Барин, по неуточненным данным, четверо или пятеро его подручных, а также три посетителя казино. Еще семнадцать человек госпитализировано с ожогами и увечьями разной степени тяжести. Сейчас Гаркуша только что из больницы, где беседовал со свидетелями, и летит к пожарным: шеф приказал дать этот материал срочно в номер.

Я поздравил его с очередной творческой удачей, пожелал всяческих успехов и поплелся к себе в кабинет. В отличие от Гаркуши мне пока радоваться было нечему. У меня не имелось никакого представления о том, как превратить в сенсацию свои сегодняшние знания. Что я, в сущности, имею? Так, взгляд и нечто. Ни Кулька, ни Аркатова к делу, как говорится, не подошьешь. Правда, можно теперь что угодно валить на покойника Барина, но это не доблесть, да и мертвые сраму не имут. В тягостном безделье и бесплодных раздумьях я промаялся, наверное, целый

час, после чего решил наконец плюнуть на все и ехать домой отсыпаться. Но когда уже взялся за ручку двери, зазвонил телефон. «Игорь Владимирович?» Я замер с трубкой в руке. Черт побери, сегодня я узнал бы этот голос из тысячи! «Игорь Владимирович, вы меня слышите?» «Слышу, Иван Федорович, — ответил я, стараясь говорить как можно ровнее. Боюсь, правда, мне это не слишком удавалось. — Чего это вы сегодня при виде меня такого стрекача задали?» «Струсил, — честно ответил Аркатов. — Нервишки, знаете ли. Да ведь и у вас лицо было, прямо скажем... Тоже не ожидали?» «Не ожидал, — согласился я. И уточнил: — От вас не ожидал», «Только, пожалуйста, давайте обойдемся без морали, — попросил он. — Я, собственно, звоню, чтобы исправить утреннюю ошибку. Хочу с вами встретиться, рассказать кое-что очень интересное».

У меня внутри все похолодело. Все та же дилемма, что и давеча: встретиться — страшно, не встретиться — невозможно. «Что ж, приезжайте в редакцию», — предложил я, очень надеясь, что голос не выдаст моих волнений. Но он, видимо, выдал, потому что Аркатов ухмыльнулся: «Не верите? А я, между прочим, и так почти у вас в редакции, звоню из автомата напротив. Если боитесь, попросите выделить вам охрану и спускайтесь. Спускайтесь, спускайтесь, не пожалее!» «Ничего я не боюсь, — сердито ответил я, разозленный собственной слабостью. — И охрану из-за вас просить не буду, много чести. А верить вам или не верить, еще посмотрю. Не верь, не бойся, не проси — это ведь ваш афоризм?» «Народный, — ответил он. — Знаете кафе «Гвоздика»? Жду вас там».

Аркатов сидел за столиком в дальнем от входа углу. Перед ним стоял фужер с каким-то напитком и лежал все тот же кейс с никелированными замочками. Я подошел, сел напротив и сказал, сразу беря быка за рога: «Если хотите исповедоваться, то лучше пойти в редакцию. Я без диктофона». Он расхохотался. «Молодой человек, в том смысле, который вы вкладываете, я если и исповедуюсь когда-нибудь, так только перед смертью. Но поскольку это событие мною на ближайшее время не планируется...» «Тогда о чем речь? — прервал я его. — Хотите дать эксклюзивное интервью? Давайте, у меня много вопросов». «Не сомневаюсь, — снова усмехнулся он. — Кое на какие даже готов ответить». «Вопрос первый. Как вы вообще оказались в этой истории? Деньги? Или власть? Я имею в виду, власть над чужой жизнью?» «Я же уже просил, если можно, обойтись без морали, — поморщился Аркатов. — Вечно вас, журналистов, тянет на эту паутку... Но раз уж спросили, попробую ответить. Деньги — всегда деньги. И деньги, между прочим, сами по себе — власть. Но можете верить, можете не верить, мне и денег-то перепало не густо. Про власть и говорить нечего. Тут другое, — он поднял фужер и задумчиво посмотрел сквозь него на свет. — Вам никогда не приходилось задумываться, каково бывает человеку, вернувшемуся оттуда? Без прежней работы, без друзей, всеми презираемому, с клеймом уголовника?» «Вы же хотели обойтись без морали», — заметил я не без иронии. «Это для вас мораль, а для меня была — жизнь. Если птенец выпал из гнезда, то кто его под-

берет, тот ему и мать. А иначе подыхай с голоду». «И кто же вас... подобрал?» «Подобрали, — тяжело вздохнул он. — Но пока давайте без фамилий». «Почему же? — удивился я. — Фамилия Барина, например, завтра во всех газетах будет». Он кивнул: «Левушку жалко. Если б не Барин, я бы т а м не выжил. Мне невиданно повезло, что мы с ним оказались в одном бараке, и он очень много для меня сделал...»

Я не мог скрыть удивления: представить породистого Барина в тюремной робе было еще труднее, чем Аркатова. «Гибель Левы — это тоже одна из причин, почему я с вами разговариваю», — глухо произнес он. «Что, организация дала сильную течь?» — поинтересовался я. Аркатов снова ухмыльнулся, на этот раз как-то криво, и произнес с необычайной убежденностью: «Эта организация непотопляема. Вы и представить не можете... — он сам себя оборвал и махнул рукой. — Дело не в организации. Дело во мне. Верьте, не верьте, как хотите, но мне это все уже давно хуже кости в горле. Бывает, просыпаюсь среди ночи и не могу вздохнуть, как будто душит кто-то...» Он замолчал. Потом продолжил: «Я не институтка, знаете ли, всегда догадывался, что когда-нибудь это кончится. Не знал только, что все будет вот так, разом: и Барин, и вы. Но я готовился, я очень хорошо к сегодняшнему дню готовился».

Аркатов щелкнул замочками, распахнул «дипломат» и извлек оттуда пухлую папку. «Когда я вас увидел сегодня там, в сквере, то сразу понял, что все, финита. Тут правила простые: падающего толкни. Тот, кто засветился, обязан умереть, на нем ниточка должна оборваться, чтобы не потянуть за собой остальных. Знаете, как ящерица отбрасывает хвост... Не прими я мер — жить мне осталось бы до вечера. А так... Безвыходное положение, знаете ли, бывает только в гробу. Сегодня меня здесь уже не будет, пусть ищут, коли охота. Но они искать не станут. Не должны. Потому что я принял меры, — при этих словах он костяшкой указательного пальца постукал по папке и добавил: — Давным-давно принял». «Нельзя ли поподробней», — попросил я. Он взглянул исподлобья и произнес с легкой усмешкой: «Не торопите события, юноша. Во-первых, я должен повиниться. Тогда... в первый раз, я недооценил вас. А вы оказались ловким молодым человеком. И вот поэтому я и пришел к вам... с этим». Аркатов легким движением пальцев подвинул ко мне папку. «Здесь распечатка записей всех разговоров, которые вели со мной... скажем так, клиенты. Те, что выходили непосредственно на меня. А на меня выходили, так сказать, отборные. Сливки общества! — хохотнул он и продолжал: — Впрочем, и на остальных кое-что есть. Краткие сведения о причинах, суммы. Да, из вторых рук, однако тоже весьма убедительно. Когда вы просмотрите бумаги, то поймете. Там встречаются такие имена...» Он еще ближе подтолкнул ко мне папочку, но я так пока и не притронулся к ней руками. Вместо этого спросил: «А где пленки?» «Хороший вопрос, — кивнул он. — Сразу видно профессионала. Пленки, разумеется, у меня. Между прочим, не только аудио, но и видео. Пленки, юноша, это мой страховой полис, моя гарантия. Не чего-нибудь там гарантия — жизни». «Без пленок ваши бумажки ничего не стоят», —

заметил я, пытаюсь скрыть разочарование. «Конечно, — с готовностью подтвердил Аркатов. — Но всему свое время. Я помещу эти пленки в надежное место, и они могут попасть к вам в двух случаях. Первый — если кое-кто решит, что моя жизнь, вернее, моя смерть им дороже, чем содержимое пленок. А второй — если я когда-нибудь решу, что кто-то ценит свою жизнь, или хотя бы свободу, дешевле, чем это же содержимое...» «Большой вы подлец, Иван Федорович», — не удержался я.

Мне хотелось его задеть, разозлить, разговорить побольше. Но цели я не достиг. Никак с виду не обидевшись, Аркатов проворчал: «Не больше многих. И уж во всяком случае поменьше, чем любой из этих...» Он небрежно повел рукой в сторону папки. Мы оба замолкли на время, каждый думая о своем, после чего я первым нарушил молчание, поинтересовался недоверчиво: «А зачем отдаете распечатку вперед? Почему не просто, когда понадобится, прислать мне пленки?» Он кивнул понимающе. «Я кому надо черкнул несколько строк. Их передадут по назначению завтра утром. Как говорится, волнуется — подробности письмом. Пока они будут только знать, что материалы есть и они у меня, остальные условия я сообщу им позже. Тогда же сообщу и про вас. То, что бумаги в редакции, будет держать их... в тонусе. Дороже ценить станут. Да и вы, насколько я вас теперь знаю, спать им не дадите. Так берете папку или нет?» «Беру, — пожал я плечами. — Как говорит один мой знакомый, лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». «Ну вот и отлично, — Аркатов поднялся во весь свой немаленький рост, защелкнул кейс. — Прощайте. Руки вам подавать не стану, а то еще откажетесь...»

96 Сквозь стеклянную стену кафе я наблюдал, как он выходит на улицу, открывает дверцу своего помидорного «опеля», вальяжно трогается от тротуара, а внутри у меня все тряслось и дрожало. Как это он сказал: «Пленки, разумеется, у меня...» И потом: «Я помещу эти пленки в надежное место...» Означает ли это, что пленки сейчас действительно у него? У него — то бишь с ним?!

Дальше для меня счет пошел на секунды. Красный «опель» не успел проехать и двадцати метров, как остановился перед светофором. Я схватил папку в охапку и сорвался с места так, что чуть не опрокинул столик. Пока я бежал через редакционную стоянку, зажегся сначала желтый, потом зеленый. «Опель» тронулся вместе с потоком. Когда я оказался у своей «копеечки», красный автомобиль уже почти исчез из виду. К тому времени, как я судорожным движением открыл дверь, плюхнулся на сиденье и завел двигатель, шансов догнать Аркатова не было. По прямой. Поэтому, с ревом вылетев на улицу, я повернул в противоположную сторону. Свернул во второй двор направо. Сквозанул между домами. Выскочил на параллельную улицу. Надавил на газ. В конце опять свернул во двор, прошмыгнув переулком и только теперь снова выехал на главную дорогу. Аркатовский «опель» двигался всего на пять или шесть машин впереди меня.

Теперь, когда гонка кончилась и отчасти улеглось возбуждение, я мог спокойно порассуждать. А на что я, собственно, рассчитываю? Ответ был однозначным: пока ни на что. Никакого

конкретного плана завладения пленками у меня не было. Было только твердое убеждение, что нельзя упускать их из виду, что надо ехать вслед красному «опелю», куда бы он ни направился, преследовать его, как кобель, повинувшись древнейшему из инстинктов, преследует течную сучку. Вдруг да обломится?

Надежда забрезжила передо мной, когда Аркатов, миновав Беговую, из туннеля выехал на Ленинградский проспект в сторону кольцевой. Если бы он собирался домой, то повернул в противоположном направлении. А так... Конечно, есть множество других не просчитанных мною пока возможностей, но по Ленинградскому проспекту идет дорога в международный аэропорт «Шереметьево». Логически рассуждая, раз уж решил где-то скрываться от всемогущей мафии, то не в Саратове же, не в Калуге. У Сокола, на развилке с Волоколамкой, красный «опель» решительно выбрал Ленинградское шоссе. Шансы «Шереметьева» стремительно возрастали. А мой?

Я лихорадочно продумывал варианты. Кого задействовать? Таможню? Погранцов? И как? Как сделать так, чтобы пленки не просто не ушли за границу, а достались именно мне? Я, конечно, понимал всю их колоссальную значимость для правоохранительных органов и на худой конец был согласен и на такой вариант. Но, во-первых, надо, чтобы с таможни они попали именно туда, а не оказались проданы совсем другим людям — я трезво смотрел как на нашу таможенную службу, так и на материальные возможности заинтересованных в пленках лиц. А во-вторых...

Хотел я сам себе признаться в том или не хотел, но в данный момент почти все прочие аргументы мне застила одна-единственная свербящая мозг мысль: в каких-нибудь двадцати метрах от меня — рукой подать! — находится самая потрясающая сенсация из всех, какие могут выпасть журналисту за целую жизнь. Упустить ее — значит каяться и клясть себя до скончания века.

Между Войковской и Водным стадионом опять что-то копали. В душном бензиновом чаду раскаленные машины еле-еле ползли в полтора ряда, пробираясь меж дорожных ограждений. Если в этой обстановке у кого-нибудь от жары закипит аккумулятор, мы все встанем здесь намертво. Хорошо, коли вместе с «опелем». А ну как он уедет вперед, а я останусь? Дергаясь в пробке, точно сломанная игрушка, я с завистью наблюдал, как похожий на огромную кобру черный «харлей-дэвидсон» на двух колесах легко лавирует среди почти неподвижных машин. Седоки, оба, несмотря на безжалостно пекущее солнце, в черной коже, в черных мотоциклетных очках и шлемах, казалось, в своем высокомерии даже не глядели по сторонам. Не знаю, как насчет аккумулятора, но в какое-то мгновение мне показалось, что у меня вот-вот закипят мозги. Нечеловеческим усилием воли мне удалось подавить в себе желание бросить руль, выскочить наружу, легко лавируя среди замерших машин, добежать до стоящего впереди «опеля», хорошенько дать Аркатову по голове, схватить «дипломат» и сделать ноги...

Меня спасло от безумия то, что пробка тронулась. Чтобы на будущее избежать опасности потерять своего ведомого в очередном заторе, я решил притереться к нему поближе. Когда по-

ток снова остановился перед следующим светофором, я оказался сзади всего на два корпуса. И поэтому вся последующая картина была у меня, что называется, как на ладони...

«Опель» стоял перед стоп-линией первым. В левом от него ряду горячил двигатель наездник «харлея». Мне было видно все до мельчайших деталей. Левая рука Аркатова, стряхивающая пепел с сигареты на мостовую. Сидящий пассажир мотоцикла с какой-то, похожей на пивную, жестянкой в правой руке. Зажегся желтый сигнал светофора, оставались доли секунды до зеленого, когда черный мотоциклист, слегка склонившись вбок, швырнул жестянку в открытое окно «опеля».

Все дальнейшее случилось одновременно. «Харлей-дэвидсон» сорвался с места так, что встал на заднее колесо, а в салоне «опеля» расцвел огненный шар, мгновенно охватив пламенем всю машину. Мне почудилось, что я вижу в огне выгнувшуюся в последней судороге человеческую фигуру, но, может статься, то была лишь игра насмерть перепуганного воображения. Кругом кричали люди, бешено гудели клаксоны, ревели разбегающиеся в ужасе автомобили, один лишь я сидел за рулем в оцепенении, умом понимая, что, пока не рванул бак, надо давать деру, но не в силах тронуться с места. Сидел и глядел на столб огня и черного дыма, который еще минуту назад был моей мечтой о сказочном материале. Сенсация кончилась. Даже не начавшись.

Злость — плохой советчик. Ярость — еще хуже. Но поскольку сразу после гибели Аркатова никаких других чувств я не испытывал, приходилось руководствоваться этими. С места происшествия я уехал, не дожидаясь ни пожарных, ни милиции: писаться в свидетели у меня не было ни малейшего желания. Добравшись до ближайшей телефонной будки, я позвонил в контору и через полминуты меня соединили с Гаркушей. «Как у тебя с материалом про пожар в казино?» — спросил я. «Заслали в набор, — ответил он. — Только вот заголовочек не дается...» «Возьми ручку, — сказал я ему, — пиши: «Пэ эс. Перед самым подписанием номера в печать из источников, близких к криминальному миру, редакции стали известны новые подробности происшедшего. Похоже, смерть бандитского лидера Льва Звездкина, больше известного в преступных кругах под кличкой Барин, напрямую связана с волной заказных убийств, прокатившихся в последнее время по городу...»

Я слышал, как он старательно сопит в трубку, повторяя за мной: «...убийств... время по городу, Готово!» «Открой скобки, — попросил я. — В скобках напиши: «см. наш материал «МАШИНА СМЕРТИ» в номере...» Номер газеты посмотришь сам в подшивке. Написал?» «Написал. А откуда...» «От верблюда, — оборвал я его. — Что, тебе все прямо по телефону выложить? Пиши дальше: — «Источники утверждают, что Барин, по всей видимости, был одним из организаторов и активным участником мощной, хорошо законспирированной организации, поставившей уничтожение людей различными способами на коммерческую основу. Наблюдатели полагают, что устранение Барина, осуществленное столь шумным и эффектным образом, было одновременно акцией устрашения и мстью за гибель вора в законе по клич-

ке Ступа со стороны преемника последнего — авторитета по кличке Рикшет». Абзац. Успеваешь?» «Ага, если можно, чуть помедленнее», — пробормотал он.

«В тот же день, когда сгорело казино «ЗОЛОТО МИРА», но несколькими часами позже, на Ленинградском шоссе в районе Водного стадиона был сожжен притормозивший у светофора красный «харлей-дэвидсон»: преступники, подехавшие на черном мотоцикле «харлей-дэвидсон», через открытое окно швырнули в салон «опеля» емкость с зажигательной смесью, возможно, напалмом, после чего бесследно скрылись. Вместе с машиной сгорел ее владелец, еще один активный участник преступной группировки, контролирующей рынок заказных убийств в Москве, некий Аркатов Иван Федорович, в прошлом руководитель молодежного туризма, несколько лет назад осужденный за различные злоупотребления. Аркатов отбывал наказание в одной колонии с Бариним и после выхода на свободу не порвал с ним связей. Есть основания считать, что именно он являлся диспетчером (или одним из диспетчеров), распределявшим заказы на убийства. Те же источники высказывают мнение, что причиной смерти Аркатова стало его желание выйти из «бизнеса», прихватив с собой на всякий случай огромное количество компромата как на саму организацию, так и на ее клиентов. В ближайших выпусках газеты ждите новых фактов и наших комментариев на эту тему».

«Подписать твоей фамилией?» — досопев до конца, спросил Гаркуша. «Нет, — ответил я, подумав. — Подпиши: «Отдел преступности». И сразу засылай. Я приеду минут через сорок, может, добавлю что-нибудь прямо в полосу». И уже собрался повесить трубку, но услышал отчаянный вопль: «А заголовочек-то, заголовочек?!» Я задумался, потом сказал: «Попроси набрать покрупнее: «КРЕМАТОРИЙ НА ВЫНОС». А внизу подзаголовок: «ЗЕМЛЯ ГОРИТ ПОД НОГАМИ БАНДИТОВ. Точка. МИЛИЦИЯ НЕ ВИНОВАТА».

Конечно, Аркатова сдал Кулек, думал я по дороге в редакцию. Кто же еще? Мятый, потный, слюнявый Кулек, о котором все позабыли в связи с полнейшей незначительностью. Интересно, само он жив пока, или завтра где-нибудь обнаружится еще один труп? Интерес, впрочем, был академический.

Похоже, и все остальные мои изыскания носили чисто академический характер. К такому грустному выводу я пришел после почти трехчасового изучения в своем кабинете аркатовской папки. Покойник не обманул — имена там, действительно, фигурировали такие, что только голова кружилась. Банкиры, шоумены, коммерсанты, общественные деятели и даже, как ни странно, люди искусства. Но без пленок все это было не больше, чем беллетристика, а пленки сгорели вместе со своим владельцем.

Злость и ярость, сильные чувства, продержались недолго, ушли. Пришла усталость. А вместе с ней, как написал однажды в очередной бессмертной заметке Владик Гаркуша, «тяжело припадая на обе ноги», припелся вопрос: за каким хреном я продиктовал в номер этот чертов постскриптум? С одной стороны, бессмысленное бахвальство, потому что никаких новых фактов ниоткуда не предвиделось, соответственно обстояло дело и с

комментариями. С другой — всякий, пусть даже очень крепко ужаленный человек, злобно сующий в ответ на это падуку в осиное гнездо, должен представлять последствия и ждать соответствующей реакции.

Я представлял. Но гнездо разворошил. Теперь оставалось ждать.

30. РОЗЕНЛЕВ

По утрам в нашем доме молчат трубы. Еще пару дней назад в подъезде появилось объявление, где именем ЖЭКа возвещалось о начале планового ремонта системы водоснабжения. И вот свершилось. Апокалипсис временно отменен, Армагеддон отложен на профилактику. Я проснулся от тишины.

Тишина, конечно, не была абсолютной. Дом, как лес, наполнился присущими ему звуками: где-то далеко-далеко шмелем гудел пылесос, зудели по-комариному кофемолки, на разные голоса свистели чайники. Но, в отличие от натужного воя нашей ржавой канализации, эти звуки не раздражали. Я проснулся в прекрасном настроении, которое омрачала лишь перспектива бритья и умывания с помощью кружек и тазиков.

Интересно, что это ежегодное мероприятие всегда проводится летом. Исходя из каких-то дикарских представлений, считается, что в жаркое время года вполне можно обойтись без горячей воды. Экая чушь! По-моему, летом вода даже важнее, чем зимой. Особенно людям, занятым таким трудоемким и энергозатратным делом, как секс.

Раскрыв глаза, я оглядел комнату и обнаружил, что Тина куда-то делась. Но вскоре по легкому шебуршанию, идущему со стороны кухни, определил ее местонахождение. Абсолютно голая, она мыла пол, что-то напевая себе под нос. Вся посуда была перемыта, плита, дверцы шкафов и даже оконные стекла сверкали невиданной чистотой. А на плите в двух кастрюлях и одной баке кипела вода, предполагая дальнейшую экспансию затеянной генеральной уборки.

Отворив кухонную дверь, я замер на пороге, глядя на все это с чувством нарастающего неодобрения. Нельзя сказать, чтобы я был принципиальным противником гигиены и санитарии. Нет, я даже отдавал себе отчет, что с помощью Стрихнина за последнее время довел квартиру до критического состояния — в отдельных углах уже смело можно было сажать картошку. Но внезапно возникающая домовитость моих подружек всегда пугает меня до судорог. Не то чтобы опыт двух малоудачных браков толкнул меня в пучину промискуитета. Однако он создал в моем организме весьма стойкий иммунитет к супружеству, подозреваю, где-то на генном уровне. Вероятно, это все легко читалось на моем лице, потому что Тина откинула волосы со лба тыльной стороной мокрой ладони, вздернула нос и решительно меня осадил: «Размечтался!» Я решил сделать вид, что не понимаю, о чем речь, и спросил: «В каком смысле?» «В том самом! — отрезала она. — Знаешь, как в песне поется? Я на свадьбу тебя приглашаю, а на большее ты не рассчитывай!»

Положительно, эта девчонка нравилась мне все больше. Рассмеявшись, я схватил ее в охапку и потащил в комнату, невзирая на попытки заехать мне грязной тряпкой по физиономии. Впрочем, она недолго возмущалась и сопротивлялась, так что утро явилось в определенном смысле достойным продолжением ночи. Через полчаса, расслабленно отдыхая в моих объятиях, она с нескрываемой печалью поведала, что сегодня ее смена заступать на дежурство в лечебнице и, надув нижнюю губу, спросила: «Ты мне не будешь изменять в ближайшие двадцать четыре часа?» «Попробую продержаться», — ответил я. «А на работу сейчас отвезешь?» «Конечно». «А как насчет того, чтобы завтра забрать с работы?» Известно, кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Однако для настоящего джентльмена верно и обратное. «Заберу», — хоть и без подлинного энтузиазма, но все-таки согласился я. «Тогда пора», — объявила она, с явным сожалением вылезая из постели.

Господи, если б я знал, чем в следующие сутки обернутся мои безответственные обещания!

Ветлечебница находилась в переулке возле Большой Пироговки. Приземистый кирпичный особняк, облезлый, как старая дворняга, прятался между корявыми тополями в глубине огороженного чугунной решеткой двора. Вид его был столь мрачен, что я поинтересовался у Тины, какое учреждение помещалось здесь раньше, и мои опасения подтвердились: то ли морг, то ли прозекторская одного из расположенных поблизости медицинских институтов. Оставалось надеяться, что на страждущих братьев наших меньших это не производит такого же гнетущего впечатления, как на их хозяев. «У вас там хоть водопровод есть?» — спросил я с сомнением. «У нас даже рентген есть», — ответила она с оскорбленным видом. Рентген мне был ни к чему, а вот водопровод нужен, чтобы набрать воды для омывателя переднего стекла. Я сообщил об этом Тине, но она, неожиданно зардевшись, заявила, что не хотела бы появляться на работе в чьем-то сопровождении, объяснила, где найти кран, мазнула прощально губами по моей щеке и скрылась на лестнице, ведущей куда-то в подвал.

Благородно выждав минут пять, я с большой пластмассовой бутылкой из-под «Фанты» в руке вылез из машины и направился по ее следам. Но посреди двора мне навстречу попался какой-то хмурый парень, который, указав подбородком куда-то мне за спину, спросил не очень дружелюбно: «Глянь, это не твою тачку там курочат?»

Я рефлекторно обернулся, но глянуть на тачку не сумел: ее загораживала парочка еще более хмурых детей на голову выше меня и раза в полтора шире в плечах. Один из них просто протянул ко мне руку и железной хваткой взял за горло. А тот, первый, что посоветовал глянуть, навалился сзади, залепляя мне все лицо какой-то остро пахнущей тряпкой. Вот, собственно, и все. Больше ничего не помню...

Пробуждение было мучительным. Первой пришла боль в темечке — острая, как воровская заточка, и такая же безжалостная. Потом вернулось зрение, но его не сразу удалось сфокуси-

ровать, и прошло некоторое время, прежде чем я понял, что лежу на спине, глядя в аккуратно обшитый вагонкой потолок. Затем как будто появился слух: я начал различать рядом с собой какой-то тягучий равномерный скрип, но догадаться о его происхождении мне было не по силам. Наконец я пришел в себя настолько, чтобы слегка повернуть голову, а вслед за ней глазные яблоки — и все встало на свои места.

Мое брэнное тело помещалось на кушетке, кушетка стояла на веранде, вероятно, загородного дома, а скрип издавало плетеное кресло-качалка. В кресле сидел маленький и чистенький, как весенний воробушек, старичок. Покачиваясь туда и сюда, он смотрел на меня с умильной улыбкой. «Ну, слава Богу, оклемался, теперь все хорошо будет, — произнес он с видимым облегчением. — А то я уж волноваться начал, не переборщили ли ребята. Ах, молодежь, молодежь, ни в чем не знают меры!»

Если он имел в виду ту пакость, которой эти кретины отравили меня во дворе ветлечебницы, то я не мог с ним не согласиться: имел место явный перебор. Его облегчение по поводу того, что я оклемался, тоже было мне близко. Но в том, что все теперь будет хорошо, у меня были серьезные сомнения.

А старичок тем временем, закончив улыбаться, качнулся в мою сторону, но назад откидываться не стал, а замер в этом положении, уставившись на меня блеклыми, как застиранная занавеска, глазами. Некоторое время он рассматривал мою персону без всякого выражения на лице, словно рыбку в аквариуме, потом тяжело вздохнул и сказал огорченно: «Советовали тебе, уговаривали, а все без толку. Помнишь, мы с тобой про абдуценс-то болтали? Не то ты тогда выбрал, сынок, ох, не то! А теперь, видишь, какая беда приключилась?» «Дядя Гриша», — просипел я, не узнав собственный голос. «Точно! — обрадовался он. — Опознал старика! Вот я и говорю: беда. Но ты не унывай, Игорек, абдуценс он и в Африке абдуценс. Всегда есть зло поменьше, а есть побольше. Надо только правильно выбрать».

Я сделал над собой усилие и попытался сесть. С третьего раза у меня получилось. Веранда слегка поплыла перед глазами, но это вскоре прошло. Взглянув на небо, я с удивлением обнаружил, что солнце уже садится, и поразился тому, сколько пролежал без сознания. Дядя Гриша с неподдельным интересом наблюдал за моими барахтаниями. «Молодец! — похвалил он меня и спросил: — Ну как, беседовать уже можешь?» «О чем?» «О жизни! — захихикал своим старческим тенорком дядя Гриша, но тут же перешел к серьезной, даже скорбной интонации: — О чем же еще? О твоей, сынок, жизни». Я кивнул, от чего у меня опять все маленько заколыхалось в голове, и сказал: «Если б хотели убить, давно убили». «Верно, — одобрительно согласился дядя Гриша. — Начал соображать. Но тут что надо помнить? Тут надо помнить, что смертюшка, она ведь тоже разная. Бывает быстрая и легкая, вроде как водички глоток, а бывает до-олгая и ох какая страшная... Ты мне верь, Игорек, я знаю». «Верю, — снова кивнул я, но голова больше не закружилась, и это меня обрадовало. — Верю, сразу видно, что вы палач со стажем». Он склонил голову набок и еще больше сделался похож на воробушка, разглядывающего

крошку, прежде чем ее склевать. «Наверное, обидеть думал? — спросил он добродушно. — Не обидел. Палач, знаешь ли, профессия ничем не хуже других. По нынешнем временам даже весьма дефицитная».

Еще по прошлому разу я помнил, что беседовать с этим милым другом все равно что чесать, где чешется, то есть можно бесконечно. Но в данный момент мои полемические возможности были сильно ограничены моим физическим состоянием, поэтому я просто спросил, стараясь говорить поглубже и порешительнее: «Короче, чего надо?» «Вот это мужской разговор! — обрадовался дядя Гриша. — Сейчас все доложу по порядку, — он выставил вперед маленькую ручку с тонкими сухонькими пальчиками и для начала загнул мизинчик: — Вопрос первый: замечка сегодня в вашей газетке — твоя работа?» Сердце коротко трепыхнулось и замерло: ну, чего ждал, того и дождался. Теперь думай, что ответить: фамилии там моей, конечно, нет, но уши торчат. Быстро, быстро надо решать, что выгодней. Не дождав-шись от меня немедленного ответа, дядя Гриша нахмурился: «Так, Игорек, дело у нас не пойдет. Что, мне из тебя каждое слово клещами вытягивать? — помедлил чуть-чуть, пожал плечами и вздохнул: — А в общем-то, если настаиваешь, можно и клещами. Раскалим их сперва легонько на конфорочке и...» «Моя работа», — прервал я его.

Удовлетворенно скрипнув, дядя Гриша вернулся обратно в радужное настроение: «Видишь, какая штука абдуценс: и клещи без надобности. Тогда второй вопросик, — он загнул безымянный палец. — Что это за источник у тебя такой, «близкий к криминальному миру», а?» Выбрав направление, я решил пока с него не сворачивать, поэтому отвечал с приятной собеседнику резвостью и в его же манере: «Аркатов, покойничек. Нешто сами не знаете?» «Я-то знаю, — кивнул он, — да хочу от тебя услышать. И чего еще там этот Аркатов наболтал?» «Что наболтал — все в газете», — пожал я плечами, попутно радуясь, что, кажется, не только плечи, но и руки с ногами вновь обретают способность подчиняться. «Это что ж, — недоверчиво кхекнув, спросил дядя Гриша. — так прямо и сказал тебе: я, дескать, диспетчер по заказным убийствам? А Барин, значит... как там у тебя? «Активный участник?» Я кивнул: «Так не сказал, потому что мне это было и без него известно. А подтвердить — подтвердил». «И откуда ж это тебе было известно?» — воздел брови старичок. «Кулек сказал. Можете у него спросить». «У Кулька, дорогой ты мой человек, ничего теперь не спросишь, — грустно сообщил дядя Гриша. — Умер Кулек». «Царствие ему небесное...» — пробормотал я. «Да, поторопились, — согласился он. — Ну, поехали дальше. Третий вопросик: что за папочку передал тебе Аркатов?»

Вот оно, наконец: на этот раз сердце подпрыгнуло к горлу и там застряло теплым комком. Папочка. Она или моя последняя надежда, или смерть. Только бы не ошибиться — ни в слове, ни даже в интонации. «Какая такая папочка?» — спросил я удивленно. Безобидный с виду воробушек начал раздуваться и багроветь, на глазах превращаясь в хищника. «Ты со мной, сынок, не шути, — угрожающе прошипел дядя Гриша. — А то тебе клещи-то еще

райским наслаждением покажутся. Отвечай: что за папка?» Особо делать вид, что я испугался, мне не пришлось: у меня и впрямь поджилки тряслись. Поэтому, надеюсь, заканючил я вполне натурально: «Ну, папка Папочка. В ней все его разговоры с заказчиками. Он их на пленку записывал». «Сука, — углубившись в какие-то мысли, пробормотал себе под нос старикашка. А у меня как бы между делом уточнил: — Что значит «разговоры»? Пленки или распечатка?» Но меня его ровный тон не обманул: я-то знал, что это и есть главный вопрос. Вопрос, как верно заметил дядя Гриша, моей жизни. «Распечатка, — ответил я. А потом, помедлив полсекунды, добавил: — И пленки». Но я имел дело с серьезным противником. И он немедленно дал мне это понять: «Врешь! — заорал он злорадно своим козлиным тенорком. — Вот и врешь! Так он тебе и отдал! Главное свое богатство!»

Но я уже был готов к такому повороту: когда за плечом у тебя маячит тетка с косой, начинаешь соображать удивительно быстро. Ясно, что, когда Аркатов сидел со мной в кафе, за ним уже следили и видели, как он передал мне папку. Но ведь в папке могло быть и еще кое-что. Мое спасение — полуправда, а они пусть-ка проверят, если могут. «Не хотите — не верьте, — снова пожал я плечами. — Иван Федорович дал мне папку с полной распечаткой и для подтверждения, что это все не лажа, две кассеты. Между прочим, он говорил, что черкнул вам записочку. А после нашей встречи хотел черкнуть еще одну, да, видать, не успел. Надо думать, для себя он еще кое-что приберег. Как это он сказал? — я поднял глаза к потолку, сделав вид, что вспоминаю. — Ага! «То, что газета опубликует, будет держать их в тонусе. Дороже станут ценить остальное». «Идиот, — пробормотал старик, но, похоже, это относилось уже не ко мне. — Ладно, поехали дальше. И где это все?» «В редакции, в сейфе», — ответил я. Легко и приятно говорить правду! «Похоже, — согласился дядя Гриша. — В квартире и в машине мы все посмотрели, там нет. Давай теперь вместе думать: как нам папочку получить?» «Никак», — развел я руками. Старикашка подозрительно на меня прищурился: «Это почему же?» «Если вы меня отпустите, я убегу. А если не отпустите, меня хватятся, начнут искать, первым делом полезут в сейф и найдут материалы».

Говорил я спокойно и рассудительно, но цель перед собой ставил разозлить его сильнее, выбить из колеи. С вышедшим из себя противником всегда легче иметь дело. Но я не на того напал. «Н-да, — задумчиво пожевал он губами. — А если так: ты звонишь кому-нибудь в редакции, просишь достать из сейфа папку и привезти в условленное место. Дальше — дело техники». «С чего это я стану звонить? — хмуро поинтересовался я, но он в ответ заулыбался так ласково и страшно, что мне сразу стало понятно — с чего. Однако я все равно упрямо замотал головой: «Не буду звонить. Как только папка окажется у вас, мне конец, неясно разве. Так что не буду. Абдуценс».

Мне казалось, что, обрисовав эту патовую ситуацию, удастся вывести его из себя, но я ошибся. Боже, как жестоко я ошибся! Старый хрыч всего лишь развлекался, играя со мной в кошки-мышки. Ему, оказывается, вовсе не надо было мучаться, искать

решение. Оно у него давно было. «Абдуценс так абдуценс, — снова разудыбался он, довольно потирая сухие маленькие ладошки. — Вижу, теорию ты усвоил хорошо, пора переходить к практике». Он скрипуче откинулся назад в своей качалке и ни к селу ни к городу сообщил: «Молодняк нынче не тот. Ни тебе инициативы, ни элементарного соображения. Сказали им, дуракам, тебя привезти, они и привезли. А девку упустили... Ну, ничего, это дело поправимое. Нам уж известно, что она в лечебнице работает и что смена у нее суточная. Можно было б ее оттуда вытащить, но зачем лишний шум? Подождем, подождем до утра, нам спешить некуда...»

Все. С чувством полнейшей безысходности я понял, что вляпался окончательно. Завтра они привезут сюда Тину, начнут пытать ее на моих глазах и я, как миленький, отправлюсь в контору, чтобы собственноручно вынести им заветную папку. Но я не просто вляпался, а вляпался в собственное дерьмо. Вся штука в том, что я наврал им про кассеты. И теперь они ни за что не поверят, что их не было. Просто не захотят верить.

Тоненько, как бормашина, заверещал звонок. Откуда-то из-за спины дядя Гриша извлек сотовый телефон, щелкнул крышечкой, приблизил аппарат к розовому ушку. «Да, я, так точно, — говорил он невидимому абоненту. — Как раз сейчас работаем... Отчего ж? Успешно. Да, да, начал понимать. А куда ж он, милоч, денется? Есть! Есть! И вам того же!» Закончив беседу, старая сволоочь качалась туда-сюда в кресле, улыбочиво наблюдая за моей реакцией. А реакция у меня была плохая. Отвратительная была реакция. Он играючи сделал со мной то, что мне не удалось с ним. Я был не просто разозлен, я был напрочь выбит из колеи, и хотя умом понимал, что, выйдя из себя, могу наделать непоправимых глупостей, совладать с собой уже не мог. Изю всех сил сдерживаясь, я делаю вид, что размышляю над сказанным, глядя в пространство отсутствующим взглядом, а на самом деле глядел за спину дяди Гриши: на низенький парапет веранды, где протекала наша дружеская беседа, на простирающуюся за ним лужайку с гранитным фонтанчиком. На высокий острроверхий забор в конце участка.

Понятно, что старик пердун не стал бы вот так запросто сидеть со мной на веранде, если б не был уверен в мерах безопасности. Но ведь и на старуху бывает проруха... Была ли была — я слегка склонился вперед, принимая позицию стартующего бегуна, и ринулся напролом головой вперед. Не знаю, переоценил ли я себя, но дядю Гришу явно недооценил. Не удивлюсь, если узнаю, что в молодости он проходил подготовку в какой-нибудь школе спецназа. Чертова перечница проявила совершенно неожиданную прыть: он успел одновременно подставить ногу, о которую я успешно споткнулся, и выставить руку, чтобы схватить меня за шиворот. Но слишком долго торжествовать я ему не дал: сказавшись четверть века разницы в возрасте. Испытав краткий, но сладострастный миг, я локтем с размаху заехал ему в птичью харю и, прежде чем вырваться из его когтей, успел удовлетворенно заметить, как брызнула во все стороны его поганая кровь. После этого, перемахнув через парапет, я бросился к забору, но было поздно.

Сразу с трех сторон мне наперерез устремились давешние битюги. Один из них с ходу двинул мне ногой в пах, другой нанес страшный удар кулаком в голову. Что сделал третий, я уже не увидел, потому что лежал на земле, закрывая голову руками и даже не столько чувствуя, сколько слыша глухие удары тяжелых ботинок по спине, по почкам, по ребрам. «Так его, так, так, — крикая при каждом пинке, радостно приговаривал старый вертухай, стоя где-то неподалеку, и вдруг в какой-то момент спохватившись заорал: — Стой! Хватит! До смерти забьете!» Но как быстро они выполнили этот приказ, мне судить было не дано. Я опять потерял сознание.

Снова к жизни я возвращался так, как, наверное, умирают: с ощущением, что у меня болит не одно какое-то место, а тяжело и мучительно саднит весь организм. Во рту было солоно от крови, но, проведя легонько языком по зубам, я с некоторым изумлением обнаружил, что все они целы, хотя два или три качаются. Картина будет неполной, если забыть сказать, что в чувство меня привело вылитое сверху ведро ледяной воды, судя по всему, далеко не первое. На этот раз я обнаружил себя не на кушетке, а посреди кафельного пола просторной душевой. Впрочем, по большому счету сейчас это было безразлично.

«Очухался, штымп», — без всякого выражения сказали над моей головой. И сразу где-то рядом заблеял старческий тенор дяди Гриши: «Вот и хорошо, вот и славно! Оттащите его, мальчишки, в предбанник, пусть сохнет. Он нам утречком сухим нужен». Меня схватили под мышки, волоком вытащили в соседнее помещение и свалили у стенки. Надо мной нависла, полностью загородив горизонт, огромная фигура, кто-то грубо схватил мою правую руку и защелкнул на ней наручник. Другой наручник окольцевал трубу батареи отопления. «Лежи и не рыпайся», — посоветовал все тот же невыразительный голос.

Но затем, видимо, для лучшего усвоения, нога в здоровенном тупоносом ботинке сделала ленивый замах и пнула меня в бок. Боль рванула по всему телу, как от электрического разряда, и я не заорал только потому, что не было сил. После чего все покинули предбанник, оставив меня наедине с моими мыслями и чувствами.

Вероятно, я на какое-то время снова впал в забытье, по тому что когда в следующий раз разлепил глаза, за маленьким окошком было уже совершенно темно. Свет в комнате был погашен, однако в коридоре горел, вероятно, из соображений безопасности моего здесь содержания. С удивлением обнаружив на левой руке часы, я при помощи светящегося циферблата выяснил, что время близится к трем часам ночи. До утра, вернее, до того, что утром должно случиться, оставалось совсем немного. А я, побитый физически и морально, скован цепью с чугунной батареей, такой же холодной и бесчувственной, как мои мучители.

Впору было заплакать, но я сдержался. В конце концов, как верно заметил однажды Иван Федорович Аркатов, безвыходное положение бывает только под крышкой гроба. Вот он, бедняга, теперь по-настоящему в безвыходном положении. А у меня должна быть надежда.

С трудом кое-как сев, я уперся спиной в ребристую грудь радиатора и оглядел помещение. Типичный предбанник сауны, весь облицованный деревом, на полу тоже доски. Посередине длинный стол с лавками, в одном углу уютно фырчит холодильник «Розенлев», в другом умывальник с краном, из которого мелкой дробью сыпется в металлическую раковину тонкая струйка воды. И больше ничего. Прямо будем говорить, весьма скудный арсенал для начала действий. Тем не менее я к ним приступил.

Первым делом, стараясь производить при этом как можно меньше шума, я попытался определить границы своей деятельности. Вскоре выяснилось, что до «Розенлева» я, хоть и с трудом, могу дотянуться левой рукой, но вот раковина, а главное, кран, остаются для меня практически недоступными. Ладно, решил я, начнем с того, что доступно.

Холодильник был соединен с сетевой розеткой коротким, но толстым шнуром. Вытянувшись так, что правая, прикованная к батарее рука чуть не вылетела из плечевого сустава, я сумел дотянуться до основания кабеля и ухватить за него. Теперь предстояло самое трудное: выдернуть шнур из импортного, отлично подогнанного нутра «Розенлева». Я дернул со всей силой, на какую был сейчас способен, но результата не достиг. Тогда я переменил тактику. Уперся ногами в батарею и стал тянуть на себя кабель, используя теперь силу не только руки, но также спины и ног. Раздался короткий хруст, я с размаху треснулся головой об пол, но мог торжествовать победу. В моей руке оказался шнур, на конце которого грозно посверкивало раздвоенное жало оголенных проводов. Другой его конец уходил в электросеть.

Нет сомнений, это было грозное оружие. Но ближнего боя. Я бы сказал, очень ближнего. Шансов на то, что мне удастся подманить к себе охранника на столь близкое расстояние, было ничтожно мало. Требовалось что-то еще. Теперь моей целью стала раковина. Она находилась между мной и дверью в коридор, но к двери сильно ближе. Это и решило план кампании. Однако прежде чем начать сражение, предстояло подготовиться, как следует, поле боя. Я развернул туловище в другую сторону. Это, с учетом моей неразрывной связи с батареей отопления, оказалось не так просто, однако я справился. Грудь, бока, спина и шея при каждом движении отзывались пронзительной болью. Но мне было из-за чего стараться и страдать.

Выяснив, что все равно не могу дотянуться до крана, я оставил эти бесплодные попытки и сосредоточился на сливной трубе. К счастью, она была пластмассовая. К несчастью, даже приняв совсем уж немыслимую позу, я еле-еле доставал до нее носком ботинка. Тогда я пустился на хитрость. Стащив левый ботинок, я одной рукой кое-как насадил его на носок правого и таким образом удлинил атакующую конечность. Плохо было, что теперь она в известной мере утратила жесткость. Хорошо, что с четвертой или пятой попытки мне все же удалось нанести по трубе решительный удар и выворотить ее из гнезда. В изнеможении откинувшись на жесткую поверхность батареи, я с умилением наблюдал за делом ног своих: поблескивая в отдаленном свете коридорной лампочки, на дощатом полу растекалась лужа. Но уже

через несколько минут я снова занервничал: лужа растекалась слишком медленно. Она расплзлась так неторопливо, что я ударился в панику: мне казалось, будто в любой момент сюда могут нагрянуть и все пойдет прахом. К тому же в ее распространении обнаружилась опасная тенденция: пол оказался кривоватым, и, несмотря на разницу расстояний, вода почти с равной скоростью приближалась как к двери, так и ко мне.

Сердце бешено колотилось, я считал минуты и сантиметры, в полутьме скорее угадывая, чем видя приближение лужи. До меня ей оставалось не больше полуметра, до выхода в коридор раза в два поменьше. И тут нервы не выдержали: в конце концов, я не Анка-пулеметчица. Решив наконец для себя, что час «X» настал, время «Ч» пришло, я изо всех сил принялся греметь своими окнами, стучать каблучком в стену и орать благим матом. Реакция была почти мгновенной. В коридоре послышались торопливые шаги. Если их будет больше, чем один или максимум двое, мне каюк, успел подумать я, крепко сжимая в кулаке электрический шнур. В следующую секунду на пороге, заслоня весь проем, выросла мощная фигура. Это был тот самый мордovorот, который нанес мне последний удар под ребра, я узнал его по огромным тупоносным башмакам. «Ты что тут, пада...» — начал он грубым зашпанным голосом, делая шаг в предбанник и одновременно шаря по стене в поисках выключателя. Я увидел, как его кожаные подошвы коснулись воды, и, собрав всю волю в кулак, ткнул концами оголенного провода в край лужи.

Никаких сверкающих, как в кино, голубых сполохов не было. Просто человек вдруг поскользнулся, слегка подпрыгнул, изогнулся, будто в истоме, и рухнул. До тех пор, пока тело еще продолжало биться в конвульсиях, я, судорожно сжав зубы, не вынимал провода из воды.

В следующие несколько мгновений я сидел тихо, как мышь, напряженно прислушиваясь. Но никаких угрожающих звуков больше не было. Тогда я дотянулся до охранника, ухватил его за волосы и подтащил к себе. Он был так тяжел и огромен, что некоторое время я сидел над ним, испытывая чувства первобытного охотника, завалившего мамонта, благодаря богам за удачу и вчуже удивляясь тому, как мне удалось с ним справиться. Ключ от наручников обнаружился в заднем кармане его штанов, и вскоре я поднялся на ноги, слегка пошатываясь, но свободный.

Одежда на мне все еще была сыроватой, но двигаться в ней было можно. Проведя экспресс-исследование, я обнаружил, что пропали ключи от квартиры и от машины, а остальное, включая бумажник, как ни странно, на месте. Вероятно, противник не рассматривал всерьез мысль о возможности моего побега. На цыпочках я выбрался в коридор, а оттуда попал на веранду, где мы в незапамятные времена беседовали беседы с дядей Гришей. Кушетка, казалось, еще хранила на себе отпечаток грузного тела охранника, сотовый телефон лежал на сиденье кресла-качалки. Подумав, я сунул телефон в карман брюк, после чего тихонько спустился с веранды и двинулся в сторону забора.

За углом при свете тусклой луны открылся вид на большой трехэтажный дом. Значит, местом моего пленения была, скорее

всего, отдельно стоящая баня. Там, в этом доме, должно быть, безмятежно спят изметелившие меня битюги, а может, и сам дядя Гриша. Мелькнуло острое желание устроить им какую-нибудь бяку, но трезвый голос рассудка возобладал. Главным сейчас было как можно быстрее покинуть сию юдоль — желательнее, живым.

Благополучно перебравшись через забор, я очутился в редком лесочке. Куда идти, у меня не было ни малейшего представления, и я побрел вперед. Слава Богу, в небе висел месяц, к тому же потихоньку начало светать, так что я хоть не наткнулся на деревья. Скоро местность стала ощутимо подниматься, и я неожиданно для себя вышел к насыпи, по которой, блестя в лунном свете, в обе стороны уходили рельсы. Какая сторона моя, я не знал и остановился в растерянности. Но тут счастье улыбнулось мне в виде пыхтящего локомотива, тяжело преодолевающего горку. Через пару минут мимо меня застучали неторопливые товарные вагоны, и я решительно взобрался на площадку одного из них, рассудив, что в конце концов куда-нибудь да приеду вместе с ним. Это все равно было лучше, чем топтать по шпалам в неизвестность.

Тряский и громяхающий стальной пол не самое уютное для отдыха место, но я и на нем умудрился задремать. А когда проснулся, увидел, что товарняк катит уже меж каких-то сумрачных пакгаузов, запасных путей и многочисленных стрелок, что недвусмысленно свидетельствовало о близости станции. Действительно, вскоре состав остановился. Я спрыгнул на землю и пошел вперед по его ходу. Кругом нарастало количество платформ, запломбированных вагонов и приземистых складских помещений: стало ясно, что я, похоже, забрел в грузовой отстойник, где с непривычки немудрено и заблудиться. Но тут впереди на фоне розовеющего небосвода выросла огромная арка моста. Что-то в нем показалось мне знакомым. И тут я понял, где нахожусь: на Белорусской-Товарной, а значит, виадук надо мной соединяет Красную Пресню с Беговой улицей. Несказанно обрадованный своим удачным открытием, я решительно устремился к проволочному забору, за которым виднелась лестница, ведущая наверх, к нормальной городской жизни, и тут у меня в кармане зазвонил телефон. От неожиданности я чуть не подпрыгнул на месте. Осторожно, словно бомбу, извлек аппарат из кармана и с тревогой на него уставился. Ответить или нет? Но телефон так неприлично громко вопил и надрывался в окружающей меня тишине, что я, поймав кнопку отключения зуммера и в сумерках не найдя ее, раздраженно отщелкнул крышку и коротко рявкнул: «Да!» «Ну, что там у вас? — начальственно рявкнули мне в ответ. — Не нашли еще?»

Судя по всему, обладатель голоса был раздражен даже больше моего и не заметил подмены. Зато я узнал его. Я сразу узнал этот привыкший к повелительным интонациям командирский баритон и похолодел. Вот, значит, как оно поворачивается. То-то покойник Аркатов кривил губы, говоря, что эта организация непотопляема. С такими людьми ей и впрямь мало что угрожает. Я похолодел, однако, на этот раз не от страха, а от ярости. Но ответить постарался спокойно и даже иронично: «Нет, пока

не наши. И будем надеяться, не найдут». На том конце эфира крупный государственный муж, член парламентского комитета по законности и правопорядку господин Фуряев словно споткнулся на полном ходу. «Что? — спросил он растерянно. — Извините, я, наверное, ошибся». «Ошиблись, Михаил Анисимович, здорово ошиблись, — подтвердил я не без злорадства, но, прежде чем прихлопнуть крышечку аппарата, не удержался и добавил: — А вот извинять не хочу и не могу».

31. ПАРАПЕТ

Разумеется, я хорошо отдавал себе отчет, что злорадство — чувство, не совсем адекватное сложившейся обстановке. В том смысле, что злиться-то я мог сколько угодно. А вот особенно радоваться пока было нечему. Когда я на каком-то леваке добрался до Пироговки, самые мои худшие опасения подтвердились. «Копеечка» все еще стояла там, где я ее оставил, у входа во двор лечебницы. Но, прежде чем приблизиться, я провел небольшую разведку и довольно легко обнаружил противника: «джип» с тремя темными фигурами в нем на другой стороне переулка.

Тогда я двинулся в обход и, совершив рейд по тылам бывшей покойницей, обнаружил светящиеся окна полуподвала. По причине теплой ночи зарешеченные рамы были распахнуты. Присев на корточки, я заглянул внутрь и сначала увидел ушастого спаниеля на оцинкованном столе, потом толстого бородатого доктора со скальпелем и наконец в поле моего зрения всплыла Тина в белом халате со шприцем в руках.

Но в мои планы ни в коем случае не входило поднимать даже малейший шум, а тем более привлекать к себе внимание посторонних. Поэтому я, с облегчением убедившись, что Тина на месте и жива-здорова, двинулся по стенке дальше. Я исходил из того, что любое отдельно стоящее помещение должно иметь как минимум еще один выход, и вскоре нашел этому подтверждение, добравшись до невысокого полуразрушенного крыльца, на ступеньках которого курили два медбрата в зеленых операционных халатах. Занятые своей неторопливой беседой, они даже глаз на меня не подняли, когда я деловито прошествовал мимо них в обшарпанную дверь. Узкие коридоры с неровными грязно-белыми стенами внушали смертную тоску. Не решившись спросить у курьльщиков, как найти Тину, я некоторое время блуждал по этому печальному приюту, подгоняемый мыслью, что если сейчас не сумею все сделать как надо, мой хладный труп очень скоро может оказаться в подобном унылом местечке. Наконец я открыл нужную мне дверь. При виде меня на лице Тины отразилась вся возможная в подобном случае гамма чувств: от удивления до негодования. Отложив шприц в сторону, она с недовольным видом подошла ко мне: «Я же просила...»

Но я не дал ей договорить, схватил за руку и вытащил в коридор. В течение ближайших шестидесяти секунд я пытался вкратце объяснить ей положение вещей, но, похоже, не преуспел. Моя уверенность, что в результате моего побега здесь с минуту на минуту может появиться подмога для той троицы наверху и все вместе они сразу начнут действовать более решительно, ей то-

же не передалась. Она сердито пожала плечиками и заявила: «Как я могу отсюда уйти? Там полно больных!» «А если ты останешься, будет полно мертвых!» — чуть не заорал я в отчаянии. В конце концов, мы еле-еле сторговались на том, что она закончит процедуру спаниелю и отпросится у доктора. Не знаю, сколько седых волос я нашил в те десять минут, что мне пришлось ее ждать. А когда она вышла ко мне и я увидел, что она за это время успела переодеться и даже слегка подкраситься, меня чуть не хватила кондрашка.

По-моему, она так и не поверила мне до конца. Ни когда я поставил ее пригнувшись бежать под прикрытием забора к машине. Ни когда, прячась от «джипа» за своей «копеечкой», я с помощью лезвия перочинного ножа открывал заднюю правую дверь — одному мне было известно, что замок там держится на честном слове. Ни даже когда, скрючившись на полу водительского сиденья, я голыми руками выдираю провода из замка зажигания и заводил двигатель. Возможно, она все-таки начала верить после того как мы тронулись с места. Вернее, после того как сразу вслед за нами, взвизгнув покрышками, рванул с места набитый бандитами «джип». Гонка обещала быть столь же захватывающей, сколь и короткой. Шансы на победу примерно соответствовали весовым категориям «джипа» и «копеечки», то есть для последней были практически нулевыми. Но я рассчитывал хотя бы уравнять их с помощью знания местной топографии. Главным было продержаться первые три-четыре минуты.

Стартовали мы, что называется, с гандикапом, за счет неожиданности оторвавшись от соперника метров на двести. Но я не строил иллюзий. Уже на пересечении Пироговки с Садовым они оказались практически у нас на хвосте. С ревом промчавшись на красный свет поперек совершенно пустынного в этот ранний час Садового кольца, мы цугом влетели на Пречистенку и окончательно стало ясно, что на прямой дистанции мне не светит. «Джип» уже начал обходить меня слева с явным намерением прижать к тротуару и тут я резко ударил по тормозам, крутанул руль вправо и свернул в Мансуровский переулок. Они проскочили дальше вперед; я слышал, как за моей спиной визжат сначала тормоза, потом покрышки, и понял, что больше мне их на этот трюк не поймать. Но у меня в запасе была еще парочка. Нас вынесло на Остоженку, я вывернул руль влево и во весь опор понесся вверх, к Волхонке.

В этих местах прошла моя юность, и когда-то я пешком исходил все здешние закоулки, хранящие свои вековые названия. Вот сейчас справа возьмут начало извилистые, как лесные речушки, Зачатьевские переулки, а налево уйдет прямой старик Лопухинский. Я как бы автоматически показал мигалку влево, а сам свернул вправо так резко, что занесло зад. Но они не купились. Я ринулся вниз, к набережной, но в последний момент завернул направо в Бутиковский, а оттуда сразу в Молочный, которым меня вынесло в Коробейников. Направо, еще раз направо — и снова какой-то из Зачатьевских, то ли 1-й, то ли 3-й. В узких переулках Тину неверующую бросало на заднем сиденье из стороны в сторону, как мешок картошки. Зато мои преследователи

лишались здесь одного из главных своих преимуществ — скорости. И, видимо, тоже поняв это, решили воспользоваться другим. В зеркало я увидел, как опустилось стекло с правой стороны и высунулась рука с пистолетом. Один за другим хлопнули четыре выстрела, но между первым и вторым я резко вильнул, и только одна из пуль достигла цели, пробив мне крышу и выйдя через лобовое стекло. Почти одновременно с этим, громко вскрикнув, Тина упала с сиденья на пол. «Ты ранена?» — заорал я и услышал потрясающий ответ: «Ничего страшного, просто испугалась». Надеюсь, теперь она поверила мне окончательно.

Рука с пистолетом уже снова прыгала у нас за спиной, и я понял, что на игры времени не осталось. У меня был план, единственный, как сосна в степи, как луна в ночи, и я больше не сомневался, что если и он не выгорит, спасти нас сможет только чудо. Я точно знал, что сейчас делать мне, но, к сожалению, конечный результат зависел от того, что будут делать они. Из Зачатьевского в Молочный поворот под девяносто градусов, а вот из Молочного в Бутиковский под сорок пять. Полноценным образом вписаться в него на такой скорости я не смог — только ценой левого заднего крыла и двух мусорных баков, с чудовищным грохотом полетевших в разные стороны. Впрочем, «джипу» маневр дался не легче, к тому же им пришлось объезжать те самые баки, так что к следующему перекрестку я подошел даже с небольшим отрывом. Но сейчас как раз это не входило в мои намерения: сворачивая налево, в Коробейников, я слегка притормозил, и они снова оказались буквально в нескольких метрах от моего заднего бампера. Как только это произошло, я сказал сам себе: «С Богом!», врубил вторую и ринулся вперед.

Впереди находилась набережная Москвы-реки. До нее было метров пятьдесят-шестьдесят, но я попытался разогнаться до максимума. Мой план строился на том, что Коробейников упирается в набережную на самом узком ее участке, где ширина не достигает и двадцати шагов. Но главным было, что тому, кто несет по переулку, воды не видно: серый гранитный парапет сливается с асфальтом, и не только ранним утром, но даже ясным днем создается иллюзия, будто перед тобой большое пространство до самого Дома художника на противоположной стороне. Я знал об этом. Но не знал, знают ли они. Впрочем, до выяснения этого обстоятельства оставалось несколько секунд.

Конечно, я повернул опасно, в самый последний момент, когда каменное ограждение набережной уже всюю ехало прямо мне в лоб. Но, повторяю, никаких других шансов у меня не предвиделось, и я решил выжать максимум из этого. «Копеечку» вынесло на противоположный тротуар, она, бедняжка, ощутимо проскрежетала по граниту теперь уже правым задним крылом, но в конечном счете вышла из соревнования с честью. Чего нельзя было сказать о «джипе». Он, правда, тоже успел начать поворот — но только начать. Думаю, они заметили парапет в последнее мгновение, быть может, в то самое, когда с лягом и треском уже проламывали его насквозь. Последнее, что я услышал, давя со всей силы на педаль газа, был шумный плеск. «Ой! — сказала Тина, снова возникая на заднем сиденье. — Мне кажется, с ними

что-то случилось». «В следующий раз будут соблюдать дистанцию», — согласился я.

Я уже хохмил, но зубы у меня все еще стучали. Мне было очень хорошо понятно, что на самом деле ничего не кончено. Что все только-только начинается: у меня на руках бессмысленные бумаги Аркатова, а у Фурьева с дядей Гришей в голове уверенность, что к ним прилагаются две кассеты. С одной стороны, теперь это уже мой страховой полис. С другой, однако, этот полис отнюдь не вечен. Я ничего не могу опубликовать, но чем дальше буду сидеть сложа руки, тем больше они будут наглеть. А что бывает, когда они наглет, уже известно.

Короче, как только станет окончательно ясно, что я блефую, за мою жизнь никто не даст и три копейки. С такими вот оптимистическими надеждами я встретил восход нового дня.

32. БЕРЕТТА

В результате бурной дискуссии, где в ход пускались даже аргументы того типа, что я веду образ жизни, при котором необходимо постоянно иметь при себе если не врача, так хоть медсестру, мне удалось уговорить Тину поехать переждать лихое время к подруге где-то у Крестьянской заставы. Ценой обещания регулярно приезжать на перевязки.

После этого, поскольку больше было решительно некуда, я отправился в контору, разумеется, заехав во двор издательства через пожарные ворота. Назрела необходимость побыстрее встретиться с Тараканом, чтобы обсудить с начальством наблевшее, но он, как назло, задерживался, и мне оставалось только сидеть у себя в кабинете, томясь тоской и ожиданием. Часы на стенке показывали одиннадцать ноль пять, когда в дверь решительно постучали. «Войдите!» — крикнула я, обрадовавшись тому, что хоть кто-нибудь скрасит мне вынужденное безделье. И они вошли. Первым вырос на пороге Михаил Анисимович Фурьев. За его спиной мелкой птахой маялся дядя Гриша. От неожиданности я настолько растерялся, что только и смог спросить: «Вы каким образом сюда попали?» «Как положено, через бюро пропусков, — с достоинством ответил Фурьев. — По удостоверению Государственной Думы». «А этот сексот, — раздраженно показал я в сторону его спутника, — тоже депутат, что ли?» «Он — помощник депутата». «Ясно, — кивнул я, понемногу приходя в себя и вновь обретая утраченное было равновесие. — Лиса Алиса и кот Базилио. Зачем пожаловали?» «Может, вы предложите нам сесть?» — поинтересовался Михаил Анисимович. «Не предложу! — поражаясь собственной лихости, отрезал я. — Никто вас сюда не звал».

Однако я не на того напал. Усмехнувшись, Фурьев сам взял себе стул и уселся напротив меня. Мелко семеня, дядя Гриша пробрался к окну и пристроился на подоконнике, как на жердочке. «Не волнуйтесь, Игорь Владимирович, ради Бога не волнуйтесь, — проблеял он оттуда. — Мы вас надолго не задержим». «Надолго задерживать надо вас», — пробормотал я, уже с интересом ожидая продолжения. И дождался. Никак не реагируя на мои колкости, Михаил Анисимович молча выложил на стол при-

несенный с собой объемистый портфель, откинул крышку и подвинул его ко мне. Плотными рядами в нем лежали тугие пачки сто долларовых банкнот. «Здесь ровно миллион, — проговорил Фураев глухим голосом. — Мы решили не мелочиться. Проиграли — надо платить». «И между прочим, — проворковал с подоконника дядя Гриша, — даже взамен ничего не просим. Все равно ведь копий можно наделать сколько угодно. Так что оставляйте себе и папочку, и кассеточки».

Мысли в моей бедной голове понеслись, как гонимые ураганом щепки. От такого предложения может обладеть кто хочешь. А тут мне предлагают не просто миллион. Мне предлагают миллион за пустышку, за фуфель, за мой блеф! Господи, конец всем мучениям, всем страхам! Выход из всех тупиков! Плюс миллион.

Стоп, стоп, стоп... Где там у нас обычно бывает бесплатный сыр?

«Спрячьте бумаги с пленками в надежном месте, как Аркатов хотел, — уверенно посоветовал Михаил Анисимович. — А нам надо немного: ваше слово, что эта грязь никуда не вылезет». «Про грязь мы уже слышали, — вспомнил я. — От вашей чудной невестки. Кстати, как она поживает?» Фураев посмотрел мне прямо в лицо и медленно, словно выдавливая из себя, произнес: «С ней случилось несчастье. Сгорела в своей квартире. Вероятно, заснула с сигаретой».

У меня похолодели ладони. Господи, ведь это я собственными руками отдал ему те проклятые розовые бумажки! Оправдывает ли меня в глазах всевышнего то, что я не ведал, что творил? Но в душе моей не нашлось слишком много места для переживаний по поводу кончины прелестной убийцы Дианы, довольно быстро их вытеснили более практические вопросы. Автомобильные наезды начались сразу после убийства Фураева-младшего. Уж не его ли гибель навела в свое время папочку на самую идею? Впрочем, сейчас это уже имело мало значения. Вслух я сказал: «Хотелось бы уточнить, за что такая куча денег. За мое молчание о тех, кто уже убит, или за тех, кто еще будет убит, тоже?» В ответ Фураев решительно рубанул ладонью: «Бизнес мы сворачиваем, это уже решено!» И я окончательно утвердился в том, о чем до этого только догадывался: мне предлагают миллион всего-навсего за то, чтобы выиграть время. С таким компроматом на руках, как у меня, жить не оставляют. А главное — бизнес такого рода не сворачивают.

Значит, снова, куда ни кинь — везде клин, подумалось тоскливо. И взять деньги, и не взять деньги — максимум, что я получаю, это отсрочку приговора. Может, тогда лучше взять?.. И, как страшный сон, забыть про книжника Цыпляева, бухгалтера Слюсаря, чиновника Карымова, про рестораника, про тотопника, про всех, всех, всех. Включая Артема. «Мне нужно подумать, — сказал я. — Такие решения с бухты-барухты не принимаются». «Долго?» — хищно оскалился со своего насеста на подоконнике воробушек. «Не дергай человека, — усюсютил помощника Фураев. — Игорь Владимирович хочет подумать — имеет право». Он встал, захлопнул крышку чемоданчика, еще ближе подвинул его ко мне и объявил декретивно: «Это пока ос-

тавим здесь». «Это пока заберем, — не менее декретивно объявил я, двинув портфель в противоположную сторону. — Может, я откажусь. А может, еще попрошу». Не знаю, понравился ему мой ответ или нет, но он его проглотил. Посмотрел на меня с полминуты своими удивительно ясными глазами, провел рукой по картонному лицу, стирая, словно капли пота, следы сомнений, и коротко кивнул: «Завтра с утра буду ждать вашего звонка. С решением. Суток хватит?» «Хватит, — любезным тоном согласился я. — Ждите».

Но решение созрело одним махом еще до того, как за ними закрылась дверь. Теперь весь фокус состоял только в том, чтобы за оставшиеся сутки претворить его в жизнь.

Обычно мне удается убедить Таракана в чем угодно, он привык с уважением относиться к мнению спецкоров. Но тут редактор стоял насмерть. Слабость моих позиций состояла в том, что его практическим соображениям я мало что мог противопоставить, кроме общей риторики. Например, о том, что слово — наше единственное оружие, другого нет, что если мы и им будем пользоваться с оглядкой на каждую сволочь, то грош нам цена, и так далее, и тому подобное. Зато в ответ мне пришлось выслушать все: что нас затаскают по судам, арестуют наши счета, что газету вообще могут закрыть, а если даже не закроют, редакция не расплатится с исками до окончания века. Как ни странно, в конце концов чашу весов в мою пользу перевесил аргумент, который я, уже совсем отчаявшись, сгоряча бросил под занавес: похоронить меня с почестями обойдется, разумеется, дешевле, Таракан ошарашенно замолчал, вылупил на меня глаза, пошевелил усами, тяжело вздохнул и отчаянно махнул рукой: где наша не пропадала! «Бог не фраер, — вспомнив Стрихнина, успокоил я его напоследок, — отдаст, что положено». Потом я снова заперся с компьютером у себя в кабинете и сел за материал под названием «МАШИНА СМЕРТИ-2».

В 18.40 оригинал-макет, как положено, шурша и поскрипывая, выполз из принтера. Все выглядело замечательно, особенно хорошо смотрелся крупно набранный подзаголовок: «СТРАТЕГИЮ БАНДЫ НАЕМНЫХ КИЛЛЕРОВ ПРОДУМЫВАЛИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ». В 19.10 полоса перебралась в фотоцех. Никому не доверяя, я лично отнес ее туда. В 20.20 была готова сухая пленка. Все это время я коротал рядом с ней. В 21.05. офсетчики в моем присутствии изготовили доску. В 21.20 я собственными руками отнес ее в ротационный цех. Мне обязательно надо было дождаться, пока машина заработает и выплюнет первый экземпляр газеты. Потом еще были кое-какие хлопоты, необходимые для выполнения моих планов, управившись с которыми, можно было и поспать. Ночь, проведенная на диване в кабинете Таракана, прошла спокойно. Да я, собственно, и не ожидал от нее ничего экстраординарного. Все события должны были развернуться утром.

А накануне днем я позвонил Аржанцеву и поинтересовался, какой отдел ФСК или РУОПа они спихнули свои «висяки». Надо отдать ему должное, Аржанцев мгновенно насторожился и спросил, на кой мне это надо знать. Я скромно ответил, что мне в ру-

ки попали кое-какие материалы, касающиеся заказных убийств, в том числе и тех самых, с ненайденными автомашинами. А также, что завтра, сразу после того как подписчики получат утреннюю газету, от кое-кого можно ожидать повышенной активности. И если эту активность правильным образом проконтролировать и зафиксировать... «Понял, — сказал Аржанцев. — Никуда не уходи. Сейчас приеду».

Так что я, стоя у Дома на набережной, не удивился, когда около восьми утра увидел в подрулившей малоприметной «девятке» мышьиной окраски рядом с водителем знакомое лицо. Я нырнул на заднее сиденье и поинтересовался: «Это что, все наличные силы?» «Обидеть сыщика может каждый, — проворчал в ответ Аржанцев. — Нет чтобы помочь материально... У нас еще три машины, в том числе две с омовцами в штатском. Между прочим, армию я тебе и не обещал». «А как с прослушиванием?» Он поскутчал. «Ты бы еще ночью нам позвонил... Теперь такие дела в один миг и без прокуратуры не очень-то делаются, тем более с членами парламента. Так что обходимся своими силами». «Как надо это понимать?» — спросил я. «Понимать надо так, что подрубались прямо к телефонному шкафу в подвале, — ответил Аржанцев раздраженно. — Будем надеяться, не застучают».

В этот момент на приборном щитке заговорила рация. «Клиент ведет активные переговоры, позвонил уже в четыре места, ему было три звонка, — сообщила она. — Как меня слышите?» «Тебя слышим, переговоры — нет», — откликнулся Аржанцев. «Транслировать не получается, техника херовая. Но все пишем». «Доложи хотя бы, о чем говорят, — с досадой распорядился Аржанцев. — И без мата в эфире». «Все про какую-то статью в газете. Зачитывает куски, предлагает всем срочно встретиться». — «А поподробней?» — «Поподробней — только с матом. Дед ругается, как пьяный матрос». — «Больше ничего?» — «Ничего». — «Тогда до связи», — сказал Аржанцев. «До связи», — согласилась рация.

Минут сорок прошло в томительном ожидании, прежде чем она снова хрюкнула и заговорила, шебурша атмосферными разрядами: «Через пятнадцать минут за ним подъедет машина, и он спустится».

Четверть часа спустя Михаил Анисимович вышел из дома, и почти одновременно с этим к подъезду подкатил роскошный белый «линкольн». За рулем был неизвестный мне плечистый мужик, вероятно, водитель и охранник, рядом помещался дядя Гриша, а сзади я, к своему немалому изумлению, разглядел еще одного старого знакомца. Вольготно развалившись на кожаных сиденьях, там сидел гендиректор «Интертура» Владимир Олегович Квац. Фураев подсел к нему, и «линкольн» тронулся. Мы потихоньку двинулись следом.

Ехать, однако, пришлось не слишком далеко. Миновав Якиманку, свернули на Садовое кольцо и вскоре все вместе оказались на Спиридоновке. В узком, забитом машинами переулке водитель «линкольна» с трудом, но все-таки нашел место для парковки напротив гостиницы «Марко Поло». Я увидел, каким напряженным сделалось лицо Аржанцева, и догадался о причинах: встать поближе нам не удалось.

Из «линкольна» никто не выходил. Можно было подумать, что его пассажиры чего-то или кого-то ждут. Но вряд ли они ждали того, что случилось в следующую минуту.

Высокий белобрысый парень с полиэтиленовым пакетом в руках неторопливо двигался по переулку. Поравнявшись с «линкольном», он притормозил, слегка наклонился, чтобы мельком заглянуть в салон, и вдруг резким движением извлек из пакета черный автомат с коротким стволом. Отлетевшая прочь полиэтиленовая сумка еще не успела упасть на асфальт, а вороненое дуло уже задергалось, изрыгая огонь и свинец.

Отстрелявшись, парень швырнул автомат на землю и быстрыми шагами направился прочь. Все произошло настолько быстро, что не только я, но даже Аржанцев, похоже, не успел среагировать. Впрочем, те, кому это было положено по профессии, слава Богу, успели. Убийца еще не дошел до угла, а на него с двух сторон набросились аж четверо. Он отбивался и визжал, как дикий зверь, угодивший в капкан, но уже через несколько мгновений лежал на тротуаре лицом вниз, а сверху сидели, защелкивая на нем наручники, сразу два омоновца.

Мы с Аржанцевым одновременно выскочили из машины и бросились к «линкольну». Но подбежав, обнаружили, что можно было не слишком торопиться. Киллер сработал профессионально: кровь так забрызгала кожаный салон роскошного автомобиля, что он больше походил на скотобойню. Все четверо сидевших в машине были мертвы. Хрустя осколками разлетевшихся вдребезги стекол, я подошел к лежащему на земле оружию и склонился, чтобы рассмотреть его поближе. «Беретта», — пробормотал Аржанцев, присаживаясь рядом на корточки. — Отличная штука для таких дел».

А я стоял рядом и вспоминал слова Аркатова, сказанные им давеча за столиком в кафе «Гвоздика». Правила простые: падающего толкни, тот, кто засветился, обязан умереть, чтобы точка не потянулась дальше. Михаил Анисимович засветился — круче некуда. И тот, кто покуда остался в тени, принял единственно верное для себя решение: ящерица отбросила хвост. Нет, не прав я был вчера, когда сам себя уверял, будто бизнес вроде Фурсевского не сворачивается. Сворачивается, да еще как! Причем не надо никаких ликвидационных комиссий. Короткоствольная автоматическая винтовка «беретта» заменяет все.

33. ФАТА-МОРГАНА

Навстречу мне по коридору редакции шел собственной грузной персоной Митенька Дранов, и я подумал, что лучшего, чем сейчас, времени закрыть еще одну не закрытую до сих пор тему не будет.

«Ну как, поправил здоровье?» — спросил я. Он сумрачно кивнул, глядя на меня исподлобья. «Квача убили, — сообщил я. — Сегодня утром расстреляли к чертовой матери прямо в его собственном «линкольне». Смекаешь?» «Чего я должен смекать?» — утрюмо поинтересовался он. «Там сейчас пойдет большая раскрутка всей ихней лавочки: уже работают милиция, прокуратура, все такое прочее. И много чего может выплыть. Тебе не ка-

жется, что самое время героически найти ту кассету?» «А я уже нашел», — ответил он с вызовом. «Да? — обрадовался я. — И где же она?» «В кармане сумки, которую я как-то забыл у... у Нелли дома». «Отлично! — сказал я. — Поехали за ней прямо сейчас». «Зачем так скоро?» — спросил он настороженно. «Как — зачем? — возмутился я. — Покамест ты там лечился, я тут на борьбу с «Интертуром» жизнь, можно сказать, клал! Хочу сегодня же вместе с тобой положить эту чертову пленку Таракану на стол! — и увидев, что Дранов колеблется, наехал на него уже по-серьезному: — Не сердь меня, Митенька, ох, не сердь! У меня ведь и без всякой милиции может появиться информация, кто тебя пугал и для чего».

Нелли проживала в самом конце Тушина, недалеко от кольцевой, но драновский «мерседес» донес нас туда за каких-нибудь двадцать пять минут. По дороге мы почти не разговаривали, только я задал один-единственный вопрос: «Чем же они тебя все-таки взяли, Митя?» И он, вероятно, купившись на мой сочувственный тон, с неохотой, но ответил: «Машину обещали взорвать». Больше мы до самого Неллиного дома не сказали друг другу ни слова. Пока он поднимался за кассетой, я сидел внизу, размышляя о странностях судьбы. О том, какую роль в ней может сыграть дорожный кусок железа.

При выезде на Волоколамское шоссе я неожиданно для самого себя вдруг попросил Дранова свернуть не к центру, а в противоположную сторону. «Хочу тебе кое-что показать», — объяснил я ему. Мелькнул указатель «Митино», и минут через пять-шесть мы уже въезжали в Ангелов переулок. Здесь я попросил остановиться и предложил вылезти. У Дранова был очень недовольный вид, но сегодня, похоже, он предпочитал со мной не спорить. «Смотри, — сказал я ему, — видишь во-он те окна на пятнадцатом этаже?» Он мрачно кивнул, и я продолжил: «В этой квартире убили Шиманского. Перерезали горло. И знаешь, почему они так сделали? Потому что были уверены: ты никогда и никому не предъявишь этой кассеты». «Сволочь, — прошипел Митя с ненавистью. — Ты меня зачем сюда привез? Мораль читать?» «Нет, — ответил я совершенно искренне, залезая обратно в машину. — Не за этим. — И когда он тяжело плюхнулся в водительское кресло, показал ему рукой на темнеющий впереди лесок: — Езжай туда, это самая короткая дорога в город».

Небо уже серело, приближался вечер, и на пустынном проселке было почти сумеречно. Мы проехали километра два, когда дорога стала круто взбираться на холм. «А ну-ка, стой, — сказал я прислушиваясь. — Тормози!» Дранов затормозил, я резво выскочил из машины и сообщил: «Колесо спустило!» Выматерившись, Митя дернул ручник и тоже вылез из машины. Пока он обходил свой «мерседес» слева, я обежал его справа и отпустил ручной тормоз. «Эй, эй! — заорал Дранов, едва успев в последний момент подпереть багажник плечом и теперь еле удерживая машину, чтобы она не покатилося под гору. — Ты что делаешь?!» Я в это время уже прошел шагов десять обратно в ту сторону, откуда мы приехали, но на его крик обернулся и ответил: «Ухожу, как видишь. Оставляю тебя наедине с твоим «мерседесом». Вы

сейчас близки как никогда». Можете меня осуждать, но, шагая по пустынной дороге в город, я не испытывал ни малейшего сожаления.

Добравшись до редакции, я первым делом поинтересовался, какие новости, и узнал, что меня разыскивают из прокуратуры. Приложенный для передачи мне телефонный номер принадлежал квартире Фуряева. Я заглянул к Таракану и сообщил ему, что, похоже, пришло время отправляться на мою Голгофу. Наша судьба решится в ближайшие часы. «С Богом!» — махнул рукой редактор. Вид у него был встревоженный и озабоченный.

Когда я открыл дверь, обыск в фуряевских апартаментах шел полным ходом. Со стороны милиции присутствовал Аржанцев, который при моем появлении радостно заулыбался, чего нельзя было сказать о представителе прокуратуры. Хван смотрел на меня, если можно так выразиться, со всей суровостью закона. «Вы, конечно думаете, что победителей не судят! — загредел он медным голосом, когда я вошел. — Судят, еще как судят! Но об этом потом. А пока я требую, чтобы вы немедленно выдали следствию все имеющиеся у вас по данному делу материалы!» Я смутился под его пронзительным взглядом и пробормотал: «Извините, не очень понимаю, о каких материалах речь?» Грубо скомкав, он схватил со стола газету и потряс ею перед моим лицом: «Вот об этих, об этих! Насчет которых вы, между прочим, были официально предупреждены, что не имеете права использовать их без ведома следствия!» «Позвольте? — я аккуратно взял у него из рук газету и развернул. Статья «МАШИНА СМЕРТИ» располагалась на вкладке, занимая всю третью полосу. Представляя, какая за этим последует реакция, я сказал с тяжким вздохом: — Здесь все — совершеннейшая правда, но, видите ли... собственно говоря, никаких материалов у меня не имеется. Нам в руки попала распечатка неких записанных на пленку разговоров, подтверждающих все, что здесь написано... Но самих пленок, к сожалению нет. Они... они сгорели».

На лицо Хвана страшно было смотреть. Оно пылало всеми цветами радуги и попеременно отражало сменяющие друг друга в душе следователя чувства: сначала недоверие, потом досада и наконец злое торжество. Неожиданно успокоившись, он произнес тихим и даже вкрадчивым голосом: «Вы хотите сказать, что оболгали всех этих людей...» Я сделал было попытку запротестовать, но он жестом заставил меня молчать и продолжал: «... оболгали всех этих в массе своей уважаемых людей, не имея на то ни малейших оснований?» «Как так «не имея»? — возмутился я. — Мы получили распечатку от человека, который был в этой организации диспетчером, распределяющим заказы на убийства!» «Где этот человек?» — холодно спросил Хван. «Он мертв, — вынужден был признать я. — Сгорел вместе с пленками. Но поведение Фуряева доказывает...» «Фуряев тоже мертв, а мертвые показаний не дают, — отчеканил Хван. И, поджав губы, сообщил с едкой улыбкой: — Да, не завидую я вашему редактору. Славные у него впереди денечки».

Я выхватил из газеты вкладку со столь близкой моему сердцу статьей и потряс ею в воздухе: «Так что же, по-вашему, это ни на

что не годится?» «Ну почему же ни на что? — пожал он плечами. — Можете использовать, как говорится, по назначению». «В качестве туалетной бумаги, что ли?» — оскорбленно спросил я. «Именно», — с готовностью кивнул Хван. Мы стояли у самого выхода в коридор, я сделал два шага назад, распахнул дверь в уборную и спросил, сжимая зубы: «Порвать?» «Рвите», — равнодушно пожал он плечами.

Я остервенело разорвал газетный лист на мелкие клочки, холодно глянул следователю в глаза и спросил: «Теперь что? Спустить в канализацию?» «Бога ради! — рассмеялся он. — Если вам от этого станет легче!» Швырнув клочки в унитаз, я нажал на ручку, и водоворот унес их, урча и жалобно всхлипывая. «Что мне делать теперь?» — спросил я. «Что хотите», — снова пожал он плечами и демонстративно повернулся ко мне спиной. Я тоже повернулся и вышел из квартиры, чувствуя, что слишком тесное общение с Хваном может вызвать аллергию теперь уже у меня.

Не буду врать: ноги-руки у меня все еще дрожали, пока я спускался по лестнице. Хотя моя профессия и требует порой изрядной меры лицедейства, все-таки я не профессионал подмошток. И, честно сказать, не надеялся, что все пройдет вот таким воздушным образом.

Газета, которую я только что порвал и спустил в унитаз под личным руководством самого старшего следователя по особо важным делам, существовала в единственном экземпляре. Сегодня утром я сам засунул ее в почтовый ящик Фуряеву. А ту, что принесли с почты, забрал. Вообще-то в настоящей газете, предназначенной, так сказать, для массового употребления, моя статья тоже была, но без конкретных имен и без подзаголовка про Государственную Думу.

Можно было предположить, что завтра, когда это наконец дойдет до Хвана, разразится чудовищный скандал. А может, не разразится. Ведь я тоже принял меры, и в природе больше не существует ни пленки, ни медной доски, ни оригинал-макета полосы с уничтоженной статьей. Даже в компьютере стерты все ее следы. Фуряев мертв, а по совершенно справедливому замечанию самого Хвана, мертвые показаний не дают. Так что важняк остался единственным, кто, кроме меня, держал в руках этот призрак, эту фату-моргану. Будем надеяться, что, подумав маленько, он все-таки не решится выставлять себя на посмеище.

Вечер был прозрачен и свеж. Я вдруг почувствовал, как безмерно устал за последние несколько суток, и, стараясь вдыхать воздух полной грудью, побрел к своей «копеечке». Открыл дверцу, плюхнулся в кресло и обнаружил на заднем сиденье человеческое тело. Первая мысль была: «Провокация! Мне подкинули труп!» Но тут тело тяжело зашевелилось и, хоть не без труда, приняло почти вертикальное положение. Существо было одето в какие-то грязные и рваные лохмотья, а вместо лица у него имелся один здоровенный синяк, который в свете вечерних фонарей переливался всеми оттенками фиолетового. Когда начальный испуг прошел, я вгляделся и с тихим ужасом признал Стрихнина. «Ты как тут очутился?» — спросил я в изумлении. «В редакции сказали, что ты поехал в Дом на набережной, — ответил он,

слегка шепелявя разбитыми губами, — вот я и приполз сюда. Дверца задняя у тебя не закрывается, дай, думаю, пока полежу, отдохну. Между прочим, обрати внимание: дворники на месте».

Глядеть на него без сострадания было невозможно, и я спросил: «Что с тобой случилось? Ты же сейчас должен был быть где-то на Капри...» «Должен... — эхом откликнулся он. — Слышал про таких братьев Бобриков?» Я отрицательно покачал головой. «Еще услышишь, — пообещал он. — Решил, понимаешь, перед самым отъездом скатать с ними по маленькой. Ну и нажарил их еще на двести штук баксов. А они... Волчары позорные!.. — Стрихнин заскрежетал зубами. — Видишь, что со мной сделали? Ни хрустов, ни прикида, одна битая рожа... Ну ничего, мне бы только оклематься маленько, да алтушек подсобрать... Они у меня запоют и запляшут!» «Неужто опять будешь деньги на заказ собирать?» — поразился я, и он согласно кивнул. «А Кулек, между прочим, того... — сообщил я ему. — По моим данным — пал смертью храбрых». «Хрен с ним, — легко махнул рукой Стрихнин. — Найдем другого, честного. Не знаешь, что ли: мафия бес- смертна! Короче,пустишь меня к себе ненадолго? Только без обид: скажешь уйти — уйду». Что я мог ему ответить? Пожал плечами и согласно кивнул.

«Ты настоящий друг. — прочувствованно поведал он. — Но помни, что у тебя тоже есть такой кент, как Стрихнин. Горький, однако очень полезный». «Этой ночью я засну в слезах», — сказал я, заводя двигатель.

ЮРИЙ ДРУЖНИНОВ

ТАЙНА МОГИЛЫ

ВЕЛИМИРА

Поездка была рискованная. Я хотел проверить одно свое подозрение, связанное со смертью Велимира Хлебникова. Из Петербурга мы выехали ни свет ни заря. Густой туман долго, даже и с появлением солнца, не рассеивался. Я старался вести машину как можно аккуратней, но это было трудно на разбитой двухпутке, в грязи, оставленной тракторами, и дыме от грузовиков. Вскоре увидели в кювете машину, врезающуюся в дерево. В ней сидели, как манекены, два трупца, мужчина и женщина. Через некоторое время — перевернутая машина, тоже с погибшим водителем. Нескончаемый поток машин, и никакой дорожной службы.

Поселок Крестцы — на реке Холова, часах в двух от Новгорода по направлению на Валдай и Вышний Волочек. Крестцы не лучше и не хуже множества таких же старых российских поселений: болота, комары да несколько хрущоб. Но место, известное по крестецкой белострочной вышивке, существующей там полтора столетия. Удивительные геометрические узоры плели на льне мастерицы, а после выдергивали ткань, и оставались прорезы. Хотелось бы поближе вникнуть в захиревший и возрождающийся промысел, но дело поглотило нас целиком.

Куда деваться чужому человеку в Крестцах, когда на носу ночь? Хорошо, что нашелся местный краевед, бывший учитель ремесленного училища, Павел Ильич Гурчонок, который вызвался помочь и даже проводить, но, конечно, не на ночь глядя. Нас с женой приютили, баньку затопили и накормили чем Бог послал. Утром поедем: дорога только частью асфальт, но сейчас, в августе, сухо.

У меня с малолетства интерес к Хлебникову. Бабка моя рассказывала, что Хлебников близко сошелся с дедом: дед учился в Горном институте и бегал на лекции по литературе в университет. Объединяли их интерес к спорам и свойство ума, которое бабка называла инженерно-поэтическим. Они шатались по Петербургу, точа лясы, потом голодные приходили домой, и бабка на сносях (ей было 22) помогала прислуге кормить их.

Оба строчили стихи, причем дед — консервативные, плавные, о любви, над чем холостяк Хлебников посмеивался, но явился с букетом еловых веток на крестины моей матери (она родилась

ХЛЕБНИКОВА

19 декабря 1908 года, стало быть, крестины были чуть позже). На каждой ветке колыхался листок бумаги со стихами. Жизнь деда закончилась в ноябре 17-го года: восставшие пролетарии на ртутном руднике в Никитовке сбросили инженера в шахту, жену его с двумя маленькими дочерьми выгнали из дому, а дом сожгли. Сгорели и листки со стихами Хлебникова, и письма, и весь дедов архив.

Начало его конца

Смерть витала и над Хлебниковым. Война и революция оставили его в живых, но ненадолго. Думаю, такой человек, как он, в подобных условиях теоретически не мог долго прожить. Дед Хлебникова умер в Иерусалиме, дядя эмигрировал в Новую Зеландию. Генетическая тяга к дороге была у него в крови, как у Пушкина. Социальная буря закрутила его: казармы, баржи, психушки, товарняки, госпиталя. Он метался, объявляясь то в Петербурге, то в Москве, то в Баку, то в Астрахани, то в Харькове. Хулиганил: звонил в Зимний дворец и материл Керенского. А затем хвастался перед приятелями — иначе, если никто не узнает, какой резон в подобных забавах? «Человеком вне быта» назвал Хлебникова его биограф Степанов.

В 1918 году Хлебников с поэтом Дмитрием Петровским сочинили «Декларацию творцов», с которой обратились в Совнарком, заявляя, что «все творцы: поэты, художники, изобретатели должны быть объявлены вне нации, государства и обычных законов. Им должно быть предоставлено право бесплатного проезда по железным дорогам и выезд за пределы Республики во все государства мира. Поэты должны бродить и петь». Тогда за мечты еще не сажали. А в реальности Хлебников видит и описывает покойницкую, в которую свозят трупы погибших во время революционной заварухи в Москве. «Первая заглавная буква новых дней свободы, — пишет он, — так часто пишется чернилами смерти». От этой его мысли и сегодня поеживаешься.

Из голодной Москвы он метнулся в Харьков, где жил его приятель Григорий Петников и семейство Синяковых. Хлебников уже послужил в Красной Армии, которая вошла в Персию, пытаясь сделать там революцию. Числясь при охране штаба, лежал он целые дни на берегу моря да купался. А потом и вовсе отстал от отряда. Догнал он своих через месяц, вволю нагулявшись и возвратясь в Баку. Как вспоминал Маяковский, Хлебников вернулся из Персии «в вагоне эпилептиков, надорванный и ободранный, в одном больничном халате».

В город вошли белые, пошел набор в их армии. Перед тем как забрать Хлебникова в солдаты, его направили в психиатрическую больницу. Из нее он пишет Петникову: «Пользуйтесь редким случаем и пришлите конверты, бумагу, курение и хлеба, и картофель». А через полгода сообщал О. М. Брику: «В общем, в лазаретах, спасаясь от воинской повинности белых и болея тифом, я пролежал 4 месяца! Ужас!»

Рита Райт вспоминала, как увидела неприкаянного, оборванного, всегда голодного поэта, и как из ненужных парусиновых

занавесок она с подружкой шила ему брюки. Он был обрит после двух сыпных тифов. В апреле 20-го Есенин и Мариенгоф приехали в Харьков выступать и согласились совершить на сцене ритуал посвящения Хлебникова в Председатели земного шара. Лишь к концу этого обряда босой Хлебников, на которого напали шутовскую белую рясу, понял, что коллеги устроили балаган на потеху публике. А он-то полагал, что это серьезно, и ужасно расстроился.

Жил он один, в полутемной комнате, куда влезал через разрушенную террасу. В комнате — матрас без простыней и подушка, «наволочка служила сейфом для рукописей и, вероятно, была единственной собственностью Хлебникова».

В конце декабря 21-го Хлебников вернулся в Москву, жил в студенческом общежитии ВХУТЕМАСа. Весной 22-го прошли два вечера в Клубе Всероссийского союза поэтов с его участием. Он пытается хоть что-нибудь опубликовать, но в редакциях наскоро написанные обрывки бумаги, которые он вытаскивал из-за пазухи, не рассматривали всерьез. Его все чаще принимали за «чайника».

Когда Хлебников умер, Маяковский писал о нем (почему-то в настоящем времени): «Практически Хлебников — неорганизованнейший человек. Сам за свою жизнь он не напечатал ни строчки». Друзья его Д. Бурлюк и А. Крученых склеивали отрывки стихов, подчас путая начала и концы. К корректуре его нельзя было подпускать, потому что он все зачеркивал и писал параллельные тексты. Хлебников сам уполномочивал приятелей делать эту странную работу: вы «имеете право изменять текст по вкусу, сокращая, изменяя, давая силу бесцветным местам. Настаиваю. Посмотрим, что из этого выйдет».

Сохранились последние письма Хлебникова, в которых он, хотя и полный творческих планов, похоже, уже отрывается от грешной земной жизни. «Я добился обещанного переворота в понимании времени, захватывающего область нескольких наук...» Это из письма В. Э. Мейерхольду.

Для нас он остается просветленным, мудрым гением; некоторые его стихи, естественные, как дыхание, звучат неким озарением:

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.*

Так просто связать воедино сущность бытия может только большой поэт. А живет он наподобие голодной бродячей собаки, и, похоже, жизнь ему надоела. До смерти ему остается 106 дней.

Но матери он пишет просветленно и реалистично: «Я по-прежнему в Москве готовлю книгу, не знаю, выйдет (ли) она в свет; как только будет напечатана, я поеду через Астрахань на Каспий; может быть, все будет иначе, но так мечтается». О сво-

ем бытть Хлебников сообщает матери грустно: «Мне живется так себе, но в общем я сыт-обут, хотя нигде не служу. Моя книга — мое главное дело, но она застряла на первом листе и дальше не двигается. О мне были статьи в «Революции и Печати», «Красной Нови», «Началах». Якобсон выпустил исследование о мне... Около Рождества средним состоянием делового москвича считалось 30–40 миллиардов; свадьба 4 миллиарда. Теперь все в 10 раз дороже, 2 милиона стоит довоенный рубль, на автомобиле 5 миллионов в час».

Что же все-таки происходило с Хлебниковым? Его знали и ценили, но в последние месяцы от него отошли: одни потеряли интерес, другие испугались городского сумасшедшего, каким он казался, стал, а может, и был всегда. Он хронически голодал, его мучили приступы малярии. Из немногих верным ему до конца остался Петр Митурич.

Он переписывался с Хлебниковым до этого. Обсуждали летательный аппарат «крылья». Одно время бездомный Хлебников у Митурича жил. От голодной городской жизни Митурич отправил семью в деревню в Новгородской губернии: жена его Наталья Константиновна нашла там место учительницы, с ней были сын и дочь.

Момент важный, потому что Митурич был на грани развода с женой и второго брака — с сестрой Хлебникова Верой. Вера Владимировна тоже была художницей, училась два года в Париже, где ее застала мировая война. В 1916-м она добралась через Италию в Астрахань к матери, а после с матерью переехала в Москву. Уже после смерти брата она вышла замуж за Митурича, который оставил первую жену, и родила ему сына. С Маем Петровичем Митуричем мы пообщаемся.

Хлебников, изнемогший от тяжестей быта, в мае 1922 года собрался к родне в Астрахань — отдохнуть и полечиться. Денег на дорогу у него не было. Митурич сумел по благу через родственников оформить ему командировку на какую-то революционно-пропагандистскую работу с бесплатным проездом по Волге. До отъезда оставалось две недели. Решили отправиться на это время в деревню. Хлебников тащил две тяжелые, набитые рукописями, наволочки. Бродяга, привыкший ночевать на железнодорожных вокзалах, двигался к своей последней станции на этой платформе.

Как он умирал

От железнодорожной станции Боровенка шли они километров сорок по весенней распутице лесами и болотами, съедаемые комарами и увязая по колено в грязи, до деревни Санталово. Устроились в школе — большой крестьянской избе, точнее, в ее половине, предназначенной для учительницы — жены Митурича с детьми. Приехал сюда Хлебников не на дачу, а, как в трудные времена делают горожане, чтобы спастись от голода, внял советам поддержать тающие силы на свежем воздухе и молоке. Оставалось ему жить сорок три дня. Погода настала теплая и солнечная, Хлебникову сделалось лучше.

Он уходил в лес или к реке, где ловил удочкой рыбешку или просто лежал на солнце, глядя на облака. «Велимир чувствовал себя хорошо, — записал Митурич. — Жаловался один или два раза на ознобы, но пароксизмы скоро проходили... Но стало заметно, что Велимир больше держится около дома, больше сидит за столом и пишет». Последние стихи Хлебникова полны отчаяния: непризнанный пророк, сторванный от реальности, никому не нужный в «диком скачке направо», как он назвал революцию, видит свою близкую кончину.

И вот мы в Санталове — всего километров двадцать от Крестцов, даже плохонький асфальт есть, но деревни Санталово практически не существует. Разбежалась она еще в коллективизацию, осталось несколько дворов. В школе выбили окна. Евдокия Лукинична Степанова в 22-м была уже замужем. Она на похоронах Хлебникова не присутствовала; у нее самой в тот момент маленькая дочка умерла, но знала гостя и помнит. Муж ее Алексей помогал копать могилу. Сын, тоже Алексей, был тут одно время председателем колхоза. Давно бы уже уничтожили тут и церковь и все памятные места, да остерегался он матери.

— Всю деревню разграбили, пожгли, — вспоминает Степанова. — Какой хлеб у нас тогда был! А сейчас? Мужа у меня ножом пырнули в 27-м, и я осталась с двумя детьми. В коллективизацию лошадь у меня забрали, и она в колхозе сдохла.

«Лежит деревенька на горке, а в ней хлеба ни корки», Но это уже не Степанова, а Даль. Прочитал я в книге у московского критика Михаила Лобанова, побывавшего тут в конце семидесятых, что увидел он в окно школы скамью, подпирающую потолок, чтобы не рухнул.

— Подсочинил с три короба Лобанов, — заметил наш провожатый Гурчонок. — Про мемориальную надпись на стене в школе, что здесь умер Хлебников. Описал баньку, которой уже давно не было, имена перепутал.

Мы стояли возле места, где была школа: ее давно растащили на дрова, часть фундамента и яма остались. И еще углубление на пригорке от бывшей баньки — в мусоре и сорной траве по пояс.

Хлебников подарил Степановым рукописную книгу, но где она, Евдокия Лукинична не помнит.

— Прожил он в деревне двенадцать, — вспоминает Степанова. — Я его стеснялась. Был он желтый. Кашлял. Люди думали, у него чахотка. Никто к нему не приезжал, да мало кто говорил с ним. Вскоре у него отнялись ноги, и он не смог передвигаться. Помочь ему не могли. Плохо ему стало и попросил, чтобы отвезли в больницу, 1 июня отыскали подводу и отвезли его в больницу в ближайший городок Крестцы. Пробыл там какое-то время, но долго его не держали.

Последнее письмо Хлебникова — дрожащей от слабости рукой без даты из больницы А. П. Давыдову:

«Дорогой Александр Петрович!

Сообщаю вам, как врачу, свои медицинские горести.

Я попал на дачу в Новгородск. губер., ст. Боровенка, село Санталово (40 верст от него), здесь я шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят. Расстройство (неразборчиво) службы. Ме-

ня поместили в Коростецкую «больницу» Новгор. губ. гор. Коростец, 40 верст от железной дороги.

Хочу поправиться, вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?»

Коростец — это, конечно же, Крестцы. И тот факт, что из больницы пишет он доктору в Москву, печален.

Он в плохом состоянии. «Издатели под видом брата приходят ко мне в больницу, чтобы опустошить, забрать рукописи, издатели, ждущие моей смерти, чтобы поднять вой над гробом поэта. И по несколько лет заставляли валяться стихи. Будьте вы прокляты!» У него были галлюцинации. Никто к нему в больницу не приезжал, понятия не имели, где он и что с ним. То, что записывал, он прятал в наволочку и спал на ней. Насчет того, что они ценить умеют только мертвых, — правда, сказанная мягче и весомее другим поэтом.

В больнице ему стало еще хуже. Врач констатировал очевидное: отек тела и паралич. Еще три недели мук, ибо в больнице никак его не лечили. По другим источникам, у него еще был туберкулез в открытой форме, гангрена, но это домыслы. Начались пролежни, никто за ним там не ходил, не ясно даже, кормили ли. Митурич раздобыл телегу и увез полуживого поэта обратно в Санталово.

Говорят, морские слоны уходят из стада в морскую пучину, когда предчувствуют близкую смерть. Особая порядочность этого человека сказалась в критический момент его жизни. За полмесяца до смерти тяжело больной поэт попросил, чтобы его перенесли в заброшенную баню, чтобы не заразить обитателей дома, в особенности детей.

— Муж мой говорит, — продолжает Степанова, — сосед Хлебников просится в баню, давай его перенесем. Хлебников сам попросился в баню, чтобы не заразить хозяев. Положили его в баньке. Муж ходил, подкладывал ему соломки. Перед смертью больной попросил, чтобы ему васильков букет принесли.

28 июня 1922 года Хлебников в этой баньке умер. Возможно, малярия привела к сердечной и почечной недостаточности, но это наши сегодняшние домыслы. Умер, и все тут. Последнее слово, произнесенное им в этом мире, было «Да-а-а...» Страшно сказать: смерть привела сумбурную жизнь поэта в порядок.

Узнали старики, стали гроб делать. Положили его в гроб и сразу поставили гроб на телегу, повезли. От Санталова, где стояли когда-то школа и та банька, до погоста в Ручьях часа два ходу. За телегой, на которой стоял гроб, брела кучка людей — пятеро мужчин и одна женщина.

— Муж мой пошел хоронить, — вспоминает Степанова. — Провожало гроб шестеро: Митурич с женой Натальей, Иванов Василий, Лукин, Богданов и мой Алексей. Никого из них в живых нынче нету.

В Ручьи мы приехали на машине окольным путем. Старая дорога мимо озера Маковское, где на холме было барское имение, заросла. А у подножия холма сходятся две маленькие речки — Аньенка и Олешня. Хлебников туда ходил гулять, там тогда форець водилась.

На погост нас повела баба Саша — Александра Ивановна Сродникова. В похоронах тогда она не участвовала, но жила рядом с кладбищем и присматривала за могилами. Кладбище — заросшее и неухоженное, укрытое могучими деревьями от непогоды, церковь разорена, но кругом чисто, красиво и спокойно.

Привезли гроб на погост Ручьи, который позже оказался в центре колхоза. Тихо его опустили в могилу под сосной, даже спешно — без слов, без торжества, без ритуала. На сосне Петр Митурич высек имя: «Велимир Хлебников». Потом посадил возле холмика рябину и две березы. Кто-то уже в наше время поставил досточку с датами жизни и смерти.

Пошли по высокой, никогда не кошенной полувысохшей траве между могилами, среди которых и последнее пристанище Председателя земного шара. Могила Хлебникова заросла пышной крапивой, руки и ноги у нас вспухли волдырями. Вот и дерево.

Кора на сосне слезится смолой. Фамилии Хлебников не видно. Но имя *Велимир* чудесным образом не заросло, хотя и почернело, так что едва можно догадаться, если знаешь. Степанова давеча сказала, Хлебников, мол, завещал, чтобы на могиле его лежал букет васильков, и их ему регулярно клали. Гурчонок уверен, что это придумано для красоты. Если даже и сказал что-то Хлебников насчет васильков, то собирать и носить, да еще регулярно, было некому.

На листке бумаги, хранящемся в ЦГАЛИ, рукой Петра Митурича начертано: «Утром в 7–8 час. 27.VI на вопрос Федосьи Челноковой, «трудно ли ему помирать», ответил «да» и вскоре потерял сознание. Дышал ровно со слабым стоном, периодически вздыхая глубоко. Дыхание и сердце постепенно ослабевало и в 9 ч. 28.VI прекратилось». Чуть ниже нарисован гроб с надписью по боку «Первый Председатель Земного Шара Велимир Хлебников» и дописано: «Опущен в могилу 1 1/2 глубиной на кладбище в Ручьях Новгород. губ., Крестинского уезда Тимофеевской вол., в левом заднем углу у самой ограды между елью и сосной. П. Митурич».

Обратите внимание, что могила вырыта была мелкая: полтора аршина — это чуть больше метра.

Митуричу осталось хлебниковское наследие: две грязные наволочки, набитые обрывками бумаги. Он запечатлел в рисунках смерть Хлебникова и послал в журнал «Всемирная иллюстрация», где их напечатали. Большинство рукописей поэта, которые, как писала Лиля Брик, он легко терял или оставлял где ни попадя в своей собачьей жизни, пропали.

Молча мы возвращались с погоста. Вокруг тьма: ни огня, ни встречного человека. В Крестцах познакомились со школьной учительницей. Она вообще ничего не слыхала про Хлебникова, ей не до этого, не говоря уж о детях. Стихов Хлебникова в окрестных библиотеках не нашлось.

Смерть как путь в бессмертие

У Хлебникова было чувство смерти. Вся сознательную жизнь он о ней думал. «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым.

Свой стих кажется мне чужим». Не раз обращали внимание, но никто еще не объяснил роковую цифру 37, завершающую жизнь больших русских поэтов, начиная с Пушкина. Жизнь Хлебникова тоже оборвалась на 37-м году. В автобиографии он писал: «В 1913 году был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время». Пошутил или самоуверенно констатировал факт?

Он написал эпитафию себе, которую, конечно же, проигнорировали. «Пусть на могильной плите прочтут: он вдохновенно грезил быть пророком». Нет, он не считал себя пророком, как некоторые другие русские самоуверенные писатели, он лишь мечтал быть им — большая разница! Он называл себя «усталым лицедеем», а людей — «мыслящими пчелами».

В 12-м году Хлебников спрашивал: «Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?» Предлагал закончить великую войну полетом на Луну. Возможно, просто потому, что рифмовались «война» и «луна». Человек, который называл себя безусловным материалистом, был чистым идеалистом.

В каком-то смысле он анархист, бродяга, бездомный. Дважды лежал в психушках, жил под красными и под белыми. Кто же он: гений, графоман, сумасшедший? По-видимому, и то и другое, и немножко третье. Напомню стихи «Гроза в месяце Ау!», кажется, любой трехлетний ребенок такие создаст:

*Пупуоно! Это грам,
Гам гра гра рат рат,
Пи-титизи. Это он.
Бай зюглизи. Малый блеск.*

Пошлите такое стихотворение в любое издание мира — его не опубликуют. А ведь так же играл звуками, например, Чуковский: «Это че, это ре, это паха...». И, конечно, Хармс с абэриутами. И вся так называемая поэзия минимального выражения. Но — тот же Хлебников тогда же сочиняет и политпросветную дребедень для РОСТА:

*От зари и до ночи
Вяжет Врангель онучи,
Он готовится в поход
Защищать царев доход. И т. п.*

Сергей Городецкий назвал Хлебникова вождем и начинателем футуризма, что разозлило, задев самолюбие, здравствовавших поэтов. Все они хотели считаться начинателями, и это можно понять. Но он был самый странный из них.

«Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего», — цитировал журнал не опубликованные тогда «Доски судьбы». При этом журнал сообщил, что хотя Хлебников предсказал на 22-й год крупные успехи советской власти, он среди прочего — «средневековый искатель философского камня, алхимик слова и цифры».

Городецкий сам был из первых акмеистов и организаторов «Цеха поэтов», а в сталинское время ему пришлось переделы-

вать текст либретто известной оперы Глинки, в том числе слова «Славься, славься, наш русский царь» на «Славься, славься, наш русский народ», и заниматься прочими сомнительными вещами, чтобы выжить.

Космический утопизм бродил в воздухе, Хлебников шел за Николаем Федоровым. Философские время и судьба — центральные мотивы Хлебникова, но реальное время и реальная судьба не позволили ему времени проникнуть в эти две тайны. Он пытался проникнуть в тайну искусства, но когда это ему не удавалось, получалась банальность: «Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной, «второй смысл», когда оно стекло для смутной, закрываемой им тайны, спрятанной за ним...» Да, Хлебников так писал, это было давным-давно известно.

Великий путаник мысли, Хлебников смешал логику, и, читая его, мы не знаем, восхищаться непонятной мудростью или спокойно отбросить очередную прочитанную глупость. Вот, например: «Духовная наука получит великое значение, потому (что) будет изучено, каким образом лень одного будет помогать труду многих». Но, может, это не то и не другое, а ирония, ибо Хлебников прибавляет: «Таким образом будет оправдан лентяй, потому что его работа сердца направлена на повышение общей трудовой радости».

Обратите внимание: в этой фразе видится проза Платонова. Итак, прорицатель Хлебников предчувствовал, что лень в советской стране соединится с трудом и появится *ленетруд* (его слово, к которому, между прочим, хорошо подверстывается и слово «Ленин»).

«Королем времени» и «здумавшимся систом» назвал его Бенедикт Лившиц. Он был рассеян «высшей рассеянностью», как писал о нем М. Матюшин. Тынянов говорил, что Хлебников был «новым зрением» в поэзии XX века. В «будетлянской» книге «Учитель и ученик» Хлебников, по его словам, «задумал мыслью победить государство». Она вышла в мае 1912 года, и итогом вычислений закономерностей мировой истории поэт предсказал падение Российской империи в 17-м году.

После революции оказалось: он ясновидец. А теперь видим, что империя просуществовала еще три четверти века. Разрушилась на наших глазах, но до разумного ли конца? И нет новых Хлебниковых, чтобы предсказать ее путь.

Хлебников пытался совершенствовать русский лексикон, и делал он это широко и с блеском. Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами как крот, между тем, он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие». Кубизм и вообще экспериментирование в живописи оказало на кубофутуристов несомненное влияние. Впрочем, Хлебников усматривал корни этого влияния в фольклоре, говорил, что это «русское умничество, всегда алчущее прав».

Некоторое математическое образование дало Хлебникову идею увязать словотворчество с математикой: «И хитроумные Эвклиды и Лобачевский не назовут ли одиннадцать нетленных истин корни русского языка? В словах же увидят следы рабства

рождению и смерти». Оставив в стороне изумительную безграмотность, трудно, однако же, найти в этих мыслях хоть какую-то научную серьезность.

Но — хлебниковская «новоречь» вдохновляет на поиски, на языковые эксперименты. Он играет словами, как жонглер высшей квалификации. Автор у него — словач, критик — судри-мудри, поэт — небогрез или песниль, литература — письмеса. Актер — игрец, игрица или даже обликмен. Театр — играва, труппа — людняк, представление — созерцыня, драма — говоряна, комедия — шутыня, опера — голосыня, бытовая пьеса — жизнуха.

Рискну попрактиковаться «по Хлебникову». Вчера я был в игре на созерцыне. Поставили говоряну «Три сестры» словача Чехова, замечательного мастера письмеса и тонкого песниля. Судри-мудри отмечали в рецензиях, что людняк работал вдохновенно. Обликмены и (легко пойду сам по методу учителя) обликвумены раскрылись в новой толковалке (по-старому — трактовке) сценобосса или сценохоза (т. е. режиссера), почувствовавшего всю небогрезность этой жизнухи.

Вот как это звучит три четверти столетия спустя. Наверное, не пришло время для реализации такого языка, а может, и никогда не придет. Впрочем, попробуйте продолжить эксперимент, коли есть вдохновение. А ведь это только начало. Хлебников призывал к созданию «языка мысли» и «всеобщего», или «звездного» языка.

Каковы результаты в борьбе «классического мифотворца» Хлебникова против поэтических канонов? Маяковский очень точно оценил Хлебникова: у него было сто читателей, пятьдесят из них называли его графоманом, сорок читали и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только десять любили этого Колумба новых поэтических языков.

Хлебников писал о себе: «Я постепенно стал начальником земного шара». Но потом стал более демократичен, избавил мир от своей диктатуры. 30 января 1922 года, за полгода до смерти, Предземшар в одиночку подписал «Приказ Председателей земного шара», который закончил словами: «Скучно на свете». И поставил подпись: «Велимир Первый».

Не для него одного Октябрьская революция пришла в виде смерти. Но он как в воду глядел. Дорогим путем получил он свободу. Не в этом ли смысл загадочного его завещания, оставшегося невыполненным: «Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу». В 20-м он присутствует на представлении в Ростове-на-Дону своей пьесы «Ошибка смерти». На сцене лихорадочная пляска двенадцати мертвецов.

Посмертные игры

И после смерти судьба его творений не стала счастливее. Даже Маяковский, который раньше защищал его, услышав о намерении Ю. Тынянова и Н. Степанова издать полное собрание сочинений Хлебникова, ревниво воскликнул: «Бумагу — живым!» В

пятидесятих Степанов с грустью рассказывал это нам, верным ему студентам. Как это до боли знакомо в российском контексте: поделиться местом на Парнасе — это еще куда ни шло, а вот бумагой — ни за что!

По всем правилам «утопический космист», «творянин», чего только не натворивший поэт, осуждавший технику и прогресс, Хлебников должен был быть отвергнут соцреализмом. А он, в отличие от многих, более комфортных, не подвергался остракизму. Думается, причины этого две: он воспеваает, хотя и хаотично, будущее всемирное братство (а мыслей по части такой мифологии всегда не хватало), и — он быстро умер.

То, что он оказался не затоптанным, заслуга его более организованных знакомых: Маяковского, Асеева, Пастернака и преданных делу литературоведов, прежде всего Юрия Тынянова и Николая Степанова. Политически наивного Хлебникова можно сохранить только одним путем: представив его борцом за пролетарское дело. Так Степанов и писал: произведения «выражают непоколебимую веру Хлебникова в правоту революции»: Как-то, давно еще, я спросил одного старого писателя-сидельца: «Зачем добровольно кричали «Слава Сталину!» Даже в лагерях? Зека ответил: «Видите ли, тогда это было, как, проходя возле церкви, перекреститься».

«Хлебников без колебаний связал свою судьбу с революцией, она стала основной темой, главным содержанием его творчества», — декларировал Степанов. И это было как перекреститься. Сегодня к такого рода пассажирам становишься терпимее. Ведь с этим заведомо пошлым гарниром удавалось публиковать многие экзерсисы, хотя, конечно, далеко не все и не всегда. Например, Степанов пересказывает Хлебникова, у которого «вслед за войной идут ее спутники — голод, разруха, сыпняк». Под соусом первой мировой войны это проходит. Но у Хлебникова-то другая война, конечно же, гражданская. Кто ее развязал? Разве не ясно читателю, что голод, разруху, сыпняк породили большевики?

В официальной краеведческой литературе, как водится, стали подправлять образ поэта: оказывается, он приехал в деревню с просветительской миссией — работать учителем, а умер в больнице под надзором врачей. В другом сочинении миф об отеческой заботе советского государства зазвучал еще более весомо: «Всевозможные меры, предпринятые А. В. Луначарским и друзьями поэта, не смогли спасти больного».

«Каменная баба»

Как-то позабылось, что культ смерти пришел в Россию с большевиками: «И как один умрем в борьбе за это». Восхитительная задача, но если все умрут, кто будет жить в светлом завтра? Тем не менее Ленин приказал сделать так, чтобы часы на Спасской башне регулярно играли похоронный марш, и ежедневно выходил под этот марш на прогулку вокруг могилы Инессы Арманд, которую почему-то положили в яму вместе с восторженным аме-

риканцем Джоном Ридом. Может быть, чтобы Крупская не ревновала?

Новая власть быстро выяснила, что мертвыми легче манипулировать. Ленин не предполагал, что его брэнное тело не будут хоронить вообще, а, выпотрошив внутренности, станут периодически наводить марафет и переодевать, чтобы вождь продолжал работать на новую власть. Началась кампания по уничтожению старых кладбищ и перемещению могил полезных людей.

В 1924 году по вполне понятным причинам решили перезахоронить рядом с Лениным Карла Маркса, покоящегося в Лондоне. На памятник Марксу, несмотря на катастрофическое положение в стране, советское правительство выделило полмиллиона долларов. Вопрос казался решенным, но внук основоположника коммунистического вероучения категорически отказался дать разрешение на перевоз останков своего знаменитого деда в Москву и даже заявил, что причина — в измене советских лидеров марксизму.

Мне скажут: перезахоронения приняты во всех цивилизованных странах, и единых правил нет. Я не только соглашусь, но и сам приведу примеры. Бабушка Лермонтова, получив разрешение властей, послала крепостных на Кавказ, открыть убитого внука и доставить гроб в Тарханы. Я спускался в склеп, чтобы прикоснуться к этому гробу, и побывал в Пятигорске, где стоит памятник на месте первоначальной могилы. Жуковский и Чехов умерли в Германии и, согласно их воле, перевезены. Жуковский похоронен в Александро-Невской лавре возле Карамзина, Чехов на Новодевичьем. Бывало, тело по завещанию раздваивалось: Шопен похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже, а сердце его замуровано в варшавском костеле Святого Креста.

В тридцатые годы мания перезахоронения останков великих людей стала частью советского государственного плана монументальной пропаганды. По сути, кампания напоминала коллективизацию сельского хозяйства, заимствованную из сюжета «Мертвых душ». Вместо того, чтобы привести в порядок кладбища, многие из них разорили, а Новодевичье, которому повезло, расширили и сделали показательным.

На него перетаскивали из Данилова монастыря останки Гоголя и поставили ему памятник с надписью «От правительства Советского Союза». С других московских кладбищ перевезли кости Аксакова и Чехова. Потом сюда переехали художники Серов и Левитан, Ермолова и другие известные художники и актеры, похороненные не там, где новой власти надо.

Походя уничтожая могилы идеологических противников, перетаскивали останки по рангам. Мозг Маяковского, о чем газеты писали с гордостью, был изъят для изучения. Видел я его в банке с формалином в Институте мозга, и кажется, он по сей день там хранится. Урна с прахом Маяковского, до 1952 года находившаяся в Донском крематории, перевезена и захоронена на Новодевичьем. А вот Есенина оставили на Ваганьковском, ибо выпивал и хулиганил. Перезахоронили и Михаила Булгакова.

В разных странах шла методическая обработка советскими дипломатами родственников выдающихся деятелей эмиграции. В 66-м удалось вытребовать из Англии и захоронить на Новодевичьем останки поэта Николая Огарева, с таким трудом выбравшегося за границу. Потом сдались родственники Шаляпина, и, как писала советская газета, «муниципалитет Парижа оказал содействие в переносе останков Ф. И. Шаляпина с парижского кладбища Батиньоль в СССР».

Помню, какой-то советский посол во Франции в своих мемуарах рассказывал, сколько сил истратили на обработку наследников Герцена, а те, несознательные, ни в какую. В 1970 году отмечалось столетие со дня смерти писателя, и так хотелось, чтобы великий эмигрант вернулся к своему юбилею на родину, де-факто признал ненужность Тамиздата и компенсировал массовую утечку умов. Но Герцен остался в Париже.

Новодевичье я хорошо знаю с детства, учился рядом в школе, несколько моих друзей жило в монастыре. Многие имена из русского культурного наследия попали ко мне в память через кладбищенские надписи. Из монастыря был свободный вход на кладбище, архитектурным центром которого стала с 32-го могила жены Сталина Надежды Аллилуевой, и ей подбирали достойное окружение. В середине августа 1960 года, по официальной версии, прах Хлебникова был перевезен в Москву и захоронен на Новодевичьем кладбище.

Могила Хлебникова видел я не раз. В ней, согласно надписи, вместе с ним захоронены также его мать Екатерина Хлебникова, сестра Вера и муж Веры Петр Митурич.

А теперь вернемся на погост Ручьи к бывшей могиле Хлебникова. Оказывается, что она вовсе не бывшая, а самая настоящая, и время сказать, что приехавшие за прахом на погост Ручьи вскрыли не могилу Хлебникова, а соседнюю, безымянную. Да и ту копали, хотя могила мелкая, кое-как, спешили, нервничали, боялись протеста местных жителей, что-то покидали в ящик и уехали. Не исключено, что местные специально их обманули, чтобы приезжие не тормозили в могиле гостя, который здесь страдальцем помер.

Баба Саша — Александра Ивановна Сродникова — зорко бдила, чтобы хлебниковскую могилу никто не трогал. Она нам твердо заявила:

— Около рыли, но я являлась на могилу всякий день и видела, что могила цела-целехонька.

— Может, ночью тайно отрывали?

— Нет, я ночью чутко сплю, никто мимо дома не ходил, по кладбищу не шастали... Что-то разрыли, нашли пуговицу и кость, горсть земли взяли, и это положили под плиту на Новодевичьем в Москве.

То же свидетельствовала до этого Степанова, однофамилица известного литературоведа:

— Рыли не на месте могилы, настоящая могила рядом, цела, не тронута, Бог уберег.

Некоторое время спустя я получил от краеведа П. И. Гурчонка письмо, которое необходимо процитировать полностью: «Уважа-

емый Юрий Ильич! Не сообщал интересующие Вас сведения о могиле В. Хлебникова по той причине, что до сих пор не можем смонтировать магнитофонные записи бесед с долгожительницей Е. А. Степановой, произведенные у нее на квартире и непосредственно на могиле поэта.

В этих записях она категорически отвергает версию о вскрытии могилы Хлебникова и перезахоронении его в Москве. Могила, по ее словам, нерушима, произошла ошибка по незнанию алчного человека. Когда пленка будет у нас в музее, я смогу ставить вопрос перед Райисполкомом о приведении могилы в порядок, достойный памяти поэта.

За это время у меня была встреча с Василием Петровичем Митуричем, сыном Петра Митурича (ребенком от первого брака: он жил с матерью в деревне, когда умер Хлебников. — Ю. Д.), который также придерживается убеждения в правдивости слов долгожительницы... Выходит, что перезахоронение Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище в Москве было чисто символическим».

Письмо это важно как документальное свидетельство. В нем все понятно, кроме «алчного человека». Кто это и почему алчный? Я думаю, тут до сих пор не заржавевший конфликт семейный — сперва меж двумя женами, а потом и между детьми от двух жен, и конфликт этот, как и прах поэта, не надо ворошить.

Оставался один человек, который мог бы прояснить тайну: сын Петра Митурича и Веры Хлебниковой — Май Петрович Митурич. Я почти нашел его в Москве, но оказалось, он уехал надолго в Японию. Разыскал я его уже из Калифорнии по телефону. Вот что он рассказал:

— О месте, выделенном для Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище, соответствующие инстанции уведомили Литфонд СССР. Прах перенес я лично. Первый раз мы с приятелем — художником Павлом Григорьевичем Захаровым, у которого была машина, — и племянником поехали в Санталово на разведку, чтобы выяснить ситуацию, поговорить с местными людьми. А второй раз через два года, тоже втроем, поехали копать.

— А кто копал?

— Выкопали мы сами и сразу уехали.

Митурич интересно рассказал о своей работе: он график, как и отец, а сейчас занимается живописью, так как книги оформляют теперь, стараясь обходиться без художников.

Вот так, господа: никаких документов, комиссий, актов вскрытия могилы, экспертов — историка, археолога, криминалиста, хотя бы захудалого представителя местной власти — ничего! А ведь не древние века — август 1960-го.

— На надгробии Хлебникову, — продолжаю я спрашивать Митурича, — в Новодевичьем монастыре четыре имени, не так ли?

— Там бабушка, то есть мать Велимира, умершая в 36-м, и моя мать Вера, то есть сестра Хлебникова, скончавшаяся перед войной в 41-м. Урна стояла у меня дома в шкафу. Я перенес прахи бабушки и матери в ту же могилу, но не помню, когда.

Отец мой, как он писал в завещании, хотел лежать «у подножья Велимира». Так что его прах я тоже перенес в новую могилу.

— А чей памятник Хлебникову на Новодевичьем?

— Памятник тоже сделал я сам.

Решил я опубликовать этот разговор только для прояснения истины, а вовсе не для упрека художнику и племяннику поэта Маю Митуричу. Наоборот, хочу подчеркнуть, что только на энтузиазме одиночек и сохранялись российские культурные ценности, особенно в советскую эпоху.

Митуричи — отец и сын — спасли часть архива Хлебникова. Отец завещал рукописи сыну, а сын держал их у себя после смерти отца в 56-м и лишь в 63-м решил отдать в ЦГАЛИ. Не вина Митурича-младшего, что никакой комиссии не создали, а если создали, то на бумаге. Осуществить по закону и, так сказать, научно было бы нетрудно: как уже говорилось, могила мелкая, непотревоженная, в лесу. Но кому в Союзе писателей СССР охота была ехать в глухомань, тем более что Хлебников и членом-то этого Союза не был?

Советская власть подмяла под себя мертвого поэта, использовала в виде камня. Для самого Хлебникова, человека со звездным языком, Председателя Земли и Гражданина Вселенной, который казался Маяковскому древнегреческим мудрецом, а сам считал себя живущим в неведомом будущем, местоположение могилы, возможно, не так важно. Важно для нас знать правду.

Итак, на Новодевичьем в Москве в могиле Хлебникова уложены его родственники: мать, сестра, муж сестры, видимо, со временем будет больше. Я за семейные захоронения, но трагикомический аспект в том, что самого поэта на этом престижном кладбище вообще нет. И надпись тут должна быть: «Здесь не покоится прах Велимира Хлебникова».

Странно все же. Представьте, что в могилу Пушкина, в землю, которую он сам для себя купил, когда хоронил мать, после стали бы перекладывать прах брата Льва, похороненного в Одессе, прах сестры поэта Ольги, а потом и мужа ее Павлицева.

Мне уже довелось писать, что поэта Александра Грибоедова, по всей вероятности, нет в могиле в Тбилиси. Не буду здесь вдаваться в подробности. Пушкин писал, как он встретил гроб с телом Грибоедова во время путешествия в Арзрум (если это не литературная фантазия поэта). В гробу из Тегерана везли тело якобы грибоедовское, которое в действительности не нашли, везли, чтобы уладить конфликт с русским правительством. Так что рядом с Ниной Чавчавадзе лежит персидский фанатик или уголовник, возможно даже, убийца ее мужа. Но там были особые обстоятельства.

Миллионы российских людей, погибших в нашем веке, вообще не имеют могил. И кажется, в этом смысле Хлебников удостоился особой чести: у одного поэта две могилы. Боюсь, правда, как бы проворные энтузиасты не использовали эти строки, чтобы доперенести прах. Хватит! Беречь надо подлинную могилу, ухаживать за ней да знать, что на Новодевичьем просто воздвигнут ему памятник.

*Мои глаза бредут, как осень,
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам, мира осям:
Не позволим!*

Подростком, сочиняя стихотворные пробы, я повторял Хлебникова наизусть целыми страницами. И теперь, полвека спустя, хочется его цитировать, даже те строки, которые я не понимаю, в надежде, что, может, когда-нибудь пойму.

Стоял я недавно у надгробия Хлебникову на Новодевичьем с угрюмой известняковой бабой и, инстинктивно оглядываясь, повторял строки поэта. В поэме «Ночь в окопе» возникает образ этой каменной бабы, стоящей среди степей в качестве предвестника новых тяжелых испытаний, надвигающегося несчастья, горя, смерти:

*Тупо животное лицо
Степной богини...
— Скажи, суровый известняк,
На смену кто войне придет?
— Стыняк!
Объявилась эта тетка,
Завтра мертвых не сочтете...*

Поеживаешься от созвучия поэта с современностью, осознаешь, что Хлебников — еще одна неучтенная жертва Октябрьской революции. Именно эта «каменная баба» сделала его голодным и больным, унизила, даже правописание имени и фамилии переделала («Велимир» писалось через *i* десятиричное, а «Хлебников» через «ять»), заразила болезнями и умертвила.

Никто из разрешавших воздвигнуть памятник не понимал его смысла, а Май Митурич, сотворивший его, что-то объяснял про археологию. Он обвел вокруг пальца этой археологией советскую власть, вырвался из мифа, сочиненного на костях Хлебникова. Поэт, зарытый на погосте в Ручьях и непо потревоженный, не ведает, что в Москве сотворенный им миф обрел реальность на мифической его могиле. Поверх надгробной плиты Маём Митуричем положена подлинная «доисторическая» каменная баба, найденная археологами на Иссык-Куле. Вы разглядываете фантазмагорический образ ужаса и смерти, поваленный еще более жуткой силой, а «каменная баба» холодными глазами разглядывает вас. Мистика!

Мистика и в том, что у Хлебникова не только две могилы, но и два места рождения. По одним данным, село Тундутово, по другим — Малые Дербеты бывшей Астраханской губернии. Никто из многих писавших о нем в двадцатые и тридцатые годы не удосужился просто спросить его мать Екатерину Николаевну Хлебникову, где она родила. — уж этого женщина не может забыть. Умерла она через четырнадцать лет после своего сына.

Итак, уточним хотя бы один факт: в своей официальной могиле прах поэта Велимира Хлебникова не лежит. А неизвестному жителю Санталова или Ручьев повезло: он (или она?) покоится на элитарном Новодевичьем, хотя и не под своим именем.

Брюнет, но русский.

МАЙЯ ОРЛОВА

З

амечали ли вы, уважаемый читатель, что чем старше мы становимся, тем труднее нам заводить новые знакомства? Впрочем, и для молодёжи это проблема. Где знакомиться? На дискотеке? На улице? В транспорте? Но сейчас мало-мальски состоятельные женихи и невесты общественным транспортом не пользуются и по улицам, как правило, не гуляют. Дискотеки же нравятся далеко не всем.

Личная жизнь

Ну молодые на то и есть молодые, чтобы преодолевать временные трудности. А как быть тем, «кому за...»? Те же самые проблемы — только выбор еще уне да и место встречи найти труднее. Тем более что уне в принципе ясно, чего хочется, и полагаться на «авось» или ждать внезапного появления «большой и чистой» любви рискованно. Так в ожиданиях можно остаться и до скончания века.

Не случайно, наверное, в последнее время в разных газетах достаточно регулярно появляются объявления о знакомствах. (Брачные объявления пока оставим, это совершенно иной вопрос.) Познакомиться хотят все: от восемнадцати до восьмидесяти лет, девушки и юноши, зрелые женщины и солидные мужчины. А вот насколько эти объявления эффективны — никому не известно. Статистики никто, естественно, не ведет, да и не каждый признается, что познакомился по объявлению в газете. Несолидно. Непривычно. Неловко. Все друзья и знакомые — люди как люди, а ты свои проблемы перекладываешь на средства массовой информации.

Но ведь объявлений с каждым днем все больше и больше. И если они появляются, значит, это кому-нибудь нужно. И уж наверняка кто-то по этим объявлениям действительно знакомится, иначе весь процесс просто теряет оттенок осмысленности.

Чтобы ответить на все эти животрепещущие вопросы, мы в редакции решили провести столь модный сейчас журналистский эксперимент. Впрочем, почему только сейчас? Если помните, еще несколько лет назад была безумно модная рубрика «Журналист меняет профессию». Чем только ни становились мои коллеги: и дворниками, и водителями рейсовых автобусов, и горничными в гостиницах, и шоферами такси...

Я меняла не профессию. Я меняла личный статус — понарошку,

разумеется. Из семейной женщины средних лет с определенными проблемами и со средней внешностью превратилась в молодую, разведенную, бесппроблемную и, главное, красивую. Хотя, положа руку на сердце, должна сказать: будь я на самом деле такой, давать объявления о знакомстве в газету мне бы пришло в голову в самую последнюю очередь.

Сгоряча решила написать такой текст, который, по моему собственному убеждению, вызвал бы неподдельный интерес мужчин. Что-то там о высокомо интелленте, творческой профессии и желании найти родственную душу. Но коллеги-мужчины, просмотрев текст, объявили, что «с такой бабой можно знакомиться на необитаемом острове, да и то, если нет Пятницы». Предпринятая коллективная мозговая атака породила следующее объявление:

«Красивая, нежная, земная, очень самостоятельная, сексапильная, красивый бюст, без жилищных и материальных проблем, высшее образование, разведена, без детей, 32/160/68 мечтает познакомиться для досуга с порядочным, самостоятельным, интеллигентным, здоровым, без материальных и жилищных проблем мужчиной».

Особенное отвращение у меня вызвал тезис о красивом бюсте. Да и вообще образ, созданный коллективным мужским воображением, породил у меня массу скепсиса. При росте 160 сантиметров весить 68 килограммов? Я по жизни вешу 62, и то пытаюсь избавиться от лишней пары килограммов, чтобы соответствовать хотя бы российско-немецкому эталону красоты. По французским же канонам лишними являются ни много ни мало — 12 килограммов. А тут — под сверх нормы, не угодно ли? И почему нужно подчеркивать именно бюст? Я же не фотомодель!

— Ничего ты не понимаешь, — уговаривали меня мужчины. — Пла-

за, талия, прическа — это все второстепенное. Настоящий мунчина на это даже внимания не обратит. А вот красивый бюст — это да! Если он есть, то даже ноги могут быть кривыми.

Наверное, я действительно не способна взглянуть на женщину, в данном случае на себя, глазами мунчины. Похоже, что утверждение об «инопланетности» одного из полов не лишено оснований. Но для чего тогда мучиться в салонах красоты и тратить диние деньги на прическу, макияж и прочее, прочее, прочее, если мунчины всего этого в упор не видят, а разглядывают только то, что ниже шеи и выше талии?

Оставалось надеяться, что мои потенциальные корреспонденты все-таки думают иначе. И объявление — для чистоты эксперимента — было отослано в самую популярную газету бесплатных объявлений «Из рун в руки». С адресом до востребования на вымышленную фамилию.

Супруг, которого я посвятила в затейное мероприятие, отнесся к нему, мягко говоря, скептически:

— Какое независимое расследование ты собираешься проводить? Ну напишет тебе один какой-нибудь идиот, максимум — два. Нормальные люди через газету не знакомятся.

Как выяснилось впоследствии, мы оба заблуждались. Я — относительно того, что конкретно для мунчин является наиболее привлекательным в женщинах, мой муж — относительно количества «идиотов», готовых откликнуться на приглашение к знакомству через газету, да еще сделанное женщиной.

Спустя недели две мы проходили мимо почты, куда должны были прийти все письма до востребования.

— Зйдем, полюбопытствуем, — предложила я.

— Пустая трата времени, — поморщился муж, но пошел за мной. Возможно, тоже из любопытства.

Сотрудница почты ошалело посмотрела на меня: много лет подряд она выдавала мне переводы совсем на другую фамилию. Но редакционное удостоверение с моей фотографией выглядело убедительно. А фамилия — дело називное, особенно у женщин. Сегодня одна, а завтра совершенно другая.

Но еще более ошалелым выглядел мой муж, когда мне вручили целую пачку писем. Позже я их пересчитала — двадцать одно. Очко, одним словом.

— Боже мой, — потрясенно выдал супруг, когда мы оназились на улице, — это сколько же сумасшедших, оказывается, живет только в одном городе! Я ведь действительно думал, что тебе никто не напишет. Надо же!

Впрочем, письмами большинства посланной можно было назвать с большой натяжкой. Скорее, это были записки с номерами телефонов. Что ж, этого следовало ожидать. Вряд ли мунчина будет распинаться перед неизвестной женщиной, да еще в письменном виде. Сильный пол явно предпочитал личное общение.

Значит, нужно было садиться за телефон. И обзванивать их всех с целью узнать как можно больше, а обещать, наоборот, как можно меньше. Задача не из простых, ну да где наша не пропадала! Больше всего в затейном меня смущало неизбежное присутствие мужа: не стану же я у него на глазах конкетничать с абсолютно посторонними мунчинами. Не поймет. Даже если это «журналистский эксперимент».

Спасение пришло оттуда, откуда я его и ожидала. На протяжении ближайших недель телевидение обещало регулярно радовать болельщиков прямой трансляцией из Англии чемпионата Европы по футболу. Значит, искомое вечернее время имелось. Будучи фанатичным любителем футбола, муж, безусловно, ока-

жется глух и слеп ко всему, кроме суеты вокруг мяча на голубом экране. Можно не то что по телефону поговорить — на свидание сбежать. Никто не спохватится.

Какое-то время я строила планы свиданий, согласуя их с графином чемпионата, но потом до меня дошло, что никакие свидания мне в принципе не грозят, даже если кто-то из кандидатов в знакомые и понравится мне до чрезвычайности. По телефону можно сбросить себе хоть двадцать лет и рассказывать что угодно. Но при личной встрече... Я ругнула себя за излишнее «вхождение в образ» и принялась разбирать корреспонденцию.

Первая записка гласила:

«Привет симпатичной, нежной, самостоятельной и загадочной незнакомке.»

Пишет Вам не менее приятный и интересный мужчина 40 лет, рост 170. Хотелось бы встретиться и пообщаться поближе. Мой домашний телефон...

С уважением и любовью, целую, Володя».

«Вот с него и начну, — решила я. — Написано неглгохо, слог решительный, да еще сразу и целует с любовью. Годится».

Судя по номеру, домашний телефон Володи находился в одном из окраинных районов. Отгнав совершенно неуместную мысль о том, что так далеко на свидания не навездисься, я собралась с духом и позвонила...

По придуманной мною легенде я работала в одном из научно-исследовательских институтов. Коллектив — почти целиком женский, так что сами понимаете, небольшая неувязка заключалась в том, что практически невозможно работать в НИИ и не иметь материальных проблем, но я надеялась, что это пройдет незамеченным.

Так оно и оказалось. Тем более что раскованный и решительный в

письме Володя по телефону онаялся очень застенчивым, чтобы не сказать — замкнутым. Поэтому разговор первоначально шел через пень-колоду и оживился только тогда, когда, взяв инициативу в собственные руки, я учинила потенциальному партнеру по проведению досуга форменный допрос: где работает, семейное положение, интересы, вкусы, пристрастия.

— Я работаю в строительной организации, — добросовестно доложил Володя. — В свободное время люблю читать и выезжать «на природу», давно разведен, а на новую женитьбу решиться очень трудно. Вдруг опять стерва попадетсся.

— А если я и есть та самая стерва? — поинтересовалась я.

— Ну для досуга это не так уж и важно. А читать вы любите?

— Обожаю, — честно ответила я. — Теперь, слава Богу, и библиотеку можно собрать приличную. У меня уже есть почти все книги, которые я люблю.

Собеседник явно оживился.

— О, прекрасно, значит, можно будет и мне почитать.

Интересное кино! Записался бы в таком случае в районную библиотеку.

— Когда мы увидимся? — взял «быка за рога» Володя.

— У меня сейчас гостит тетна из провинции, — выдала я обдуманную «уважительную причину». — Через недельку уедет, я вам позвоню.

— Лучше я вам.

— Нет, не лучше. Тетя не поймет.

— Ну давайте погуляем сегодня. Или завтра...

Хоть бы в кафе пригласил!

— Вы ведь даже не спросили, как я выгляжу, — спохватилась я. — А вдруг — не ваш тип женщины?

— Главное — это красивый бюст. Для меня, во всяком случае. А все остальное...

Черт побери! Неужели мои коллеги были правы? Но это признание помогло мне свернуть разговор,

обещав в скором времени перезвонить.

Второе письмо было подлиннее. И вселяло определенные надежды на то, что его отправителю нужна подруга, а не библиотечарша с красивым бюстом.

«Хочу вас видеть или слышать. О себе: 40/180/80, высшее образование, без материальных и жилищных проблем, самостоятельный, независимый, в меру интеллигентный, здоровый. Зовут Сашей. Выгляжу молодо, спортивен, брюнет, но русский, симпатичен лицом, красив телом, добр сердцем, чуток душой, умен головой, ласков в обращении с женщинами, которые нравятся, и вежлив с остальными. Непримируем к врагам. Нужен такой?».

Вопрос, по-моему, чисто риторический. С таким набором достоинств этот самый Саша должен быть позарез нужен любой маломальски сообразительной женщине. Да и вообще — любой женщине. Таной человек — до сих пор не востребован? Возможно, правда, что весь этот великолепный перечень — такая же «правда», как и мое объявление.

На мой телефонный звонок Саша отозвался с неподдельным энтузиазмом.

— Я, правда, газету покупал не для этого, но уж очень вы завлекательное объявление дали. Не женщина — мечта любого мужчины.

— А почему вы так странно о себе пишете: «Брюнет, но русский»? — задала я мучивший меня вопрос. — Разве все русские — только блондины?

— Нет, конечно. Но если написать просто «брюнет», то могут подумать, что я — лицо этой самой национальности. А вы, кстати, русская?

— По паспорту или по правде? — развеселилась я.

— Конечно, по правде.

— Русская. А по паспорту монголка.

— Это как? — слегка опешил Саша.

— Это шутка, — пояснила я. — У меня танов чувство юмора.

Оназалось, что чувство юмора — это именно то, чего моему собеседнику остро не хватало во всех его знакомых женщинах. Особенно в бывшей жене, которая, к тому же, еще и курила. А уж это для женщины — совсем плохо.

— Значит, наше знакомство не состоится, — вздохнула я с облегчением. — Я курю, причем много. Так что извините.

— Но ведь можно попытаться бросить! — молниеносно среагировал Саша. — Давайте я завтра приеду к вам в гости, привезу книжку про систему отвыкания от курения. Посидим, побеседуем. Чайку попьем. Весна ведь!

Так, Значит, навалер хотел познакомиться с максимальными для себя удобствами. А мне — готовить стол для так называемого «чая» и еще учиться обходиться без сигареты. Зачем? Лучше уж позвоню еще кому-нибудь, у кого нет аллергии на курящих женщин. А Саша не пропадет. При таком количестве достоинств!

Следующий телефонный разговор я наметила на завтра. За один вечер двух потенциальных ухажеров было вполне достаточно. Да и футбольный матч по телевизору закончился. И, если честно, устала я от этих переговоров так, как если бы вскопала без передышки три полноценных грядки на огороде. Наверное, с непривычки. По телефону мне за всю жизнь знакомиться как-то не приходилось.

На следующий вечер я взяла в руки письмо такого содержания:

«Валера, проживаю в Москве. Мне 42 года, рост 178, плотного телосложения, самостоятелен, имею автомашину, люблю отдыхать на природе, женат, без комплексов. Хочу подарить любовь и ласку женщине, которая ответит вза-

имностью. Все остальное по телефону, если пожелаете».

Я пожелала. Валера был столь же прям и лаконичен, как и его записка:

— Приходите завтра в семь часов вечера к магазину «Олимп» на Красной Пресне. Мне это по дороге с работы, и надо там кое-что купить. А потом поедем, куда захотите — к вам или ко мне.

— И что будем делать? — с любопытством спросила я.

— То есть как — что? Вы зачем объявление давали?

— Для досуга, — пролепетала я, начиная понимать правоту собеседника.

— А я вам работу предлагаю?

— Но вдруг мы друг другу не понравимся...

— Не понравимся — разбежимся. Ну как, согласны?

«Быстрота и натиск — девиз великих полководцев». Пришлось соглашаться. Ничего, этот дольше десяти минут ждать не будет — деловой.

— А как вы меня узнаете? — поинтересовалась я для порядка.

— Женщину с красивым бюстом не так сложно отличить от остальных...

«Получила? — мысленно упренула я себя. — Так тебе и надо. Не слушала бы дорогих коллег. Если бы не писала про этот самый бюст — будь он трижды неладен! — наверное, и мужчины бы другие откликнулись. По крайней мере, не тащили бы в постель в первую же встречу».

Я совершенно забыла о том, что лично ко мне все это не имеет ни малейшего отношения. Что ни с одним из ответивших на мое объявление мужчин я никогда в жизни не встречусь. А если и встречусь, то во мне никто не опознает автора этого объявления, хотя я сама по себе и красивая, и нежная, и земная, и очень самостоятельная. Только с

бюстом напряженка, да тридцать два года давно позади.

Дальше был военнослужащий Андрей, 35 лет, которого «здоровьем и внешностью природа не обделила». По телефону он сообщил, что мечтает время от времени встречаться с «милой женщиной без претензий», во всех отношениях самостоятельной. Выпад же самого Андрея в это знакомство — вышеупомянутые здоровье и внешность, больше ничего нет и не предвидится.

Бедные, бедные женщины, которые рассчитывают с помощью объявлений найти если не потенциального мужа, то хотя бы настоящего мужчину!

Следующее письмо осталось без ответа. В нем и так все было изложено предельно ясно, а обсуждать это по телефону мне не позволяло когда-то полученное традиционное совковое воспитание.

«Здравствуйте, милая незнакомка! Меня зовут Сергеем. Мне 35 лет, рост — 170, вес — 65, с высшим образованием, без комплексов, без жены, без детей, без вредных привычек (хотя в компании могу и покурить, и выпить в меру). Живу один, много работаю, так что свободны только вечера, ночи и выходные. Я ищу для длительных, постоянных, регулярных отношений интимную партнершу для встреч у меня или у Вас. Я — порядочный, интеллигентный, тактичный, культурный человек, симпатичный, стройный голубоглазый шатен. Люблю отдыхать в горах и на море, хожу в походы на байдарке, фотографирую, люблю театр, Москву, природу, общение и, конечно, секс. Самый разнообразный и только в хороших презервативах. Учитываю все желания партнерши. Приглашаю Вас в гости — давайте встретимся, познакомимся, и если взаимно понравимся — давайте начнем наши встречи! Ведь весна же на улице!

Передайте способ связи с Вами на мой пейджер».

Не стану передавать ничего на этот самый пейджер! Терпеть не могу шампанское, горы и байдарки — точно не для меня. Лучше позвоню по телефону, который указан в следующем письме. Там сорокалетний разведенный Леонид. Ждет и надеется...

Нет в жизни счастья! Леонид где-то развлекается, а к телефону подошла его мама. «Живу один в собственной квартире» — теперь это так называется? Нет, передавать ничего не буду, да и что, собственно, передавать? Следующий!

«Здравствуй! Меня зовут Роман. Позвоните с 8 до 9 утра, поговорим».

Коротковато. И совершенно неприемлемо: раньше 9 утра я не встаю, а еще часа полтора нужно, чтобы прийти в форму. Обойдемся без романа с Романом.

— Как твои успехи на фронте личной жизни? — поинтересовался зашедший на кухню муж. — Сколько потенциальных хахалей?

— Ни одного, — грустно призналась я. — Либо норовят в гости напроситься, либо с ходу предлагают интим. Хоть стой, хоть падай.

— А ты на что рассчитывала, когда давала объявление? Что тебя в Большой театр пригласят? Или отдыхать на Багамы?

Крыть было нечем.

«Здравствуйте, мисс! Удивляет обилие хороших определений. Неужели в самом деле? Это было бы на-ра-шо. Вашим пожеланиям я соответствую. Что еще можно написать хорошенькой женщине? Ведь бумага все стерпит. Но вот вспоминается хорошая поговорка: «Лучше один раз увидеть...» Мне 30 лет. Игорь. Рост и вес хорошие».

Перед хорошим ростом, а тем более весом устоять было, разумеется, невозможно.

На сей раз мой собеседник не только не был скован, но, наоборот,

откровенно развлекался самим разговором. Шутки, прибаутки и анекдоты — к месту и не очень — у него был припасено невероятное количество. Грешным делом я даже подумала, что при постоянном непосредственном общении такой массовик-затейник может быть несколько утомителен.

— Значит, все в объявлении правда? — веселился Игорь. — Как же вы хитрили сохранить свободу при таких достоинствах? Или все-таки есть недостатки?

— Как же не быть, — откинулась я, — еще больше, чем достоинств. Например, я курю, причем, много.

— Не страшно, я тоже.

— Терпеть не могу готовить и вообще вести хозяйство.

— А и не надо! Зачем красивой женщине на досуге заниматься домашним хозяйством? Для этого существуют жены.

— У меня тяжелый характер: люблю командовать.

— При красивом бюсте можно и покомандовать.

Опять! Дался им этот самый бюст. — И еще я люблю дорогие подарки, розы на длинном стебле и прогулки в автомашине.

— А вот это в зависимости от нашей обоюдной симпатии. Кстати, вы почему-то не задали главного вопроса.

— Какого?

— Сколько я зарабатываю. Вот вы седьмая женщина, которой я написал, и шестеро до вас первым делом спрашивали о заработке...

— А у вас что, хобби такое, писать женщинам? Всем подряд?

— Почему всем подряд? Только красивым и сексуальным. Все надеюсь найти свой идеал.

— А какой у вас идеал?

— Молодая, длинноногая, с роскошной фигурой, длинными волосами, веселая, без комплексов и проблем.

— У меня волосы короткие, — обрадовалась я: возможности достойно закончить разговор. — Ноги, кстати, тоже.

Игорь обещал пересмотреть свои взгляды на идеальную женщину, а я обещала перезвонить через пару дней. После возвращения из командировки, которую срочно пришлось изобретать.

Следующий разговор не состоялся: на номере телефона, указанном в письме, стоял определитель. «Светиться» мне ни в каком случае не хотелось: найдется любитель долгих телефонных разговоров, вроде Игоря, и начнет трезвонить за полночь. Поди потом объясни, что пошутила.

А от еще одного письма у меня просто голова закружилась.

«Дорогая подруга, пишет тебе Джузеппе, 31 год, итальянец, живу и работаю в Москве с 1992 года. Ваша страна мне очень нравится, также нравятся русские женщины. Ищу одну любовницу для секса, досуга, дружбы. Встречи на твоей или нейтральной территории. Материально могу помочь, о себе все расскажу при встрече.

Если хочешь со мной познакомиться, пиши, пожалуйста, по адресу... Свой телефон, увы, не могу сообщить. Буду ждать твоего ответа. Пиши! Спасибо и чао!»

Друг-итальянец, это, как сказал бы мой взрослый сын, «круто». Но восхитило меня другое: совершенно точно расставленные акценты в этом коротком письме. Никаких недомолвок, ничего не надо додумывать: предлагается секс плюс каникулы развлечения, встречаемся у меня, при необходимости могут подкинуть денюжку. Телефона не дают, потому что явно имеется жена. Великая все-таки вещь — традиции. Для нас знакомства по объявлению — экзотика на грани неприличного. Для западного человека — объективная реальность. Нужна собака — звони по объявлению. Нужна любов-

ница — пиши по-другому. И все довольны.

Правда, определенная профессиональность уже появляется и у нас. В одном из писем содержался прямо-таки буклет, бесспорно рекламный. Нений Александр поместил там аж семь своих фотографий и все до единой — в костюме Адама. Фотографии, правда, черно-белые, но общее настроение передают. А сопровождает все это буйство иллюстраций совершенно незабываемый текст:

«Если вам так же одиноко, как мне, давайте встретим эту весну вместе. Мне 23 года, рост — 185, вес — не знаю. Устал от одиночества. Уверен, что смогу подарить свою любовь женщине и сделать ее счастливее. Мое предложение не ограничивается только сексом. Столь «подробные» фотографии посылаю лишь для того, чтобы представить наиболее полную информацию о себе. Вообще-то я довольно застенчивый в знакомстве с женщинами, но это не значит, что я не смогу доставить удовольствие даме, которая меня полюбит. Если Вы меня понимаете, позвоните на мой пейджер и назначьте встречу. Буду ждать».

Это, конечно, на любительниц комментировать тут особо и нечего. От себя могу заметить только одно: не зря, ох, не зря западные специалисты подметили, что вид обнаженного мужского тела весьма редко производит благоприятное впечатление на представительниц слабого пола. За исключением, разумеется, случаев крайней озабоченности.

Оказалось в моей почте и предельно лаконичное, но вполне профессиональное послание:

«Добрый день! Интеллигентный, материально обеспеченный господин 30 лет предлагает Вам знакомство. Вы можете связаться со мной по пейджеру. Андрей».

Выполнено на компьютере, с фансонной виньеточкой — любо-дорого смотреть. Но связь по пейджеру почему-то пугает меня так же, как метро — деревенскую бабу. Не могу на них звонить — и все тут. По этой же причине осталась без ответа и записна на листке, вырванном из блокнота:

«Здравствуйте! Меня зовут Виталий 42/174/76. Место, авто и шампанское — за мной».

Даже обидно, что нельзя воспользоваться таким увлекательным приглашением. И место, и авто, и шампанское. Замечу в снобках, что все это обилие возможных кавалеров с авто и без оных, с шампанским и ананасами вызывало у меня четкое ощущение язвенника в гастрономическом магазине: такой выбор, а ничего нельзя.

А если серьезно, то картина складывается достаточно занятная. Женщина, решившая устроить свою личную жизнь вот таким образом, в девяти случаях из десяти попадает либо на «халявщика», либо на «потребителя», либо на откровенного профессионала. И это, замечу, женщина красивая, неглупая, обеспеченная. Что делать тем, кто не соответствует или не вполне соответствует вышеприведенному списку, — неизвестно.

Впрочем, труден только первый шаг. Если все-таки найти в себе силы перешагнуть через комплексы и попытаться устроиться с проведением досуга по «мужской схеме», то вполне вероятно, хоть с кем-то из ответивших может получиться. Интимная встреча. Но вполне возможно, что эта самая встреча онанется и последней. Женщины, в отличие от мужчин, чрезвычайно странно устроены: сенс в чистом виде их редко устраивает, они обязательно хотят приправить его чувством. Желательно, конечно, большим и чистым. Но если такое не получается, то любим. Иногда бывает, что дамы внушают

себе чувство любви к партнеру, оправдывая таким образом интимные отношения с ним.

Из-за новизны феномена знакомств по объявлению и из-за некоторой зашоренности мужчины часто принимают жалемое за действительное. По чрезвычайно стойкому народному мнению женщине всегда нужно только одно. Только одно, причем всегда. Убедать мужчин в том, что существуют прекрасные отношения между мужчиной и женщиной без сенса или с минимальным сексом не только бесполезно, но даже вредно. Все равно не поймут, и решат, что женщина таким образом уклоняется от интима. Не потому, что он, интим, ей не нужен (хочет-то она все равно только одного), а потому, — что данный мужчина представляется ей не состоятельным. Более серьезной обиды представителю сильного пола нанести практически невозможно. Можно усомниться в его умственных способностях, — он шутя и играя докажет, что баба сама дура. Можно не верить в его способность сделать карьеру — докажет, что здоровье дороже. Но усомниться в том, что он — настоящий мужчина, самец, мачо — Боже упаси! И доказывать ничего не будет, а замкнется в себе, нагородит кучу комплексов, сам себя загонит в угол и в результате объявит, что во всем виновата сама женщина, которая, как известно, хочет только одного. Не ищите тут логику — это бесполезно. Просто примите, как информацию к размышлению.

Рассуждать на подобные темы можно до бесконечности. Поэтому хочу привести одно-единственное длинное письмо, которое получила в ответ на свое объявление. В нем предельно четко изложены те причины, которые побудили автора письма искать знакомства через газету. Причем изложены так, что я не почувствовала ни малейшей неловкости: меня не покупали, но мне не сни-

сходили, мною не пользовались. Впрочем, судите сами.

«Дорогая незнакомка! Сину перед компьютером, на котором печатаю это послание, и не знаю, с чего начать. Я понимаю, что газета выходит очень большим тиражом и к Вам, по-видимому, придет множество писем с различными предложениями, одним из которых (рядовым?) будет мое письмо. Однако смею надеяться, что и до меня дойдет очередь.

Я понимаю, что Вы хотите знать обо мне хотя бы минимум информации, позволяющей принять решение: тратить ли Вам свое драгоценное время на общение со мной или нет.

Итак:

1. Внешние данные. Зовут меня Виталий (Виталий Михайлович), мне 40 лет, нормального стройного спортивного телосложения, без каких-либо изъянов и хронических болезней, русский, шатен, раньше друзья говорили, что внешне похож на французского киноактера Ж. П. Бельмондо, да сейчас, по-видимому, от сходства мало что осталось — но хотя бы ориентировочно представить себе, каков я, по этому описанию можно.

2. Образование, работа. Инженер. Работа интересная, но не денежная. Приходится еще подрабатывать.

3. Увлечения. Спорт, книги, музыка, природа, живопись — словом, интересы разносторонние.

4. Побудительные причины к новому знакомству. Желание вырваться из привычного, сложившегося круга общения (хотя одной ногой нужно оставаться в нем), где все мы ограничены теми ролевыми рамками, которые для себя когда-то установили и теперь их придерживаемся. Уровень открытости и доверительности отношений при таком «случайном» знакомстве, мне кажется, может быть неизме-

римо выше, чем отношения с людьми, которые знают твоих родных, близких, сослуживцев, друзей и могут, даже невольно, навредить в жизни.

Желание получить новый эмоциональный заряд, нарушив (но не сломав) равномерное течение жизни.

Желание подарить и получить новые сексуальные ощущения, пока мы это можем и хотим.

По своей сути я человек достаточно застенчивый и не могу так, запросто, подойти на улице, в транспорте и т.д. к понравившейся мне женщине и познакомиться с ней, поэтому я решил попытаться познакомиться таким «письменным» способом. Надеюсь, что мое послание не останется без внимания и мы все-таки встретимся. Мне хотелось бы, чтобы Вы ответили на мое письмо, рассказали немного о себе так же, как и я. Если можно, Ваш телефон — это ускорит встречу.

Заранее благодарен».

Это было единственное письмо, читая которое, я искренне пожалела, что не могу на него ответить, что мы, к сожалению, никогда не встретимся с явно неглупым и интересным человеком. Но если бы я была не я, а та женщина, от имени которой было дано объявление, я бы выбрала этого инженера. Без авто, шампанского, пейджера и собственной квартиры. Женатого, между прочим.

Подводя итоги своим беглым заметкам на тему знакомств по объявлениям в газетах, скажу, что некоторым удастся не только познакомиться таким образом, но и семью создавать! То есть теоретически вероятность выпадения «счастливого билета» имеется, но... Но равно такая же, как сесть в троллейбус (поезд, автобус, трамвай, самолет — ненужное зачеркнуть) и встретить там своего единственного (неповторимую). Но ведь с годами познакомиться труд-

нее, зато увеличивается возможность проморгать свое счастье в прямом и переносном смысле слова. Посидел, потарачился и — чао, бамбино, сорри.

Правда, есть определенное сходство и с организацией «товары — почтой». Выписываешь то, чего тебе хотелось бы, получаешь то, что при-спали. Не нравится — не носи.

А вообще это традиционно женская черта — придумывать себе идеал и ждать, что он материализуется из «тумана и запаха тайги». Мужчины более приземлены: красивый бюст решает многое, если не все. Видели вы когда-нибудь женское объявление с текстом: «Мечтаю встретиться с зеленоглазым брюнетом — косая сажень в плечах»? Правильно, и я не видела. Зато мужских с четким обозначением размеров — сколько угодно. Утешает только то, что искомое одинаково редко получают и дамы, и господа.

Хотя, собственно, какое утешение? Я лично убедилась, что найти кавалеров «чтобы переспать» — не проблема. Если, конечно, только такую цель перед собой и ставить. Было бы место и время. А вот с чисто человеческими отношениями, прямо скажем, напряженно. «Досуг» понимается слишком уж примитивно: постель и все тут. При огромном напряжении воображения является шампанское. На сем список исчерпывается, во всяком случае, для мужчин. Грустно, девушки.

Остается уповать на то, что когда-нибудь мы привыкнем знакомиться именно таким образом и тогда все станет на свои места. Любители проводить свободное время в постели найдут родственную душу, а те, кто желает большего разнообразия, тоже обретут искомое. Пока же знакомиться по объявлению могут, похоже, только любители азартных игр, живущие по принципу: «не догону, так хоть погреюсь».

Интересно, а какие ответы на свои объявления получают мужчины? Им так же «везет» или все-таки немного больше?

А вообще-то пока жалко всех. Мужчин, которые считают, что одного их присутствия достаточно, чтобы осчастливить женщину, и женщин, которые, несмотря на это, все еще надеются быть счастливыми.

Ведь счастье, как известно, это когда тебя понимают...

Рисунок ВИНТОРА БАЛАБАСА

■ часто перебираю свои старые пластинки. Давно уже есть компакт-проигрыватель, и кассеты выстроились стройными рядами, но... Есть что-то магическое в тихом похрустывании «попиленного» винила, в самом ритуале: достаешь пластинку из конверта, подносишь иглу к матовой поверхности диска... Вот они стоят, мои пластиночки. Все «Алисы», «Нино», «Машины времени» и многие, многие еще. И наконец она — одна из самых любимых, у нее и конверт позатрепаннее, и царапинок побольше, чем на других, но ведь все равно — играет и услаждает слух.

Бывает, собираемся с друзьями, и возникает спор, что слушать будем и какой новинкой друг друга удивим; я обычно говорю: «А давайте «Пинник» — «Иероглиф». И все соглашаются. Потому что те, кому сейчас 25–30, очень хорошо помнят эту пластинку.

Лет десять назад «Мелодия», поняв, что на нислой эстрадной пля-

соте долго не протянешь, наконец-то обратила свой взор к року. И, побоявшись не попасть в ногу со временем, начала активно этот пласт возделывать. Одной из первых ласточек стала пластинка «Иероглиф».

Что прельщало нас, тогдашних пятнадцатилетних, в музыке «Пинника»? Да, наверное, то же самое, что и сейчас — тонкий синтез прекрасной поэзии и холодной, но чрезвычайно насыщенной музыки, каким-то отрешенным взглядом музыкантов на всю революционность перестроечного времени. Конечно, нам была близка и бескомпромиссность Шевчука и Нинчева, романтизм Цоя и сарказм Майна Науменко, но «Пинник» стоял навзничью в стороне. Их песни то кидали нас на берега Хуанхе, то вели через магическую ночь на праздник, а то вдруг возвращали в обычную квартиру в ожидании телефонного звонка. Для многих из нас именно эти романтические баллады и стали тем компа-

сом в жизни, который впоследствии сформировал нас и музыкально, и в чем-то определил наши взгляды.

Когда-то в одном из англоязычных музыкальных журналов я прочитал определение «нулевой» группы — «Группа, оказавшая или оказывающая определенное влияние на сообщество людей, формирующая их мировоззрение, музыкальные пристрастия, заставляющая отслеживать весь выпущенный ею материал». У нас нулевыми группами в то время были команды социального толка — все те же «ДДТ», «Алиса», «Анварим» (со своим: «мы не группа, а стиль жизни»). «Пинник» никогда не носил социальных тем, уйдя в восточные мотивы, он не спугнул своих слушателей, а ного-то и заставил взяться за толстые умные книжки. Вообще говоря, Восток у Шклярского достаточно российский, но, стараясь не углубляться, он не забывает, что поверхность — сестра глубины. При этом в текстах «Пинника» не было никакой

зауми. Пробуя описать музыку группы человеку ее ранее не слышавшему, мне всегда приходит на ум фраза великого Франка Заппы — «Писать про музыку, это то же, что танцевать архитектуру». И все же... Музыка «Пинника» — легкий нонтейль из классических рок-форм. «новой волны», отточенного импровиза и красивой эклектики. Я не большой любитель музыкальной электроники, но даже ее группа проповедует бережно и ненавязчиво. Между тем и электромусыке группа быстро охладела и сейчас использует точно в меру, отдавая предпочтение любимому «живому» звучанию.

Эдмунд Шклярский пришел в группу, когда ее золотые дни прошли, а вернее, и не думали начинаться. На тот момент группа была никакая — с флейтами, дудками. Играл в ней Николай Михайлов, позднее возглавивший легендарный ленинградский рок-клуб. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о «Пинни-

не» образца 1981 года — Шнлярский резко изменил лицо группы. Будучи юношей начитанным и наслуханным, он сумел создать команду, равную которой трудно найти до сих пор.

Вынырнули они не сразу, но первый магнитоальбом «Дым» (1982) заинтриговал и заставил заговорить о них в рок-среде, да так, что вышедший чуть позже «Танец волка» (1984) уже ожидали с нетерпением. Завертелась машина только зарождающегося шоу-бизнеса. Шнлярский комментирует это так: «В то время экономическая ситуация, которая повлияла на всех, повлияла и на нас. Вся информация была на кассетах, потом на пластинках. Но она никогда не висела в воздухе. Для меня феноменом стала магнитофонная культура. Это возможно только у нас. Другое дело, что раньше давали много концертов, а о записи пластинок только мечтали. Сейчас концертов меньше, но появились компанты, а «винил» прекратил свое существование. Я лично очень об этом жалею. Ведь раньше спойно покупали пластинку за два рубля. Я не против компактов, но очень бы хотелось, чтобы в процентном отношении они составляли ту же долю зарплаты или стипендии».

О концертах особо. Одними из первых вступил «Пиннин» в рок-клуб и начал активную гастрольную деятельность. Сразу после начала крупных гастролей в их адрес посыпались упреки от вчерашних коллег по андеграунду, упреки в продажности, хотя не задействовать в то время таной шанс было бы просто глупо. Название «Пиннин», благодаря ругательным статьям в газетах, быстро стало известно, а что они играют, знали от силы 15–20 процентов слушателей. Залы ломались (закономерность для того времени) Это была хорошая школа, и «Пиннин» уже тогда приучился не использовать хорошую вывеску, а работать на пол-

ную катушку. Концерт для них никогда не являлся и не является лишь встречей со зрителем. Это скорее действие, когда они хотят, чтобы даже те, кто их никогда ранее не видел и не слышал, заинтересовались бы. Тот зритель, который раз попался на волшебную магию «Пинника», привыкает к ним моментально, а «Пиннин» никогда не забывает о той нити, что связывает его с аудиторией. Они уже не могут расслабиться, потому что по опыту общения со зрителями после концерта знают — «лажа» заметна всегда. Тем более что основную их аудиторию составляли и составляют учащиеся, студенты, да и вообще вольнодумствующий народ.

Первая настоящая виниловая пластинка «Иероглиф» вышла для того времени достаточно оперативно — через два года после выхода материала на кассете. Вторая — «Родом ниоткуда» — еще оперативнее, через год, потом «Харанири», и снова вынужденный перерыв. Следующий альбом, «Немного огня», выходит уже на CD-носителе. Ездить на гастроли становилось все дороже, но группу ждали, и ждали ее новых альбомов. В середине 1995 года «Пиннин» выпускает новый альбом «Вампирские песни». Эту не совсем обычную работу выделяет то, что характерный плачущий (его иногда называют «дюрановским»), и действительно — интонации Эдмунда иногда напоминают голос вокалиста «Duran Duran» Саймона Ле Бона) вокал Эдмунда Шнлярского (визитная марка группы) звучит лишь в трех песнях. Из глубин «пинниковского» воображения появляются загадочные Анри Альф и Заруам. Нам всегда, все окутано тайной, все непредсказуемо и мистично. Альбом появился только на CD. Улучшились инструменты, чуть утяжелилось звучание, но перед нами все тот же старый, добрый «Пинник». Альбом не отягощен концептуальностью и

является скорее попыткой разобратся в зависимостях души от неких-либо внешних факторов. Вампиры, кровь — здесь это скорее романтическое состояние ночи, так любимой Шклярским. И еще, если раньше почти весь материал альбома Эдмунд «пропевал» сам, то на сей раз группа двинулась по пути развития темы нарядным участником команды, что и вылилось в прекрасную пластинку. Не имея хорошей «раскрутки» на ТВ и радио и считая, что частые появления на публике ни к чему — «чудеса надо экономить», песни и альбомы группы находят своего слушателя. Яркий пример тому — крупнейшая российская фирма «Союз» переиздала на компактках полную антологию «Пинника». Послушайте их песни, и после этого вам вряд ли захочется подвергать свои уши атаке эстрадной дешевки, которая, к сожалению, становится чуть ли не символом времени.

Спустя некоторое время, благодаря директору группы Виктору Гриценко, мне удалось побывать на концерте «Пинника» в питерском концертном зале «Октябрьский». Грандиозное шоу включало в себя двадцать песен — старых и новых. Концерт проходил на одном дыхании. Группа работала четко и слаженно: ритм-секция, в составе басиста Виктора Евсеева и барабанщика Леонида Курноса, дополняли клавиши Сергея Воронина и сансофон Юрия Ключанцева, лидер Шклярский песен не объявлял — их узнавали по первым аккордам. На сцену выходили артисты-вампиры, выдували огонь — вечный «пинниковский» символ, бродили по сцене маски-уродцы в стиле любимого Эдмундом Хиеронимуса Босха. Все, как обычно, было на высоте. Зал периодически расцветал огнями зажигалок, а когда концерт перевалил за середину, наэлектризованные почитатели двинулись вперед, люди поднялись на сцену и встали лицом к лицу с му-

зыкантами. И вот тут-то я и увидел эту самую питерскую демократичность. На зрителей не посыпались удары куланов и дубиной охраны, никого не поволокли в «кутузку», концерт никто не останавливал. Спокойно закончив песню, музыканты просто попросили всех спуститься в зал. И люди послушались. Все до единого. Но вот сесть на свои места никого заставить не удалось — оставшееся время зал пел песни в один голос с музыкантами. Стоя. И очень-очень долго, как и заслуживает их музыка — тонкая, добрая и мудрая. Музыка, которую дарит «Пинник».

АЛЕНСЕЙ ПЕВЧЕВ

АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА

САРЬЯН

154

Сарьян сидел у себя в доме-мастерской и смотрел на свой карандашный автопортрет, — он сделал его недавно, года два назад. Тонкая паутина морщинок бороздила лицо, глубоко в глазницах прятались глаза, острые и требовательные, как у математика; тонкие губы сложены по-стариковски, а некогда черная, густая, как заросли ежевики, шевелюра поредела, и только нос, армянский нос с горбинкой все тот же, что в молодые годы...

Чем более всматривался он в портрет, тем подробнее рисовалась воображению прекрасно-долгая его жизнь. Казалось, лишь мгновение отдаляло его от веселого проназливового детства, проведенного в Нахичевани, под Ростовом-на-Дону, где он родился в 1880 году. Большая семья, словоохотливая бабушка, отец-торговец, братья и сестры, — и вдруг внезапная смерть отца, — Мартиросу тогда было одиннадцать лет. Южная, степная природа, широкое небо, вдали курганы, как миражи, речка с камышами, стрекозами, ящерицы на камнях, — словно вчера это было...

Был мальчик — стал старик, жизнь детским мячином прокатилась от горизонта до горизонта — и приблизилась к занату. Круг жизни неизбежно скоро замкнется, хотя судьба и одарила его немалым долголетием... Сарьян вновь взыскательно и пристально вгляделся в рисунок: строг по-апостольски, взгляд прямой, словно пытается проникнуть в тайну жизни...

Тайна всегда влекла его. Сперва — как пронизывающий листья луч света, как полет птицы, бабочки, потом — как человеческое лицо, такое пухлое в детстве и так похожее на черепаху в старости. С помощью красок, карандаша он пытался угадать эту тайну, и рисовал, рисовал...

Россию он узнал раньше, чем Армению, — сперва в Нахичевани, потом в Москве. Рисунки его понравились друзьям брата, и они показали ему путь в Училище живописи, ваяния и зодчества. Академия художеств в Петербур-

Голова девушки. 1912.

ге была недосыгаема, а Москва — вот она, рядом, каждому по силе. Кто только ни учился в том училище! Дети мещан и купцов, служащих и священников, дети разных национальностей, словом, «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний».

Училище на углу Мясницкой имело уютную закругленную ротонду, красивые и торжественные лестницы, как было не полюбить его! К тому же педагоги — Серов, Коровин, Архипов, Васнецов... Но главное — таинственные, такие притягательные запахи красок, гипсов, ацетона — и лекции, беседы об искусстве, жаркие споры о будущем. Художественная и общественная жизнь бурлила, близился 1905 год, когда Поленов, Серов и Голубина так смело выступили на защиту тех, в кого стреляли на Пресне. Студенты тоже издавали что-то тайное, подпольное.

Но его, Сарьяна, и в те бурные времена более всего будоражили краски. Впрочем... Разве то, что он примкнул к одному из самых отчаянных направлений в искусстве, не было проявлением тяги к свободе? Объединение называлось «Голубая роза», и на его выставках Сарьян впервые заговорил живописным языком, быть может, еще не своим, но уже обретенным.

Друзья-товарищи его — Павел Кузнецов, Крымов, Уткин да еще Сапунов с Судейниным, и всех их объединяла тяга к фантазиям, экзотике, мечта о небывалом.

Мартироз Сергеевич закрыл глаза — и внутреннему взору предстали залы «Голубой розы», украшенные лилиями, гиацинтами, нарциссами, послышались голоса посетителей, критиков.

— Неужели это серьезно? Кто их выдумал? Это глумление над нами!.. Голубая роза, если бы она была выведена, стала бы извращением розы, тут погибла кошмарных снов...

— Кто организатор этой «Розы»?.. Рябушинский, меценат, редактор-издатель журнала «Золотое руно»! Он начертил на знамени: «Искусство свободно, ибо создается свободным творческим порывом».

— «Голубая роза» — это цветок мистической любви. Вы ничего не поняли, это поиск синей птицы, это дивная розово-голубая живопись...

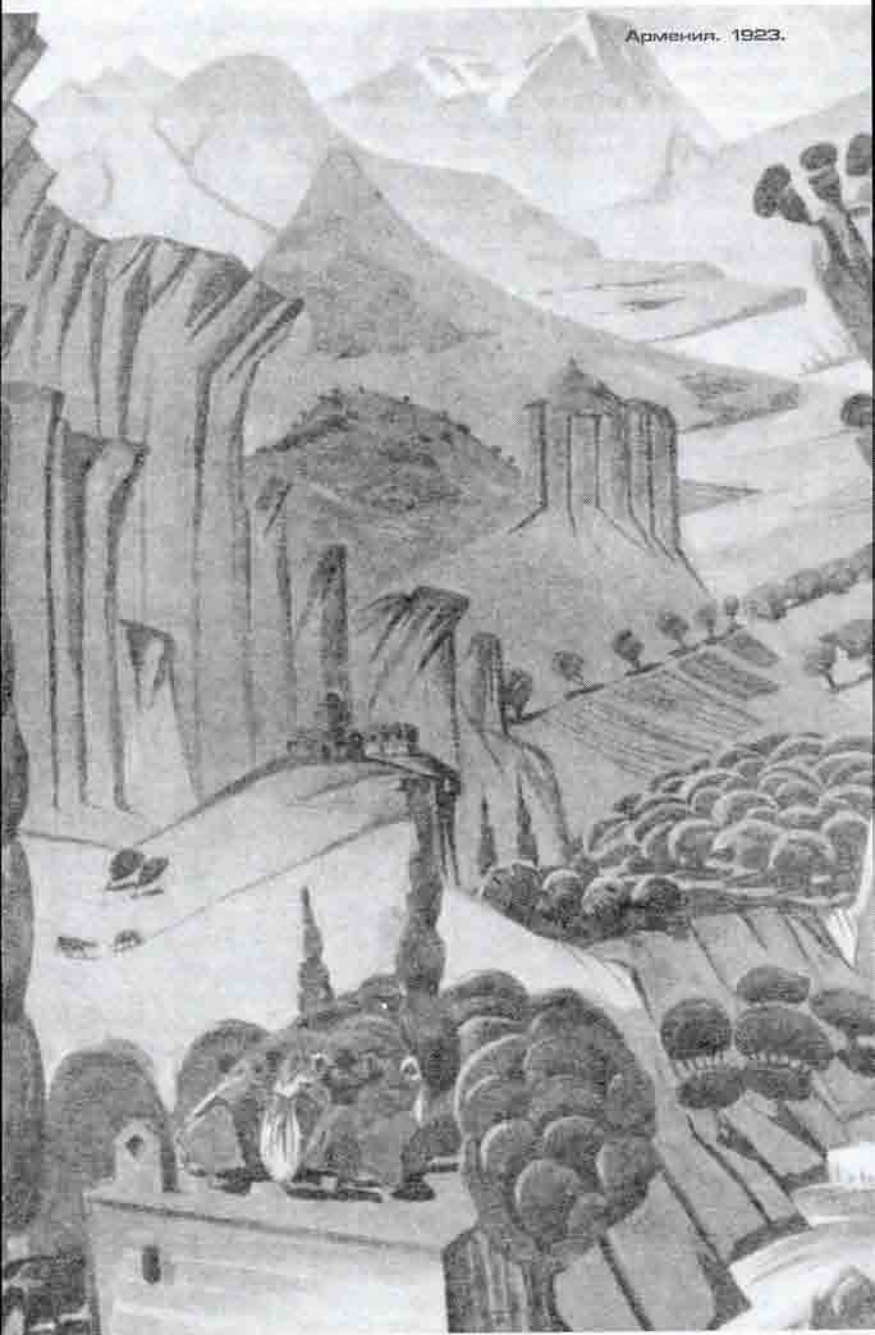
— Тут все размыто, неясно, словно писали слабые люди, но вы посмотрите на них — как на подбор физически сильные, с мускулами, художники...

Да, на той выставке художники выражались символами, обращались к детскому примитиву. Кузнецов — восточный мистик, Сапунов и Судейнин декоративны, а о Сарьяне говорили: он стоит особняком; критик Эфрос его и Крымова назвал «неореалистами». Что ж, может быть...

На самом же деле они искали новый живописный язык, таковой, чтобы сама пластика живописи несла духовное начало. Так было у Врубеля, у Борисова-Мусатова.

Какие картины выставил на той шумевшей выставке он, Сарьян? Старик прищурил глаза, вспоминая... «Чары солнца», «Сказка», «Фантазия», «Любовь. Сказка»... Там были газели, пани, ягуары, лошади, а женщины не имели лиц, стояли не двигаясь, таинственно укутанные в голубые одеяния. Он старался передать музыкальность движений и линий, гармонию природы, и оттого пантера пила воду из источника, возле которого стояла девушка. Оттого тигр и лань были рядом в том мечтаемом лесу. Природа представлялась ему как единое живое существо. На одной картине он даже символом земли сделал женщину: горные вершины, беря начало в небе, ступенчато ниспадали, принимали облик женщины, рожденной Землей («Голубая роза» много значила, Сарьян поверил тогда, что ритмом, движением линий, мазками может сказать что-то зрителю...

Армения. 1923.

Сарьян поднялся с дивана, крепко опершись о спинку стула, и взглянул в окно. — солнечный луч пробрался между деревьями и весело подмигнул ему. Ах, как хорошо! Тонкие губы тронула улыбка, в на лице отразилось удивление: как преобразилась стена, на которую упал луч! Удивление, восторг — он не потерял еще их, слава Богу!

Не было предела его восторгам, когда он впервые, в студенческие годы, увидел Кавказ, проехал по армянским селам, ему предстал Арарат, город Ани, караваны верблюдов с бубенчинами, ночевники с загорелыми лицами, молчаливые женщины, скользкие в своих черных и розовых покрывалах, их большие миндалевидные глаза... Оказалось, что удивление перед природой сильнее, чем перед произведениями искусства. С тех пор Армения стала его главным учителем, она дала ему новый живописный язык — контрастность, жесткость, яркость.

Перед ним предстал прекрасный когда-то город Ани, превращенный в изумительные руины. Казалось, они одушевлены, наделены человеческой речью. Казалось, вена проплывала над этими башнями, стенами, храмами, и бесчисленные пули и стрелы изранили исполинов, но еще беспощаднее было время...

Поездки, собственно, для того и нужны человеку, чтобы он «не занис», мог удивляться. После Кавказа Сарьяну открылся Восток — Египет, Константинополь, Иран. Это 1910–1913 годы.

В Египте увидел он, какие простые и совершенные формы может создавать народ, постигший беспредельность мира. Пирамиды, эти символы вечности, покорили его. Если Греция — страна любви, то Египет погружен в пустынную мертвенно-песчаную тишину.

Цвета Востока — синий и золотой — стали любимыми. Его потянуло к темпера, к локальным краскам, контрастам синего и желтого. Он рискованно, силуэтно закрашивал иные фигуры, искал «простые формы». Хотел реализма, но не сладкого, копированного, а древнего, как у первочеловеков.

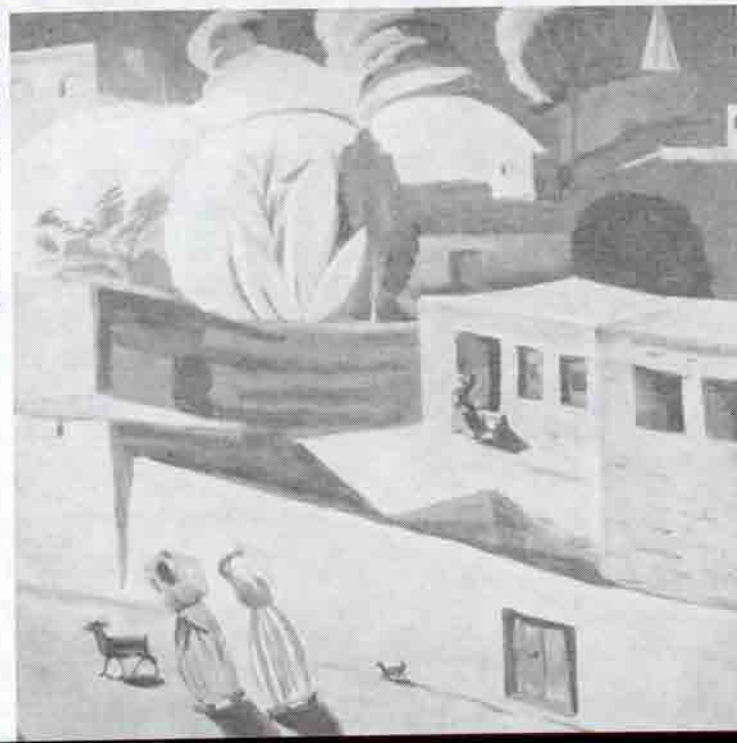
Его «Ночной пейзаж» тех лет — черные тени, синее небо и синий буйвол; «Зной. Бегущая собака» — желтая сакля, синяя тень пальмы и черная, словно аппликация, бегущая собака. Еще были «Египет. Финиковая пальма», «Лотос», «Глицинии», «Улица. Полдень. Константинополь»... И еще первый «Автопортрет», напугавший кое-кого «эксперимент»: освещенную сторону лица он сделал в золотисто-желтых тонах, а затененную — в синих с черным; за то его дразнили мазилкой и декоратором...

Упоение природой, поездками, лицезрением всего величавого мира и — как продолжение этого упоения цветом — цикл «Бунеты». Множество цветов собирал он, составлял букеты, а дома рассыпал, перебирая сочетания цветов, и писал, писал... Так же и с «Фруктами».

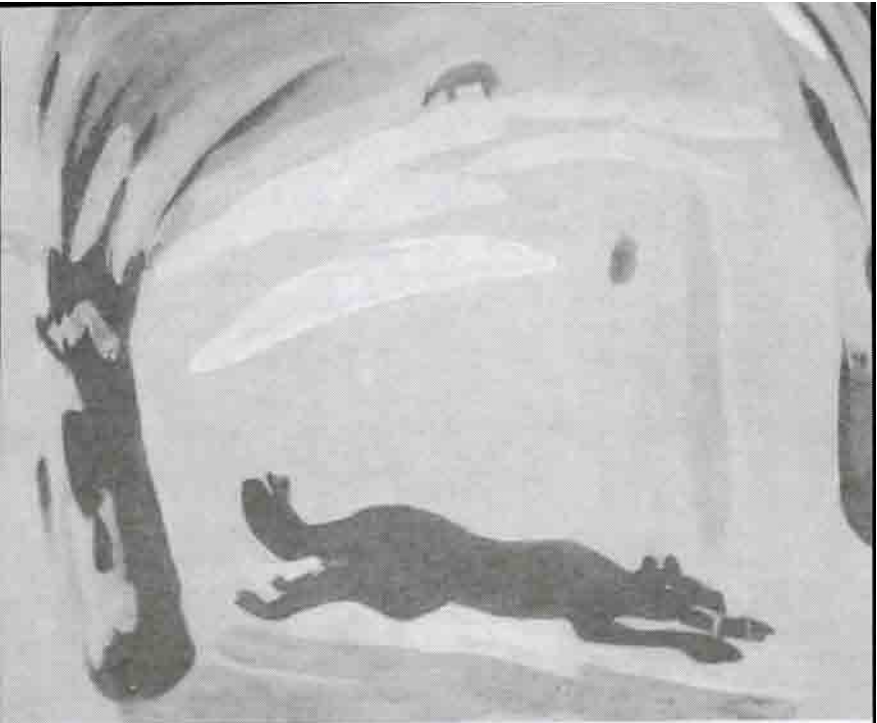
Путь к цвету указали французы, Матисс в собрании Щукина. Критики быстро сместили его с Матиссом, Сезанном, назвав «синим фовистом». Что привлекло его в Матиссе? Поиск простых форм, особого, нелитературного языка, особой выразительности, некоторая плоскостность и лаконизм. Их сближала любовь к контрастам. Сарьян упорно добивался того, чтобы было меньше деталей, — ничего лишнего!

Помнится, в тот год опубликована была на русском языке статья Матисса об искусстве. Матисс отвергал импрессионистов, которые писали по первому, мгновенному впечатлению, — его более привлекали предметы, пейзажи, подчеркивающие постоянство, характерность. О Египте Матисс писал почти то же, что думал молодой Сарьян: «Египетская статуя кажется застылой, однако в ней чувствуется тепло, способность к движению».

Зной. Бегущая собака. 1909.

Ереван. 1924.

Матисс ярк, контрастен, но он и осторожен: знает, что всякий насыщенный цвет снижает силу соседнего цвета. Сарьян стал смелым, порой даже эксцентричным в рисунке, цвете, ему тоже неинтересно было копировать предмет. Зачем писать «один к одному» яблоко? Множество копий создает сама природа, и важно показать особенное видение этого предмета самим художником, показать так, чтобы каждый мазок, каждая «нота» была в согласии, в соотношении управляемых ритмов. Долой темные, затемняющие тона и полутона, да здравствуют чистые, яркие краски!

Свет — и тень, добро — и зло, вот единственное, что должен постигнуть человек, и ему следует помогать в этом. К тому же на родине Сарьяна, в Армении, стране яркого солнца, нет полутонов, лишь светносные дни и черные, как внутри пирамид, ночи, вечера...

Мастер всю жизнь писал портреты, однако более всего, по-видимому, их сделано в 30-е, предвоенные годы. Там вся армянская элита, артисты, ученые, поэты.

Особенно прекрасен портрет жены. В одной композиции три изображения: Лусин в анфас, в профиль, с разными поворотами...

Лусин, его любимая Лусин... Сарьян задумался. Кто знает, быть может, он вспомнил путь, который прошли они с женой, двух сыновей, подаренных ей, дочь Катю. Каним покоем и верой веяло всегда от его Лусин... Он поместил их всех на картине «Моя семья»: мать с двумя сыновьями, на стене портрет Мартироса — и маска, женская маска. Это Катя. То было счастливое время. Потом не стало старшего сына. После гибели его на лице Лусин навсегда пролегли морщины.

К портретам он подбирался медленно, долго. В училище изучал анатомию, наблюдал, как «вырастает» нос, как «привинчены» уши, рисовал все отдельно и вместе, добивался анатомической точности, которая, впрочем, его не устраивала: она мешала передать настроение, — точность не есть истина. Лишь позднее, уже в 20-е годы, найдя роль маски, вплотную приблизился к портрету. Одним из лучших стал «Егизе Чаренц», поэт революции, ждавший и жандавший ее и... раздавленный ею в 1937 году. А тогда... Тогда они вместе приехали в Ереван (1923 год), и удалось в портрете передать не восторг, а недоверие, настороженность поэта...

С наждым, кого писал Сарьян (а написал он не менее 200 портретов), его связывали теплые, дружеские отношения. Подолгу порой искал позу, фон, композицию, словом, смысл портрета, вел беседы, добиваясь естественности. Какие люди прошли перед ним! Рубен Симонов, академик Таманян, композитор Хачатурян, актриса Сазандарян, Анна Ахматова, Аветик Исаанян...

Ах, Аветик! Они встретились в Венеции, в прекраснейшей из стран — сколько было радости от той встречи! Два месяца провел Мартирос в Италии, в Венеции, но не сделал ни одного, даже карандашного рисунка той замечательной страны, — пожалуй, его воспитил лишь Микеланджело. Зато когда встретились с Аветиком Исааняном — проговорили несколько часов. Исаанян потом вернулся на родину. Он был одним из немногих, кто писал о Сарьяне, как не только национальном, но и о мировом художнике, который

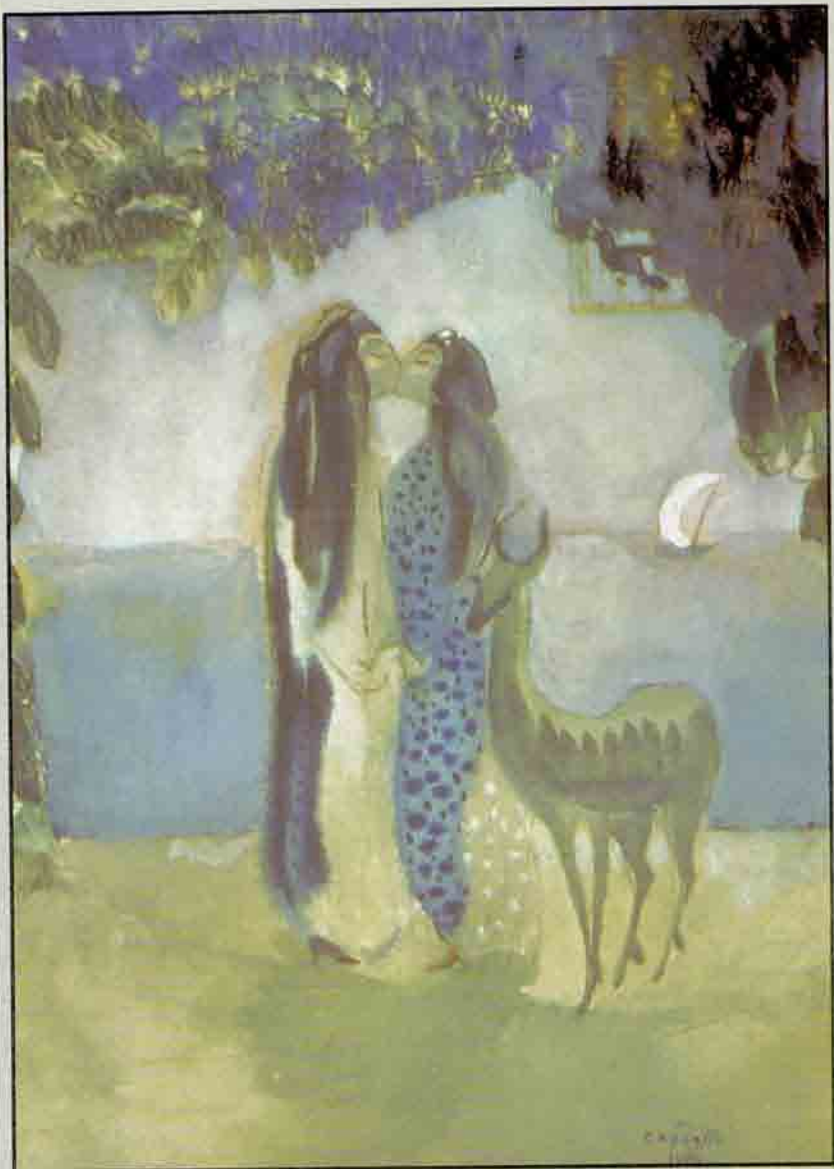
Любовь.

Потос.

У гранатового дерева.

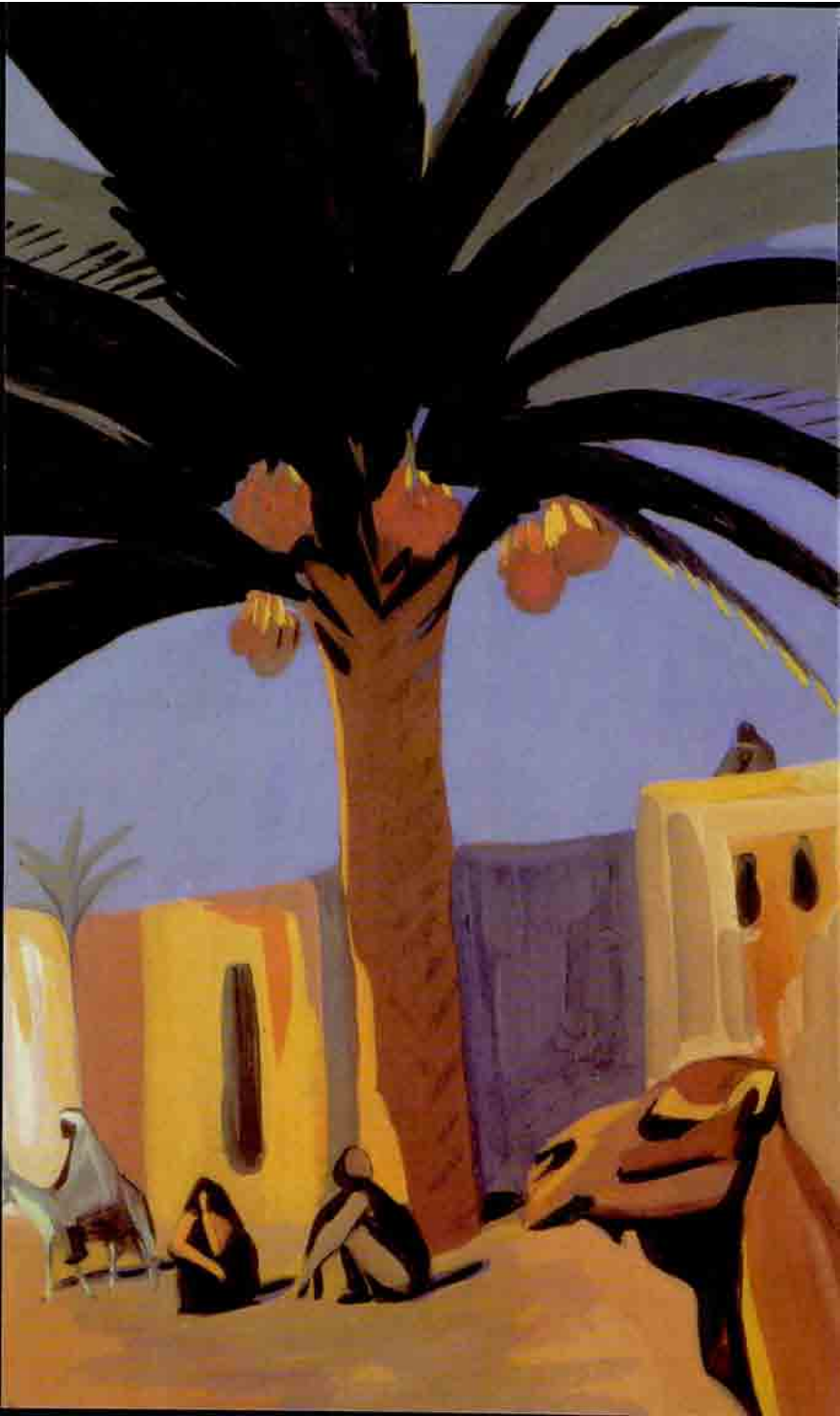
Продавец лимонада.

Финиковая пальма.

принадлежит всему миру. Да и много ли стоит национальный художник, если он не выражает всечеловеческие мысли, страдания? Да, в портрете Аветикана, кажется, удалось передать мудрость этого человека, философа и поэта, а также его недоумение перед загадкой жизни и смерти...

Занимаясь портретами, Сарьян перестал бояться черного цвета, темной краски. Более того: они нужны были в армянских лицах, особенно в прямых, открытых людях. Как, например, Таманян. Ничего не смягчая, ни усталости, ни болезненности, он подчеркнул благородный его облик. Так же необходим был черный цвет в портрете Мариэтты Шагинян, этой неунывающей женщины.

Кстати, она часто писала о его масках, ставших любимым приложением к портретам, искала их истоки.

Маски он привез из Египта, и они сопровождали его в течение всей жизни. Желал ли он с их помощью скрыть лицо портретируемого? Или лишь изменить его? Наделить новым смыслом? Маска — как ангел-хранитель, как синяя тень у Петрова-Водкина... Его упрекали в ненужности масок, мол, странный этот лик затеняет национальность: разве скажешь, что это армянин? Но разве человек любой национальности не есть прежде всего человек? Обитатель той самой планеты, на которой стоят древние пирамиды, сфинксы, древние греческие храмы? Маска как бы сохраняла историю, помогая справиться с неуловимым временем, с хаосом. время ежесекундно меняется и меняет человека, уводит от быта и дает возможность передать многообразие мира...

Он никогда не умел откликаться на «исторические события», писать «тематические картины», но в конце войны написал «Цветы», самый большой букет. Тогда радость, переполнявшая его, перелилась в эту массу цветов... Он всегда сравнивал свою палитру с цветником и хотел, чтобы все художники так же осторожно брали краски с палитры, как срывают цветы, — любя, только любя можно это делать!

Давно это было, но, собственно, что есть время? Миг, единый миг — вся жизнь... время меняет все, уносит от нас жизнь, сейчас мы уже не там, где были минуту, час назад. время — это горы, его любимые всемогущие горы, его «учителя». Он стал их писать, — и они потребовали отозваться от эксцентричных сочетаний, от жесткости. Рерих писал силуэты гор и наполнял их своей философией. Сарьяну же всегда виделась в них красота, родное, доброе начало, они напоминали ему ковры, мягкие, нарядные ковры. У них он брал свои краски в зрелые годы — краски желтые и коричневые, черные и терракотовые, нежные весной и осенью. «Горы осенью», «Со склонов Арагаца», «Долина Арарата», «Лавлар», «Бюрокан», — вон сколько их написано.

На какие хребты взбирался он в молодые годы, сколько ущелий исходил, какие виды открывались ему! Никогда не забыть озера Чалдырь. Вытянутое с севера на юг, окруженное сине-зелеными горами, с густой бамбуковой рощей, словно поднятая высоко чаша, сверкало оно прозрачной гладью... Там он услышал красивую легенду. Как-то на склоне горы забил родник. Жители опасались, что вода затопит землю, и каждый раз, взяв воду, заделывали отверстие. Но однажды в село вернулся юноша, которого считали погибшим.

Сестра его в это время набирала воду. Услышав, что брат вернулся, она схватила вешин и бросилась бежать, забыв закрыть отверстие. Тогда же жители направились к роднику, они увидели, что образовалось озеро, а село было погружено в воду. С тех пор в ясные дни можно видеть на дне озера очертания старого селения.

Сарьян снова взял в руки карандашный рисунок, свой автопортрет. Пожалуй, он и впрямь удался: паутина морщин, множество пересеченных линий и почти невидимые, но угадываемые глаза...

Кто-то говорил, что картину можно сделать двумя ударами кисти, — если бы так! Только после того, как ты во всех подробностях изучишь, раз пять-шесть напишешь предмет, только тогда он дается, и ты действительно двумя-тремя ударами кисти можешь сделать что-то толковое... Это только Творец, Бог мог сотворить мир за шесть дней, он и теперь творит свое чудо, ибо все, что мы видим, есть Бог, и мы — в Боге...

Бабушка у Мартироса была верующая, конечно, и отец, и дед тоже. В детстве сам он пел в церковном хоре, а в школьные годы учителем его был будущий католикос всех армян Георг VI. Позднее они стали друзьями, и теперь Сарьян входит в совет Эчмиадзина, духовного центра армянской церкви.

Что есть человек? Микроскопическая частица Вселенной и части ее — твоей родины. Для него, художника, армянина, христианина, природа есть часть мировоззрения, и оттого религия его народа носит пантеистический характер... Однако и вложенная в человека частица его «Я» есть тоже Вселенная... И только через человека природа осознает свое величие.

В старости человек возвращается к молодым годам. И ему вспомнилась сказка, которую он когда-то написал (любил он это, не только красками — словами описывать увиденное и мечтаемое). Воображению рисовалось услышанное в сказке.

«Есть камень белый в священной роще, на камне том белом — камень-свет. В рощу ту священную приходили люди слушать сказки земли, прислушиваясь к странному шелесту листьев, и внимали бледному свету камня. Ночью темною приходили жрицы белые и камню светлому и отдавались безумно-волшебным пляскам. Ночью темною приходили жрицы черные — они тот свет понимали. Молчали...

Для каждого человека существует красота, ему свойственная, которую он понимает, которой он живет.

Мир прекрасен.

В человеке есть все, все он может найти в себе, если найдет ключи тайн души своей.

Человек должен верить в лучшее, он не может жить без веры».

Эту сказку, так же как и «Сон», «Ящерицу», фантастическую трагедию, он написал в те далекие годы, язык его был изобретателен, витиеват, романтичен. Луна «смеялась и хохотала», «прыгала в небе и не в силах себя сдержать, скатилась вниз, Она улыбалась и подрагивала, а звезды сыпались вниз и вновь взмывали вверх»...

Свернувшие снежные горы, скалы, зеленые холмы и теснины, тающее в молочной синеве небо, пасущиеся стада, двинувшиеся по серой пыльной или каменной дороге... Когда он увидел это — ему открылось: знания, полученные в училище, бессильны отобразить увиденное, тот же Серов, с его серой жемчужной гаммой, не годился; тут требовались яркие красны, контрасты.

Природа Армении взяла его в плен, обняла, словно мать своего ребенка, — и с той поры Ереван стал его домом, а пейзажи ее — источником вдохновения.

Неужели все это кончится, и в ином мире не видеть ему этой земли?

Старость, а за нею и смерть стоят на пороге. Говорят, никто не живет так долго, как художники. И правда — Тициан, Ренуар, Релин... Сарьяну уже

90. Рядом — его палитра, закругленная доска, с множеством смешанных красок, старая, старая доска...

Ах, если бы подняться сейчас в горы и выпить чистой, стекающей с неба воды!.. Сарьян уважаем в Армении, оценен в Советском Союзе, окружен почестями, он лауреат всяческих премий, но... но в горы он уже не поднимется, и не испить ему чудодейственной воды из источника... В 1972 году его не стало...

Жизнь — чудо. Она и коротка, и длинна. Она — как остров, человек выходит из моря, идет по острову, пересекает его — и снова погружается в море...

Шут. Эскиз костюма и опере А. Спендиарова «Алмасти», 1938-39.

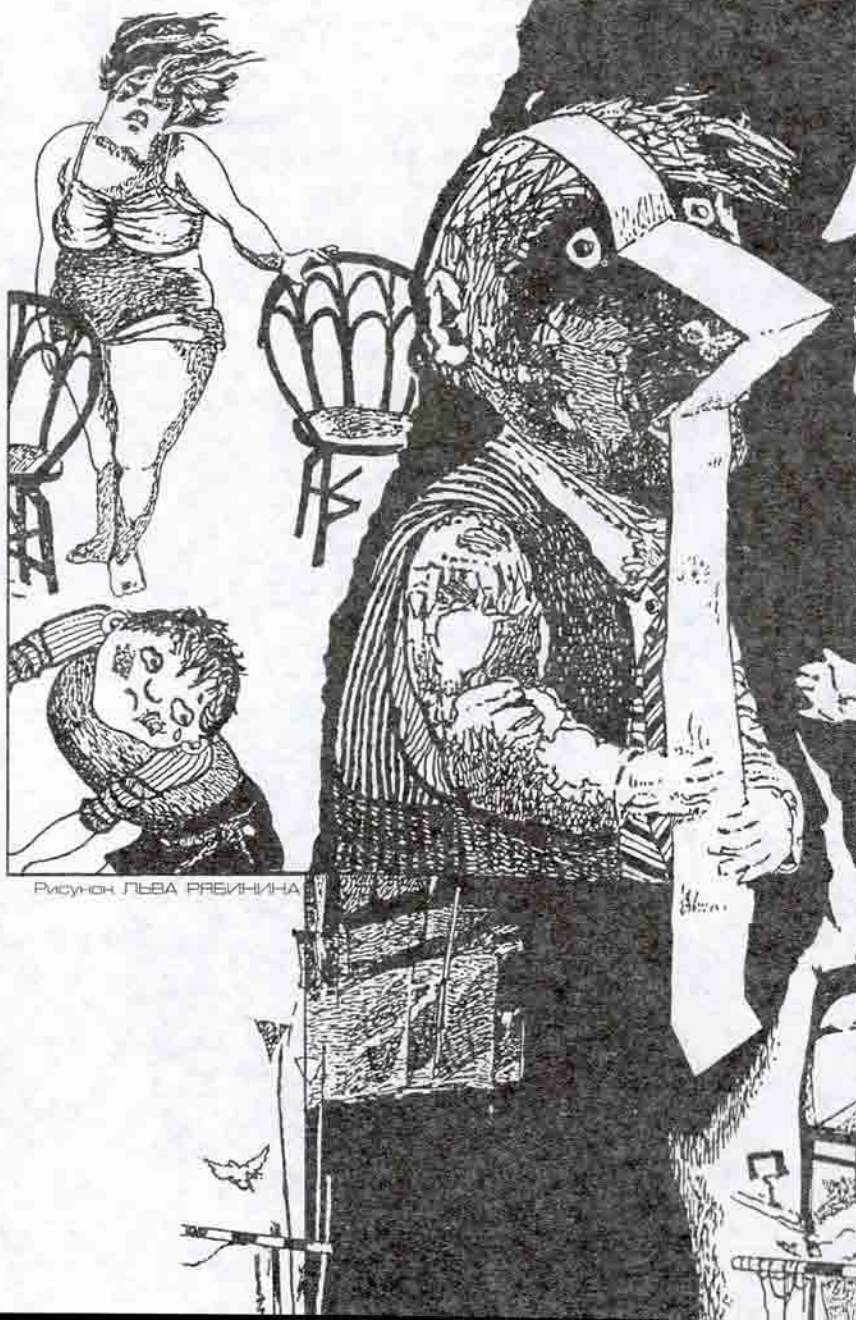

Рисунок ЛЬВА РЕБНИНА

ЛОНДОНСКИ НОКТЮРН

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлас-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки, которая и поныне загадочно именуется пятым отделом военной разведки — МИ-5, наступал истинный праздник.

Уже за неделю о событии в посольстве (а следовательно, и в имеющей уши контрразведке) становилось известно: сотрудники не уставали напоминать друг другу о грядущем профсоюзном собрании — именно профсоюзном, не иначе, ведь официально партийная ячейка в британской столице не существовала, ЦК еще с коминтерновских времен повелевал конспирироваться, опасаясь налетов на зарегистрированную в полиции ячейку, и, хо-

165

Лондонский генерал

тя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, но поднять руку на нее никто не смел; в Москве еще живы были зубы, стоявшие у истоков этой тонкой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 на Бродвей, рядом с вокзалом Виктория, проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности, живое и красочное действо через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии.

Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-энда, и потешало не только обитателей кабинета — Джорджа Листера, Джеймса Бэрри и Вивьена Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и вышить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли.

И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь отдавший жестокой борьбе с русской угрозой, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле, — присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших русских.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная тяжелую занудность советника посольства и секретаря партийной организации Переверзев, делавшего вступительное слово или целый доклад — в любом случае говорил он косноязычно, бесконечно повторяясь и, главное, долго.

Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

— Все ли мы сделали для улучшения англо-советских отношений? — риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. — Нет, товарищи, далеко не все! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (эту тему он еще пережевывал долго, не в состоянии выбраться из пучины слов).

— Ну и наглец! — хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой: он имел репутацию не только отчаянного борца с русскими, но и врага насекомых, особенно комаров, иногда посягавших на права контрразведчиков. — Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь словно тараканы», несомненно, можно отнести к самому популярному в русском отделе, возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скуности парламента, сэкономившего каждый пенс на святое дело безопасности, и о том, что штаты русского отдела за последние пять лет не претерпели никакого расширения.

— Наши бездельники из МИ-6 в Москве тоже говорят о дружбе, — отозвался Джеймс, отразив в этой короткой реплике глубин-

ные противоречия между МИ-5 и МИ-6, английской разведкой, работавшей за рубежом. — Правда, совершенно непонятно, зачем разыгрывать спектакль друг перед другом?

— Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, — пояснил Джордж.

В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что, кроме всего прочего, она недолюбливает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

— Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? — заметил Джеймс.

— Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно — ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых жучков поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами.

— А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене — кабинет тут же стал наполняться сотрудниками, появился даже сам шеф, не пожелавший сесть и оставшийся стоять у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

— Вам известно, что произошло большое несчастье, — продолжал Переверзев, — большая беда для нашего государства: по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольствами и торгпредством, в Англию завезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк», что является полной монополией французов и противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, — тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше чем с генеральным секретарем, — мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи. — Переверзев не был лишен чувства юмора и в связи с этим иронически сощурил свои подслеповатые глаза. — Партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок — одна неделя! Уверю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год. (В зале посольства и в кабинете МИ-5 раздался дружный хохот, словно наступило единение и собрались вместе и КГБ, и МИД, и МИ-5 порадоваться хорошей премьере.) Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом, здесь, на Кенсингтон Пэлас-гарденс, но даже в пригородном Кью-гарденс. Спасибо за внимание.

Зал перешептывался улыбочиво и конспиративно, словно банда преступников, повязанных одною веревкою: этот коньяк прошел через глотки и желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного, теряющего контроль после даже малой рюмки и потому не употребляющего.

Проблема уборки пустых бутылок и прочего мусора на пикниках обычно решалась женами, соблюдавшими английские правила, однако некоторые мужчины ухитрились вырваться из-под супружеского колпака, прихватить с собою пузырек и раздавить его на пару где-нибудь под вековым дубом. Естественно, формальные обстоятельства не предусматривали передвижений с пустой бутылкой на виду у жен, и от нее старались побыстрее отделаться.

Извительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками охвачен не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с олеями и гольфовыми площадками, и уж, конечно, королевский Уиндзор, куда обожали шастать русские.

— Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом со входом в нашу фирму, — попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивьен, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроуту никто не отреагировал, хотя, по чести сказать, если бы это изрек Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота.

Тем временем наступившая пауза сменилась прениями.

— Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой, — объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно-длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усы, причем, изрядно помятые, словно по ним проехал трактор.

— Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно, никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? (Последнее слово было произнесено с пафосом.) Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я — аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но дело-то не в этом: вы не на родине, где, к сожалению, бутылки разбрасывают везде, это можно понять, учитывая просторы Советского Союза. Но вы — в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от наслаждения, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась

его рука, и промокнул капельку у глаза, вырвавшуюся оттуда от хохота.

Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон выступлений колебался от мрачно-осуждающих до гнусно-ернических, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи, что вызвало бурные протесты торгпредцев и недовольство Переверзева, не желавшего, чтобы вся эта проблема в письменном виде доплыла до Москвы. Собрание продолжалось, сбившись с коньяка на менее яркие проблемы, слушатели в кабине МИ-5 поостыли, отсмеялись, кое-кто вернулся к неотложным охранительным делам, но пыла уже не было: наступал уик-энд с его загородными поездками, пивными радостями, бегом на дринки в гости, и заниматься подрывной работой проклятых русских никому не хотелось.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену и десятилетнего сына, направился на своей «Волге» в галерею Тейт.

Игорь считал своим долгом самообразовываться в древнем городе и, соответственно, приобщать к культуре жену и сына, в Тейт он любил ходить в «бесплатные» дни, хотя его раздражали тогда толпы школьников.

Галерею Тейт Игорь ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннт, Уоллес или Кен Вуд в диком парке Хемстед-хит.

Игорь обожал модерн, впрочем, и сын Витя с интересом рассматривал скульптуры Мура и даже поглаживал их рукой.

— Это динозавр? — спросил он у папы.

— Это человек, — задумчиво ответил Игорь. — Возможно, когда-то мы все станем такими. Или уже были такими. Ты еще не понимаешь, но настоящего не существует: либо оно уже прошлое, либо будущее. Ты посмотрел на Мура — и это уже в прошлом. А сейчас мы взглянем на Кита, это современный художник, поклонник Мао Дзе-Дуна и хулиган.

Витя действительно не понимал, что такое настоящее и почему его никогда нет, но спорить с папой не стал: он очень гордился этими образовательными поездками и потом хвастался ими перед ребятами, которых родители брали лишь в парки на пикники или на посольскую дачу под Гастингсом, подаренную Советам каким-то сбрендившим индусом-коммунистом, там сотрудники вырывались к морю и бурно наслаждались нелегализованной рыбалкой.

Домой возвращались молча, Игорь, впрочем, несколько раз пытался оживить атмосферу, но отвердевший подбородок Ирины говорил о том, что она обижена на Игоря и на весь модернизм.

У дома он затормозил, предупредительно открыл двери и выпустил жену и сына из машины.

— Я приеду поздно, пришел наш корабль в Тилбури, и у меня там масса дел.

У советского морского представителя в порту Тилбури имелся свой небольшой офис, приходилось постоянно метаться между морем и сушей, что отнимало много времени.

— Господи, даже в субботу работа! — проворчала Ирина.

— Я могу попроситься домой, в Москву, — заметил Игорь, зная, как раздражают супругу даже намеки на скорое возвращение домой.

— От тебя любой глупости можно ожидать, — клюнула на провокацию Ирина, которая, несмотря на негативное отношение к капиталистическому строю с его неравенством и социальными конфликтами, держалась двумя руками за теплое место в Лондоне.

Любящий муж и отец подарил супруге и сыну пару легких поцелуев и умчался по неотложным делам.

По субботам Джордж Листер, как правило, встречался со своей любовницей Барбарой. Двух интенсивных часов в постели ему вполне хватало, чтобы зарядиться на всю неделю, чего нельзя сказать о его партнерше, которая только входила во вкус.

Счастливые часы Джорджа уже истекли, и он, натянув штаны, с удовольствием прихлебнул из стаканчика со скотчем, прикидывая, что еще успеет сыграть партию-другую в гольф.

— Уже уходишь? — без особой обиды спросила Барбара, давно примирившаяся со спринтерскими качествами Джорджа (она предпочитала стайеров и марафонцев), кроме того, впереди маячило еще одно многообещающее свидание.

— Много дел, — сказал Джордж озабоченно, словно на Лондон в субботний вечер навалились все шпионы мира, и лично ему выпала честь в этот тяжкий момент оградить граждан от несчастий.

— Не забудь передать привет жене! — съязвила Барбара, хорошо изучившая все трюки Джорджа.

— Обязательно! Ей будет очень приятно услышать доброе слово от старой подруги! — Он не остался в долгу, тем более что никак не грешил против истины.

На этой веселой ноте они и расстались, нежно расцеловавшись. Джордж молодецкато сбежал вниз по лестнице и вышел в небольшой садик (как опытный конспиратор он старался не пользоваться главным подъездом: зачем зря светиться перед соседями?), где прогуливалась лишь пара с детской коляской.

Мельком взглянув на супругов, Джордж нарочито деловым шагом проследовал дальше, но вдруг остановился: лицо мужчины показалось ему чрезвычайно знакомым.

Приводя в порядок вроде бы развязавшийся шнурок на ботинке (излюбленный, хотя и избитый прием филеров), он пристальнее изучил мужчину. Пара двигалась мирно, говорила по-английски, спутница мужчины сверкала рыжей прической и изящно двигала ягодицами, а мужчина — в этом не было никакого сомнения — являл собою Игоря Воробьева, которого Джордж прекрасно знал по досье и фотографиям в профиль и анфас, более того, представитель морфлота Воробьев попадал в ту сферу, которую лично курировал Джордж.

Нечего и говорить, что прогулка русского с таинственной мамой, не проходившей по досье в качестве супруги, являлась сама по себе происшествием чрезвычайным, и сердце Джорджа бешено забилося, словно он родился не хладнокровным англичанином, а

каким-нибудь воспаленным макаронником, ноги загорелись и автоматически понесли его на Бродвей.

Шеф русского отдела Дженкинс наконец вырвался в суровом одиночестве (жена болела и лечилась во Франции) на уик-энд из Лондона в Корнуолл к своему старому другу, жившему в добротном имении на высокой горе, пропастью обрывававшейся в серое море.

После завтрака друзья съездили на джипе в живописную деревушку близ Панзанса, где когда-то во время первой мировой мучился Лоуренс, но не прославленный полковник, а плодовитый писатель и творец когда-то порнографической, а ныне вполне банальной книги «Любовник леди Чэттерлей». Писатель был женат на немке Фриде, которую все вокруг считали немецкой шпионкой, и каждый раз, когда она развешивала сушить белье, доносили в полицию, что это — условный сигнал для немцев.

Фрида приготовила великолепный ужин, состоявший из министроне и потрясающе зажаренного кролика, которого ели и под красное бургундское, и под белое, потом перешли в маленькую гостиную, откинулись в креслах, отведали порта и кофе и засели за карты, изредка поглядывая на включенный телевизор.

За этим благородным занятием и застал Питера телефонный звонок Джорджа Листера.

— Чрезвычайное происшествие, шеф, — отрывисто говорил Джордж, боясь проронить лишнее слово.

— Требуется мое немедленное возвращение?

— Не знаю, шеф, я не могу объяснить по телефону...

— Ни в коем случае! — предупредил не менее конспиративный Питер. — Намекните в общей форме...

— Это касается интересующего нас человека... неожиданно появились новые, совершенно сенсационные данные... он относится к породе медведей... конечно, дело терпит...

— Я вас понял, — ответил Дженкинс. — Белых медведей?

— Нет, черных, — пояснил Джордж. Белые медведи на контрразведывательном слэнге означали страны Восточной Европы, черные, естественно, были злобные Советы, точившие клыки на Соединенное королевство.

— В таком случае я немедленно вылетаю.

Джордж встретил шефа прямо в Хитроу на своей машине, к счастью, дорога была без «пробок», хотя навстречу тянулась вереница автомобилей с лондонцами, жаждавшими вдохнуть кислород за городом.

— Я что-то позабыл, кто такой этот Игорь Воробьев, он явно не из КГБ и не из ГРУ, мы его не разрабатывали, иначе я его помнил бы... — Память у Дженкинса была феноменальной, и он часто поражал своих подчиненных знанием таких тонкостей, как зарплата завхоза советского торгпредства, число автомобилей в агентстве ТАСС или семейная генеалогия какого-нибудь третьестепенного сотрудника КГБ.

— Вы совершенно правы. — Джордж чувствовал себя несколько неловко, вытянув шефа с заслуженного отдыха. — Мы с самого начала не проявляли к нему никакого интереса. Он работает в советском представительстве морфлота, занимается кораблями, и даже КГБ его не использует, считая инертным и малоспособным.

— Откуда вы знаете последнее? — поднял брови шеф.

— Данные прослушивания квартир. Снисходительные и даже уничижительные отзывы о нем кагэбистов. Жена заместителя резидента сказала своей подружке, что Воробьев — ни рыба, ни мясо, при этом ссылаясь на своего мужа.

На базе прослушивания квартир новый Лев Толстой смог бы создать великое драматическое произведение, в котором бурлили бы и ненависть, и любовь, и жажда подложить свинью. Особенно много пищи давали английской спецслужбе семейные скандалы, когда стороны забывали о сдержанности и бдительности и прямо резали правду-матку, вплоть до возмущения жен задержками со званиями их мужей, недостаточных зарплат и зависти к дворнику, который на самом деле полковник КГБ и сидит под такой низменной крышей лишь потому, что держит на связи целую агентуру и потому нуждается в полном невнимании английской контрразведки.

— Что еще мы знаем о нем? — продолжал допрос Дженкинс.

— Он тут шесть лет, жена у него — с тяжелым характером... помните армянку, выступавшую на партсобрании? Все хохотали. Так это она и есть!

— И это все сведения? Положение в семье?

Джордж подумал, что шеф просто не в духе: ведь все наперекосяк в семьях совколонии регистрировались в его всепомнящем мозгу, как слова национального гимна.

— Мы его не разрабатывали. Вы сами не раз говорили, что глупо разбрасывать силы на всех... надо работать приоритетно... — оправдывался Джордж.

— Вы всегда находите хорошую причину для своей бездеятельности, — шеф был жесток, как никогда. — Запомните, Джордж, что для нас не существует людей, не представляющих интерес. Даже из уборщицы можно сделать первоклассного агента, конечно, если она убирает кабинет советского посла. Даже бульдог резидента КГБ может сослужить хорошую службу, если зашить ему под шкуру чувствительные датчики... — тут шеф почувствовал, что хватил лишку и явно преувеличил возможности бульдога, при этом он вспомнил о собственном бульдоге и неизбежно представил, что русские тоже могут залезть ему под шкуру.

Слабость Дженкинса — склонность морализировать и поучать — была хорошо известна в отделе и не вызвала удивления у Джорджа.

— Так кто же его спутница? — шеф помягчел. — Может, это просто случайность?

— Сомневаюсь. У них был вид супружеской четы. Или близких друзей.

— Интересно, как вы это определяете? — хмыкнул Дженкинс. — По улыбкам, по стилю беседы, по телодвижениям во время прогулки?

— Фамилию и прочие данные я еще не установил, но она явно англичанка... — уклонился от прямого ответа Джордж.

— Где она живет?

— Бакстоун-гарденс.

— А как вы оказались в том районе?

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить почтительно-деловую маску на лице и устоять перед пронизывающим взглядом опытного волка.

— Был у приятеля... — Джордж внутренне съежился, и ему вдруг стало жаль самого себя: чего, собственно, он боится? Всему отряду известно, что с женой он живет нелегко и собирается разводиться.

— Конечно, если ваша гипотеза подтвердится, это может быть интересно, — пожевал губами Дженкинс. — Но вообще-то, Джордж, прежде чем пороть горячку и звонить мне в Корнуолл, следовало бы собрать побольше информации...

— Но... — Так он и знал, недаром сомневался, прежде чем набрать номер. Только идиоты вытаскивают начальство с отдыха, это общеизвестно. Хотя... с другой стороны, он проявил рвение, это зачтется, не сейчас — так позже.

— Надеюсь, к понедельнику вы ее соберете, у вас впереди целое воскресенье! — Дженкинс осклабился, а Джордж сделал вид, что нет большего удовольствия, чем тратить воскресенье на дела оперативные.

В это время в доме на Бакстоун-гарденс, что почти рядом с метро Эрл-корт, царил сама патриархальность: Игорь Воробьев мирно ужинал вместе с Джейн, попивая шабли и бросая нежные взоры на кровать с дитем.

Рыжеволосая, низкорослая, но с миниатюрной фигуркой мама изредка подходила к нему и любовно поправляла одеяльце.

Сам незаконный отец незаконного семейства чувствовал себя легко и раскованно. Дохончив ужин, он встал во весь свой высоченный рост, потянулся, повалился на тахту и, сбросив тапочки, положила на стул длинные ноги в тонких шерстяных носках.

— Ты не забыл, что через неделю ему будет год? — спросила Джейн.

— Разве я могу это забыть? — Он взял в руки ее ладонь и ласково прикоснулся к ней губами. — Мы это обязательно отпразднуем.

Он посмотрел на часы и заморгал глазами, уходить ему не хотелось, ни сегодня, ни несколько дней назад, никогда.

— Уже почти полночь, мне пора... — звучало, словно мольба.

— Так не хочется тебя отпускать... — она обняла его и увела в соседнюю комнату, тайно надеясь, что он останется ночевать — для любой женщины это победа над той, другой, которая напрасно ждет и, возможно, никогда не дождается.

Но Воробьев не в силах был разрубить гордиев узел, хотя жена последние годы вызывала у него только отвращение, особенно когда докучала советами о его продвижении по служебной лестнице.

— Подожди, скоро все образуется... — он прильнул к Джейн на прощание, потом подошел к кровати, улыбнулся спящему младенцу и вышел.

Тонкий захлебывающийся визг будильника разбудил Джорджа ровно в семь, обычно он минут пять медленно выходил из сна, но сейчас, словно по тревоге, сразу же начал одеваться.

— Господи, даже в воскресенье нет покоя! — простонала жена, набрасывая на голову одеяло, но Джордж уже бодренько варил себе кофе на кухне.

Вылебал залпом, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: здоровый цвет лица, мускулистые плечи, спортивная фигура,

натренированная на велосипеде и в бассейнах, вид защитника отечества, каждую минуту готового к бою. На машине быстро добрался до Бакстоун-гарденс и словно впервые с любопытством осмотрел пятиэтажный кирпичный дом с четырьмя подъездами.

Он подошел к первому подъезду и наугад нажал кнопку.

— Кто это, черт побери, трезвонит в такую рань? — прохрипел какой-то бас, и тут Джордж вспомнил, что сегодня воскресенье и все норовят понежиться в постели.

Не желая раздражать бас, он отскочил к другому подъезду, там снова нажал на кнопку.

— Хэллоу! — раздался перепуганный женский голос.

— Извините, где живет консьержка этого дома? У меня к ней дело.

— Нажмите на пятнадцатую квартиру, это мистер Хопкинс.

Мистер Хопкинс отозвался безрадостным скрипучим голосом.

— Извините, мистер Хопкинс, меня зовут Джордж Смит, у меня к вам дело, я хотел бы снять в этом доме квартиру...

Дверь зажуужала, и вскоре Джордж предстал перед неприятным толстяком с отвислыми губами и длинным склеротическим носом, которым он словно обнюхивал прищельца со всех сторон.

— У нас только двухкомнатные меблированные квартиры, — начал Хопкинс без всяких предисловий. — Это вас устраивает?

— Не совсем, — ответил Джордж. — А можно без мебели?

— В этом случае вам стоит переговорить лично с хозяином.

— Хорошо. У меня еще один вопрос, — помялся Джордж, — тут у вас в доме есть пара, у них ребенок, у нее рыжие волосы. Как ее фамилия и в каком подъезде...

— А зачем вам это нужно? — перебил его толстяк.

— Видите ли, — Джордж порылся в карманах и протянул документ, — я из Скотланд-Ярда...

— Ах вот в чем дело! — яростно отреагировал Хопкинс. — И фамилию придумал хорошую — Смит! Я сразу догадался, что вы — шпик, и какого черта вы беспокоите честных людей в воскресенье?! Да еще придумываете идиотский предлог: мол, вам квартира нужна! Да я видеть вас не желаю, не то что отвечать на ваши шпионские вопросы!

Словно ошпаренный, Джордж вылетел на улицу и задумался. Обычно к просьбам Скотланд-Ярда законопослушные англичане относились с пониманием, а тут он нарвался на какого-то обиженного. Впрочем, работа по выяснению адресов — самая трудоемкая, обычно ею занимаются филеры, имеющие своих людей среди сторожей, дворников и консьержей.

После некоторых колебаний он подошел к подъезду, где жила Барбара, нажал на кнопку и молвил елейным голосом:

— Доброе утро. Ба! Я случайно оказался в твоём районе и хотел тебя навестить.

Нельзя сказать, чтобы Джордж позвонил в самый подходящий момент: обнаженная Барбара в это время трепыхалась в страстных объятиях молодого индуса, по-видимому, давным-давно овладевшего заветами «Камасутры».

Звонок домофона разладил сыгравшийся оркестр, пришлось вскочить и, чертыхаясь, побежать к двери.

— Извини, но я принимаю ванну и сразу же уезжаю...

Барбара не скрывала раздражения (еще бы! и это в тот самый момент!), тут же повесила трубку и помчалась обратно в полыхающее ложе, где сверкала белками сухой, как выжженная пустыня, жилистый индус.

Разочарованный Джордж глубоко вздохнул, сел в машину и полетел по пустынным воскресным улицам прямо на службу, где было пусто — лишь одинокий дежурный, окруженный бумагами и телефонами, мечтательно смотрел в окно на голубое, созданное для уик-энда небо.

Пройдя в свой кабинет, Джордж отыскал досье на Воробьева, но оно, увы, содержало лишь его анкету, заполненную для получения визы, и краткую справку о его местоположении в Лондоне.

Ситуация выглядела безвыходной, и пришлось снова потревожить Барбару.

— Ты еще дома? Извини, что я тебя потревожил. Нестерпимо хотелось тебя увидеть, — говорил он таким вкрадчивым и фальшивым голосом, что самому сделалось противно.

— Так приезжай. У меня изменились планы, я буду дома.

Барбару уже покинул темпераментный индус, и именно тогда, когда счастье было так близко, а тоска еще не заполнила грудь, теперь она скучала и грустно курила, размышляя о тотальной слабости мужского рода вне зависимости от расовых признаков.

— Постараюсь. Послушай, Ба, там у тебя во дворе бродит какая-то рыжая с ребенком. Кто это? — он даже закашлялся, чтобы показать свою незаинтересованность.

— Неужели она тебе понравилась? Это Джейн, довольно наглая девка, ее сыну почти год. Раньше работала на какой-то фирме.

— А как ее фамилия?

— Никогда не интересовалась. Она шотландка и очень гордится этим.

— А муж у нее кто?

— Вот почему ты мне звонишь! Это тебе нужно для работы, а я-то думала... Все вы такие в МИ-5! — взорвалась Ба.

Последнее было ударом ниже пояса: вряд ли в мире существует контрразведка, которая так глубоко лежит на дне, как МИ-5, никто толком не знает, где она находится и кто там работает, — все рыцари плаща и кинжала функционируют под другими вывесками.

— При чем тут МИ-5? Я ведь работаю в казначействе, ты это прекрасно знаешь! — слабо вякнул Джордж.

— Ха-ха. Спроси у моей лучшей подруги! — не щадила его Барбара. — Как она себя чувствует? Ты успел с ней переспать рано утром перед тем, как она приготовила тебе овсянку? Или по воскресеньям она дрыхнет целый день?

Джордж замолчал, ему стало чуть тошно от прямых атак на собственную половину — вот она, расплата за адультер с подругой жены, вечная история, и завидуешь друзьям, снимающим запросы девочек на стороне.

— Так ты приедешь? — милостиво прервала она паузу.

— Я с работы, но постараюсь, сделаю все, что смогу. Целую тебя, милая...

Джордж облегченно повесил трубку, конечно, сведений получил он с гулькин нос, но вполне достаточно, чтобы разматывать клубок дальше — во всяком случае, утром уже не придется стоять на ковре перед шефом со спущенными штанами.

Несчастье Игоря Воробьева заключалось не только в том, что он был влюбчив (особенно везло ему на лахууд, от которых все шаркались, — на этом фоне рыженькая Джейн высилась, как Мэрилин Монро), в конце концов, это не самый страшный порок, беда была в фантастической нерешительности Игоря, органической неспособности сделать определенный шаг в ту или иную сторону, при этом, к несчастью, выглядел он, как герой а la Джек Лондон: рост высоченный, подбородок по-боксерски вперед, лицо твердое и мужественное, движения уверенные — такому человеку хотелось довериться на всю жизнь.

Сослуживцы хорошо знали слабости Игоря и никогда не доверяли ему самостоятельно вести какие-либо переговоры с иностранными фирмами — в этом случае финал не предвиделся, решения Игорь принять не мог и вечно, как буриданов осел, выбирал между двумя охапками сена.

Роман с Джейн завершился неожиданно-негаданно на приеме в английской судостроительной фирме, устроенном в честь построенного СССР торгового судна, о борт последнего супруга торгпреда традиционно расколотила бутылку шампанского.

На последующем банкете все изрядно приняли, там Игорь и познакомился с Джейн, служившей на фирме секретаршей, приобщил ее к водке и научил пить залпом, на русский манер (это тут же ввело шотландку в сладостный транс).

Затем они отправились в ночной клуб на Пикадилли, смотрели бессмысленные и шумные шоу, крупно выпили виски, танцевали и целовались, а позже как-то само собой получилось, что Игорь очутился в постели Джейн у нее на квартире.

Безумие русской страсти, подогретое водкой, полностью лишило Джейн бдительности и контроля, Игорь уехал от нее далеко за полночь.

Любовники продолжали встречаться, и вскоре Джейн порадовалась влюбленного по уши русского неожиданной (или вполне ожидаемой) беременностью и полным нежеланием делать аборт, что противоречило ее католической вере.

От шока Игорь чуть не слетел со стула, но подавил в себе заячье желание бежать от Джейн на край света и даже разыграл роль заботливого отца, деланно радуясь и покрывая ее поцелуями, — получилось глупо и неуклюже.

Джейн отличалась свободолобивым характером, навязывать себя не собиралась, несмотря на любовь к Игорю, и не сомневалась в своем счастливом будущем даже в качестве матери-одиночки. За плечами у нее была лондонская школа экономики (место секретаря было лишь временным транзитом в большой бизнес, о котором она мечтала), к тому же она еще превосходно знала литературу и даже Достоевского.

Все это умиляло Игоря, завязатого англофила, восторгавшегося английской историей, читавшего в оригинале неведомого в Рос-

сии Троллопа и глубоко почитавшего такого же загадочного субъекта, алкаша, женолюбца и остроумца доктора Самуэля Джонсона, воспетого Босвеллом.

Игорь восторгался английскими пабами, скачками в Дерби и Аскоте, полосатыми костюмами, собачьими бегами, твидом «харрис» и тонкими фланелевыми брюками, увы, протиравшимися слишком быстро, но все равно прекрасными, самыми удобными и больше рассказывающими о душе их носителя, чем анкета и даже личное дело.

Первых сведений, полученных от Барбары, вполне хватило для начала самой активной разработки загадочной пары, уже через два дня телефонный аппарат на квартире Джейн приобрел все качества «жучка», и на следующий день, с приходом на квартиру Игоря, это дало богатый, чуть сентиментальный материал, который вызывал улыбки и неподдельный интерес у девиц контрразведки, обрабатывавших подслушанное.

— Мне кажется, в другой жизни я был англичанином, — говорил он Джейн. — Я смутно ощущаю, что жил когда-то на этом острове и даже носил рыцарские доспехи.

— Возможно, ты даже убил меня...

— Как так? — удивился он.

— А вдруг я была Марией Стюарт, а ты — ее палачом?

Это прекрасно — играть в историка, это прекрасно, как детство: можно побывать и в образе Ромео, и Отелло, и Юлием Цезарем, да и у женщин хватает блестящего прошлого от Евы до Марии Антуанетты.

Потом они пили шерри и он читал на своем великолепном английском:

«Расстаться нам велит судьба. Не видно перемен. Но буду я любить всегда свою малютку Джен!»

— Почитай что-нибудь другое, я устала от Бернса... — Взрыв нежности внезапно сменился гневом: Джейн вспомнила, что, по сути дела, она живет с любовником, который славно устроился и совсем не собирается создавать новое семейное гнездо.

Она вышла в другую комнату к ребенку и вернулась мрачной, как самая дождливая лондонская ночь.

— Я не знаю, что делать, Джейн, ты должна меня понять, ты же умная. Не могу я так сразу бросить и жену, и двоих детей... — Он сразу уловил причину перемены погоды.

— Почему ты поднял эту тему? Можно подумать, что я жажду за тебя замуж!

— Но все-таки у нас Игорь! — Сына назвали в честь папы, кстати, опасное дело: говорят, есть риск, что ребенок вырастет недалеким.

— Это мой сын, и мы с тобой свободные люди.

— Но я люблю тебя! — туповато настаивал он. — Я не могу без тебя. — И он бросился целовать ее.

Пожалуй, больше всего она любила в нем эту порывистую иррациональность, когда с губ срывались бессвязные слова, а сами губы, объединившись с руками, беспокойно бродили в необузданном походе по ее телу. Она любила сопротивляться его ласкам, поднимая его градус, и потом, когда уже пот градом струился у него по

лбу, неожиданно уступать, вызывая в нем новый приступ новой страсти.

Девушки в службе подслушивания напряглись и заблестели глазами, словно смотрели грандиозный любовный фильм, правда, без изображения. Звуки порой интригуют больше, чем самые вольные позы, в звуках заключена тайна, и каждый домысливает свое, и звуки обретают плоть посильнее любой реальности.

Он быстро одевался, поглядывая на часы: было около полуночи. В минуту расставания каждый раз наступала нервозность, и все звучало фальшиво, нелепо и суетливо.

— Иди, иди, тебе пора домой, — говорила Джейн.

— Да, да, — говорил он, не двигаясь.

— Так иди же!

— Джейн, милая, все будет хорошо, мы обязательно будем все вместе: ты, я и Игорь.

— Игорь, уходи, тебе пора! — ее раздражали долгие прощания, когда он топтался у двери, не в силах решить: остаться или уйти.

Когда он ушел, она долго не могла заснуть. Приснилось что-то настолько бездарное, что даже вспоминать не захотелось.

Оперативный Джордж времени не теряя, поставил на слуховой контроль и квартиру главного героя спектакля.

В тот вечер стены сотрясались от ссоры Ирины с сыном, принесшим много двоек в конце четверти, слушать же это было скучно, но, к счастью, после полуночи появился глава семейства, и началась новый, более драматический акт.

— Где ты был?! — это рассвирепевшая Ирина.

— Я же тебе говорил, что в Тилбури сейчас зашло много наших судов... что с тобою, Ирочка? — Он попытался обнять ее, забыв, что взбешенных тигриц опасно трогать даже за хвост.

— Почти каждый день ты приезжаешь за полночь! Посмотри на свои губы, — она подтолкнула его к зеркалу. — От тебя пахнет... воняет чужой бабой!

Игорь слабо представлял разницу между запахами бабы своей и бабы чужой, тем более что он любил пользоваться хорошим одеколоном, однако натиск его напугал.

— Ты с ума сошла! Клянусь, что я был на работе... — Не оправдывайся, не обращай внимания, нашептывал внутренний голос, преврати все в шутку, не реагируй, это только заводит.

— Врешь! — Она уже вошла в истерику, и скомканный кустикусов под носом дергался, словно рвался в бой. — Врешь! — И в него полетел подсвечник с унылой желтой свечой, он просвистел мимо его уха и угодила прямо в китайскую вазу — она картинно взорвалась, осыпав осколками персидский ковер.

Промах и звуки сражения еще больше распалили Ирину — закатив глаза, она схватила большое (и недорогое) блюдо и с силой шмякнула им об пол.

— Ты вообще предатель! — орала она. — Ты и в партийной жизни не участвуешь потому, что пресмыкаешься перед англичанами! Думаешь, если приоделся в полосатый костюм, то стал похож на джентльмена? Как был деревней, так и остался, вместе со своими забуревшими родителями...

— Ради Бога, не трогай моих родителей...

— Однажды я плюну на все и расскажу на партбюро всю правду о тебе! И о твоих восторгах по поводу английской демократии, и о том, что ты читаешь Солженицына!

— Я же читаю его в английских газетах, у меня нет его книг, — он не на шутку перепугался. — Ирочка, успокойся, что ты говоришь?

— Уходи! — закричала она. — Я не могу жить с тобой под одной крышей!

И ушла в другую комнату, всхлипывая и путаясь в халате.

Игорь капнул скотча в стакан с водой, но пить не стал. Ночь давила угрожающе, ночь подкатилась клубком к горлу, и он тихо, неумело заплакал.

На следующий день МИ-5 тоже не избежал бескровной драмы.

— Ну и дела! — говорил Питер Дженкинс, сжигая грозным взором Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, затаившихся, словно перепуганные хорьки, на своих стульях. — Что же это происходит?! Русский не просто живет с шотландкой, но и имеет от нее сына, причем названного в его честь Игорем, причем этот русский — англофил и диссидент, а мы лишь хлопаем ушами и ничего об этом не знаем!

Дженкинс сделал паузу, остальные тоже траурно молчали. Промашка, конечно, вышла большая, все само шло в руки, а служба — словно уже набрела пачки русских и больше в них не нуждалась.

— Русских тут, как сельдей в бочке, если бы нам увеличили штаты... к тому же он не связан с КГБ... — слабо пикнул Джордж, разорвав тишину и введя шефа своей репликой в суровый гнев, который тот попытался укрыть за раскуриванием трубки, мигом объявшей весь кабинет сизым дымом.

— Хватит оправданий! — продолжал шеф в таком же боевом духе. — Перед нашим носом сидит готовый агент, а мы об этом даже не подозреваем. И это при том, что у нас сейчас нет хорошей русской агентуры...

— А Климкин? — вмешался доселе молчавший Барри.

— Что Климкин? — возмутился шеф. — Думаете, если завербовали шофера советского посла, то уже решили все проблемы? Ваш Климкин, кстати, полная тупица, к тому же он даже не может толком уяснить, о чем посол беседует в машине, а что касается его информации о тех, с кем встречается посол, то мы это и так знаем от службы слежки. Я уверен, что Климкин — подстава КГБ! — И Дженкинс растянул губы в усмешке.

Все грустно смотрели куда-то вниз, на ножки начальственного стола, словно провинившиеся дети. Если уж Климкин подстава, то где же тогда честные люди? И вообще, с каких это пор КГБ научилось делать подставы?

По подставам англичане считали мастерами себя и только себя, и действительно, контрразведка ловко подсовывала резидентуре КГБ своих людей: одни вызывались шпионить добровольно, приходили в посольство и даже предлагали секретные документы, других служба засекала и перевербовывала, и они верно служили, ориентируя о направлениях интереса советской разведки.

В любом случае МИ-5 демонстрировала завидную выдержку, и в КГБ ходили легенды об одной английской подставе, которой раз

десять поручали изымать контейнеры из тайников, и ни одного разу контейнер не был вскрыт, что вроде бы доказывало честность подставы. На самом деле все это было полной ерундой — просто англичане понимали, что их человека проверяют, и не попадались на крючок.

— Что будем делать? — чуть успокоился шеф.

— По-видимому, надо продолжать изучение этого типа... Техника, которую мы недавно поставили у него дома, дает неплохие результаты... — осторожно заметил Джордж, боясь напороться на очередную мину.

— Тише едешь, дальше будешь? — язвительно отреагировал шеф. — И так еще несколько лет. А что, собственно, еще мы должны знать о нем? Разве всего того, что мы знаем, мало для его вербовки? Или вы полагаете, что он побежит в посольство и признается, что имеет на стороне ребенка? Его надо немедленно вербовать — и в подтверждение своих слов Дженкинс стукнул трубкой о стол — пепел фейерверком осыпался на драгоценные бумаги. Прилежные контрразведчики встали и скромно покинули начальственный кабинет.

Ранним воскресным утром по аллеям Ричмонд-парка двигалась симпатичная пара: преисполненный достоинства седовласый джентльмен с сумкой, из которой торчали клюшки для гольфа, одет он был в клетчатый пиджак и никкербокеры, большую и, по-видимому, умную голову покрывала тоже клетчатая кепка. Джентльмен ласково поглядывал на молодого человека, вероятнее всего, сына, в пуловере и джинсах и изредка указывал рукой на лауны, где уже суетились игроки.

Впрочем, разговор между резидентом КГБ в Лондоне Олегом Тениным и Вивьеном Колином, завербованным КГБ еще три года назад в университете и внедренным в МИ-5, выходил за рамки спортивной дискуссии, хотя со стороны выглядел именно таким образом.

— Очень интересная информация! — говорил Тенин, осматривая клюшку так внимательно, будто тотчас же собирался ухнуть ею по шару. — И что Дженкинс собирается делать с этим Воробьевым?

— Он намерен его вербовать, не откладывая дела в долгий ящик. Вы же знаете, что мой шеф не любит тянуть резину и весьма оперативен. — Вивьен относился к Дженкинсу с почтением, что не мешало ему по мере возможностей очищать отдел от секретов.

— Позтому и попадает все время в задницу. — заметил Тенин, и они весело посмотрели друг другу в глаза, любящий папаша и вечно благодарный ему сынок. — Не будем затягивать встречу, конспирация прежде всего. Спасибо за документы.

Он широко улыбнулся самой широкой и доброй в мире русской улыбкой, Вивьен отошел в сторону, чуть-чуть, осторожноенько шевельнув пальцами в прощальном приветстве.

Прибыв в посольство, взбудораженный Тенин походил по кабинету, проигрывая все самые гениальные решения, но самого гениального, по-видимому, не нашел и приказал вызвать к себе офицера безопасности Червоненко.

Последний перешел на оперативную работу в КГБ из какого-то хозяйственного подразделения, точнее, его перешли, а еще точ-

нее, устроили, большого опыта он не накопил, однако умел смотреть в рот начальству и есть его глазами.

Чернобровый кудрявый красавец уже через минуту влетел в кабинет резидента и застыл во всей своей красе, интуитивно предчувствуя бурю.

— Садитесь! — резко сказал Тенин, словно приглашал присесть на электрический стул.

— Спасибо, я постою, — мягко ответил хитрый Червоненко, уже не раз опробовавший этот гениальный прием на начальстве: разве не вызывает жалости беззащитный, стоящий навтыжку человек? Разве, глядя на него, хочется сказать грубое слово?

— Что вы думаете о Воробьеве? — начал Тенин без всяких вступлений.

— Как вам сказать... — Червоненко стал крутить и выигрывать время, дабы уловить отношение шефа к затронутой личности. — Человек он непростой... сразу его понять трудно, с одной стороны, вроде бы...

— Что вы телитесь, как корова?

Дальше следовал хороший залп трехэтажного мата. Червоненко даже слегка покачнулся и вспомнил, как неделю назад, после мощного разноса, он помогал вытаскивать из этого кабинета заместителя резидента, у которого случился сердечный припадок.

— Что конкретно?! — рокотал Тенин.

— Работает он хорошо, никаких компроматов на него не поступало, ведет общественную работу, — от волнения стройный красавец начал заикаться.

— Ситуация в семье?

— Дружная советская семья, жена, как вам известно, председатель женсовета и член партбюро, у них двое детей...

Червоненко попытался еще поднабрать немного деталей из жизни Воробьева, но вспомнить ничего не смог, наоборот, в голову навязчиво ломилась Дуся Сидельникова, машинистка посольства, которую он недавно случайно засек в пабе за стойкой, беседующей с неизвестным типом. Дуся потом утверждала, что всего лишь пила кока-колу, а тип сам заговорил и даже предложил выпить. Ну, а если это легенда и Дуся — английский агент? Что бы еще припомнить о Воробьеве, черт побери? — тужился он. Но Дуся влезла опять со своими проблемами, офицер безопасности даже покраснел, словно она сидела обнаженная у него на плече, не стыдясь резидента.

— А что вы скажете, — прервал его резидент, — если узнаете, что он трахает англичанку и имеет от нее ребенка?

— Девочку? — неожиданно для самого себя спросил офицер безопасности и от нахлынувшей слабости опустился на стул.

— Козла! — заорал Тенин. — Значит так: вызовите его в посольство, допросите и посадите в подвал под хорошей охраной.

— А что потом? — сумел выдавить из себя Червоненко, в мгновение ока превратившийся из чернобрового красавца в трясущееся желе.

— Дальше выведем его на самолете в Москву! — резидент смотрел на офицера безопасности с нескрываемым презрением, он терпеть не мог слабаков в славных органах. — А теперь идите! Только придержите штаны.

— Зачем? — не понял Червоненко.

— Чтобы не капало на пол, — хмуро улыбнулся шеф, и Червоненко вышел, думая о том, что он обязательно соберет самые страшные компроматы на Олега Тенина, его давно волновала предрасположенность резидента к хорошим ресторанам, где он порою встречался с высокопоставленными англичанами.

Это не составляло секрета: Тенин любил обсуждать с подчиненными кушанья и марки вин, а после хорошего ланча закуривал сигару и надолго забирался в сортир, единственный в резидентуре; сигарный запах вместе с прочими амбре быстро распространяется по небольшому помещению, где скромно располагалась мощная организация, наиболее смелые сотрудники перемигивались, а некоторым приходилось спускаться по нужде этажом ниже.

Червоненко на высокой скорости пролетел в свой кабинет и там, отдышавшись, крепко задумался над операцией по заманиванию Воробьева в посольство.

Предвкушая предстоящее счастье, Игорь ехал на randevу к Джейн, запасшись огромным игрушечным медвежонком для сына и изящным букетом хризантем для его мамы. «Отцвели уж давно хризантемы в саду...» — мурлыкал он под нос.

Настроен он был радостно и беспечно, лондонская погода разгулялась, солнце слепило глаза, водители с особой учтивостью уступали друг другу дорогу и тормозили перед «зебрами», улыбаясь переходящим дамам и поощрительно помахивая им рукою.

Ему и в голову не приходило, что в этот солнечный день тучи сгустились только над ним: сзади, впереди и даже в боковых параллельных улицах следовало несколько машин слежки, ведущих закодированные переговоры по радио и контролировавших каждое движение объекта.

Машины поддерживали связь и с оперативной группой во главе с Джорджем Листером (в ней были и Барри, и Колин), обложившей Бакстоун-гарденс со всех сторон, все участники ответственной операции были переодеты в униформу контролеров — самой страшной породы лондонской транспортной полиции, неуклонно налагающей дикие штрафы за неправильную парковку или превышение времени по счетчику.

Джордж чуть раньше въехал во двор дома, дабы подготовиться к прыжку. Тут, как назло, из своего подъезда выпорхнула разодетая Барбара, наметанный глаз которой тут же заметил Джорджа Листера в дурацкой униформе. Она помахала ему ручкой, но он сделал вид, что не заметил своей возлюбленной, и отвернулся к коллегам (даже низ живота сковал лед: вдруг эта сука подойдет и заведет фривольный разговор?).

Барбара ушла прочь с твердым решением никогда его больше не видеть.

Воробьев благополучно въехал во двор дома своей возлюбленной, аккуратно запарковал свою «Волгу», взял в обе руки подарки и направился к подъезду — тут они к нему и подкатились.

Солировал Джордж, стараясь выглядеть добродушнее и раскованней, чем он был на самом деле — это у него получалось неплохо, придавая всей сцене оттенок макбетовской зловещности.

— Добрый день, господин Воробьев! Чудесная погода, правда? К сожалению, вы запарковали машину в запрещенном месте... не могли бы вы пройти в мою машину, где я выпишу вам квитанцию на штраф?..

Лучшие вербовочные беседы напоминают бессвязное мычание, в котором смешалось все, смысл их не в логике, а в ошеломляющем эффекте на вербуемого.

— Откуда вы знаете мою фамилию? — перепугался Игорь (Джордж и впрямь зря с ходу это ляпнул, откуда это вдруг транспортный контролер знает фамилию нарушителя?).

— Вы часто оставляете тут машину, и мы были вынуждены навести справки...

— Кто вы такие? — уже в ужасе спросил Игорь, глядя на сумрачные фигуры, словно вырвавшиеся из самых душераздирающих шпионских триллеров.

— Разве вы не видите, что мы — контролеры? — непринужденно ответил Джордж, улыбаясь во весь рот и этим еще больше пугая Игоря. — Не волнуйтесь, все это займет не больше минуты. — Джордж ласково взял Игоря под руку и легко повел его к машине.

Воробьев, еще не осознавший происходящего, покорно проследовал за ним на заднее сиденье, где уже поджидал, как было задумано по сценарию, Вивьен Колин.

Таким образом бедный русский оказался между ним и подсевшим с другого бока Джорджем. Почувствовав себя сдавленным в узком пространстве, Игорь от страха лишился дара речи, что было воспринято Джорджем, как молчаливое согласие или, по крайней мере, как желание выслушать. Машина двинулась, и это окончательно доконало Игоря, тем более что он увидел и остальные машины, в которые погрузились славные контролеры.

Джордж обратил и даже приблизил свой лик к Воробьеву, что, по его мнению, должно было усилить эффект беседы, и деловито начал, не замечая полубморочного состояния своего соседа.

— Господин Воробьев, я не буду тянуть время и сразу приступлю к делу, — машина уже выползла из Бакстоун-гарденс и резво летела по Кромвелл-роуд, — все очень просто: мы знаем все о Джейн, о вас и о вашем маленьком Игоре.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: Игорь, неожиданно обнаружив в себе львиную энергию, попытался вырваться из кольца, навалился на хрупкого Вивьена Колина и нажал ручку двери — в результате Вивьен на полном ходу вывалился из машины прямо на дорогу, перепуганный водитель запоздало затормозил и опять не во время: Игорь выскочил из автомобиля и во всю прыть помчался по Кромвелл-роуд, не обращая внимания на гудевшие машины.

Пораженный Джордж приказал было водителю следовать за ним, но последний указал пальцем на распростертого Колина, вокруг которого уже собралась толпа, и машине пришлось вернуться к товарищу, выполняя святой ритуал подбора раненых на поле брани.

Колин отделался вывихом ноги и ушибами. Он слабо постанывал и поливал убежавшего русского и мерзкую страну, его породившую, самыми последними словами (если бы эти выражения ус-

лышал Тенин, он тут же усомнился бы в преданности агента Советам).

Колина погрузили в машину, дав указание остальной бригаде проконтролировать Воробьева у дома, куда он наверняка направит стопы.

Игорь появился в таком расхристанном виде, что Ирина захлопотала, как наседка над яйцами, забыла о всех своих претензиях, помогла ему раздеться, покрывая утешительными поцелуями (он давился от слез и никак не мог прийти в себя), отвела в ванную и нежно вымыла под душем с помощью губки.

Все эти трогательные манипуляции создали атмосферу любви и неожиданно для обоих переросли в ванный секс. Впрочем, в свете форсмажорных обстоятельств вербовки все это было объяснимо.

Именно в этот феерический момент в гостиной затрезвонил телефон, и твердый мужской голос сказал подлетевшей хозяйке дома:

— Ирина Ашотовна, это дежурный по посольству Архипов. Можно к телефону вашего мужа?

— Он в ванной, — не погрешила против истины Ирина.

— Тут приехала делегация из Москвы, в которой есть сослуживцы Игоря Львовича, посол через час дает в их честь ужин и очень просит вашего мужа на нем поприсутствовать. Обязательно!

Личное приглашение посла вызвало суматоху в семье — такого не бывало ни разу, и Ирина тут же объяснила внезапное расположение отца колонии своим недавним выступлением на партсобрании, когда она тонко обозначила в своей речи мудрость руководства посольства.

Игорь был извлечен из ванной, вытерт огромным полотенцем, на котором чернели контуры знаменитого Тауэра, усеянного свирепыми воронами, побрит электробритвой (он так ослабел, что руки его тряслись) и облит одеколоном «Олд спайс», потребляемым лишь в особо торжественных случаях.

— Пожалуйста, не надевай костюм в полоску, надень что-нибудь синее или черное — посмотри на членов политбюро: там нет полосатых, и все в шляпах. И надень темно-красный галстук — так будет патриотичнее и к тому же очень в тон! — умоляла Ирина, суетясь вокруг Игоря, как портной на примерке. — Возможно, тебе предложат повышение... я этого не исключаю... — В суматохе она даже забыла спросить, а что все-таки произошло с Игорем.

Она еще раз с удовольствием оглядела его на прощание: вызов на ужин к самому послу восстановил силы Воробьева, и он выглядел, как принц накануне коронации, хотя на душе было тошно и перед глазами маячили странные люди в униформе. Он бодро прыгнул в автомобиль и на прощанье махнул рукой.

Незадачливого Игоря Львовича взяли под белые руки прямо в фойе посольского здания, огрели для порядка по голове и отвели в подвальное помещение с кондиционером, но, естественно, без окон. Первый допрос по всем чекистским канонам проводил офицер безопасности, который для пущей важности (и по глупости) положил рядом с собой пистолет, допрашивал он грубо, стараясь ин-

тонациями подражать резиденту, и делал это совершенно напрасно: Игорь тут же раскололся по всем пунктам, однако категорически отрицал сотрудничество с английской контразведкой и гнусный замысел навсегда остаться в бывшей мастерской мира.

Тогда по приказу Червоненко Воробьева перевали в посольский гараж и допросили по жестче, посветив фарами в лицо, — офицер безопасности совсем недавно видел такой допрос в фильме о привидениях. Однако эта экзекуция не сломила грешника, и новых признаний он не сделал, несмотря на то, что Червоненко пригрозил ему страшными пытками.

Ему и впрямь захотелось привязать эту сволочь к стулу и загнать ей под ногти пару иголок, однако он вспомнил, что сталинские методы давно осуждены партией, строившей самое человеческое в истории человечества общество, и даже застыдился своей жестокости.

Когда офицер безопасности доложил, сияя, об итогах своей плодотворной работы резиденту, последний не расплылся в поздравлениях и холодно заметил:

— Нам следует принять меры, иначе эти англичашки сядут нам на шею. Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно вербовали наших граждан. Доложите все это делу послу, пусть он сообщит в Москву и предложит ответные меры.

Тенин, конечно, мог бы и сам согласовать этот вопрос с послом, более того, это было его прямой обязанностью как шефа КГБ в Лондоне, однако посла он на дух не выносил, считал иностранным агентом, копал под него и давно бы сшиб с должности, если бы посол не пользовался поддержкой помощника Генерального секретаря, своего школьного кореша.

Посол отвечал резиденту взаимностью, но побаивался его, ибо еще в начале карьеры потерял секретный документ, был изгнан из МИДа и чуть не угодил в тюрьму. Так что компроматов на него у КГБ было достаточно, и вообще посол исходил из того, что главная задача резидента — это следить за ним, за послом, более важных дел у КГБ быть не может...

Вскоре, после бурных согласований с МИДОм, всегда носившимся с англо-советской дружбой, как с писаной торбой, посол, очень важный и очень лысый человек с маленьким круглым значком с великим Лениным, привинченным к лацкану темного пиджака, торжественно проехал на своей «Чайке» от Кенсингтон Пэлас-гарденс до Даунинг стрит и поднялся к министру, своему давнему знакомцу, с которым счастливо приятельствовал еще тогда, когда тот был в оппозиции. Посол очень гордился этим и в Москве часто подчеркивал, что министра он знал чуть ли не с пеленок и прозорливо разглядел в нем будущую ключевую фигуру.

Именно по этой причине вся эта миссия не доставляла послу ничего, кроме огорчения и раздражения: и все из-за этого проклятого КГБ! На хрена вообще нужна разведка, если он, посол, прекрасно информирует правительство? Сидят в посольстве эти шибздики и мутят воду, портя отношения с Англией, выстроенные им, послом, с таким трудом!

Но приказ МИДа требовал строгого выполнения, посол напустил на себя побольше строгости, торжественности и невыносимой

печали и в таком облике вплыл в приемную и предстал пред удивленными глазами своего друга.

Пораженный министр попытался сломить лед, предложив гостеприимно стаканчик виски, однако посол даже не удостоил его улыбкой, деловито достал из папки бумагу и холодно зачитал:

«Посольство Советского Союза в Англии свидетельствует свое уважение и считает необходимым заявить, что в отношении сотрудника советского морского представительства Игоря Воробьева английской контрразведкой совершены провокационные действия, наносящие ущерб англо-советским отношениям».

Министр слушал молча, перебирая четки своими худыми длинными пальцами (он вырос в Индии в семье колониального полковника), никак не обнаруживая своей реакции, однако после зачитывания меморандума сухо заметил:

— Мы, конечно, тщательно разберемся с этим делом и дадим вам официальный ответ, однако я уже сразу могу сказать, что в Соединенном Королевстве не существует контрразведки, упомянутой в вашей ноте.

Посол чертыхнулся про себя: опять этот КГБ наломал дров! Ведь это именно они составляли текст меморандума в Москве! Как это он не обратил внимания на этот нюанс? Ведь он не раз читал в английской прессе о том, что и разведка, и контрразведка прикрыты отделами в министерстве обороны, потому официально они и называются МИ-5 и МИ-6, всего лишь военная разведка.

А несуществующая контрразведка и весь ее русский отдел стояли тем временем на ушах.

186
Перед Питером Дженкинсом сидели Джордж Листер и Джеймс Барри, всех джентльменов отличал здоровый красный цвет лица, трубка в зубах Питера превратилась в огнедышащий паровоз, хотя он старался сдерживать себя и не показывать гнева, зная, что в минуты кризиса всегда полезно быть хладнокровным.

— Очень печально, джентльмены, — говорил Дженкинс, — как же все это произошло?

— Мы совершенно не ожидали, что он окажется таким сильным. Он выбросил из машины Вивьена, тот сломал два ребра и сейчас лежит в больнице...

В это время зазвонил телефон, соединявший Дженкинса с самым главным шефом.

— Вы один, Питер?

— Да, сэр, — Дженкинс многозначительно посмотрел на своих подчиненных, давая понять, как безгранично он им доверяет.

— Что вы там сделали с каким-то моряком? Мне только что звонил министр иностранных дел, русские пришли к нему с нотой протеста.

— Не понимаю, — отвечал находчивый Дженкинс. — Мы действительно имели с ним деловой контакт под хорошей легендой! Но после этого молодчики из КГБ нагло заманили его в посольство и посадили в катажку. Мы об этом узнали благодаря подслушиванию. Сейчас я расследую все это дело.

— Я не хочу вдаваться в детали, Питер, — сказал шеф, хорошо знавший умение Дженкинса преподносить события в выгодном

для себя свете, — однако я предпочитаю, чтобы ноты протеста вручали мы. Подумайте об этом. Пока.

И шеф положил трубку. Дженкинс помолчал, переживая удар.

Оплеуху он получил звонкую, и вообще весь оборот, который приняло дело Воробьева, явился для него неожиданным и, главное, непредсказуемым. Ведь все на первый взгляд выглядело просто и не сулило никаких неприятностей, впрочем, в жизни и так никогда не знаешь, с какой крыши свалится на голову кирпич.

— Они попытаются вывезти его в Москву, — нарушил паузу Джордж.

— Этого мы не можем допустить! — твердо сказал Дженкинс. — Конечно, мы не имеем права нарушить экстерриториальность посольства, но уже за воротами хозяева мы, а не эти сукины сыны!

— Они сделают это тайно, — вмешался Барри. — Помните, когда в прошлом году один скрипач Большого театра попросил убежища, они обкрутили его бинтами и вывезли самолетом «Аэрофлота» как тяжелобольного?

— Надо усилить контроль за посольством, и в Хитроу следить за их каждым шагом и все проверять. Даже дипломатический багаж! Кстати, как вы думаете, что явилось причиной столь скоропалительных действий русских? Откуда они могли узнать, что мы планируем вербовку Воробьева?

— Я тоже об этом думал, — сказал Джордж. — Но, к сожалению, наши «жучки» не стоят там, где его допрашивают. Мне кажется, они давно засекли его встречи с Джейн, и то, что его арестовали в день контакта с нами, — просто печальное совпадение.

— Дай Бог, если это не «крот» в наших рядах, — хмуро отозвался Дженкинс.

— А после допроса он все им выложил и, конечно, стусил краски, представив все как провокацию. Впрочем, я готов сесть на «детектор лжи», вдруг «крот» — это я.

— Я ценю ваше чувство юмора, — заметил Дженкинс, — но дело слишком серьезно для шуток, — и он улыбнулся, дав понять, что сам еще не потерял чувства юмора.

Впрочем, к проблеме «котов» в английских спецслужбах относились очень серьезно. Все началось, когда в пятидесятые вскрыли кембриджскую пятерку дипломатов Маклина и Берджесса, второго человека в МИ-6 Кима Филби, крупного чиновника шифровальной службы в Челтенхеме Кернкросса и приятеля Дженкинса (к счастью, не слишком близкого, поэтому и удалось отмотаться), сотрудника МИ-5 Энтони Бланта. От перебежчиков КГБ доходили слухи, что это только верхушка большого айсберга и Советы еще с тридцатых годов насовали своих «котов» во все закоулки истэб-лишмента.

Центральное разведывательное управление, при котором как офицер связи с английской разведкой работал Ким Филби, пришло в ужас и дало понять, что отныне оно не склонно делиться секретами.

«Кроты» пугали, на «котов» намекала пресса, «кроты» снились в тяжелых снах, на «кротах» чуть не поехала крыша у шефа контрразведывательного отдела ЦРУ Джека Энгтона, умнейшего человека и блестящего эрудита...

Пока Бродвей мучился со своими проблемами, резидент Тенин принимал Червоненко в своем кабинете с проложенными сталью стенами, отражавшими любые коварные лучи.

Офицера безопасности словно подменили: подбострастность слизнуло, черные брови и курчавые волосы чуть топорщились от избытка здоровья и хорошего настроения, весь вид его был самоуверен и важен — объяснялось это, конечно, грандиозным успехом линии работы по совколонии: захватом изменника Родины Воробьева. Червоненко уже прикидывал, как использовать все это дело в Центре для подрыва позиций Тенина, который не раз заявлял в кругу разведчиков, что мышьяная возня офицера безопасности приносит одни склоки и мешает основной работе — борьбе с НАТО.

— Вот что происходит, когда мы хоть на миг ослабляем бдительность, — наставительно говорил Тенин, тоже понимавший, что это дело могло обернуться против него. — Хорошо, что он во всем сознался... Жаль, что в данный момент мы оказались в темном лесу и не знаем, что планирует МИ-5.

— А Вивьен? Разве он не в курсе дела? — полюбопытствовал Червоненко, которого резидент иногда использовал на подхвате при проведении личных встреч с сотрудником МИ-5.

— Я уже несколько раз ставил ему сигнал с вызовом на экстренную встречу, но он не приходит. Что-то произошло. Возможно, он вне Лондона. В любом случае у нас нет иного выхода, кроме как вывозить Воробьева в Москву.

— Наверное, лучше использовать для этого наше торговое судно? — осторожно предложил офицер безопасности.

— Нет, это слишком долго, его могут перехватить на пути до Тилбури. Да и судно в пути, если узнают об этом, могут обыскать. Вывезем его «Аэрофлотом». И сделаем это просто: в дипломатической почте будет большой ящик. Суньте ему туда баллон с кислородом, а то привезем труп.

Тенин поморщился, дав понять, что труп его не совсем устраивает, тем более лет десять назад он вывозил из Швейцарии перебежчика, которого сунули в машину и вспрыснули успокоительного в таких дозах, что к месту доставки привезли холодное тело.

— Может, сделать, как в прошлом году, когда вывозили еврейскрипача из Большого? Помните? Обмотали всего бинтами и провезли через пограничный контроль как тяжелобольного, — сказал Червоненко и заулыбался — он всегда улыбался, когда произносил слово «еврей», словно рассказывал анекдот.

— Шаблон вас погубит, Никита Петрович, — спокойно возразил Тенин. — Хотя в вашем предложении есть доля истины. Мы используем вариант с больным в качестве отвлекающего маневра.

— Не понимаю, — офицер безопасности на миг снова превратился в кролика.

— Кто-нибудь отправляется в ближайшее время в Москву?

— На днях в Москву летит Переверзев — грыжу оперировать...

Резидент снисходительно улыбнулся, он-то досконально знал, что секретарь парторганизации использует операцию грыжи как предлог для выезда в Москву и резких атак на посла за недооценку идеологической работы в советской колонии.

Переверзев совсем недавно сам жаловался на это резиденту и получил полную его поддержку, более того, за успех предстоящей важной миссии были раздавлены две бутылки превосходного «Еревана», создававшего казусы в мирной жизни советских людей за границей.

— Очень хорошо. Поговорите с ним. Мягко, конечно. Скажите, что все это во имя интересов партии. Но этого мало. Скажите Ирине Воробьевой — их квартиру англичашки наверняка прослушивают, — чтобы проговорилась о том, что отбывает с мужем в Союз пароходом. Это еще больше собьет их со следа...

Конечно, резидент мог поговорить с Переверзевым и сам, но он не любил выгладеть просителем и все неприятные и деликатные дела обычно перепоручал, оставляя себе благодарности и прочее, вызывающее у собеседников лишь положительные эмоции.

В кабинет секретаря парторганизации Червоненко вошел без всякой радости, которая обычно сияла на лицах тех, кто общался с живым воплощением партии. Душа его была переполнена ненавистью к Тенину, опять бросившему его на горячий участок, хотя он не мог отказать ему в высоком полете оперативной мысли.

Когда Переверзев услышал от офицера безопасности, что его просят обмотать себе голову и часть туловища бинтами, он окаменел, словно на его партийную лысину сел и вцепился когтями горный орел.

— Мы проводим очень важную операцию по поручению Центрального Комитета (Червоненко говорил подчеркнуто значительно, словно речь шла о предотвращении третьей мировой), вы ничем не рискуете, даже если англичанам вдруг придет в голову размотать бинты, всегда можно сказать, что у вас дикие головные боли.

— А что? Боли проходят, если обмотать бинтами голову? — удивился Переверзев, страдавший иногда мигренью.

— Бинты от многого помогают, я об этом недавно читал в газете, — нес чепуху Червоненко, добиваясь согласия Переверзева. — Мы вас очень просим и доложим о вашем участии самому председателю КГБ.

— Меня несколько смущает общественный резонанс внутри нашей партийной организации. Всем известно, что я совершенно здоров... кроме грыжи, естественно, и вдруг меня увозят на носилках и в бинтах!

— Но это ведь может быть обострение грыжи... никто ведь толком не знает, где растет у вас грыжа... — упорствовал Червоненко.

— Вы полагаете, что грыжа может быть на голове? — обреченно улыбнулся Переверзев. — Но ладно! Я всегда хорошо относился к КГБ, и поскольку это важное партийное дело, я согласен.

— Тогда по рукам! — взбодрился Червоненко и двумя руками затряс правую руку партийного секретаря, словно поздравляя его с победой на футбольном поле.

Дженкинс прибыл в Хитроу за четыре часа до отлета самолета «Аэрофлота», полая своей легендарной трубкой. Все прошедшие дни он лично докладывал шефу ход дела Воробьева и меры против его незаконного вывоза из Англии. Под контроль были взя-

ты и посольство, и все советские суда, и, естественно, «Аэрофлот», отлетавший в Москву раз в неделю. В этот день в МИ-5 объявлялась своего рода тревога, и шеф русского отдела заблаговременно выезжал на потенциальное поле сражения.

К моменту приезда шефа в Хитроу уже собрался весь русский отдел, серьезно усиленный полицейскими из Скотланд-Ярда. — оставалось проинспектировать свои войска, уточнить задачи каждого, ободрить и вновь оценить постоянно меняющуюся обстановку.

— Новая информация, сэр: Ирина Воробьева укладывает вещи и собирается выехать в Тилбури вместе с мужем, — доложил Джордж.

— Откуда информация?

— От «жучков» у них на квартире.

— Русские знают об этих «жучках»?

— Они могут догадываться теперь, зная, что Воробьев у нас в разработке.

— Скорее всего, отвлекающий маневр, красная селедка — Тенин мастер на такие штучки. Пошлите к их дому две машины слежки, и пусть они откровенно следят за домом... пусть кто-нибудь зайдет и попросит Игоря. Сделаем вид, что мы клюнули. Если это правда, то не составит большого труда заблокировать машину с Воробьевым на пути в Тилбури.

— Началась посадка, сэр! — И Джордж пошел давать указания другим участникам операции. Аэропорт кишел сотрудниками МИ-5 и полицией в штатском и в форме, всех пассажиров рейса «Аэрофлота» пропускали с особым пристрастием.

К зданию подкатила посольская машина, двое парней с военной выправкой вытянули оттуда носилки с перебинтованным больным и, обойдя очередь, прямо направились на пограничный контроль.

У Джорджа загорелись глаза, он радостно посмотрел на шофера, и тот подмигнул ему.

Джеймс Барри, стоявший вместе с другими коллегами на контроле, застыл в бульдожьей стойке, не сводя глаз с бинтов.

Пурников, которому как самому трезвому в посольстве человеку доверили сопровождать Переверзева, протянул его паспорт.

— Советник Переверзев? — Джеймс удивленно поднял бровь. — Что с ним?

— Он упал и разбил голову, — ответил русский.

— Вам придется разбинтовать его...

— Но он болен... у него дипломатический иммунитет... это негуманно. Это — против всяких правил! — возмутился Пурников.

— Мы должны идентифицировать личность! — упорствовала Барри.

— И вы хотите оголить его раны?! — Пурникова не посвятили в секрет операции, он был уверен, что Переверзев действительно разбил голову, и от возмущения наглыми действиями англичан даже начал заикаться.

Жаркий спор продолжался, русские упорствовали, и дело чуть не дошло до драки, когда Джеймс попытался лично разбинтовать больного.

Тем временем к самолету подкатила машина с дипломатической почтой, откуда был извлечен крупногабаритный ящик. Ругань на контроле продолжалась, стороны уже отталкивали друг друга, и если бы сам страдавший от унижения Переверзев не поднял руки и не начал разматывать себе голову, произошла бы стычка.

Когда Джордж увидел перед собою унылую физиономию партийного секретаря, у него отвисла челюсть. Только тогда он услышал крик Дженкинса: «К самолету!»

Он повернул голову и увидел, что из советской машины с дипломатическим номером выгрузили большой ящик и осторожно несут к самолету.

— За мной! — закричал он, словно бросаясь в последний решительный. — Все за мной! — И целая орава ринулась к самолету.

Тенин, бледный, как смерть, наблюдал, как завернули руки Червоненко (трусливый на ковре у начальства, он показывал чудеса храбрости), раскрыли ящик и извлекли оттуда дрожавшего Воробьева, который оказался в нормальной форме, хотя перед отъездом ему вкололи изрядную дозу снотворного.

Дженкинс, стоявший недалеко от Тенина и тоже переживавший этот матч, посмотрел с тонкой улыбкой на резидента, и взгляды их встретились — они прекрасно знали друг друга, хотя никогда лично не встречались.

Взяв свою добычу под руки, англичане доволокли Воробьева до своей машины — целая кавалькада автомобилей двигалась от Хитроу в сторону Лондона, Дженкинс и Джордж Листер ехали в одной машине, оба находились в превосходном настроении и сыпали шутками, посмеиваясь над глупостью русских.

Встреча с Воробьевым произошла прямо в приемной МИ-5, которую использовали лишь в исключительных случаях.

Дженкинс поднялся к нему навстречу, сияя, как неаполитанское солнце, казалось, он еле-еле сдерживает себя, чтобы не заключить русского в объятия.

Воробьев еще не оправился после всех потрясений, движения у него были замедленными и неуверенными, как у больного, только что вставшего с постели, и говорил он так, словно его только что ухнули по голове мешком.

— Господин Воробьев, вы находитесь сейчас под покровительством Скотланд-Ярда (конспирация в МИ-5 всегда была на грани фантастики) и под опекой правительства Ее Величества. Если вы хотите получить политическое убежище, то мы можем уже сейчас приступить к некоторым формальностям. Мы рассчитываем на ваше сотрудничество и с удовольствием поможем вам с новой работой. — вещал Дженкинс торжественно и прочувствованно.

Воробьев, выслушав эту тираду, поморгал глазами, с трудом переваривая информацию.

Наступила неловкая пауза, и Дженкинс даже подумал, что неплохо повторить речь в более доступной для русского форме, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Я не прошу политического убежища и не хочу ни с кем сотрудничать, — вдруг сказал Воробьев и снова замолк.

— Может, вас вернуть обратно в дипломатический ящик? — не без юмора возмутился Дженкинс и закурил трубку.

— Нет, я останусь в Лондоне и буду жить вместе со своей новой женой и сыном, — ответствовал беглец просто.

— Но позвольте! Какой у вас будет статус?

— Я не хочу отказываться от советского гражданства.

— Конечно, это ваше личное дело... однако... — Заявление повергло Дженкинса в смятение, этого он никак не ожидал, и интуиция подсказывала ему, что этот негодяй принесет ему еще массу неприятностей. Тем не менее, позиция была ясна, ее требовалось довести до прямого начальства, которое уж само порадуется этой вестью Форин Оффис.

Он подошел к Воробьеву и ласково потрепал его по плечу.

— Рад с вами познакомиться. По причинам безопасности мы временно поместим вас в квартиру с нашей охраной. Думаю, вам и Джейн следует подыскать новую квартиру — я уверен, что КГБ не успокоится и попытается отомстить.

Дженкинс пожал русскому руку, разрешив ему выйти в сопровождении Джеймса Барри, и прошел в свой кабинет, где выпил глоток скотча, раздумывая над непредсказуемостью человека и его судьбы. Это особенно касалось русских, одна их история чего стоила! До сих пор никто не может объяснить, как же стала возможной Октябрьская революция под руководством Ленина, Троцкого, Дзержинского, не говоря уже о грузине Сталине-Джугашвили.

Он побарабанил пальцами по столу, вызвал Джорджа, предложил навестить Джейн и попросить ее повлиять на своего возлюбленного в нужном для Великобритании направлении — как и большинство высоких чинов, он был убежден, что нация обожает спецслужбы и, движимая патриотизмом, всегда протянет руку помощи.

Джордж, совсем недавно переживший унижения во время беседы со зрителем, не пришел в восторг от этого задания, но служба есть служба — он купил букет хризантем и бодро направился на Бакстоун-гарденс.

Джейн встретила его с сыном на руках и милостиво приняла букет. Лицо ее, как у сфинксов в основе колонны с Нельсоном на Трафальгарской, ничего не выражало.

— Извините меня, мисс Макдермонт, но я из Скотланд-Ярда. Вчера русские попытались насильно увезти в Москву вашего... мужа, вы, конечно, прочитали об этом в газетах. Сейчас он временно у нас, однако существует проблема: он собирается жить с вами и сыном, но не заботится о своем статусе и не хочет просить политического убежища. Не буду от вас скрывать, — Джордж сдвинул брови, — что в «холодной войне» его жест, пусть небольшой, имел бы определенный резонанс. Все это важно для нашей старой доброй Англии...

Джордж вел беседу улыбочиво и мягко, однако слабо представлял, с каким крепким орешком имел дело: Джейн органически ненавидела любое вмешательство в ее личную жизнь, ее свободолюбие тут же встало на дыбы, и она даже чуть покраснела, что превосходно сочеталось с рыжими распущенными волосами. К тому же от Листера нестерпимо пахло обожаемой им мускусной водой с Ямайки, от одного этого запаха Джейн бросало в дрожь.

— Во-первых, мы не женаты и Игорь мне не муж! — сказала она железным голосом. — Во-вторых, я не понимаю, на каком основа-

нии Скотланд-Ярд вторгается в мои дела и оказывает давление, в третьих, я немедленно пойду к своему члену парламента и попрошу его направить запрос правительству по поводу ваших действий, в четвертых, я направляю письмо в «Таймс»... мне продолжать?

Этот монолог уже в самом начале показал Джорджу, в какие каменные ворота он ударился лбом, и тот поспешно встал, очень опасаясь, что слова перерастут в истерику с метанием тарелок и тяжелой вазы, приготовленной для его цветов.

— Спасибо, мисс Макдермот. Извините меня за вторжение, — и он быстренько ретировался, в душе проклиная рыжего дьявола.

Что случилось с Англией и ее народом, так любившим свои секретные службы, так лелеявшим их? Или все дело заключается в том, что Джейн — шотландка, а эти дураки со времен Марии Стюарт ненавидят истинных британцев и даже мыслят о независимости?

Или просто упали нравы, и граждане перестали понимать, что, помогая секретным службам, они укрепляют государство и обеспечивают свою собственную безопасность?

С этими тяжелыми мыслями Джордж вернулся на Бродвей. Тем временем продолжались баталии на дипломатическом уровне, на сей раз огонь открыла английская сторона, совпосол был срочно приглашен на Даунинг-стрит и все в том же темном костюме с ленинским значком на лацкане предстал перед английским министром иностранных дел.

Он предполагал, о чем пойдет речь, но, хотя Тенин просил его занять наступательную позицию, он решил не ерепениться, проявить разумную нейтральность и косвенно дать понять министру, что варварские штучки секретной службы, тайно транспортирующей своих граждан в сундуках, ему не по душе. Только сделать это нужно было тонко, не дай Бог, в Форин Оффисе сидит какой-нибудь кагэбэшный «крот», который тут же настучит о его слабине и даже о предательстве государственных интересов.

— Ваши люди из КГБ грубо попирают английские законы, господин посол, — сухо начал министр. — Я говорю о Воробьеве, которого вы нелегально пытались вывезти из Англии. Мы объявляем господина Червоненко персоной нон грата и требуем, чтобы он покинул Великобританию. Вот вам меморандум, почитайте на досуге.

— Спасибо, — сказал посол. — Мы, конечно, его изучим, однако сразу же хочу заявить, что никакого КГБ в посольстве не было, нет и не будет!

Говорил он все это, словно робот, бесстрастно и без всякого интереса, при этом глаза его дружелюбно смотрели на министра, давая понять, что сказанное — пустая формальность.

— Не хотите ли скотча, Павел? — министр был любезным и добрым человеком и не терпел обострения отношений, тем более личных.

— Спасибо, Гордон, — молвил посол, принимая из рук министра стаканчик со скотчем. — Но мы не верим, что Воробьев решил остаться в Англии, считаем все дело провокацией со стороны ваших спецслужб и подчеркиваем, что имеем право на встречу с ним.

— Англия — мать законов, — улыбнулся в ответ министр, — и ваших прав мы не собираемся нарушать.

Он тоже не выносил секретные службы, ни свои, ни чужие, хотя считывался Яном Флемингом и Джоном Ле Карре и частенько попивал порт в клубе «Реформ» с руководителем МИ-6, своим школьным другом. Обсуждали они исключительно одну вечную тему: виды и способы выращивания хризантем. Оба были заядлые любители и переписывались с известными специалистами по хризантемам в Европе и США.

Посол и министр темы Воробьева больше не касались, а окунулись в воспоминания о славных днях, когда министр еще был в оппозиции и мог позволить себе съездить с послом на охоту в Шотландию.

По советской традиции, попавшему в беду соотечественнику требовалось раскрывать постоянно глаза, дабы он не стал слепой пешкой в руках темных сил.

По сей причине Воробьева в покое не оставляли и упорно требовали от Форин Оффиса свиданий с потерпевшим.

Сначала явился сам советник посольства Тенин и повел с ним увещательную беседу о родине, о партийном долге, о советском народе, затем его почтил консул и говорил в том же духе, правда, с большой заботой о его детях, которым уже наверняка не устроиться в престижные институты в Москве, не говоря уже о работе.

— Вы пожалуете о своем шаге, Игорь, — говорил консул. — Родина у всех одна, как и жизнь. Вы измучаетесь от тоски. А что скажут ваши дети? Ваши старые отец и мать? Подумайте о них...

Затем заявила Ирина с сыном, убитая не столько бегством Игоря, сколько общественным позором,

— Как мы будем жить? — плакала она и громко сморкалась в платок. Неровные усы были насквозь промочены слезами и смялись, как плохой мех. — Что ты делаешь, Игорек? Ты бросаешь нас? — И сын, уже получивший в школе разъяснение о том, что родители могут не подчиняться партии, за что их следует осуждать и в отдельных случаях уничтожать как классовых врагов, интуитивно подвывал ей в тон.

— Ира, все кончено, пути назад нет, — уныло повторял Игорь.

— За что? За что? — всхлипывала она.

— Вернись, папа! — тоже плакал сын. — Я люблю тебя!

Джордж, которому было поручено наблюдать за свиданиями, сжимал рот, чтобы самому не разрыдаться от этих ужасных сцен. Игорь, как обычно, колебался и, возможно, вернулся бы, если бы не крики сына, фальшивость которых его внезапно потрясла. Боже, снова жить с этой ужасной женщиной, вконец исковеркавшей мозги и душу ребенка своими идеологическими бреднями, оставить преданную Джейн и симпатичного розовощекого младенца... нет! Никогда!

Дженкинс и весь отдел ликовали по случаю победы над русскими в Хитроу (какой-то остряк назвал ее русским Ватерлоу, где лавры герцога Веллингтонского, конечно, принадлежали Дженкинсу), в небольшом помещении даже соорудили служебный фуршетик, на который соблаговолил прийти сам руководитель МИ-5, сэр... впрочем, не будем нескромны, это святое имя в те времена произносилось шепотом, и с любой газеты, даже самой влиятельной, посмев-

шей дерзнуть и коснуться запретного плода, тут же сняли бы в суде штаны и ободрали бы, как липку, по закону о клевете.

— Молодцы, ребята, я очень доволен вами, — говорил он, стараясь держаться подчеркнуто просто, словно и не вращался среди сливок истеблишмента. — Даже этот проклятый Форин Оффис (дипломатов не терпели не только в КГБ, это общее отношение всех спецслужб мира) восхищен вашей работой и уже утер нос русским нотой протеста. Так что — за наше здоровье!

Вечер прошел мило, англичане умели пить, особенно в присутствии начальства, о делах никто не говорил, повышений и разных привилегий никто не выпрашивал и вообще проблем не поднимали, что было приятно.

Через пару часов, сразу же после ухода с вечеринки Сэра и Дженкинса (они поехали ужинать в парламент по приглашению группы депутатов, занимавшихся национальной безопасностью) все преспокойно разошлись, а Джордж, чуть возбужденный виски, позвонил своей капризной Барбаре и восстановил с ней отношения.

Вскоре с помощью контрразведки Воробьев переселился на новую квартиру на окраине Лондона (она охранялась службой слежки, заодно осуществлявшей негласный контроль за самим хозяином), Джейн с ребенком переселилась туда, и они начали новую жизнь, и были вполне счастливы. Жили просто: много гуляли, смотрели телевизор, увлекались вечерними вкусными трапезами, а еще больше времяпрепровождением в постели.

— Вчера я был в школе славяноведения, мне обещают работу. Когда мы устроим свадьбу? Я хочу, чтобы мы обвенчались в церкви.

— Но сначала ты должен развестись.

— Она уже уехала в Москву... я даже не знаю, что делать. Видимо, напишу отсюда заявление в загс и найду адвоката в Москве. Но как, не выезжая в Москву, найти там адвоката? Может, если я попрошу убежища, меня автоматически разведут?

— Ничего не делай против воли, — ответствовала Джейн. — В конце концов, в церковном браке мы не будем любить друг друга больше, чем сейчас.

— И нам не грозит расставанием судьба, — пропел он, — и не видно перемен, и буду я любить всегда свою малютку Джен! — он поднял ее на руки и закружил, как в хорошем кино о любви.

Однако иногда на Игоря наваливалась тоска и охватывало раскаяние, он скучал по детям, жалел брошенную Ирину, его, англофила, вдруг потянуло на селедку и черный хлеб — в такие минуты он распечатывал бутылку московской водки, которую покупал вместе с другими русскими деликатесами в эмигрантской лавке, медленно пил ее до самого конца, неподвижным взором смотря в окно, где было безлюдно и тихо — лишь иногда, словно сенсация, возникал автомобиль.

Умная Джейн понимала его славянскую душу, навеки привязанную к просторам с их безысходной печалью, она знала, что лучшее лекарство от тоски — это маленький Игорь, и поручала младенца своему незаконному мужу.

Тогда он выходил с коляской на улицу, но все равно вооружался радиоприемником, чтобы послушать московские передачи. В новом положении его англофильство совсем некстати растаяло, ан-

гличане его уже раздражали — и своими слишком безупречными (и фальшивыми) манерами, и серой одеждой, и болтаивой прессой, умевшей в огромной статье не сказать ничего.

Но он примирился со своей долей и надеялся, что работа в школе славяноведения полностью займет его и отвлечет от смурных дум. Правда, примешивался страх: а вдруг КГБ отомстит и прикончит его вместе со всей семьей? Конечно, времена были другие, но все равно на нем лежало клеймо изменника родины.

Джордж Листер советовал Игорю поменять фамилию, уехать в Шотландию или даже в Северную Ирландию, устроиться на работу в университет в качестве преподавателя русского языка и литературы. Но принять решение...

В резидентуре КГБ не собирались сдаваться и так просто принять оплеуху, полученную в аэропорту. Все сотрудники крыли последними словами коварных бриттов, а заодно и Червоненко, не проявившего смекалки и выкатившего ящик прямо к самолету (в глаза ему, естественно, ничего не говорили, наоборот, восхищались чудесами проявленной им храбрости), шипели в спину послу, не сумевшему своими нотами сломить хребет Форин Оффиса, и жаждали реванша.

Перед отъездом в Москву персона нон грата — Червоненко, еще больше поважневший после своих подвигов на аэродроме и от того, что пару раз его фамилия склонялась английской прессой, в последний раз навестил резидента.

— Вы должны гордиться тем, что они вас выгоняют: значит, боятся, а это самая высокая оценка работы чекиста его врагами, — торжественно говорил хитрый Тенин, думая, что невелика потеря, и хорошо, что этого болвана выгоняют англичане, а не он сам: такая идея уже давно бродила в его голове.

— Спасибо, Олег Антонович! — сказал Червоненко с чувством, превращаясь от счастья уже в совершенно писаного красавца.

— Англичашки со свойственной им самоуверенностью думают, что утерли нам нос. Напрасно так думают: вчера я послал шифровку в Центр с предложением организовать встречу Воробьева с его родителями. Если жену он и в грош не ставит, то родителей, как нам известно, глубоко почитает. Я вас попрошу по прибытии в Москву взять все это дело под контроль.

— Обязательно, Олег Антонович. Желаю вам боевых успехов!

Они крепко пожали друг другу руки и трижды, как положено, облобызались.

В Москве Червоненко развил бурную деятельность, посещая сальные кабинеты в ЦК КПСС и в КГБ. Слушали его внимательно, особенно, когда он в деталях описывал потасовку в Хитроу, умело всовывая себя в эпицентр событий.

Англичан он рисовал подонками, которые только и мечтают перевербовать всех советских граждан, о резиденте отзывался скептически, акцентируя недооценку им сложной контрразведывательной работы и общую пассивность, а инициативу с транспортировкой в Лондон родителей беглеца полностью приписывал себе и упорно пробивал во всех кругах.

Он надеялся на орден, на скромную «Красную звезду», в худшем случае на «Почетного чекиста», и потому сил не жалел: вер-

нуть перебежчика — разве это не высочайший класс пилотажа?

В далеком украинском селе Марьинка стоял полдень. Старуха Полина Воробьева закончила шить трусы своему мужу, и он, весьма довольный обновой, напялил их на себя и радостно крутился перед зеркалом. В новых трусах он выглядел помолодевшим и совсем выздоровевшим (только недавно перенес операцию), от радости Лев Борисович несколько раз подпрыгнул и стал выбрасывать ноги в краковяке на радость хохотавшей супруге.

В этот момент к покосившейся избе подкатил «газик» с милиционером и Червоненко, выглядевшим, как секретарь обкома, приехавший на посевную.

Страж порядка легко выскочил из машины и без стука запросто толкнул дверь.

— Здорово, Левушка! И ты, Полина, здравствуй! Трусы, что ли, новые меришь? Поздравляю с обновкой, надо бы обмыть.

Милиция в деревне — большое начальство, с которым нужно всегда иметь добрые отношения, это редкость, — старуха засуетилась, Левушка быстренько натянул на себя выходные штаны, и на столе появилась бутылка самогона.

Тут милиционер сбежал за Червоненко, который по оперативным соображениям (а вдруг старики заупрямятся, если он не снизойдет до выпивки) присоединился к обществу. Он настолько походил на большое начальство, что старики даже не заикнулись о его должности и смотрели ему в рот, как привыкли смотреть в рот малым и большим вождям всю свою нелегкую жизнь.

Все с удовольствием махнули по стаканчику, закусив соленым огурцом.

— А мы по важному делу приехали, — сказал милиционер. — Вас в Москву приглашают.

— Это еще зачем? — насторожился Лев. — Я фронтовик, два ордена Славы имею...

— Да нет, ничего плохого там не задумали, — успокоил его Червоненко. — Хотят вас послать в Лондон.

Старики оцепенели от неожиданности.

— С Игорьком что-то стряслось... — запричитала Полина. — Сыночек, миленький, что с тобой? — и она зарыдала.

Потом Червоненко долго рассказывал своему начальству о том, с каким трудом ему удалось уговорить родителей Воробьева, на какие уловки ради этого важного дела пришлось пойти, какую изворотливость ума проявить и сколько пережить, успокаивая плакавшую Полину, а потом напившегося Льва, который, узнав об истории с сыном, вдруг превратился в Тараса Бульбу и посулил прикончить Игоря собственной рукой.

Когда в МИ-5 передали запрос на визу родителям Воробьева, Дженкинс возмутился и сразу же потребовал от Форин Оффиса отказать под любым предлогом, поскольку ничего хорошего от такого визита Великобритании ожидать не следует.

Однако Форин Оффис не внял, на мир к тому времени уже спустился сладостный *detente*, уже вошли в силу Хельсинкские соглашения, на каждом углу только и бубнили о правах человека, и отказ родителям повидаться с любимым сыном бросил бы тень на мать демократии, породившую первый парламент.

Дженкинс и Листер лично прибыли в Хитроу, чтобы своими глазами посмотреть на родителей Воробьева и выработать план действий.

Среди толпы западных пассажиров старики выглядели весьма экстравагантно: Лев по торжественному случаю надел сапоги и галифе (пассажиры смотрели на последнее с изумлением, думая, что столкнулись с новой модой), набросил потертый китель еще военной поры, а сверху — огромный овечий тулуп, делавший его похожим на кавказского пастуха. Полину тоже не миновал такой же тулуп, голову она закутала в цветной платок, тулуп же расстегнула, чтобы все видели ее вышитое украинскими узорами платье.

— Нам это свидание совершенно не нужно, — говорил Дженкинс, — но из-за этих либеральных дипломатов мы можем очень крупно подзалететь. Этот Воробьев уже давно у меня в печенках: проку от него никакого, по своим качествам он и дворником не потянет! Но не выгонять же его из самой свободной страны? Значит, надо плюнуть на все, отказаться от попыток сварить с ним какую-то кашу, пусть живет себе со своей безумной шотландкой! И вообще пусть им занимается Форин Оффис!

— Все-таки мы затеяли все дело, — говорил Джордж, думая, что если бы не дурацкая затея шефа с вербовкой, то отдел и всех сотрудников не трясло бы из-за судьбы идиота-русского. — К тому же мы должны довести до конца борьбу с КГБ и указать этим гадам на место!

— Думаю, у них ничего не выйдет, — сказал знаток человеческой души и КГБ Дженкинс. — Вряд ли Воробьев изменит свое решение. Он любит и Джейн, и сына, к тому же мы подобрали ему хорошую работу...

Однако Дженкинс жестоко ошибся: встреча Воробьева с родителями, проходившая под контролем Джорджа Листера, приобрела драматический характер.

Слезы со всех сторон лились неиссякаемым водопадом, приступы любви сменялись лютой ненавистью, в комнате Скотланд-Ярда, специально выделенной для этого раунда, стояли такие вопли, что пришлось закрыть наглухо форточки, дабы не пугать прохожих на улице.

— Игорь, если ты не вернешься, я прокляну тебя! — неожиданно тонким дискантом, словно сорвавший бас Мефистофель, зашелся папаша Лев. — Я не хочу быть отцом предателя, ты опозорил всю нашу семью.

— Игоречек, миленький, вернись домой! — рыдала Полина, встав перед сыном на колени. — Я убью себя, если ты не вернешься. Я обмотаю горло бечевкой и повешусь прямо на трубе. Или до stanu у аптекарши Сони мышьяк и сожру его, словно крыса!

Это dokonало Игоря. Всю ночь он не спал, тяжело вздыхал, кашлял, ворочался и иногда зарывался в подушку и плакал. Джейн делала вид, что ничего не замечает, но после того, как целый день он провалялся, шмыгая носом в постели, она приняла решение.

— Тебе нужно вернуться, Игорь. Наша жизнь не будет счастливой, если ты будешь так мучиться. В конце концов, мы любим друг друга, я всегда смогу приехать к тебе, если тебя не выпустят.

Прощание с Джейн было тяжелым, хотя прекрасная шотландка и виду не подавала, что переживает отъезд Игоря.

— Прости меня, Джейн, мне жалко родителей... они умрут без меня... я не могу этого перенести, — лепетал он, смутно осознавая подкоркой, что несет ерунду. — Мне сказали, что как только я разведусь официально, то смогу обратиться в президиум Верховного Совета с просьбой о воссоединении с семьей. Но до этого ты должна приехать в Москву, и мы оформим наш брак в загсе. Знаешь, какие у нас красивые дворцы бракосочетаний? (Он улыбнулся с гордостью, но из носа внезапно брызнула струя, имевшая для Джейн эффект, не меньший, чем мускусная вода из Ямайки). Так что все будет нормально, ты не беспокойся. Ты же помнишь: «Расстаться нам велит судьба, не видно перемен, но буду я любить всегда мою малютку Джен?»

Джейн была спокойна и даже улыбалась, она вынула из коляски сына и протянула плачущему Игорю. О, если бы он знал, как она ненавидела и презирала его в этот момент.

К самолету «Аэрофлота» шли Воробьев, его родители и резидент Тенин, руководивший всей операцией. Дженкинс и Листер меланхолично наблюдали за всей компанией из соседнего места посадки.

— Пусть катятся к черту! — сказал Дженкинс. — Из-за этого мерзкого дела наш отдел потерял форму и прошляпил крупную операцию. Только сегодня это стало известно от нашего «крота» в Москве...

— Все будет в порядке, Игорь, — уверенно говорил Тенин. — Я гарантирую вам, что вы останетесь работать в своем министерстве в Москве. Даю честное слово чекиста. Конечно, получите выговор по партийной линии — все-таки вы дали промашку, — но потом его снимут. Разведетесь с Ириной, дело-то ведь не политическое, а житейское, я сам разводился. Один раз, но трудно. Вступите в законный брак с Джейн, вернетесь сюда. А вдруг Джейн понравится Москва? — Тенин врал убедительно, ласково похлопывая Игоря по спине.

— А меня не посадят в тюрьму? — спросил Игорь на всякий случай.

— Да у нас что? Сталинские времена? За что сажать? Вы обо всем рассказали, как подобает советскому человеку, ничего плохого для советской власти вы же не сделали! Где работали, там и останетесь работать!

Они прошли в самолет, Тенин сел рядом с Игорем, с другой стороны оказался товарищ из торгпредства, тоже привлеченный для страховки операции по вывозу предателя, — так все это именовали в секретных бумагах.

Дженкинс заложил руки за спину и повернулся к Джорджу.

— Говорят, что человек не должен сам отличать победу от поражения. Как вы считаете, Джордж?

— Мне кажется, мы достигли многого и сделали самое главное: показали с помощью прессы, что советский режим бесчеловечен и КГБ — это жестокий монстр. Уже многие дни дело Воробьева не сходит со страниц газет... — Джордж подыгрывал шефу изюм из всех сил.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Дженкинс. — Собственно, зачем нам нужен этот перебежчик? Секретами он не обладает, да и с нами, дурак, сотрудничать не хочет. И вообще не мужчина, а размазня. Во всяком случае мы выполнили свой долг перед нацией.

На этой торжественной ноте и закончился диалог двух контрразведчиков, после отлета русского оставалось только заскочить в бар на пути к выходу и пропустить по скотчу за общее дело.

Советская власть действительно оказалась милостивой: в тюрьму Воробьева не посадили, правда, хорошенько допросили на Лубянке и исключили из партии за аморальное поведение. Из министерства тоже не уволили, а назначили начальником речного порта в волжский городок Космодемьянск, почти полностью сохранивший свое дореволюционное очарование: деревянные домишки, раскинувшиеся на холме, сады с цветущими яблонями, шумный рынок, гуси и кошки на улицах, босые веселые дети.

Поселился Воробьев в деревянной избе недалеко от пристани, которой командовал, с Ириной он развелся, его попытки вызвать Джейн в Москву успеха не имели, письма до нее не доходили, телефонные звонки прерывались, да и сама Джейн не могла примириться с отъездом Игоря, считая это предательством.

В Космодемьянске некогда щеголеватый Воробьев быстро опустился, носил потертый форменный китель со спортивными штанами и вечно грязные кеды. Работы было мало, общаться было не с кем, он не брился неделями, пристрастился к водке (где же найти любимый виски?), вся жизнь проходила в треугольнике: дом, пристань, винный магазин.

Начиная с мая, когда Волга уже сбрасывала лед и город окутывала весна, туда заходили туристские суда, там бывали и англичане, и американцы, шумно и с любопытством выкатывавшиеся на берег.

В такие дни Игорь оживал и брился, в глазах у него появлялись искры, и он старался держаться поближе к туристам, вслушиваясь в английскую речь и улыбаясь про себя: ему грели сердце чисто британские диалоги о погоде, где одно и то же толклось в ступе, но каждый раз сверкало на новый манер, и о том, что Космодемьянск чем-то напоминает Брайтон (наверное, только тем, что и там, и там есть земля и небо), и многое другое, что неанглофилу совершенно непонятно.

Подходить к туристам Воробьев не решался, опасаясь КГБ, да и вряд ли они пошли бы на контакт с запущенным мужчиной с неожиданно безупречным английским.

Они не замечали его, они не знали, как он любит их и всю Англию, они не могли заглянуть ему в душу.

Кому был интересен бедно одетый мужчина с испитой физиономией?

Однажды он все же решил заговорить с добродушным джентльменом, мялся, топтался, но так и не вымолвил ни слова — джентльмен принял его за нищего и дал целый фунт стерлингов, который пришлось тут же запрятать, не дай Бог, увидит кто-нибудь из сограждан. Фунт он положил в «Письма лорда Честерфильда сыну», которые иногда перечитывал.

Однажды во время захода очередного туристского судна к нему пришел капитан в сопровождении пожилой англичанки.

— Эта дама хочет тебя видеть, Львович! — сказал капитан добродушно, человек он был смелый, ветеран и пьяница, не боявшийся никаких контактов с иностранцами и уважавший Игоря за печальное прошлое.

Они познакомились и чуть-чуть поговорили о том, о сем.

— Какой у вас чудесный английский язык! — сказала англичанка, с трудом скрывая свое удивление всем видом этого странного человека. — Меня просили передать вам посылку.

Он поблагодарил, схватил коробку и помчался домой, распечатывая ее на ходу.

Руки у него задрожали, когда он увидел банку супа из бычьих хвостов, железные коробки с «Эрл Грей», стопку приложений к «Обсерверу» о книгах и искусстве, несколько пачек табака «Клан» и большую бутылку «Джонни Уокер» с черной этикеткой.

Там же лежала фотография уже повзрослевшего сына и записка, которую он прочел вслух: «Расстаться нам велит судьба, не видно перемен, но буду я любить всегда мою малютку Джен». Подписи не было.

Он открыл виски, налил полный стакан и залпом выпил, затем стал внимательно рассматривать все подарки, ощупывать, поглаживать, обнюхивать — слезы стояли у него в глазах.

Затем он деловито нашел толстый железный крюк, вбил его в стенку, разыскал толстую веревку, закрепил один конец на крюке, из другого сделал петлю, набросил себе на шею, встал на стул и двумя ногами отбросил его. Но повеситься ему не удалось: крюк вылетел из стены.

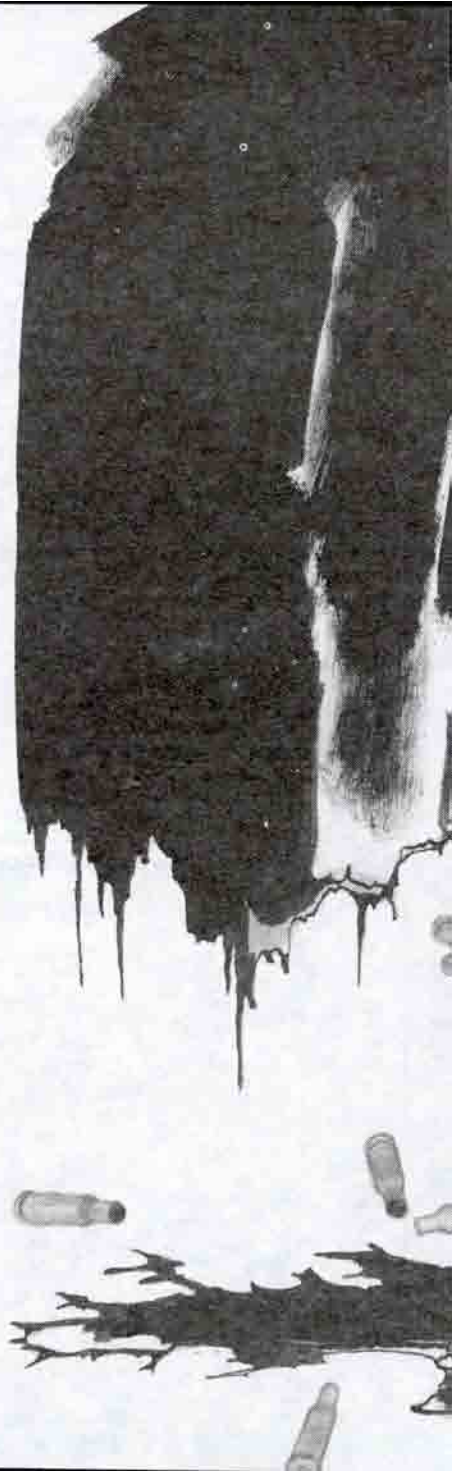
С запиской в руке он вышел из дома и решительным шагом направился к Волге. Он вступил в ее мутные воды, он шел и шел, пока не оказался под водой.

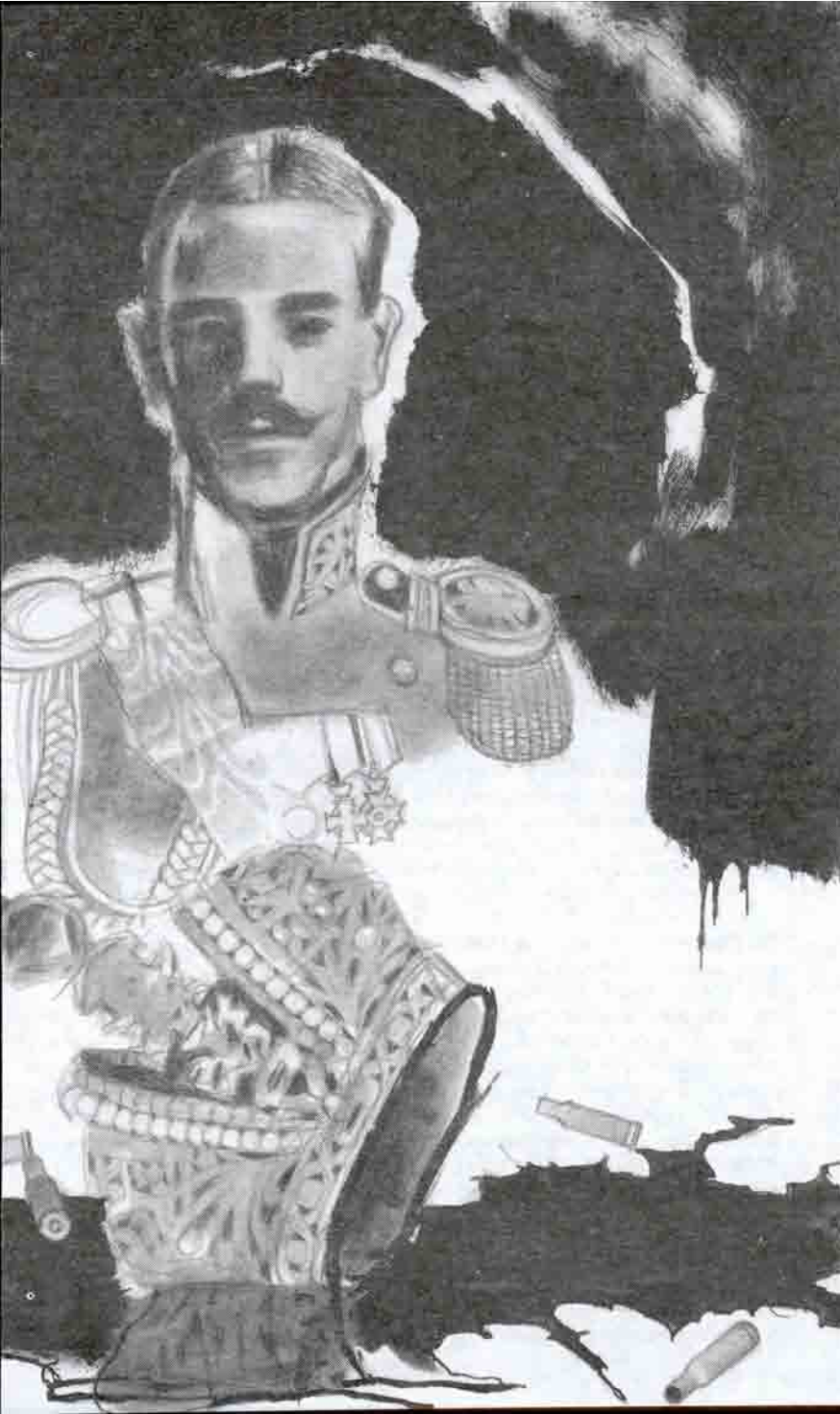
Бумажка с расплывшимся текстом прощально дрожала на волнах. «Расстаться нам велит судьба».

ПЕРЖУ

ЮРИЙ БУРАНОВ,
ВЛАДИМИР ХРУСТАЛЕВ
РАСУНЧИ, ГЕННАДИЯ НОВОНИЦЬЛОВА

ПОСЛЕДНИЙ

Ихти Романов не участвовал в интригах и заговорах против Николая II. Наоборот, он всячески пытался помочь ему в январские и февральские дни 1917 года. В дневниках царя и царицы имеются пометки о шести его посещениях в течение этого периода Александровского дворца. Однако имя брата царя все чаще упоминается в комбинациях политического пасьянса различных партий и придворных группировок. В этой связи все чаще говорят о «политической роли» салона графини Н.С.Брасовой, жены великого князя Михаила. Даже французский посол М.Палеолог с возмущением писал: «Говорят, что графиня Брасова старается выдвинуть своего супруга в новой роли. Снедаемая честолюбием, ловкая, совершенно беспринципная, она теперь ударились в либерализм. Ее салон, хотя и замкнутый, часто раскрывает двери перед левыми депутатами. В придворных кругах ее уже обвиняют в измене царизму, а она очень рада этим слухам, создающим ей определенную репутацию и популярность. Она все больше эмансипируется; она говорит вещи, за которые другой отведал бы лет двадцать Сибири...»

Февральская революция застала Михаила Романова в Гатчине. 27 февраля его вызвал в Петроград Родзянко. По его просьбе Михаил Романов связался по прямому проводу с царем, находившимся в Ставке, просил его уступить Думе, создав правительство доверия. Ответив через начальника штаба генерала Алексева и поблагодарив брата, Николай II отказался последовать совету. Безуспешно пытаясь уехать обратно в Гатчину (дороги были заблокированы), Михаил Романов поздно вечером направился в Зимний дворец. Но здесь он вновь оказался в самом центре событий, среди возбужденного, плохо управляемого отряда последних вооруженных защитников самодержавия. Это был отряд, в составе которого находилась группа генералов, перешедших из здания Адмиралтейства в Зимний дворец. Михаил Романов отказался возглавить этот отряд. В последующие пять дней он, тайно скрываясь, но поддерживая тесную связь с Родзянко, проживал на квартире князя П.Путятина на Миллионной, 12. По этому адресу Михаила Романова и нашел присяжный поверенный Н.Н.Иванов. Близкий по своим адвокатским делам к великому князю Павлу Александровичу, он, действуя под контролем Родзянко, явился одним из авторов так называемого великокняжеского манифеста. Документ, текст которого был составлен в окружении Павла Александровича, являлся очередной попыткой спасти трон, уступив власть Думе. Когда 1 марта 1917 года Иванов появился на Миллионной, 12, то «манифест» был уже подписан великими князьями Павлом Александровичем (дядя царя) и Кириллом Владимировичем (двоюродный брат царя). Оставалось поставить подпись Михаилу. По воспоминаниям Иванова, Михаил Александрович колебался, просил отсрочки для того, чтобы посоветоваться со своей супругой, но в конечном итоге поставил свою подпись.

Однако «манифест» запоздал, революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 года, Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу Алексея при регентстве Михаила. Именно с этой просьбой

он обратился к Михаилу Александровичу, убеждал его «повлиять» на Николая II. Но создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. Документально не подтверждено, что Михаил Александрович дал свое согласие на регентство, но именно с этим предложением и выехали в Псков к царю двое посланцев Думы — В.В.Шульгин и А.И.Гучков.

Отречение Николая II за себя и несовершеннолетнего наследника Алексея в пользу брата Михаила явилось для думцев полной неожиданностью. Столь же неожиданным оно было и для великого князя.

Еще утром 2 марта 1917 года, выступая перед толпой в Екатерининском зале Таврического дворца, П.Н.Милюков, опережая события, поспешил объявить, что великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Однако это заявление вызвало бурю негодования рабочих и солдат, собравшихся в Государственной Думе. Милюков вынужден был сделать заявление, что он высказал только свое частное мнение.

А.Ф.Керенский в воспоминаниях подробно описал ход последовавших после отречения событий: «После объявления этой новости наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возражал. Мнение собравшихся казалось единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие изложили свои соображения касательно того, почему великий князь не может быть царем... Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем любой новый царь.

Неожиданно попросил слова молчавший до этого Милюков. С прислушиванием к его словам он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя...

Занималось утро, а решение так и не было найдено. Самым важным было не допустить — до принятия окончательного решения — опубликования акта отречения в пользу брата. По общему согласию заседание было временно отложено».

Не успели еще посланцы Думы Гучков и Шульгин доехать до Петрограда, как на Миллионной, 12, в пять утра зазвонил телефон, пробудивший Михаила Александровича от сна. У телефона был Керенский. Дальнейшие события дошли до нас в изложении великого князя Андрея Владимировича: «Керенский объявил ему об отречении и спросил, знает ли он что-либо по этому поводу. Миша ответил, что ничего не знает. Тогда Керенский спросил, может ли Ми-

ша принять его и других членов Думы, и, получив согласие, обещал быть через час...»

Есть свидетельство, как развивались события, когда Михаил Романов мог самостоятельно принять решение. Как прошли те несколько часов, которые предоставила ему история... Уже известный нам Иванов позднее писал: «Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей из Гатчины супругой великого князя — графиней Брасовой. Помню замешательство Михаила Александровича, узнавшего об отречении брата от престола. Помню смущение, охватившее его, когда ему заявили, что престол перешел к нему. Теперь около него была графиня Брасова, с которой он мог совещаться, но из посторонних, неофициальных лиц, с которыми он мог бы свободно обмениваться мнением, остался один я, и как бы уже по привычке и в новом своем положении великий князь подолгу говорил со мной и не знал, на что решиться.

Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели.

И помимо всего, он не согласится сесть на штыки. Сейчас он видит в России только штыки...

Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую. Убегал куда-то в глубь квартиры. Неожиданно возвращался. И опять говорил и ходил. Или просил говорить. Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

— Боже мой, какая тяжесть — трон! Бедный брат! У них пойдет, пожалуй, лучше без меня... Как вам нравится князь Львов? Умница, неправда ли? А Керенский — у него характер. Что это он, всегда такой или это революция его?.. Он, пожалуй, скрутит массу.

На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать — вопросы не доходили до него. И тогда к нему начало возвращаться внутреннее спокойствие. Он стал выглядеть как-то деловитее.

— Что вы решили? — спросил я его коротко.

— Ах! — Провел он рукою по лбу с несвойственной ему открытостью. — Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти. Очевидно, это и было успокоившее его решение». Имеется еще одно малоизвестное свидетельство об этих событиях графини Л.Н.Воронцовой-Дашковой. Она вспоминала: «В мыслях всех был один вопрос — что делать Михаилу Александровичу? Отказаться от престола, и тогда вся власть перейдет к Государственной Думе, или взять на себя бремя власти?

— Ко мне приходили члены Думы, но и у них нет единодушия, — обращаясь к нам, сказал великий князь тоном человека, чувствующего всю тяжесть ответственности...

Михаил Александрович проговорил:

— Нет, я думаю, графиня, если я так поступлю, польется кровь, и я ничего не удержу. Все говорят, если я не откажусь от трона, начнется резня, и тогда все погибнет в анархии...

Я до сих пор уверена, что нерешительность Михаила Александровича выявилась только потому, что ни в ком из окружающих его он не видел железной решимости идти до конца. Одни молчанием подтверждали правильность его отрицательного решения, другие открыто это поддерживали. Думаю, что момент физического страдания (обострение язвы желудка. — Авт.) играл тоже роль в принятии отрицательного решения. Боли по временам были настолько сильны, что Михаилу Александровичу было трудно говорить».

Эти события предшествовали главному акту драмы политического спектакля, обернувшегося трагедией для будущего России.

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина открылось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым императорских обязанностей или не объявлять? Многие советовали Михаилу власть на себя не брать. Так, например, Керенский заявил: «Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества». Наоборот, в противовес большинству Милюков и Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взять трон. Однако Михаил Романов, послушно выполнявший все указания, которые он получал от думского центра, после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего отречения от престола.

Среди присутствовавших наступило гробовое молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Г.Е.Львов и М.В.Родзянко, казались пришибленными только что совершившимся и непоправимым. Лишь А.И.Гучков облегчил свою совесть последней репликой: «Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути».

Только А.Ф.Керенский, торжествуя, произнес: «Ваше высочество, вы — благороднейший из людей! Ваше высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному Собранию, не пролив из него ни одной капли».

Как были встречены столь стремительно развивающиеся события на передовой? Так, флигель-адъютант царя С.С.Фабрицкий, командовавший одним из соединений на Румынском фронте, писал: «Не было буквально никаких признаков надвигающейся революции, о которой никто и не думал, когда неожиданно ураганом влетел ко мне в кабинет бледный начальник штаба и подал зловецкие телеграммы от командующего флотом с известием об отречении государя и передаче престола великому князю Михаилу Александровичу. Телеграмма была составлена в туманных выражениях, из нее можно было ясно понять лишь факт отречения и вступления на престол нового императора. Поэтому немедленно войска участка были приведены к присяге на верность государю императору Михаилу Александровичу. Всюду царил полный порядок, но чувствовалась какая-то общая подавленность, как будто перед грозой».

Телеграф донес текст отречения и последний Высочайший приказ по армии, где государь приказывал подчиниться новой власти. А какой — не было понятно. Пришло, наконец, отречение великого князя Михаила Александровича, и спуталось все. Абсолютно не-

возможно было понять, кому перешла вся полнота Верховной власти, и стало ясно, что наступила гибель...».

Любопытно отметить, что акт об отказе великого князя Михаила Александровича от «восприятия верховной власти» был опубликован 5 марта 1917 года в «Вестнике Временного правительства» одновременно с актом об отречении Николая II. Принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, мог ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит в лице их явную оппозицию. Решение о выборе формы правления страной формально откладывалось до Учредительного Собрания. По сути дела, в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики. Однако своим отречением Михаил Романов дал понять, что выполнил долг так, как он его понимал...

Известие об отречении Николая II в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону восторженно было встречено повсеместно в России. В числе многих поздравлений на имя Михаила Романова была послана телеграмма с приветствием «за его великодушное и гражданственность» за подписью одного из лидеров большевиков Л.Б.Каменева.

По-другому отреагировал на отречение Михаила его брат Николай II. В своем дневнике он записал: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость...».

Члены императорской фамилии по-разному отнеслись к этим драматическим для них событиям, но, несомненно, многие были шокированы неожиданным поворотом дел. Великий князь Александр Михайлович позднее писал в своих воспоминаниях о свидании с Николаем II в Ставке после его отречения:

«По приезде в Могилев поезд наш поставили на «императорском пути»... Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без императора.

— Миша не должен был этого делать, — наставительно закончил он. — Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание, исходившее от человека, который только что отдал шестую часть Вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи. После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) желание избежать в России гражданского междоусобия; 2) желание удержать армию в стороне от политики для того, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело; 3) вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих доводов не казался мне убедительным...»

Уже на второй день после отречения царя Петроградский исполком, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: «По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить

его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии».

В это неопределенное время некоторые представители императорской фамилии склонны были выехать на какое-то время за пределы России. Однако Временное правительство и Петроградский Совет не желали выпустить великих князей за границу, опасаясь организации контрреволюционного движения. В двойственном положении оказались иностранные миссии при обращении в них представителей императорской фамилии. Так, 4(17) апреля 1917 года английский посол в Петрограде Бьюкенен направил в Лондон следующий запрос: «Великий князь Михаил прислал мне письмо и сообщает, что сумма денег, которую он хочет перевести в Англию, достигает 100 000 руб. Я ничего ему не ответил и был бы рад, если бы Вы ответили на вышеупомянутую мою телеграмму до предположенной поездки великого князя ... в Англию». Вчерашние союзники и правители страны, таким образом, оказались заложниками революции.

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно в Гатчине, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отъезда Николая II и его семьи в Тобольск, получив на то разрешение от Керенского, Михаил Александрович простился с братом. Мы не знаем, о чем говорили они в последнюю встречу. Е.А.Нарышкина, фрейлина царицы, записала в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: «Разговаривайте!»

Бурные события не обходили Михаила Романова стороной. Так случилось в дни корниловского мятежа. Роковую роль в судьбе великих князей сыграло разоблачение попыток монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем II. Дело Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте великого князя Михаила Александровича и его супруги, великого князя Павла Александровича, его жены кн.О.Палей и их сына Владимира. В правительственных документах, в частности, значилось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе». В газетах подробно описывались аресты великих князей, произведенные 21 августа 1917 года:

«В седьмом часу вечера из Петрограда был отправлен в Гатчину и Царское Село наряд воинских частей в составе одной роты. Вслед затем выехал в Гатчину министр-председатель А.Ф.Керенский, в сопровождении помощника главнокомандующего войсками петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место, Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге, домашний арест...

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей...»

Этой политической акцией — борьбой с правой опасностью, Керенский надеялся упрочить позиции и сплотить ряды своих сторонников перед «левыми». Но часы Временного правительства были уже сочтены.

Парадоксально, но факт, что большевики при совершении политического переворота в Петрограде прибегли к испытанному способу: обвинению своих противников в контрреволюции и блокировании со сторонниками царского режима. В дни Октябрьской революции Михаил Александрович был под арестом в Смольном, а Центробалт кричал о его участии в рядах войск Керенского-Краснова.

Петроградский ВРК 13 ноября 1917 года рассматривает вопрос о переводе великого князя Михаила Романова в Гатчину или Финляндию:

«Комиссар Гатчины Рошаль удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках. Постановили: Военно-революционный комитет возражений против перевода его (Михаила Романова. — Авт.) под домашний арест в Гатчину не имеет».

Фактически для Михаила мало что изменилось в эти первые дни Советской власти. Разве что ему приходилось принаравливать к новым обстоятельствам. Об этом можно судить по многим частным деталям. Так, например, 16 ноября 1917 года, всего через три дня после упомянутого постановления Петроградского ВРК, он пишет письмо своей жене. На конверте лаконичная надпись: «Товарищу Наталии Сергеевне Брасовой от товарища М.А.Р.» Строки письма передают атмосферу, в которой вынужден был находиться Михаил Александрович Романов:

«Моя дорогая Наташа. Приезжай скорее, здесь без тебя грустно и пусто, и ночью очень одиноко я себя чувствую. Ввиду того, что вчера был снят караул, у нас ночью двое из наших людей дежурили в доме, а с завтрашнего дня, кажется, мы снова получим караул. Здесь все тихо и уютно, и удовольствие было большое возвратиться домой и дышать чудным чистым воздухом... Теперь 9 ч. веч/ера/, и мы сделаем маленькую прогулку в санях, при чудном лунном свете, — может быть, и сон лучше будет после этого. До скорого свидания, моя дорогая Наташа; крепко и нежно обнимаю и целую тебя. Да хранит тебя Бог. Весь твой Миша».

Известно, что в ноябре 1917 года Михаил Александрович явился в Смольный и обратился в правительство с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской России, чтобы заранее исключить возможные недоразумения. Управляющий делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевич на официальном бланке оформил разрешение о «свободном проживании» Михаила Романова — как рядового гражданина республики. В конце 1917 года В.И. Ленин беседует с зам.наркома Госконтроля Э.Э.Эссенем, который сообщает о поданной в Совнарком просьбе бывшего великого князя Михаила Романова переменить его фамилию на фамилию его жены — Брасов (чтобы перейти на положение гражданина Российской Советской республики). Ленин отвечает, что этим вопросом он заниматься не будет.

В феврале 1918 года ситуация в стране в связи с германским наступлением на Петроград резко ухудшилась, и нахождение Михаил-

ла Романова вблизи границы властям представлялось опасным. 7 марта Гатчинский Совдеп арестовал Романова и ряд высокопоставленных лиц «прежнего режима». Арестованные были доставлены в Петроград, на Варшавский вокзал, где в ожидании прибытия автомобиля из Смольного великий князь был помещен в вагоне комиссара псковских отрядов П.Л.Панаха.

Позднее в своих воспоминаниях комиссар рассказывал, что, находясь в вагоне, Михаил Романов заявил, что хочет есть, и потребовал бифштекс по-английски. Эта просьба была удовлетворена — Романову и Джонсону были принесены с вокзального буфета бифштексы, но когда великий князь вынул деньги и хотел уплатить официанту, то Панах ему заявил: «Вы — арестант Советской власти, благоволите деньги не платить. Советская власть за вас заплатит». Вскоре пришел автомобиль, и арестованные были доставлены в Комитет революционной обороны Петрограда, возглавляемый в то время Урицким. Комиссар М.С.Урицкий выдал расписку о принятии от члена Исполкома гатчинского Совета Ивана Серова «арестованных граждан города Гатчины» Романова и других. Сохранилась записка Урицкого к Ленину, в которой указывается:

«Многоуважаемый Владимир Ильич! Предлагаю Романова и др. арестованных Гатчинскому Совету Рабочих и Солдатских депутатов — выслать в Пермскую губернию. Проект постановления при сем прилагаю. Если нужны какие-либо объяснения, готов явиться на заседания для дачи их. М.Урицкий».

9 марта 1918 г. на заседании Совнаркома было принято решение, подписанное Лениным: «...Бывшего великого князя Михаила Александровича, его секретаря Николая Николаевича Джонсона... выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения». (Англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон вместе с Михаилом Александровичем окончил Михайловское артиллерийское училище и, выйдя в офицеры, оставался его личным секретарем. Несмотря на то, что английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, тот ответил: «Я не оставлю великого князя в такой тяжелый момент».)

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и поэтому взял с собой деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль «роллс-ройс». За своим «господином» добровольно в Пермь последовали камердинер Чельшев и шофер Борунов. На все просьбы графини Брасовой, желавшей разделить участь мужа, великий князь отвечал ей отказом и наконец уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

10 марта 1918 года Комитет революционной обороны Петрограда приказал комиссару Николаевского вокзала выделить спальный вагон для арестованных: М.Романова, Н.Джонсона и других, а также для семи бойцов конвоя, и отдать распоряжение по всей линии о прицепке этого вагона к поездам, следовавшим в Пермь.

О том, как в Перми встретили ссылных, можно судить по телеграмме Михаила Романова, направленной В.Д.Бонч-Бруевичу и Урицкому: «Сегодня двадцатого марта объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех в одиночное заключение в пермскую тюремную больницу вопреки заверению Урицкого о жительстве в Перми на свободе...».

Двумя телеграммами в адрес Пермского Совдепа — из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого — было указано: «В силу постановления Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти».

Пермский Совдеп принял указание центра к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии, и исполком не берет на себя ответственность за последствия.

Великий князь поселился в номерах гостиницы при бывшем Благородном собрании в Перми. По предложению Петрограда, наблюдение за ним было поручено местной ЧК. 21 мая 1918 года Михаил Александрович сделал следующую запись в дневнике: «В 11 час. Дж/онсон/, Василий /Чельшев/ и я отправились в Пермскую Окружную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой...»

Были ли к этим строгим мерам основания? Очевидно, были. Так, с митинга, состоявшегося на Мотовилихинском заводе, в Пермский совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила под замок, то рабочие «сами с ним разделаются».

Очевидец пребывания великого князя в Перми так описывает впечатления от встреч с ним: «Я видел его несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона... Великий князь часто заходил в магазин Добринина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Добринина спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом? Меня немедленно же обнаружат». При этом он все время улыбался...»

Живя на «свободе», Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим поступком он опасался усложнить положение своих родственников. Причин для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

В начале мая в Пермь приезжала жена Михаила Романова — графиня Брасова. Она не собиралась мириться с высылкой мужа и, поняв, что судьбу его могут решить только высшие советские власти, отправилась в Москву. По сведениям представителя английской миссии Р.Вильтона, графиня встречалась с председателем Совнаркома В.И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда из Перми, но безрезультатно.

...15 июня 1918 года газета «Известия Пермского Окрисполкома Советов Р., К. и А.Д.», как многие центральные и местные издания, поместила сообщение «Похищение Михаила Романова», в котором указывалось: «В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в «Королевские номера», где проживал Михаил Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, воору-

женных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению в Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски».

В самом деле, 13 июня 1918 года Пермской ЧК была послана тревожная телеграмма одновременно в несколько адресов:

«Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву, Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком. Сегодня ночью неизвестными /в/ солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов. Приняты самые энергичные меры. Пермский Округ Чрезком».

В документах белогвардейского следствия по этому делу имеется протокол допроса бывшего начальника Уголовного розыска г.Перми Б.Н.Ярославцева, который показал: «...Около 12 часов ночи я, как начальник Уголовного розыска города Перми, был вызван в Чрезвычайную комиссию, где мне сообщили, что около часу тому назад, под видом ареста, был похищен великий князь и куда-то увезен. Предполагалось похищение его крайними левыми организациями или анархистами. Поэтому мне было предложено принять все меры к выяснению этого обстоятельства... Угнетенное состояние бывших на расследовании представителей Чрезвычайной комиссии, а также председателя /Совета/ Сорокина, дали мне повод думать, что действительно похищение великого князя было для них весьма неожиданно и, как видно, вовсе не входило в их планы действия.

Вскоре после этого я был арестован, как контрреволюционер...»

Однако Ярославцев был введен в заблуждение, как, впрочем, и многие другие, мастерски устроенным спектаклем.

Обстоятельно освещают эти события материалы следствия по убийству царской семьи, опубликованные следователем Н.А.Соколовым в Берлине: «В одной камере с Чельшевым содержался уже известный нам камердинер государыни Алексей Андреевич Волков... При допросе у меня Волков показал: «В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Чельшев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

...Ночью в 12 пришли в «Королевские номера» какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них всех были револьверы. Они разбудили Чельшева и спросили, где находится Михаил Александрович. Чельшев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой фор-

ме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не пойду никуда. Вы позовите вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!» После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Чельшев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Романова. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен) Чельшев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича... Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номеров, Чельшев сказал ему: «Ваше высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство так и осталось в номере. На другой день после этого Чельшев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян.

Такая же участь постигла и жандармского полковника Знамеровского, который был сразу же арестован после «побега» Михаила Романова и застрелен при невыясненных обстоятельствах во время прогулки по тюремному двору.

Достоверность изложенных сведений подтверждают и воспоминания члена президиума Пермского губисполкома В.Ф.Сивкова:

«После этой заметки (публикации о «похищении» Михаила Романова. — Авт.) по Перми и губернии поползли всевозможные слухи. Приверженцы старого режима, которых было немало, видели в похищении «перст господень» — чудо спасения от большевиков члена царской семьи. Они заказывали молебны «о здравии раба божия Михаила» и ждали, когда этот чудом спасенный появится во главе войска, «освободит плененного монарха и восстановит порядок». Слухи доходили до меня, я рассказывал о них Малкову, а по его информации знал, что подобные настроения были и среди значительной части служащих советских учреждений Перми и Мотовилихи.

Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович совершенно спокойно отвечал: «Найдется Михаил, куда он денется!». Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников не дошли до адресата...»

В самом деле, заместитель Пермской губчека Малков знал, что говорил. Об этом можно судить по многим архивным документам. В частности, в одной из автобиографий П.И.Малкова, датированной 13 октября 1954 года, есть утверждение: «В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации Губернской Чрезвычайной Комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищами Марковым А.В. и Трофимовым А.В. был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела».

Один из наиболее интересных документов — воспоминания Андрея Васильевича Маркова — непосредственного исполнителя ареста Михаила Романова и его расстрела. Один из вариантов этих воспоминаний хранится в Пермском областном партархиве. Они

были подготовлены Марковым по просьбе заведующей партархивом Н.А.Аликиной. В 1990 году она рассказала об этом читателям газеты «Вечерняя Пермь»: «Летом 1964-го на одной из встреч с А.В.Марковым в Москве я обратила внимание на его наручные серебряные часы необычной формы и, на мой взгляд, очень древние. Они отдаленно напоминали дольку срезанного круто сваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Андрей Васильевич ответил, что они принадлежали личному секретарю Михаила Брайану Джонсону, и он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

— С тех пор не снимаю с руки. — сказал Андрей Васильевич и добавил: — Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз.

Марков подробно рассказал мне, как все было. На просьбу прислать воспоминания в партийный архив, где я работала, Андрей Васильевич согласился не сразу, а согласившись, взял с меня слово никому о них не рассказывать и не публиковать до его смерти, добавив при этом, что он всю жизнь опасался расправы со стороны монархистов.

Андрей Васильевич рассказал также, что вскоре после расстрела Михаила Романова он ездил в Москву, с помощью Я.М.Свердлова попал на прием к В.И.Ленину и рассказывал об этом событии».

Исполнитель расстрела именно обстоятельствами военного времени аргументировал принятое решение: чтобы не удрал из Перми, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, поэтому, писал он, «мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения, путем похищения его из «Королевских номеров», где он проживал...»

Марков освещает события по созданию группы и выработке плана «захвата» Михаила Романова: «Первая мысль об этом зародилась у тов.Мясникова Г.И. (председатель Мотовилихинского Совдепа. — **Авт.**). Об этом он сказал в Управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор.Перми... Мясников посвятил нас, в чем дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить по рекомендации тов.Иванченко тов.Жужгова Николая, а по моей тов. Колпашикова Ивана... Было намечено следующее: около семи вечера взять двух надежных лошадей в крытых фазтонах и направиться в Пермь. В Перми лошадей поставили во двор Губчека, посвятили в это дело председателя Губчека тов.Малкова и помощника Иванченко тов.Дрокина. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов.Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставил не особенно ясно печать, а тов.Малков неразборчиво подписал...»

Достаточно подробно Марков описывает «арест» Михаила Романова и Джонсона, во многом подтверждая приведенные свидетельства очевидцев: «Тов.Дрокину было поручено занять место тов.Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов.Малков остался в ЧК,

тов.Мясников ушел пешком к «Королевским номерам», а мы четверо — тов.Иванченко с тов.Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпашиковым на второй — около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпашиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепление, так как Михаил Романов отказывался следовать, требовал «Малькова» (он плохо говорил по-русски), чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой («коммунистом»), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Джонсона, — это ему было предоставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, и Иванченко рядом с Михаилом Романовым: я посадил с собой Джонсона, а Колпашиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросит дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту...»

(Расправа с Михаилом Романовым описана во многих белоэмигрантских изданиях, и различные варианты ее строились часто только на предположениях и домыслах. Как резюмировал по этому делу генерал А.И.Деникин: «Все розыски, произведенные органами Южного и Сибирского белогвардейских правительств по инициативе вдовствующей императрицы, не привели к достоверным результатам. Точно так же со стороны большевиков не было дано никаких официальных разъяснений».)

— Сначала, — продолжает Марков, — похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправят дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес, направо. Отъехали сажень 100–120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И, только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпашиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у

тов. Жужгова застрелял барабан нагана... Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же... Зарывать /трупы/ нам нельзя было, так как светало быстро и /было/ недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездили на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется, Новоселовым.

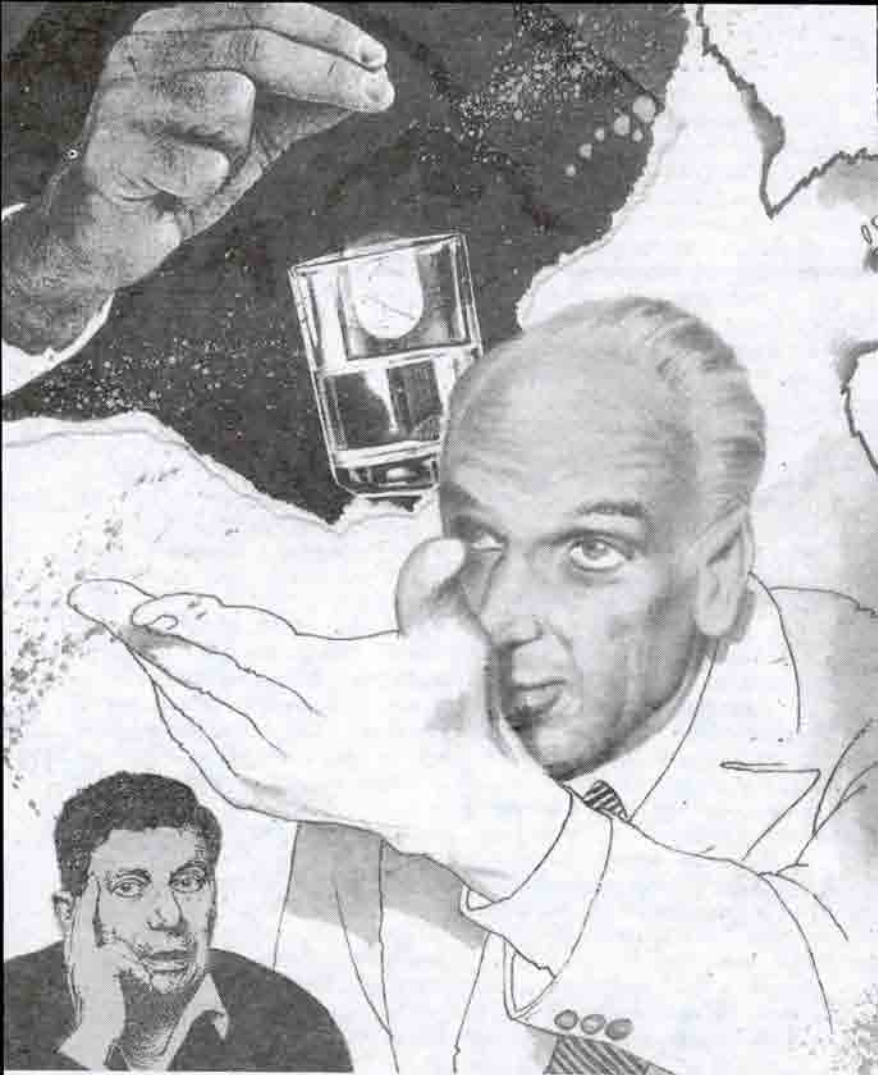
Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко, вместе разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны, только я замерз, т.к. был в одной гимнастерке, с часами на левой руке, почему меня, когда мы были еще в номерах, приняли за офицера...»

Встает вопрос, пожалуй, один из главных. Знал ли председатель ВЦИК Я.М. Свердлов все обстоятельства дела? Можно со всей определенностью ответить: «Да, знал!» Об этом говорят не только документы местных архивов, но и ЦПА при ЦК КПСС. Так, в одном из документов указывается: «Вскоре в Москву ездил т. Туркин, который, будучи в курсе дела, докладывал Свердлову Я.М. о происшедшем. Мясников, также будучи в Москве, как непосредственный участник дела, информировал... Свердлов послал привет остальным участникам дела...»

Благословение преступления подтолкнуло убийц Михаила Романова на новый «подвиг» — уничтожение Николая II. Так, в одном из документов «террористы от революции» признавались: «Составив план похищения Романова, группа ... поставила в известность о своем намерении Чрезвычайную Комиссию в Екатеринбурге, предлагая свои услуги... Но в ответ на это ... получили обещание в самом недалеком будущем решить самим вопрос о Николае Романове в официальном порядке...»

Репетиция была проведена, сценарий апробирован. Впереди был главный акт драмы: Екатеринбург.

Супруга Михаила Романова графиня Брасова на тридцать четыре года переживет мужа. Ей предстоит похоронить сына Георгия, погибшего в автокатастрофе в 1930 году. Она испытает немало горя и лишений. Лишь картины художника С.А. Жуковского, написанные в 1916 году по заказу графини, — «Комната в имении Брасово» и «Малая гостиная», ныне хранящиеся в Третьяковской галерее, напоминают нам о былом величии великокняжеской семьи.

ЭЛЛЕРИ НУИН

РУСА

САТМРА

Рисунки
АЛЕКСЕЯ ОСТРОВЕНЦОВА

Сидя за столом, Нэнси Хауэлл, жительница Тенистых Акров, могла через распахнутое окно собственной кухни заглянуть в задний дворик соседей, Ларри и Лилы Конноров, находившийся за низенькой изгородью. К дому Конноров была пристроена терраса, выложенная плоскими каменными плитами, и Нэнси ждала, когда же Лила Коннор выйдет загорать в своем модифицированном бикини. Нынешним утром Лила не появлялась долго, казалось, уже и не соберется. Может быть, потому, что слишком жарко. Температура поднялась выше ста градусов, приходилось внимательно следить, чтобы не обгореть, даже если кожа почти шоколадного цвета, как у Нэнси и Лилы. Нэнси поглядела на наручные часы, которые Дэвид подарил ей к Рождеству три года назад, еще до свадьбы. Ровно три часа. Она бросила несколько кубиков льда и наполнила высокий стакан джином с хинной водой. Затем прошла через небольшой холл и поднялась в спальню. Поставила стакан на прикроватный столик и бросилась на постель. Она желала, чтобы Дэвид вернулся домой. Он сказал — будет в пять, а сейчас почти три тридцать. Для молодой женщины пролежать полтора часа, ожидая своего мужа, — слишком долго, сквозь дремоту подумала Нэнси и следом открыла глаза: вот и он — созерцающий ее пупок, примостившись рядом на краю постели. Она села и обняла его за шею, ситуация тут же стала чреватой возможностями.

— Дорогой, — шепнула на ухо Дэвиду Нэнси, — наконец ты здесь.

— Точнее, — сказал он, глядя ее по спине, — нас тут двое.

— День прошел удачно?

— Нет, день оказался чертовски жарким и бестолковым.

— Почему бестолковым? У тебя ведь нет уроков в субботу?

— Необходимо было проверить классные работы. Просто поразительно, как мало может выучить добросовестный болван при всем старании.

— Нельзя ждать слишком многого от студентов, которых заставляют учить корректирующий английский. Это бессмысленно.

— Согласен, — сказал Дэвид, задумчиво рисуя пальцем на спине Нэнси загогулину.

— Дэвид, щекотно! — хихикнула Нэнси, шлепнув мужа по руке. — Который сейчас час?

— Пять тридцать, а что? — придвигаясь, спросил Дэвид.

— Я просто планирую остаток дня. В семь прием у Ричмондов. До того можно горы своротить. Не хотелось бы тебе для начала принять душ?

— Я бы не просто предпочел, — сказал Дэвид, — я попросту обязан.

— Сделай ради меня, дорогой... И нельзя ли побыстрее?

Дэвид заскочил в ванную комнату, и Нэнси подождала до тех пор, пока не услышала шум воды. Затем она скользнула от постели к туалетному столику, с отсутствующим видом провела расческой по своим прекрасным коротким волосам и сквозь за-

навески задумчиво поглядела на угол улицы, выстеленной щебенем. На обочине перед домом Ричмондов стоял грузовик местного торговца пивом. Водитель толкал к двери небольшую тележку, груженную металлическим бочонком с пробкой и насосом для выкачивания пива, как в баре.

Ну вот, подумала Нэнси, Дэвид на месте, бочонок тоже — перспектива ясна.

2

Вечеринку у Ричмондов трудно было назвать приемом на свежем воздухе. Конечно, никакого обмана тут не таилось, скорее была давняя традиция именовать стряпню на заднем дворе приемом.

Налиествовали поджаренные гамбургеры или же мясо — их изготовлял Джек Ричмонд в гриле над углем. Доктор Джек Ричмонд прямо-таки шизофренически был убежден в своих талантах по части приготовления гамбургеров прямо над углем, и «запрещалось» помогать или мешать ему каким бы то ни было образом. Но надетые им накрахмаленный поварской колпак и фартук не могли ввести в заблуждение — гамбургеры действительно оказывались так хороши, как он обещал.

Между тем, Нэнси в шортах и Дэвид в широких штанах около семи отправились в гости. Когда они пересекли двор Конноров, окно внезапно распахнулось, и Ларри Коннор закричал: «Привет, ребята! Мы присоединимся к вам через несколько минут».

Нэнси и Дэвид помахали в сторону окошка, которое немедленно захлопнулось, перелезли через вторую низенькую изгородь во двор к Ричмондам и попали на террасу, где доктор Ричмонд сосредоточенно смотрел на прекраснейшее ложе из тлеющих углей. Он повернулся и поднял в знак приветствия угольные щипцы. Вскоре появилась Вера Ричмонд, прижимая к груди большую деревянную чашу, полную нарезанных огурцов, помидоров и лука в подслащенном уксусе. Вера поставила чашу на стол, и Нэнси подошла поздороваться и спросить, нужно ли помочь. Вера повела ее на кухню, где ожидали блюда, вазы, подносы с разложенным на них добром.

Чтобы принести все продукты, на кухню понадобилось сходить дважды. К тому времени подошли Лила и Ларри Конноры, а также Мэй и Стэнли Уолтерсы. Лила разговаривала с Дэвидом, Ларри с Мэй, Стэнли стоял возле гриля рядом с Джеком, который начал обжаривать большие сочные куски мяса, вынимая их из переносной морозильной камеры. Каждый уткнулся в бокал с пивом.

— Эй, вы, — сказала Нэнси, — каким образом все, кроме работавших, получили пиво?

Стэнли Уолтерс подошел к бочонку, наполнил два бокала и протянул их Вере и Нэнси жестом, который должен был означать галантность. Во всем, что делал неуклюжий толстяк Стэнли, проглядывало какое-то непреднамеренное шутовство, скорее абсурдное, чем смешное. Он приехал в город, чтобы управлять одним из обувных магазинов, принадлежащих

некой компании, но потерял работу. Мэй заставила его взять в банке большую ссуду и открыть собственное дело. После неуверенного старта магазин «Обувь для всей семьи по семейным ценам» начал преуспевать. Банковская ссуда была выплачена. Мэй крепко держала в руках бухгалтерские книги и Стэнли.

— Нектар богов, — расплылся в счастливой улыбке Стэнли. — Для двух богинь.

Мэй, отвернувшись от Ларри, резко оборвала:

— Послушай, не слишком ли рано ты начал валять дурака? Подожди, пока выпьешь хотя бы пару бокалов пива.

Стэнли не умел притворяться. Он покраснел, закусил нижнюю губу, как ребенок, сдерживающий слезы, и пошел обратно к грилю.

Скоро гамбургеры были готовы. Все начали набивать желудки и совершать частые визиты к бочонку, даже Мэй значительно смягчилась, наслаждаясь неусыпным вниманием доктора Джека, что возымело желаемый результат и помогло снять бедного Стэнли с крючка.

После восьми стемнело, но вечеринка была в полном разгаре.

Через некоторое время — может, в девять, может, в десять — Нэнси обнаружила, что сидит с Ларри Коннором на скамье из красного дерева.

Муж Лилы много пил, но становился все более трезвым, печальным и потерянным. Ларри всегда казался Нэнси потерянным. Потерянным в любви, которая скисла, потерянным в работе, которая опостылаела, потерянным в надеждах, которые улетучились.

— Ты очаровательная девушка, Нэнси, — сказал Ларри Коннор. — Мне бы хотелось быть на месте Дэвида.

— Почему же тебе хочется быть на месте Дэвида? Дэвид, возможно, где-то целует Лилу.

— Если так, да поможет ему Господь.

— Ларри, прекрати. Это отвратительно. Лила прекрасная девушка, и похожа на актрису Натали Вуд.

— Действительно? Не замечал. Я потерял способность замечать что-либо. И чувствовать тоже.

— Бедный старый Ларри. Совершенно одряхлел.

— Понимаю, звучит претенциозно, но тем не менее это так. Недавно я думал о Скотте Фицджеральде.

— Может, надо попросить Джека прописать тебе что-нибудь? — хихикнула Нэнси.

— Знаешь, у Фицджеральда была одна тема, — продолжал Ларри, — что самая печальная вещь на свете — потеря способности к глубоким чувствам. Он назвал это повреждением. Повреждением жизнеспособности. Все ушло. Я помню, но ни услышать, ни почувствовать больше не могу.

— Постарайся, Ларри. И все вернется.

— Нет. Никогда. — Голос Ларри звучал настолько странно, что Нэнси встревожилась. — Знаешь, как мы встретились с Лилой? Тебе Лила говорила когда-нибудь?

— Нет.

— Ну и отлично. Что бы она тебе ни сказала, все равно будет ложью.

— Ларри, не надо так говорить о Лиле. Ты пьян, и не стоит об этом.

— Лила — самая ловкая лгунья в мире. Более того, она психопатическая лгунья. Действительно предпочитает лгать, а не говорить правду. Она не понимает и не чувствует разницы между правильным и ложным. У нее что-то с головой, Нэнси, и это невозможно исправить, разве что убить ее из милосердия, как отстреливают бешеную собаку.

Если бы голос Ларри Коннора звучал пьяно, Нэнси просто спрыгнула бы со скамьи и ушла. Но голос у Ларри был не как у пьяного. Напротив, он звучал настолько трезво, даже напряженно, словно он обдумывал вслух какую-то серьезную проблему.

— Ты не должен говорить такого, о чем потом пожалеешь, — сказала Нэнси. — Вон Лила и Джек. Пойдем к ним.

— Подожди, Нэнси. Мне бы хотелось рассказать тебе, как мы встретились с Лилой. Это было в Канзас-сити. Я работал в офисе вместе с двумя другими бухгалтерами, и все шло прекрасно. Была даже девушка, на которой я думал жениться. Однажды я пошел на коктейль и встретил Лилу. Она одиноко сидела в уголке и держала в руках мартини. Я подошел и начал разговор. Мы ушли вместе, вместе пообедали и отправились к ней домой. Она рассказала мне о себе — только что развелась с садистом, который получал особое наслаждение, заставляя ее страдать. Я исполнился ярости и желания защитить ее.

Но все оказалось ложью. Год спустя, как я женился на Лиле, я его встретил, он оказался таким отличным малым, с которым можно только желать познакомиться. Более того, он был не первый муж, как она говорила, а третий. Я — четвертый, а ей сейчас только двадцать шесть. С первым и третьим мужьями развелась. Номер два покончил с собой.

— Ларри! Ты просто обязан остановиться. Я ничего такого слышать не хочу.

— Ты мне не веришь?

— Я просто не желаю слушать.

— Нэнси, пожалуйста. Ты здесь единственный человек, который мне не безразличен. Мне бы хотелось, чтобы ты знала, и чтобы могла понять то, что может случиться позже.

— Не говори так, Ларри. Ты меня пугаешь!

— Нет, нет, я не собирался тебя пугать. Это нечто вроде терапии, чтобы быть способным разговаривать. Пожалуйста, выслушай меня. Тебя никогда не удивляло, почему мы с Лилой приехали год назад сюда?

Нэнси откинулась назад.

— Ты приехал, чтобы принять дела у старого мистера Кэмпбелла. Разве не так?

— Я думал, что мы с Лилой сможем в маленьком городке все начать сначала. Она растранижирила около десяти тысяч, я не мог оплатить все счета, хотя неплохо зарабатывал. Я думал, может, она изменится. Она не изменилась. Я еще не отдал и по-

ловины долгов в Канзас-сити, как она, не ставя меня в известность, наделаала долгов здесь. Может, я просто сорвусь и уеду.

— Бегство не приведет ни к чему хорошему, — Нэнси было ужасно неуютно.

— Я понимаю... Достойные у вас соседи, Нэнси.

— Мы тоже так думаем. И Дэвид, и я, — глупо пробормотала Нэнси.

— Потому что ты не знала правды, а может, и сейчас не веришь тому, что услышала. Как бы там ни было, благодарю.

— Да, Нэнси, — за скамейкой неожиданно раздался голос Лилы. — Как это мило с твоей стороны. Ларри, дорогой, ты развлекаешь Нэнси пьяными фантазиями? Не пойти ли нам лучше домой?

— Пойдем, — Ларри вздохнул и поднялся. Вид его воплощал поражение и усталость, будто он проиграл, проиграл вновь. — До свидания, Нэнси, Джек. В следующий раз, Джек, будь разборчивее, приглашая гостей.

Бухгалтер двинулся в темноту — по направлению к своему дому. Раздался тихий, хрупкий смех Лилы. Казалось, она собирается что-то сказать. Затем она подняла руки, встряхнула ими и пошла за мужем.

— Отлично, — произнес Джек, — они опять поссорились. О чем таком вы все здесь болтали, Нэнси? Я услышал только самый конец.

— Мне бы не хотелось это обсуждать, Джек!

— Хорошо, — немедленно согласился доктор. — Давай пойдем, посмотрим, не можем ли мы еще где потушить пожар, я думаю, Мэй опять шипит на бедного Стэнли.

Но Мэй и Стэнли Уолтерсы объявили перемирие до первого подходящего случая, и скоро, без дальнейших инцидентов, Уолтерсы пожелали всем доброй ночи и отправились через дорожку домой. Джек и Дэвид допили пиво, пока Нэнси помогала Вере прибраться на террасе, затем Нэнси и Дэвид тоже пошли, пересекая двор Конноров, домой. Хотя еще было довольно рано, около одиннадцати часов, они увидели, что в доме горит только одно окно — в комнате наверху.

3

— Дорогой, — спросила Нэнси Хауэлл, — что ты думаешь о Лиле?

— Она хороша собой, сексуально привлекательна и восхитительно неразборчива в связях, — ответил Дэвид Хауэлл. — Я обнаружил это сегодня в кустах таволги. То, что относится к неразборчивости, я имею в виду.

Дэвид лежал на боку, повернувшись спиной к Нэнси, сидевшей на другом конце кровати в короткой бледно-желтой ночной рубашке.

— Полагаю, — сказала она, — это случилось как раз тогда, когда мы с Ларри занимались любовью на скамейке. Дэвид, ну правда, что ты думаешь о Лиле? Я имею в виду — на самом деле. Ларри говорит, она не видит разницы между правдой и ложью.

— Ларри прав. У нее абсолютно отсутствует понятие о морали, имею честь подтвердить.

— Ларри говорит, что она прирожденная лгунья.

— Я сплю, — сонно произнес Дэвид. — Ты тоже ложись и выключай свет. Спокойной ночи, дорогая.

Но Нэнси совсем не хотелось спать. Она спустилась вниз, немного посидела на ступеньках, затем пошла по дорожке на улицу. Приблизившись к выезду со двора Конноров, расположенного в глубине их переднего двора, она увидела, как дверь гаража с грохотом отворилась, у машины стоял Ларри Коннор. Нэнси понаблюдала, как он садится в свой «бьюик», включает мотор и выезжает. Потом он остановил машину на выезде, вылез, выключил в гараже свет, захлопнула дверь и, вернувшись в «бьюик», медленно задним ходом выехал на улицу. Когда он почти поравнялся с Нэнси, она заговорила с ним.

— Привет, Ларри, куда едешь?

Ларри резко затормозил и высунулся из окна, вглядываясь в темноту.

— А, Нэнси, это ты. Что делаешь здесь в такое время?

— Не смогла уснуть и вышла прогуляться.

— Прекрасная ночь для прогулки. — голос Ларри звучал сдержанно, почти официально. — Ты спрашивала, куда я собираюсь?

— Кажется, я действительно хотела спросить...

— Еду ночевать в офис. Я сплю там, когда нахожу, что спать дома невозможно.

Это прозвучало зловецким напоминанием о домашних сложностях Конноров. Нэнси замолчала в надежде, что Ларри сменит тему или уедет. Но он не сделал ни того, ни другого. И тут Нэнси в тишине услышала странный ритмичный стук, природы которого сначала не поняла. Оказалось, Ларри постукивает по рулю с каким-то мерным отчаяньем. Это продолжалось всего несколько секунд, затем Ларри заговорил спокойно.

— Нэнси, ты помнишь, о чем я сказал сегодня вечером?

— О чем?

— Хочу, чтобы ты понимала, как все обстоит на самом деле.

— Полагаю, поняла. Да, действительно.

— Помни это. Спокойной ночи, Нэнси.

— Пока, Ларри. До завтра?

— Не думаю. Может быть.

Он выехал на улицу, повернул и отправился в сторону города. К черту, подумала Нэнси. Он опять так ее расстроил, что она, вероятно, не сможет пойти спать. Нэнси прошла обратно до дома, уселась на ступеньках и постаралась понять, что же Ларри имел в виду. Но как бы то ни было, очевидно, у них с Лилой сложности продолжались и после того, как они вернулись с вечеринки, иначе бы он не рванул ночью спать в офис.

Минут через десять Нэнси поднялась и отправилась вокруг дома на задний двор, жалея, что не прихватила с собой сигареты. Затем она поняла, ее внезапное желание закурить возникло при виде крохотного огонька, светящегося в темноте через

дорогу, в саду Уолтерсов. Кто-то курил. Стэнли, конечно. Мэй не курила. Значит, бедный Стэнли тоже не спит.

Нэнси перелезла через штакетник, вглядываясь в небольшую красную точку в темноте соседского двора.

— Стэнли, — мягко позвала она. — Это ты?

Светящаяся точка резко дернулась.

— Кто здесь? Кто это? — раздался голос Стэнли.

— Нэнси Хауэлл. Я тут, у заборчика.

Красная точка подплыла поближе, за ней вырисовывался Стэнли Уолтерс. На нем была надета пижама с широкими подтяжками, которые только еще более подчеркивали его габариты. Он на секунду перегнулся через забор, чтобы окончательно убедиться, что это Нэнси, затем осторожно открыл калитку и пересек дорожку.

— Что ты здесь делаешь одна, Нэнси?

— Я не могу заснуть. Ночь такая прекрасная. К тому же стало намного прохладнее.

— Завтра, говорят, будет не так жарко.

— Надеюсь. Последние несколько дней слишком жарко даже для загара. У тебя не найдется лишней сигаретки? Умираю — хочу курить. — Она взяла предложенную сигарету, прикурила от его сигареты и глубоко затянулась. Дым этой прохладной звездной ночью доставлял удовольствие. — Спасибо, Стэнли. Ты спас мне жизнь.

— За вознаграждением я приду позднее.

— Ладно, — засмеялась Нэнси. — Ты тоже не можешь заснуть?

— Нет. Хотя Мэй без задних ног дрыхнет.

— Дэвид тоже. Он спит как сурок.

— Ты давно на улице?

— Недавно.

— Мне кажется, я слышал, как отъехала машина Ларри. Ты не видела?

— Точно, Ларри уехал. Они, должно быть, поссорились с Лилой, и он сказал мне, что собирается ночевать в офисе.

— Он не должен был этого делать, то есть не должен был уезжать и оставлять Лилу в таком состоянии.

— Стэнли, о Лиле не беспокойся. Она и прошлой ночью оставалась одна. Кстати, я тоже.

— Беда Ларри в том, что он слишком много думает и воображает невесту что.

— Про Лилу?

— Не мое дело, но Лила не заслуживает такого обращения с его стороны.

— Как он с ней обращается, Стэнли? Я не знаю...

— Слышала, что о ней говорит? Он совсем ее не ценит. Вот и все.

Стало понятно, что Стэнли ценит Лилу, как надо. Нэнси решила, что слишком много было сказано о том, о чем, может, и вовсе не следовало упоминать. Дрожа, она затянулась последний раз и перебросила окурок через забор. Стэнли автоматически раздавил окурок подошвой кожаного шлепанца.

Так прошло полчаса. Нэнси налила себе чашку и еще одну для Дэвида и пошла наверх, в спальню, держа в каждой руке по чашке с блюдцем и зажимая под мышкой сложенную газету. Дэвид уже проснулся, но пока не очухался от сна. С ворчанием принял у Нэнси кофе.

— Дорогой, — обратилась она к нему. — Надо сказать, ты сильно разочаровал меня вчера вечером, особенно, когда мы вернулись домой. И поскольку ты был способен только спать и сопеть, я вынуждена была уйти и порыскать в другом месте.

— Молодец, — проворчал Дэвид. — Люблю в женщинах инициативу.

— И тебе даже не интересно узнать, нашла ли я кого? — сварливо спросила Нэнси.

— Ну, хорошо, — согласился Дэвид. — Нашла ли ты кого?

— Немного времени я провела с Ларри Коннором перед его домом, потом у меня было свидание со Стэнли Уолтерсом.

— Ты ненасытна, любовь моя. Как прекрасно, когда соседи тебе помогают.

— Помогают! И Ларри, и Стэнли вели себя совсем безразлично. Ларри только что закончил ссориться с Лилой и был на пути в свой офис. Когда минутой позже я рассказала об этом Стэнли, он начал размышлять о Лиде и вовсе не проявил никакого интереса ко мне. Дорогой, завтракать собираешься?

— Я собираюсь заняться газетой. Думаю, позже у нас будет плотный завтрак, чтобы не пришлось беспокоиться об обеде.

Плотный завтрак попозже. Это значило: омлет, бекон, жареное рубленое мясо, тосты, желе и кофе. Также это значило: в обед Дэвида не будет дома, но он побоялся сказать прямо.

— Что ты собираешься сегодня делать? — небрежно поинтересовалась Нэнси.

— Н?.. Я, если ты только позволишь, хотел бы прочитать газету.

— Я не говорю — именно сейчас, а позже.

— Позже? Ах, да, Джек Ричмонд попросил меня поиграть с ним в гольф. Конечно, я определенного ответа не дал. Ты не обижаешься, малыш?

— Вовсе нет, — холодно произнесла Нэнси. — Больше всего на свете жены любят, когда мужа покидают их в воскресенье, особенно, если трудно сказать, были ли они дома всю неделю.

Дэвид хлопнул газетой по столу и уставился на Нэнси:

— Черт подери, нельзя же назвать тебя покинутой, если я на пару часов пойду поиграть в гольф!

— Знаю, дорогой. А почему бы мне и Вере не пойти с вами и не поплавать в бассейне?

— Потому что Вере не хочется! Вот почему! И если ты собираешься раздуть все до государственных масштабов, я тоже не хочу!

— Нет-нет, дорогой! Я не собираюсь и слушать о том, что ты останешься дома. Не могу даже помыслить, чтобы стать между тобой и гольфом. Я просто вздремну или прогуляюсь, или предприму что-нибудь столь же волнующее...

Нэнси вышла на задний двор и начала прогуливаться, поглядывая туда-сюда, потом зашла домой и выпила еще чашечку кофе. Вскоре сошел вниз Дэвид, поцеловал ее и заявил, что в конце концов решил в гольф не играть. Нэнси не преминула обратить внимание, что он одет как раз для гольфа. Затем она приготовила плотный завтрак, Дэвид его с аппетитом съел и ушел через задний двор Конноров, захватив свои глупые игрушки и оставив ее прибираться на кухне и размышлять, чем бы занять день.

Поглядывая на маленькую террасу позади дома Конноров, Нэнси внезапно подумала, что не видела Лилу все утро. Даже если Лила и спала в своем прекрасном прохладном доме, сейчас-то уже должна была проснуться. Шел второй час. Возможно, Лила нуждается в ободрении, ведь Ларри уехал спать в офис и прочее. Нэнси решительно пересекла собственный двор и, перешагнув через низкую изгородь, попала во двор Конноров.

Она позвонила. Потом позвонила еще раз. Потом еще. Никто не ответил.

Используя права соседа, Нэнси отворила дверь и шагнула внутрь.

— Лила...

228
Ответа не последовало. Внезапно Нэнси ощутила какое-то странное чувство. Что-то не то. Но что? Ну, конечно! В доме было жарко. Кондиционер отключен. Лила, наверное, куда-то ушла, а Ларри не возвращался. Все еще озадаченная Нэнси вышла наружу, закрыла дверь и вернулась домой. Куда могла пойти Лила? Она не просто выскочила на несколько минут, иначе бы не стала выключать кондиционер. Более того, в доме настолько жарко, словно кондиционер выключен, по крайней мере, несколько часов назад. Может, Лила уехала навсегда? Но тогда почему она не закрыла дверь? Хотя могло случиться, что Лила была настолько зла или так расстроена, и уходя, просто не позаботилась запереть дверь. Нэнси решила позвонить Мэй. Ответили сразу.

— Алло.

— Мэй! Как дела?

— Кто это?

— Нэнси Хауэлл.

— Я и подумала, что это ты. Мне жарче, чем в пекле, если хочешь знать.

— Мне тоже. Может, пойдет дождь и станет прохладнее.

— На востоке немного облачно.

— Да? А я и не заметила.

— Очень надеюсь, что пойдет дождь и похолодает.

— Я тоже. Мэй, я ведь позвонила, чтобы спросить, знаешь ли ты, где Лила?

— Лила? Не знаю, Нэнси, меня это меньше всего интересует. Ее, что, нет дома?

— Нет, я только оттуда.

— Не видела ее с прошлой ночи.

— Мэй, у них отключен кондиционер. В доме настолько жарко, что, видно, отключен давно.

— Ну и что? Знаешь, Нэнси, я ничего не знаю о Лиле Коннор и знать не хочу. Ларри тоже нет?

— Ага.

— Не могу винить его, если он от нее ушел. Но, думаю, нет. Скорее всего, приползет на брюхе. Почему бы, когда он вернется, тебе не спросить его самого?

— Да, верно. Я должна попроситься, Мэй.

— Пока, дорогая. О таких, как Лила, можешь не беспокоиться. Такие всегда отлично могут позаботиться о себе сами.

Чертовски интересно, подумала Нэнси, кладя трубку на рычаг.

5

Офис Ларри Коннора располагался на первом этаже небольшого кирпичного делового строения в центре Маин-стрит. Поскольку была суббота, Нэнси смогла припарковать машину прямо перед офисом Ларри. На зеркальном стекле четкими золотыми буквами было написано его имя. Занавески из плотного черного сукна задернуты.

Нэнси трижды стучала в дверь, выходящую на улицу. Занавески не шевельнулись. Жалюзи за дверью остались закрытыми. На тот случай, если Ларри еще спит сном совершенно измученного человека, она, обогнув угол, поехала переулком, обтекающим деловой квартал, поднялась по переулку, ведущему в центр, и там свернула на небольшую частную стоянку. Помимо воли она испугалась, увидев припаркованную тут же машину Ларри.

Выйдя из «шевви», Нэнси пересекла переулок и постучалась в заднюю дверь офиса. Вновь никакого ответа. Она толкнула дверь, но та была закрыта. «Что мне тут надо?» — спросила себя Нэнси. Сначала она предположила, что он пошел в коктейль-бар в отеле, чтобы там основательно нагрузиться, но вспомнила, что по воскресеньям бар закрыт. Конечно, он мог убивать время в холле, читая воскресные газеты или смотря телевизор. Нэнси решила поискать там, предварительно заглянув в табачную лавку Аппельбаума, еще одно излюбленное место сборищ временно бездомных.

Ларри не было нигде. Нэнси даже спросила у клерка в отеле — вдруг Ларри, вместо того, чтобы ночевать в офисе, снял номер. Я просто исполняю свой долг, сказала себе Нэнси. Возможно, он в одном из баров, в обход закона торгующих в воскресенье, если так, то он определенно мог надраться самостоятельно, даже если ему надо напиться до беспамьяства. Нэнси подумала, что существуют пределы добрососедской помощи: не стучаться же в двери нелегальных алкогольных заведений.

Поэтому Нэнси поехала домой, загнала «шевви» в гараж и направилась через переднюю дверь в дом. Проверив жаркое, она заметила в кухне на столике возле раковины консервный нож и сделала логический вывод: Дэвид вернулся домой и продолжает пить холодное пиво, черт его подери. Вооруженная этим предположением, Нэнси с мрачным видом двинулась на задний двор, и, действительно, Дэвид был там. И не только Дэвид, еще и Джек Ричмонд, дома у него, что ли, дел нет! Они пи-

ли холодное пиво, и это после того, как основательно нагрузились в клубе.

— Привет, ребята! — развязно поздоровалась Нэнси.

Джек Ричмонд начал, как и полагается джентльмену, вставать, но стола заметно накренился. Джек со стоном шлепнулся в кресло, а Нэнси, демонстративно отодвинув кресло от мужниного, уселась тоже.

— Дорогая, хочешь пива? — спросил Дэвид. Порядок, вид у него был заискивающий.

— Нет, — улыбнулась Нэнси. — В холодильнике стоит кувшин джина с тоником. Я выпью его.

— Позвольте мне, — галантно предложил Джек. На этот раз он справился с пошатывающимся столом. Время, пока Джек отсутствовал, Хауэллы провели в полном молчании. Наконец милый доктор Ричмонд появился с кувшином в одной руке и стаканом в другой. Шел он, будто по канату. Осторожно наполнив стакан, он так же осторожно протянул его Нэнси.

— Благодарю, Джек, — промурлыкала Нэнси.

— Не за что, моя радость, — сказал гость с плотоядным выражением лица.

— Какого дьявола! — неожиданно прорычал Дэвид. — Какого дьявола ты приготовила среди дня целый кувшин джина с тоником?

— Потому что, мой дорогой, — ответила после хорошего глотка Нэнси, — мне было не с кем и нечем заняться. Кроме того, неплохо выпить можно и в одиночку. Я знаю, дражайший мой, как жены становятся алкоголичками, — от скуки.

— Ох, — вздохнул Джек Ричмонд.

— Черт, — отозвался Дэвид.

— Как гольф? — нежно поинтересовалась Нэнси.

— Мы разыграли восемнадцать лунок. Я забил 92.

— Это хорошо, милый?

— Не так плохо для человека, играющего время от времени, — коротко ответил он.

— Это очень хорошо, — вставил Джек Ричмонд.

— Должно быть, чрезвычайно утомительно разыграть восемнадцать лунок в такой жаркий день, — заключила Нэнси. — Предполагаю, после этого просто необходимо принять в клубном баре много холодного пива?

— А это как раз важнейшая часть всего мероприятия, — с энтузиазмом заявил Джек. — Иногда может заменить даже гольф.

— Мне бы хотелось знать, — потребовал Дэвид, — почему ты сделала так много? Ты что, собралась устроить оргию или что-то в этом роде?

— Так много — чего, дорогой? — спросила Нэнси.

— Ты знаешь — чего! Джина с тоником!

— О, дорогой, он не пропадет. Он прекрасно сохраняется в холодильнике.

— Еще лучше он сохраняется в бутылке!

— Но я собиралась выпить его с Лилой.

— Благородный жест, — вставил Джек Ричмонд. — Ты не смогла бы сделать Лиле ничего более приятного. Лила — заме-

чательная девушка из Джина с тоником. Впрочем, из одного Джина, черт с ним, с тоником.

— И с вами, и с гольфом, — отозвалась Нэнси.

— Точно, — счастливо подтвердил Джек.

— Ну и почему же? — спросил Дэвид.

— Почему — что?

— Почему вы с Лилой его не выпили?

— Ее не было дома и, насколько я знаю, еще нет. А вы ее не видели?

— Слава Богу, нет, — ответил Джек.

— Кстати, — сказал Дэвид, — тебя тоже не было дома, когда мы приехали. Где была ты?

— Ездил в центр города, поговорить с Ларри, но не могла его отыскать.

— Старина Ларри тоже исчез? — спросил Джек.

— Вчера, после вечеринки, он уехал.

— Нет!

— Да, — возразила Нэнси. — Я видела, как он уезжал.

— Он опять поссорился с Лилой, — сказал Дэвид.

— Бог с ним, — заявил Джек. — Если он удрал, я его не виню. Хуже то, что он всегда возвращается обратно. Если бы я был на его месте, я бы ушел навсегда.

— Отлично вы порицаете Лилу, — веско заметила Нэнси, — но я не уверена, что виновата только она. Если вас интересует мое мнение, то не слишком ли много вы критикуете ее в последнее время?

Джек сделал большой глоток, потом потряс банку с отсутствующим видом и аккуратно поставил на траву.

— Лила, — сказал он, — алчная, мстительная, хладнокровная сука.

Он сказал это спокойным профессиональным тоном, как доктор, ставящий диагноз. Уже в этом было что-то ужасное. Конечно, Джек выпил слишком много пива.

— Мне бы хотелось знать, нам не придется возвращаться к этому предмету... Меня это волнует потому, что отключен кондиционер, в доме жара. Может, тебе и понятно, почему кто-то выключает кондиционер, когда ненадолго выходит из дому, но лично я не понимаю. У меня такое чувство, будто здесь что-то не так.

— Кондиционер, что ли, выключен? — глубокомысленно спросил Джек.

— Вылетел предохранитель, — предположил Дэвид.

— Не думаю.

— Говоришь, ночью Ларри удрал? — переспросил Джек. — Уверен, Лила смоталась сразу после этого. Пусть катятся к черту, вот мое мнение, и какое нам до этого дело.

— Верно, — подтвердил Дэвид. — Никакого.

— Думаешь? — возразила Нэнси. — Может, вам, ребята, интересно будет знать, я не согласна. Мне кажется, надо зайти и осмотреть дом. Я прямо сейчас и отправляюсь, все равно, пойдете вы или нет.

— Извини, — сказал Джек, — но, по-моему, было бы умнее заниматься собственными делами.

— Вношу второе предложение, — вступил Дэвид, — может, еще пива, Джек?

— Я... — начал Джек.

Тогда Нэнси заявила:

— Я иду. Дэвид, ты идешь или нет? — Она с мрачным видом встала, ожидая ответа.

Дэвид махнул рукой и тоже встал:

— Джек, наливай себе. Мы вернемся через несколько минут.

— Я тоже могу пойти, — поднялся Джек, — как добрый сосед, полагаю, я должен разделить будущие неприятности.

Они перешагнули изгородь. Нэнси первой вошла через заднюю дверь дома Конноров на лестничную площадку, откуда три ступени вели наверх в кухню, а шесть — вниз, в подвал. Нэнси предложила мужчинам осмотреть в подвале предохранитель и подождала их на площадке. Когда они вернулись, Дэвид заявил:

— С предохранителем все в порядке. Кондиционер просто выключен. Лила упорхнула из гнездышка, ну и отлично. Сваливаем отсюда.

Но Нэнси сказала:

— Я собираюсь пойти наверх и заглянуть в комнату Лилы.

Они прошли через комнаты, где можно было испечься, к лестнице, поднялись наверх в пышущий жаром холл и подошли к двери в комнату Лилы.

Дверь была закрыта. Нэнси толкнула ее и увидела, что странное чувство беды оказалось изумительно верным, будто она откуда-то знала, что так и должно быть.

Лила находилась в своей комнате, мертвая. Она лежала на полу около кровати, вероятно, соскользнув, умирая, или упала перед нею. Она была в бледно-розовой полупрозрачной ночной рубашке, из груди торчала рукоятка, видимо, ножа, который, судя по всему, пронзил ее сердце. Вокруг рукоятки по тонкой ткани ночной рубашки расплылось бесформенное пятно.

Нэнси почувствовала себя так, словно кто-то внезапно толкнул ее в живот. Она издала неприятный клокочущий крик, который перешел в хныканье, и рухнула на руки мужа.

— Боже, — хрипло сказал доктор Джек Ричмонд. — Старина Ларри наконец собрался и сделал это. Боже, Лила все-таки довела его.

6

Если двери кабинетов, примыкающих к центральному помещению полицейского участка, распахнуты, как обычно и бывает в жару, каждый звук, доносящийся оттуда, слышен даже тому, кто предпочел бы заниматься своими делами.

Когда зазвонил телефон и дежурный ответил, лейтенант Август Мастерс, томящийся в персональной с роскошью обставленной парилке, обнаружил, что непроизвольно навострил ухо. Огромный опыт в оценивании нюансов голоса дежурного подсказывал лейтенанту — речь идет о чем-то необычайно серьезном. Вывод немедленно подтвердился: дежурный позвонил начальнику и попросил принять вызов. После чего Мастерс услышал также и голос шефа, доносящийся из кабинета по дру-

гую сторону центральной комнаты. При таком расстоянии следовало сконцентрироваться, чтобы подслушать разговор, но Мастерс не стал суетиться.

Зачем? Ведь о сколь-нибудь значительном происшествии он тут же узнает от самого шефа. Начальник полиции, будучи отягощен годами и достигнув почтенного возраста, представлял калеку в любом полицейском мероприятии, а Мастерс был его любимым костылем.

Поняв, что шеф перестал говорить, Мастерс принялся считать про себя, отделяя цифры секундным интервалом. Обычно счет доходил до девяти, но шеф начал сдавать с невиданной быстротой, и в эти дни дошло до четырнадцати секунд. Мастерс произнес «двенадцать», когда вошел шеф и опустился в соседнее кресло. Мастерс только присвистнул. Должно быть, взорвалась бомба.

Один взгляд на изрезанное морщинами лицо кирпичного цвета, и Мастерс понял, со звоном связано нечто не просто значительное, но — катастрофическое. Шеф был в панике. Позор, подумал Мастерс, что местные негодяи не объявили мораторий на преступления и не оставили старика в покое, покамест гробовщики прочно не наложат на него лапы.

— Что? — спросил Мастерс. — Убийство?

Лоб старика, покрытый морщинами и похожий на выжженное солнцем дно давно иссохшего ручья, внезапно побелел как мел.

— Ты откуда знаешь? — выкрикнул он.

— Я — экстрасенс, — представился Мастерс. — Ну и кто же?

Шеф вытер лицо старомодным синим платком.

— Женщина по имени Коннор. Миссис Лила Коннор. Прожила в Тенистых Акрах. Ее муж Ларри Коннор — бухгалтер. Он исчез, кажется, он ее и убил. — На какое-то время старик выглядел почти счастливым. — Думаю, достаточно открыть и закрыть дело, Гус. Надо лишь уточнить некоторые детали и произвести арест.

— Вы имеете в виду, после того, как мы найдем Коннора?

— Действительно, так. Они заметно выделялись среди всех молодых супружеских пар... Возможно, Гус, это дело, если там найдется нечто любопытное, попадет в газету.

— Да, этому городу не часто случается поиграть с убийством... Хотите, чтобы я взглянул?

— С такими делами, Гус, ты управляешься мастерски. Как бы то ни было, открой и закрой.

— Благодарю, — сухо сказал Мастерс.

— Надо поговорить с соседями, ты будь с ними полегче. Нам не нужны жалобы. Парень, что позвонил, назвался доктором Джеком Ричмондом. Ты знаешь Джона Д. Ричмонда? Граждане, подобные ему, способны устроить веселенькую жизнь, если им причинить неприятности.

— Я никогда никому не причиняю неприятностей, вы же знаете, шеф. Я ведь — милый Гус.

— Хорошо-хорошо, тебе бы лучше уже поехать. Я вызвал кононера. Вот адрес.

Мастерс взял листок и вышел. Смех, бьющийся внутри, был совсем умеренной насмешкой. Мастерс доехал до Тенистых Акров

меньше, чем за десять минут, и меньше, чем за пять, отыскал дом. Как ни странно, рядом никого не было. Он направился в обход дома и услышал голоса. На каменной террасе собралось шесть человек. Они тут же смолкли и крайне внимательно уставились на подходившего Мастерса. Мастерс был уверен, что они отметили его сходство с покойным комиком В.К.Филдсом, что, естественно, умалило в их глазах его достоинство офицера полиции. Ну да ладно. По опыту он знал, что это давало ему преимущество.

— Я — Мастерс, — представился он. — Лейтенант полиции. Кто из вас доктор Ричмонд?

— Я, — ответил Джек.

— Мне сказали, что вы сообщили об убийстве.

— Совершенно верно. Миссис Коннор заколота ножом. Она навверху, в спальне. То есть, тело.

— Вы обнаружили труп?

— Да.

— Я была вместе с ним. Я — Нэнси Хауэлл, — заявила Нэнси.

— И я тоже. Я — Дэвид Хауэлл, — вступил Дэвид.

— Почему? — спросил Мастерс.

— Потому что Джек не хотел идти, — ответила Нэнси. — И муж мой тоже не хотел. Только когда я пригрозила, что пойду одна, они согласились.

— Я не это имел в виду, миссис Хауэлл. Почему вы вообще пошли? Или здесь в порядке вещей заходить в дома посмотреть на чужие спальни?

— Прошлой ночью Лила и Ларри поссорились на вечеринке, а Лила не появлялась ни утром, ни днем, я и вправду забеспокоилась, — объяснила хорошенькая малышка, назвавшаяся Нэнси Хауэлл.

— Поэтому вы пришли сюда и направилась в спальню к Коннорам?

— Все нет. Сначала я пришла, захватив кувшин джина с тоником, но только шагнула через порог, поняла, что кондиционер отключен. Поскольку я не видела никаких причин для этого, то удивилась. Потом я решила съездить к Ларри в офис, посмотреть, там ли он, но никого не нашла.

— Почему же вы решили, что он может быть воскресным утром в офисе?

— Он сказал, что собирается туда. Прошлой ночью, я имею в виду. Я видела, как он уезжал. Иногда, когда они ссорились с Лилой, он ночевал там.

— Ясно, — сказал Мастерс. На самом деле ему ничего не было ясно, но у него уже по крайней мере сложилось о случившемся общее впечатление, которое он должен упорядочить после осмотра трупа и спальни. Следовало оставить до лучших времен всех этих людей, собравшихся на террасе Конноров, самой многообещающей из них лейтенанту представлялась хорошенькая легкомысленная женщина с быстрым язычком.

— Думаю, вы покажете мне ее тело, доктор, — Мастерс повернулся к Ричмонду.

— Если хотите, я пойду с вами, — заявила Нэнси.

— Я не пойду, если вы не настаиваете, — сказал Дэвид.

— Достаточно одного человека, — сказал Мастерс. — Доктор?

Возле двери спальни Джек Ричмонд отступил в сторону. Мастерс сделал несколько шагов и застыл. На полу комнаты лежала мертвая женщина. В груди у нее торчала рукоятка ножа для разрезания бумаг.

Она, должно быть, была потрясающей красавицей, подумал Мастерс.

— Доктор, здесь ничего не трогали?

— Нет. С Нэнси случился обморок, когда она увидела, и Дэвид увел ее вниз на террасу. Я же немедленно спустился к телефону и позвонил в полицию.

— И правильно сделали.

Мастерс встал на колени рядом с телом и потрогал его кончиками пальцев. Оружие, как он заметил, было металлическим ножом для разрезания бумаг. Очевидно, женщина мертва уже давно. Он уже хотел спросить мнение доктора, но осторожность остановила его. Лучше подождать прихода coronера. Мастерс поднялся с колен, вытер пальцы платком. И быстро осмотрел комнату.

— Забавно, — проговорил он.

— Все зависит от чувства юмора, — отозвался с порога Джек Ричмонд.

— Я имею в виду — странно.

— Что именно?

— Эта комната. Она такая аккуратная. Как вы считаете, если супруги поссорились так, что все кончилось убийством, то должны же остаться хоть какие-то следы борьбы?

— Не обязательно. Ларри в некотором отношении был странноват. Могу допустить, что, когда она, наконец, довела его, он держался достаточно спокойно. Возможно, просто взял нож для разрезания бумаг и использовал — до того, как Лила поняла, что же он собирается предпринять.

— Кажется, вы абсолютно уверены в его вине, а, доктор?

— По-моему, это очевидно, разве не так? Он удрал, и потом, кто еще мог это сделать?

Мастерс хмыкнул.

— А с чего вы взяли, будто она убита ножом для разрезания бумаг?

— Достаточно взглянуть на рукоятку.

— Верно. Вы, доктор, очень внимательны. Удивительно, почему, все же, выключен кондиционер? У вас есть предположения?

— Да. Вчера, к тому времени, как они вернулись домой, стало значительно прохладнее. Мне кажется, они собирались открыть окна. Мы с женой поступаем так же. Свежий воздух в любом случае лучше кондиционированного.

— Но окна закрыты.

— Просто было не до того. Возможно, они сразу начали ссориться.

— Хорошая мысль, доктор. Ладно, здесь больше нечего делать до прихода coronера и судебного эксперта. Давайте-ка вернемся на террасу.

Выйдя, Мастерс вдруг остановился и уставился на стену за дверь спальни так, как если увидел нечто удивительное.

— Это термостат?

— Думаю, да... Да, это он и есть.

Мастерс подошел к прибору и указательным пальцем медленно повернул диск, регулирующий температуру. Секунду спустя через воздушные ходы донесся слабый щелчок механизма и шум вентилятора.

— Работает, — сказал Мастерс.

— Конечно, работает. А вы чего ожидали?

— Думал, может, с ним что случилось, но он — работает, — Мастерс вернул диск в прежнее положение, и слабый шум прервался. Термостат, должно быть, специально поставлен так, чтобы воздух не кондиционировался.

— Конечно. Я тоже так сделал прошлой ночью... Они собирались открыть окна.

— Логичное объяснение, слишком логичное, доктор. Ладно, можно спуститься вниз.

7

Длинный летний день подходил к концу, и, выключив фары, Мастерс поехал в лежащий неподалеку центр города. Он подъехал к деловому кварталу, где находился бухгалтерский офис Ларри Коннора, свернул в переулок и остановил машину на небольшой стоянке, где уже находился «бьюик» Ларри Коннора.

Мастерс вылез из машины и подошел к «бьюику». Окна подняты и все четыре дверцы закрыты. Он заглянул через переднее стекло на место водителя, но все казалось нормальным. На полочке над приборной доской лежала открытая коробка бумажных салфеток, одна высовывалась из щели. На переднем сиденье валялась смятая сигаретная пачка. Больше ничего.

Он разогнулся, поморщившись от приобретенной с возрастом резкой боли в пояснице, и побрел к задней двери здания. Как и сообщалось, она была закрыта. Он потащился вокруг, по переулку и боковым улицам к передней двери, и попытался открыть ее. Заперто. Замок выглядел надежно и не поддавался бы никакому из тех ключей, что были у Мастерса, а ломать дверь — подсудное превышение полномочий. Ключи должны быть у хозяина здания, а Мастерс случайно его знал. Он направился через улицу к отелю и позвонил по одному из телефонов в холле.

Владелец здания, по фамилии Байер, недовольно откликнулся, услышав просьбу. Но согласился прийти прямо туда.

— Подойдите к двери, выходящей в переулок, — попросил Мастерс.

До того, как вернуться на свой пост, он купил десятицентовую сигару, но закуривать не стал, а жевал ее задумчиво. Байер прибыл с ключами через двадцать минут.

— А какая необходимость, лейтенант?

— Мистер Коннор приехал сюда прошлой ночью, — ответил Мастерс. — Его машина стоит здесь, можете убедиться. Но его самого с тех пор не видели. Мы подумали, что неплохо бы заглянуть.

— Мне не хочется вторгаться в деловые помещения арендаторов.

— Я не трону ничего без необходимости.

Байер открыл дверь и посторонился, пропуская Мастерса. Минуту постояв тихонько в жаркой и душной темноте, Мастерс не смог услышать ничего, кроме дыхания Байера, и не увидел ничего, кроме неясного объемистого предмета впереди.

— Выключатель возле двери, — сказал Байер. — Слева от вас.

Мастерс пошарил по стене. Пара флуоресцентных трубок под потолком дрогнула и ожила. Он стоял в небольшой захлавленной комнатке, где висело несколько больших карикатур и вдоль стены разместились три металлических шкафа с картошкой. Очевидно, это была кладовая для старых бумаг, ожидающих списания. Впереди, в стене, была дверь с матовым стеклом.

— Что там дальше? — спросил Мастерс.

— Три комнаты в ряд, до самой улицы, — сказал Байер. — Та, что за этой стекляной дверью, средняя, — личный офис мистера Коннора. Дальше, по фасаду, приемная, где находится стол его секретаря.

— Ясно.

И тут Мастерс почувствовал ужас. Он не хотел открывать дверь с матовым стеклом, которую, понятное дело, должен был открыть. Он обнаружил, что медлит, неторопливо осматривая комнату-кладовую, карикатуры, шкафы. Наконец он взял себя в руки и открыл дверь. Та качнулась внутрь и пропустила дорожку света из кладовой. Свет выхватил из темноты угол стола и спинку стоящего за ним кресла. Мастерс вошел и отыскал выключатель, вспыхнули флуоресцентные лампы под потолком, и Мастерс увидел то, что ожидал и чего боялся.

— Вам больше не стоит находиться здесь, — сказал он Байеру. — Только оставьте мне ключ. Мы все берем на себя.

— Почему? Что вы имеете в виду? — нервно спросил хозяин, взглянул через плечо Мастерса и отшатнулся, глубоко вздохнув.

— Кажется, мистер Коннор мертв, — сказал Мастерс. — Это ведь Коннор?

— Боже, да! Но как это случилось, лейтенант?

— Похоже на самоубийство.

— Это ужасно! Такой прекрасный молодой человек! Я могу чем-нибудь помочь?

— Да, мистер Байер. Вы можете уйти и дать мне возможность приступить к работе.

Он мягко закрыл дверь из кладовой перед носом Байера и минутой позже услышал, как Байер уходит через заднюю дверь.

Мастерс подошел к столу, обошел его. На первый взгляд, самоубийство выглядело несомненным. Особенно, зная о ночном убийстве в Тенистых Акрах.

Возле стены стояла софа, обитая коричневым пластиком. На софе со свесившейся правой рукой лежало тело Ларри Конно-

ра. Он устроился поудобнее перед смертью, отметил Мастерс. Легкий пиджак в рубчик и галстук аккуратно повешены на спинку стула. Воротничок белой рубашки расстегнут. Он не снял обуви, что сделал бы Мастерс для удобства в первую очередь, но ступни его покоились рядком на софе. Ни оружия, ни раны, ни крови. Некоторые физиологические признаки говорили о передозировке каких-то таблеток. Согласно уликам, самоубийство налицо.

Мастерс встал и осмотрел кабинет — квадратную комнату приблизительно двадцать на двадцать футов. Дверь с матовым стеклом, находящаяся на одной линии с дверью в кладовую, очевидно, вела в приемную, выходящую на улицу. В стене, разделяющей кабинет и кладовую, приблизительно в футах от софы, была третья дверь, полуоткрытая, по всей видимости, там находилась уборная.

Мастерс вошел, пошарил в поисках выключателя. В конце концов он обнаружил цепь, свисающую с потолка, дернул, загорелась единственная лампочка. Она давала довольно слабый свет. Тут были унитаз и раковина. Над раковиной висела аптечка с мутной зеркальной дверцей. На раковине валялись две половинки белой коробочки из-под лекарства и стоял стакан с небольшим количеством воды. На крышке смывного бачка стояла пинтовая бутылка дешевого бренди, закрытая пробкой и на три четверти полная. Мастерс взял нижнюю часть коробочки и понюхал. Она издавала знакомый душистый аромат, теперь уже слабый и почти исчезнувший. Мастерс без труда распознал его: проделки дешевейших баров не отличаются оригинальностью. Хлоральгидрат, основной компонент «Микки Финна». В небольших дозах действует как снотворное. В больших вызывает коллапс, кому и сердечную недостаточность или паралич дыхательных органов.

Мастерс отложил коробочку и замер, глядя на бренди. Он не знал Ларри Коннора, но, тем не менее, разочаровался в нем: жестоко расправившись с женой, затем кончает с собой с такой нежной заботой о собственных удобствах. Принять наркотик в бренди!

Возвратившись в кабинет, Мастерс уселся за телефон. Он набрал номер коронера, который только что вернулся домой и собирался приступить к позднему обеду. Коронер, человек вспыльчивый, отвечал неласково на вторичный вызов через несколько часов после первого, но сказал, что немедленно подъедет. Мастерс нажал на рычаг, затем позвонил в полицейский участок и спросил у дежурного, вернулись ли офицеры, которых он оставил в доме у Конноров, но ему ответили, что нет. Он поинтересовался, там ли еще начальник, что очень маловероятно, и оказался прав — ответ отрицательный. Он сказал дежурному, куда послать офицеров, когда те возвратятся, и повесил трубку.

Мастерс уселся во вращающееся кресло Ларри Коннора, задрал ноги, прикрыл глаза и пожевал сигару. Через некоторое время он услышал копошение коронера у задней двери и пошел через кладовую встретить его. Коронер, маленький, недо-

вольный и бесцветный, заторопился внутрь и сердито приступил к работе, на подбородке у него все еще виднелась капелька подливки. Мастерс помедлил возле двери, выходящей в переулочек. Тут, отметил он, находилось окно, отделенное от двери приблизительно восемнадцатью дюймами стены. В нижней половине окна был установлен мощный кондиционер. Окно находилось напротив двери в кабинет. Охлажденный воздух вдувался прямо через дверь, если она оставалась открытой, и таким образом успешно охлаждал обе комнаты. Мастерс опять ощутил угнетающую жару. Он повернул пару виньер, вентилятор начал вращаться. Мастерс почувствовал, как начинает струиться прохладный воздух. Он оставил кондиционер включенным и пошел в кабинет. Коронер сидел на корточках возле софы.

— Какого дьявола, — проворчал коронер, — ты влез в вентдетту?

— Просто маленькое семейное недоразумение. Вас, наверное, больше не будут беспокоить из-за этого. Любой способен диагностировать удар ножом, даже гробовщик, но этот случай — для врачей.

— Выглядит, как сердечная недостаточность, но при данных обстоятельствах я предполагаю яд.

— Мое мнение: верно и то и другое. Первое вызвано вторым. Коробочка там, в туалете, он принял его в смеси с бренди. В коробке слабый запах. Вы знаете, что в ней было?

— Что?

— Хлоральгидрат.

— Передозировка «Микки Финна»? Да, он может вызвать подобное. — Коронер рванул на себе воротничок и подергал обвисший галстук. — Жарко тут, как в аду. Можно впустить сюда немного воздуха?

— Сзади есть кондиционер. Я только что включил его.

— Хочу закончить здесь все и уйти, лейтенант. Кто-нибудь еще есть в этой семье?

— Нет, только муж и жена. А что?

— Хочется вернуться домой и закончить обед!

Мастерс вошел в приемную и отыскал выключатель. Комната была мала, в ней не было ничего, кроме стола секретаря, нескольких кресел и низкого столика, заваленного журналами. Над притолокой двери, выходящей на улицу, была вмонтирована другая кондиционер, поменьше, чем в задней комнате. Один режим, оценил Мастерс. Как же, к черту, приходится добираться до него? Потом он понял, что кондиционер управляется выключателем, расположенным ниже.

Погасив свет, Мастерс вернулся в кабинет и обнаружил, что коронер говорит по телефону.

— Заказываю санитарную машину, — кисло сказал он и кивнул на коллекцию вещей, принадлежавших умершему, разложенную на столе.

Мастерс быстро осмотрел их. Монеты, платок, бумажник, карманная расческа, кожаный футляр для ключей, часы с правого запястья Коннора. В бумажнике оказалось двадцать два

доллара: пара десятков и два по одному плюс водительские права, несколько кредитных карточек и разнообразная мелочь, незначительная. В футляре было пять ключей. Мастерс недовольно уставился на них, затем сложил футляр и опустил в свой бумажник.

Коронер, который все еще рявкал в телефон, повесил трубку.

— Едут, — сказал он. — Я тоже. Здесь ордер на перевозку. Оставьте меня в покое ненадолго, ладно?

Мастерс ответил, что это было бы для него удовольствием, и услышал звук замка, щелкнувшего, когда коронер уходил через заднюю дверь. Оставшись один, он опять сел во вращающееся кресло. Когда он с трудом разместил ступни на столе, то с удивлением услышал какое-то постукивание, которое издает только полицейский, когда хочет, чтобы его впустили. Махнув рукой, Мастерс встал и направился к задней двери.

8

Мастерс находился в офисе Ларри Коннора до восьми утра следующего дня. Он не знал, в какое время приходит секретарша покойного, но делал ставку на то, что в городе обычно работали с восьми до пяти вечера. И оказался прав. За минуту до срока он услышал, как поворачивается ключ в замке передней двери. Мастерс подждал секретаршу, стоя возле ее стола, — рука в кармане мешковатых брюк, пальцы поигрывали завалившейся двадцатипятицентовой монеткой. Секретарша оказалась хорошенькой, крепко сколоченной рыжухой, которой, как решил Мастерс, перевалило далеко за двадцать. Когда она увидела Мастерса, то казалась скорее удивленной, чем встревоженной. Мастерсу не особенно понравилась ее прическа. У нее был естественный рыжий цвет, но волосы она укладывала валиком, чтобы они выглядели пышными и обильными.

— Кто вы? — спросила она.

— Лейтенант Мастерс. Полиция. — Он показал удостоверение.

— Но почему вы здесь? Мистер Коннор уже приехал?

— Нет. Его совсем не будет. Об этом я и хочу поговорить. Вам лучше присесть.

Он вынул из кармана руку, в то время как секретарша обошла его и направилась к креслу за столом. Она двигалась осторожно, и у Мастерса создалось впечатление, что девушка ожидает плохих новостей. Она запахнула сумочку в ящик и села, положив руки на стол, как учительница, собравшаяся вызвать ученика к доске.

— В чем дело? С мистером Коннором что-то случилось?

— Мне кажется, мы не познакомились.

— Руфь Бентон.

— Скажите, мисс Бентон, вы давно работаете у мистера Коннора?

— Больше года. Около пятнадцати месяцев. Почему вас это интересует?

— Значит, времени достаточно, чтобы очень хорошо узнать его. Каким он был?

Истинный ответ отразился в ее глазах, и Мастерс понял, что, кем бы ни был Коннор для других, для нее он представлял нечто особенное. А она для него? Вполне возможно. Для мужчины, у которого жена вроде Лилы, Руфь Бентон выглядела очень неплохо.

— Он добрый, чуткий и честный. Он не сделал бы ничего бесчестного, если вас это интересует.

— Нет. А не казался он вам взволнованным, неуравновешенным?

— У него были сложности... — Она остановилась, внезапно осознав в словах Мастерса напряжение, которое и она в свою очередь бессознательно вложила в свою реплику. — Что случилось с мистером Коннором? Он умер?

— Что заставило вас это предположить?

— Умер?

— Да, умер. Прошлой ночью покончил с собой здесь, в офисе. Она восприняла это достойно, и Мастерс, который страшился ответной реакции, был благодарен. Он терпеливо подождал, и скоро она заговорила спокойно. Голос ее дрожал, но, казалось, не от потрясения и горя, а от гнева.

— Она все-таки довела его.

— Кто?

— Его жена.

— Итак, я понял, он не был счастлив с миссис Коннор. Так ли было плохо?

— Ведь он умер? Понимаете, что это значит, когда тебе лучше умереть, чем жить?

— Вы не попытаетесь рассказать, как узнали о его личной жизни?

— Ларри рассказывал мне. Ему надо было поговорить хоть с кем-нибудь.

Теперь, без притворства, он был «Ларри», Мастерсу она даже понравилась за это.

— Вы были друзьями?

— Да.

— И все?

— Нет, — сказала она без вызова и бравды. — У нас были особые отношения. Я предпочла бы не говорить об этом.

— Понимаю. Вы встречались и не в офисе?

— Иногда.

— Где?

— В разных местах. Выпивали в отеле. Время от времени обедали вместе. Несколько раз он заходил ко мне домой.

— Благодарю за честность.

— Почему я должна врать? Мы не собирались прятаться. Мы не спали — все очень невинно, лейтенант. Сейчас мне хочется, чтобы этого не было.

— Он ненавидел свою жену?

— Ненавидел — не то слово. Она приводила его в отчаяние. Он хотел ее оставить.

— Он забрал ее с собой, мисс Бентон.

— Что? — Она оперлась на стол.

— Он убил ее.

— Я не верю!

— Тело нашли в спальне, она заколота, а его отыскивали здесь.

Руфь Бентон уставилась на свои стиснутые руки и медленно клонила голову, пока та не опустилась на них. Мастерс ожидал, что она будет сломлена, и предвидел ливень слез, но опять почувствовал облегчение: она поднялась через некоторое время и вынула сумочку из ящика.

— Я бы хотела уйти домой.

— Как вас отыскать, если понадобится?

— Адрес в справочнике.

— Отлично, мисс Бентон.

Она вышла, стиснув сумочку, все еще создавая впечатление жестокого самоконтроля. Она, подумал Мастерс, замечательно твердая и надежная молодая женщина.

В полицейском управлении Мастерс доложил шефу, доведя до сведения старика, что обе смерти очевидно взаимосвязаны.

— Вот дерьмо, — сказал шеф. — Но по крайней мере, простое и ясное дерьмо. Убийство — самоубийство. Вся семья. Сво-
рачивай дело.

— До того, как я сверну его, шеф, мне бы хотелось взглянуть на пару вещей.

— Что такое? Какие вещи?

Мастерс порылся в кармане и вытащил кожаный футляр для ключей, позимствованный из офиса Ларри Коннора. Он открыл его и положил на стол шефа.

— Одна вещь — футляр для ключей. Эти два ключа от машины — один для дверей и зажигания, другой от багажника. Эти два от передней и задней двери офиса. Я проверил все четыре. Пятый, предполагаю, или от передней, или от задней двери дома. Вопрос в том, почему у него не было двух ключей — для обеих дверей.

— Все это представляется мне чертовски неважным, Гус. Может, парень просто носил один ключ.

— Верно. Поэтому я хочу еще раз вернуться в дом.

— Гус, будь осторожен. Мы не можем позволить, чтобы это имело какие-либо последствия.

— Я — само благоразумие.

— Ты сказал — пара вещей. Что еще?

— Кондиционеры. Они выключены и в доме, и в офисе. Удивляюсь, почему.

— Черт подери, человек, собирающийся покончить с собой, вряд ли побеспокоится, чтобы включить кондиционер!

— Ну а в доме? День выдался очень жаркий. Кондиционер должен был работать. Не возникал вопрос — включать его или нет.

— Может, вылетел предохранитель?

— Нет. Я проверял. Доктор Ричмонд полагает, что они намеревались открыть окна. Ночью похолодало.

— Действительно.

— Только они этого не сделали. Окна закрыты.

— Хорошо, Гус. Проверь насчет ключей и кондиционеров, если считаешь нужным, но помни, что я тебе говорил. Будь осторожен.

Мастерс повторил, что будет, и отправился в свой кабинет, где нашел рапорт эксперта. Никаких сюрпризов. Отпечатки пальцев обоих Конноров находились в спальне убитой на различных предметах. Отпечатки мужа были повсюду в его офисе, в том числе и на коробке из-под лекарств, и на бутылке, которую Мастерс нашел в уборной. На рукоятке орудия убийства были отпечатки правой руки Коннора, и больше ничего. Само по себе это не странно, но было ясно видно, что отпечатки отпечтаны только один раз. Если бы даже только сам Коннор пользовался ножом для разрезания бумаг, он брал бы его многократно. Почему же всего один набор отпечатков?

Загрузив свой суматошный мозг и этой незначительной загадкой, Мастерс отбыл в Тенистые Акры.

Спокойным утром понедельника дом Конноров выглядел нормально и надежно.

Мастерс остановился на проезжей дороге и срезал угол, пройдя по пыреку к передней двери. Ключ из футляра подходил и открывал ее гладко.

Он закрыл дверь за собой и поднялся наверх. Из комнаты было унесено нечто, вносящее в обстановку беспорядок, а именно, тело, и офицеры, уходя, оставили комнату такой же опрятной, как и прежде. Мастерс подумал, что эта комнатка — привлекательное гнездышко для упражнений в супружеской любви, и казалось, она терпеливо ждет возобновления опытов. Может, позднее, может, другими людьми. Мистер и миссис Конноры не любят друг друга, их нет дома, они не вернутся. Мастерс махнул рукой, размышляя об утратах, спустился вниз и вышел на улицу, в этот раз через заднюю дверь. Он попытался приладить ключ от передней двери к задней. Но тот даже не влезал в замочную скважину. Был ли в футляре другой ключ? И если был, где же он?

Мастерс внезапно почувствовал, что за ним наблюдают. Он украдкой взглянул вбок и увидел отлично сложенную молодую женщину в белых шортах, пристально рассматривавшую его с соседней террасы. Нэнси Хауэлл, жена школьного учителя. В ее любопытстве, которое она даже не пыталась скрыть, было что-то занимательное. Действительно, подумал Мастерс, нечто занимательное было в каждой ее черточке, в каждом изгибе. Лакомый кусочек для педагога, спешащего домой.

Лейтенант сунул футляр от ключей в карман и направился к очаровашке.

— Доброе утро, миссис Хауэлл.

— Доброе утро, — ответила Нэнси. — Любопытно, что вы здесь собираетесь делать?

— Взглянуть еще разок. Иногда, вернувшись, можно заметить что-нибудь новое.

— Ну и как?

— Не могу сказать, что заметил.

— Вы уже отыскивали Ларри?

— Да.

— Я знала, что отыщете. — Без особой надобности она подернула шорты и привлекла этим внимание к своим ногам. Но к тому времени Мастерс смотрел ей в глаза, которые выглядели такими же очаровательными, но, кроме того, и глубоко взволнованными. — Он был в своем офисе?

— Да, все время.

— Мертвый?

— Да.

— Бедный Ларри. Бедная Лила. Мне их обоих жалко. Наверное, вы не сможете этого понять.

— Обычно я сочувствую жертве, миссис Хауэлл. Но всегда приберегаю что-нибудь и для преступника.

— А разве это не обычно для полисмена?

— Обычно? Для меня человек в несчастье — несчастный человек.

— Прекрасно сказано! Звучит как афоризм. Вы его только что придумали?

— Вероятно, нет. Обычно я мыслю не афоризмами.

— Вы не расскажете, как умер Ларри?

— Разумеется. Скоро все узнают. По всей вероятности, он погиб от дозы хлоральгидрата, разведенного в бренди.

— Хлоральгидрат? Что это?

— Одурачивающий порошок. Основной компонент «Микки Финна». Довольно безвредный в малых дозах, и смертельный в больших.

— Странный способ!

— Не скажите, у него есть свои преимущества: легко приобрести, легко принять. Без боли, без недомогания, без неприятностей. Наступает кома и все. Сердечная или респираторная недостаточность. Существует масса худших способов.

Энзи тем не менее передернулась.

— Как бы то ни было, это проясняет все, да?

— Кажется, так. Убийство и самоубийство.

— Тогда зачем вы вернулись? — она хитро взглянула, задрав голову. — Если все ясно, я имею в виду.

— Необходимо выяснить мелочи. Может, это и не важно, но никогда не знаешь точно. Кроме того, я хотел бы, чтобы вы мне помогли.

— В чем?

— Тело мистера Коннора находится в морге. По закону, необходимо официальное подтверждение его личности. Вы сможете опознать его?

— О, боже!

— Я не должен был просить. Это сделает кто-нибудь из соседей-мужчин. Ваш муж дома?

— Нет, Дэвид давно ушел в школу. Джек в своем кабинете, думается, Стэнли в магазине, я пойду с вами, лейтенант. Я... я не волнуюсь.

— Спасибо. Я отвезу вас туда, а потом обратно.

— Если вы подождете, я надену платье. Зайдете?

— Подожду здесь. Не торопитесь.

Нэнси вернулась в простом голубом платье, которое заслужило восхищение Мастера. Он поразился, как она смогла приобрести такой небрежный шик в столь короткое время с таким малым количеством реквизита. В основном, предположил он, это природные задатки, которые выражены, очень выражены. Всю дорогу Мастер остро ощущал присутствие маленькой женщины в полицейской машине и смотрел прямо перед собой на шоссе, как бы наказывая себя. Какими духами она душилась? Аромат был слабым и ускользающим, и когда они припарковались за моргом, доехав переулком, он все еще не понял.

Внутри здания с запахом обстояло иначе. Тут царил запах застоявшейся смерти, казалось, он сочится из штукатурки, дерева, из старого кирпича. Или, может, это было только слияние всех запахов, которые собирались там, где мертвец готовился к вечности. Человек, одетый в нечто вроде фартука, впустил их и провел в небольшую комнату, где Ларри Коннор лежал, терпеливо ожидая заморозки после вскрытия. У Мастера мелькнула мысль, что вскрытие в данном случае ничего не дало. Признаки присутствия хлоральгидрата, который всегда трудно обнаружить, совсем исчезли.

Он внезапно почувствовал, что Нэнси остановилась, и повернулся к ней. Она стояла очень тихая, с закрытыми глазами, дерзкое личико побледнело. Мастер ощутил огромное чувство тревоги, она определенно собиралась упасть в обморок. Но еще до того, как он подошел, Нэнси открыла глаза и глубоко вдохнула.

— С вами все в порядке, миссис Хауэлл? — спросил он.

— Да, у меня немного закружилась голова, и только.

— Вы уверены, что вам хочется сделать это?

— Мне не хочется, но я сделаю.

Потом это было не так уж страшно. Ларри выглядел спокойным и настолько отрешившимся от всех бед самого различного свойства, и настолько «неЛарри», в конце концов, что было невозможно почувствовать что-нибудь кроме удивления: он сам, по собственной воле, сделал выбор. Его печальное тонкое лицо было прочерчено складками и выражало полнейшее безразличие ко всему, что случилось с ним и что может случиться в дальнейшем. Только ли ночь назад, подумала Нэнси, она сидела с ним на скамейке и слушала его. Голос его вернулся к ней шепотом, пришел из немыслимой дали и давнего прошлого. А где была Лида? Была ли Лида в этом месте смертельной сладости? Нэнси повернулась и пошла обратно. Мастер шел следом. На улице она остановилась возле машины, на мгновение оперлась на нее, и Мастер почувствовал желание погладить ее по голове, взять за руку, утешить простым человеческим жестом.

Мастер и вправду чувствовал вину, что подверг ее тяжело-му испытанию. После разговора на террасе у него возникло необъяснимое нежелание покинуть ее, и он избрал такой мрачный способ сохранить ее общество. Мыслила она ясно, но чуть легковесно, что и порождало ее живое и невинное любопытство. Мастер с самого начала ощутил какое-то странное чувст-

во к ней, удивился, и вот теперь решил проверить и себя, и свою нерешительность.

— Мне бы хотелось узнать, — спросил он, — не выпьете ли вы со мной чашку кофе?

— Думается, мне лучше пойти домой.

— Я был бы очень признателен, миссис Хауэлл. Мне бы хотелось поговорить с вами.

— О чем?

— Меня заботит пара вещей. Что вы скажете?

— Я угощу вас чашкой кофе у себя дома, лейтенант. Согласны?

— Если это вас не слишком беспокоит...

Таким образом они вернулись, сели на кухне и стали пить кофе, оставшийся от завтрака. Нэнси через стол разглядывала его, сдерживая любопытство.

— Вы можете подумать, что я сошел с ума, — начал Мастерс.

— Почему?

— Потому что, миссис Хауэлл, если нечто выглядит одним образом, а я думаю, что это нечто может быть совершенно иным...

— Каким иным?

— Нечто выглядит как убийство и самоубийство. А могло бы быть убийство и убийство, похожее на самоубийство. С третьей стороны.

Нэнси была поражена.

— Что вас заставило так думать?

— Как уже говорил, пара вещей. Ключ, который мог быть потерян, а мог и не быть... Вы обнаружили, что кондиционер в доме Конноров выключен. Почему? Доктор Ричмонд считает, что собирались открыть окна. Я этим не удовлетворен.

— Но зачем понадобилось его выключать?

— А если кому-нибудь захотелось спутать время смерти?

— Не понимаю, лейтенант, — заинтересовалась Нэнси.

— В определении времени смерти с достаточной степенью точности, — объяснил Мастерс, — необходимо принимать в расчет ряд факторов: климат, погоду, температуру, атмосферное давление, особые местные условия и тому подобное. При высокой температуре тела разлагаются значительно быстрее, к примеру, чем при низкой. Конечно, если имеются кондиционеры, медицинский эксперт должен учитывать их в своем заключении.

— Вы хотите сказать, — выдохнула Нэнси, — что кто-то манипулировал с кондиционерами?

Мастерс мог только восхититься быстротой ее мышления.

— Точно. Давайте перейдем к третьему действующему лицу в этом деле, миссис Хауэлл, и давайте не будем пока интересоваться, почему. Он знает, что творится в доме Конноров, знает, что они в ночь на воскресенье сильно поругались. Он видит, что когда Лила Коннор будет убита, это убийство можно элементарно приписать Ларри. Очевидно, что если убийца может инсценировать убийство Лилы мужем, то спокойнее, если Коннор тоже умрет и, следовательно, защитит себя не сможет. Итак, убийца говорит себе: «Все должно выглядеть как убийство и са-

моубийство — муж, убивающий жену, а затем кончающий с жизнью...»

— Вы серьезно полагаете, будто Ларри убит только для того, чтобы запутать других?

— Я просто размышляю вслух, — с улыбкой сказал Мастерс. — Теперь, обстоятельства — давление времени или событий, которых нельзя избежать, — заставили убийцу покончить с Лилой и Ларри Коннорами за небольшой промежуток времени, так что трудно или вовсе невозможно представить точно, в каком порядке совершены убийства. Но по плану убийцы, смерть Лилы должна быть медицински установлена и датирована, как происшедшая раньше смерти ее мужа. Вот здесь и нужно манипулировать кондиционерами.

— Поняла, — сказала Нэнси, сосредоточенно нахмурившись. — Работал ли кондиционер в офисе Ларри, когда вы его нашли?

— Нет. В помещении было душно и жарко.

— Но если ваша теория верна, разве вы не должны были найти кондиционер включенным?

— Нет. Но давайте не будем пока касаться механизма преступления. Смысл в том, миссис Хауэлл, что я не готов принять это за «убийство и самоубийство».

Но Нэнси покачала головой:

— Слишком невероятно, лейтенант. У вас абсолютно нет повода так думать. Вы все нафантазировали.

— По крайней мере, это могло бы объяснить нагретый дом и потерянный ключ от задней двери. Если он действительно потерян. Вы случайно не знаете, носил ли Ларри Коннор этот ключ?

— Должен был. Я видела, как он входил туда, когда Лилы не было дома.

— Что и требовалось доказать. Вы наблюдательная молодая женщина, миссис Хауэлл. Поэтому я и хотел поговорить с вами.

— Но, надеюсь, мои наблюдения не причинят слишком много вреда невинным людям.

— Не причинят.

— Я не столь уверена. Но, возможно, вы достаточно умны, чтобы не думать плохо о том, кто не должен был сделать ничего плохого.

— Надеюсь. Продолжать ли мне мои фантазии?

— Они мне кажутся интересными. Но и пугающими. Что же дальше?

— Меня озадачивает еще одна штука: зачем Ларри Коннор, убив жену, отправился в офис и покончил с собой там. Почему не дома?

— Он мог особо не размышлять. Может, сначала хотел убежать, а затем понял, что это бесполезно.

— Самоубийцы часто совершают глупости. Надо принимать в расчет и это. Вы видели, как уезжал Коннор. Безрассудно ли он действовал? Был ли похож на человека, убегающего с места преступления?

— Нет. — Нэнси уставилась на свой остывающий кофе. — Нет, действительно нет.

— Опять-таки, вот вам другая маленькая неувязка. Отлично, предположим, он оставил живую Лилу. Предположим, он, в точности как и сказал вам, отправился ночевать к себе в офис. За ним могли проследить и убить, затем убийца мог вернуться, забрав ключ от задней двери, и убить Лилу.

— Погодите. Все становится все более и более абсурдным. Вы считаете, что убийца, если он существует, кто-то из ближайших соседей?

— Да. Если убийца существует, он наверняка живет по соседству. Возможно, присутствовал на субботней вечеринке.

— Ну и кто из нас, осмелюсь спросить, на подозрении?

— Может быть любой. Зависит от того, сколько было сказано правды. А также, кто кого защищает. Подумайте немного. Вы говорите, что оставили Стэнли Уолтерса возле ограды у дорожки, после того как сказали ему, что Коннор уехал в офис. Следовательно, Стэнли подходит. Доктор Ричмонд живет напротив Конноров. Он мог легко увидеть, что Коннор уехал, подслушать, как вы с ним разговариваете у ворот. Доктор признался, что выехал позже в больницу. Прямо ли туда он отправился? Находился ли он там все время? При любом раскладе доктор Ричмонд также под подозрением. Продолжать?

— Лучше не надо. — тихо сказала Нэнси. — Слишком тошнотворно. Следующее вы скажете, что я могла бы сама совершить убийство.

— Точно. Вы тоже подходите. — Нэнси, пораженная, замолчала, и Мастерс торопливо добавил: — Если бы я хоть на секунду считал вас виновной, я не стал бы с вами так разговаривать.

— Ну, хорошо. Я с вами, лейтенант, разговаривала слишком долго и сказала слишком много. И, кажется, продолжать разговор мне не хочется.

— Простите. — Мастерс поднялся и грустно заглянул в свою пустую чашку, которую, как он надеялся, Нэнси наполнит еще раз. Она тоже встала — воплощение оскорбленной женственности. Он, чтобы успокоить ее, сказал:

— Это только предположение, миссис Хауэлл. — Но поскольку она продолжала изображать статую, Мастерс пришел в себя и добавил: «пока что...» И ушел с горьким привкусом триумфа на губах.

9

В качестве подозреваемого лейтенанту Мастерсу больше всего нравился доктор Джек Ричмонд. Во-первых, виновность симпатичного доктора казалась, да-да, самой привлекательной. Во-вторых, это был мужчина, относящийся к типу киношных красавчиков, что, грубо говоря, попахивало причиной. В-третьих, как врач, он имел идеальную возможность назначить роковое лекарство. Под предлогом, что его беспокоит здоровье соседа, он мог зайти в офис Ларри Коннора, не исключено, что по дороге в больницу, и дать «седативное», которое Ларри, расстроенный конфликтом с Лилой, принял без колебаний. Конечно, врач едва ли прописал бы хлоральгидрат, но, с другой стороны, покушающийся на убийство доктор наверняка бы использовал

такие таблетки, которые нельзя ожидать от врача. При любом раскладе, надо проверить известный вызов доктора Ричмонда в больницу, и Мастерс решил сделать это не откладывая.

Время, конечно, неподходящее. Никого из дежуривших в больнице. Все, что Мастерс мог сделать, — справиться в регистратуре родильного отделения, сообщил ли доктор Ричмонд о приходе и уходе. Оказалось, сообщил: прибыл в 1.20 и уехал в 3.30. Совершенное алиби, если оно устоит. Куча свободного времени для пары убийств, если алиби не доказано. Или — что более вероятно — для одного убийства. Не надо поторапливать фортуна, рассудил Мастерс. Если теория о кондиционерах верна, Ричмонд должен был убить Ларри Коннора первым. Позднее, через некоторое время после 3.30, он мог бы сходить к Лиле. Мастерсу были очень нужны имя и адрес медсестры, дежурившей в палате во время ночной смены. Особенно утруждать себя поисками не пришлось, и то и другое он смог получить в той же регистратуре. Медсестра Агнес Морроу жила в небольшом многоквартирном доме, в нескольких кварталах отсюда.

Мастерс припарковал машину на обочине в пятидесяти футах от дома. Часы показывали второй час — время завтрака прошло, но Мастерс не чувствовал голода, кроме того, он, как обычно, сидел на диете. Если предположить, что сестра Морроу, окончившая дежурство в 7.00, освободилась в 8.00, она спала не более пяти часов. Для Мастерса, который не спал крепко, хватало пятичасового сна, но для Агнес Морроу, сон у которой мог быть хорошим, этого мало. Тем не менее он решил попытаться и вылез из машины. В холле по списку жильцов установил номер квартиры Агнес Морроу и позвонил в дверь.

Ему повезло. Сестра Морроу не спала, хотя и не была одета. То есть она была в пижаме и в махровом халате. Однако Мастерса близость к столь интимному одеянию не взволновала. Агнес Морроу более сорока лет не меняла образ жизни, и создавалось гнетущее впечатление, что она каждый день из этих сорока лет блюдет свою добродетель. Тощая и поседевшая. Она выглядела так, будто говорить будет кратко и прямо, просто постесняется закашляться. И Мастерс оказался прав.

— Да?

— Мисс Агнес Морроу?

— Это я.

— Меня зовут Мастерс. Лейтенант. Полиция. Мне бы хотелось с вами поговорить. Конфиденциально. — Краткость и прямота его были автоматической реакцией на ее краткость и прямоту. Мастерс обладал изменчивостью хамелеона или актера, в работе это была одна из его сильнейших сторон.

— Входите.

Мастерс присел на край серой софы, а мисс Морроу заняла неудобное кресло; спина разместилась строго параллельно высокой спинке, но не касалась ее. Руки мисс Морроу сцепила так, как если бы приготовилась вскочить при первой угрозе своей невинности.

— В больнице сказали, — начал Мастерс, — что ваша смена с одиннадцати часов ночи до семи утра.

— Да, это так.

— Прошедшей ночью, с субботы на воскресенье, вы дежурили, как и обычно?

— Разумеется. За пятнадцать лет я ни в чем не отступила от своих обязанностей.

— Вы, кажется, выполняли акушерские функции.

— Да. У нас было двое родов.

— Меня интересуют те, на которых присутствовал доктор Джек Ричмонд.

— Понятно. Схватки шли медленней, чем ожидалось. Доктору Ричмонду пришлось прождать в больнице около двух часов.

— Он, согласно записи, был там два часа десять минут.

— Я его не караулила.

— Это то, о чем я хочу с вами поговорить. Вы уверены, что доктор Ричмонд все время был там?

— Определенно.

— Вы постоянно наблюдали за ним? Он постоянно находился в поле вашего зрения?

— Конечно, нет. Я слишком занята, чтобы за кем-то постоянно наблюдать.

— Но вы сказали, что уверены, — он был там все время.

— Я сказала, что я уверена, но не сказала, что могу это доказать. Когда доктор Ричмонд увидел, что должен ждать родов, он спросил, есть ли свободная кровать, он хотел бы прилечь. В конце холла есть пустая личная комната, и я видела, как он вошел туда. Там он находился час или около того, пока я за ним не пришла. У меня абсолютно нет никаких причин думать, что он выходил из комнаты.

— Когда вы сказали, что свободная комната есть, он пошел прямо туда?

— Сначала он позвонил жене и предупредил, что задержится в больнице. Потом пошел в комнату.

— Вы говорите, личная комната находится в конце холла. А лестница на том конце есть?

— Есть.

— Лестница ведет к выходу?

— Да. Дверь на ночь запирается, но изнутри ее можно открыть.

— Можно ли дверь открыть снаружи?

— Без ключа нельзя.

Но, подумал Мастерс, ее можно оставить полуоткрытой. Цепочка, сложенный кусок бумаги, — все что угодно, вложенное между косяком и дверью, — вот и весь трюк.

— Таким образом, доктора Ричмонда не видели с того времени, как он вошел в комнату, и до того времени, как вы известили его, что пациентка готова?

— Я не видела его. Нет.

— Может, видел кто-нибудь еще из дежуривших?

— Понятия не имею, выясняйте, — огрызнулась сестра Морроу. — Почему вы расспрашиваете о докторе Ричмонде? У меня нет обыкновения обсуждать врачей.

— Конечно, нет, — успокаивающе сказал Мастерс. — Но это интересует полицию, мисс Морроу.

— Что интересует полицию? Имею я право узнать, почему мне задают вопросы?

— Вечерняя газета расскажет об этом. Речь идет о двух смертях, из которых по крайней мере одна — убийство. Мое дело — проверить людей, которые знали покойных. Доктор Ричмонд один из их друзей, и никаких профессиональных тайн мы касаться не будем. — Мастерс улыбнулся. — Теперь все в порядке, мисс Морроу?

Сестра, помедлив, сказала:

— В порядке.

— И еще, я бы мог вас попросить поспрашивать у дежуривших той ночью, покидал ли доктор Ричмонд комнату до того, как вы его вызвали к пациентке?

Она помолчала, затем произнесла:

— Хорошо, лейтенант Мастерс, — и встала. — Сейчас, если разрешите...

— Благодарю. Оповестите меня, если что-нибудь узнаете.

Мастерс быстро ушел. Крепкий орешек, подумал он. Действительно, держит рот на замке, когда дело касается врачей, с которыми работает, но, несомненно, добросовестная, с жестким кодексом, который, когда необходимо, может встать поперек профессиональной чести.

Он поехал в участок. Согласно рапорту коронера, основанному на показаниях судебного врача, производившего вскрытие, смерть Лилы Коннор приходилась на время от полуночи до трех часов утра в воскресенье. Смерть Ларри Коннора оценивалась значительно поздним временем: между пятью и восемью утра в воскресенье. Создавалось впечатление, что убийца жены имел несчастье покончить и со своей жизнью. Действительно ли он, заколов Лилу, сидел один в офисе так долго, стараясь собрать силу воли и совершить самоубийство, сожалея, возможно, о своей нелепой жизни? Может быть. Человек, близкий к самоубийству, не обязательно спешит с этим. Мастерс подумал, не поторапливает ли он мертвого. Кроме прочего, с самого начала казалось совершенно определенным, что Ларри Коннор убил жену, а потом себя. На это указывали все косвенные улики, теперь заключение о смерти это уверенно подтверждало. С другой стороны, что он, Мастерс, должен этому противопоставить? Изящнейшее теоретизирование и ни одного факта в поддержку? Два выключенных кондиционера. Пропавший ключ от задней двери, который мог быть потерян, положен не на место, или как там еще может быть объяснена его пропажа.

Мысленный прыжок в неизвестность заставил его задуматься: не мог ли тот, кто убил Ларри Коннора в офисе, затем проскользнуть в дом с ключом Ларри и убить Лилу?

Мастерс сел за стол и пососал большой палец, уставившись в пространство. Чтобы так манипулировать условиями и заручиться медицинскими показаниями, будто Ларри Коннор умер значительно позднее Лилы, — хотя, согласно теории Мастерса, он умер до того, — в идеале необходимо сделать две вещи: манипулятор должен был тайно ускорить процесс органического

разложения тела Лилы. Ускорить разложение тела жены означало — выключить кондиционер в доме Конноров, а защитить тело Ларри от распада можно, включив кондиционер. Но чтобы обман удался полностью, убийца должен проделать последовательно два действия: вернуться в дом Конноров и включить кондиционер опять, чтобы, когда обнаружат тело Лилы, подумали, что тот работал безостановочно, вернуться в офис к Ларри Коннору и выключить его кондиционер, чтобы, когда найдут тело Ларри Коннора, посчитали — кондиционер все время был выключен.

Если приняты эти ложные предположения, то медицинское заключение обязано быть неверным. Разложение тела Лилы должно создавать видимость, что она мертва дольше, чем это было в действительности, незначительное разложение тела Ларри должно создавать видимость, что Ларри мертв более короткое время, чем в действительности.

Так оно так, путанно подумал Мастерс, если я не строю воздушных замков. Но даже если это и фантазия, размышляя он, в ней есть серьезный недостаток. Ведь на деле-то убийца не вернулся в дом Конноров через какое-то время после убийства Лилы, чтобы снова включить домашний кондиционер, даже несмотря на то, предположим, что есть вообще что-то верное в теории, и он вернулся в офис Коннора, чтобы выключить там кондиционер.

Если же убийца должен был возвратиться в офис Ларри Коннора и выключить кондиционер, почему в то же самое время он не сунул ключ от задних дверей в футляр для ключей, тот самый ключ, который он должен был позаимствовать, когда убивал Ларри, чтобы попасть в дом Конноров и убить Лилу? Но дело заключалось в том, что убийца не возвратил ключ в футляр во время своего повторного визита в офис. Разрушает ли этот факт его теорию? Опять-таки, не обязательно. Возможно, из памяти убийцы, находящегося в чрезвычайном напряжении во время преступления, это просто ускользнуло. Или ему вовсе не пришло на ум, что местная полиция относительно неопытная в делах об убийствах, заметит, что ключ потерян.

Мастерс махнул рукой, закрыл глаза и вновь закачался в кресле-качалке. Прекратить или продолжать, вот в чем вопрос.

Он начал прокручивать дело в уме. В хронологическом порядке обзора, он опять стоял в офисе Ларри, только что войдя, и видел вытянувшегося на софе Ларри Коннора, правая рука свесилась на пол. По какой-то причине видение замерло, подобно остановившемуся фильму. Мастерс продолжал его изучать.

После долгого времени он взял рапорт, который обнаружил на столе утром. Внимательно перечитал еще раз.

— О, — сказал он. — О, Боже мой!

Следующим утром лейтенанту Мастерсу нужно было сделать в участке несколько вещей, и главное — убедить шефа,

что дальнейшее следствие по делу Коннора оправдано. Даже более чем оправданно. И Мастерс сказал это настолько четко, насколько мог.

— А ты уверен, Гус? — спросил шеф. — Лучше, чтоб ты был уверен.

— Я уверен, — ответил Мастерс. — Меня бы затормошили до полусмерти, чтобы закрыть дело, если б я не был уверен.

— Но ты должен иметь обоснование. И не утруждай себя опять рассказами о кондиционерах и потерянных ключах. Выдели позитивное.

— Хорошо. Кое в чем я вчера преуспел. Почти ускользнуло от меня, настолько очевидно.

— Ну-ка, ну-ка!

— Доказательство того, что Лила Коннор убита не мужем, а кем-то, кто, возможно, убил и его.

— Опять ты туда же! Проклятье, если и существовало дело, которое надо открыть и закрыть, это было оно! Превосходно, Гус. О каком доказательстве ты говоришь?

— Вчера днем я здесь сидел, размышляя — продолжать ли дело или считать его безнадежным, и совсем неожиданно вспомнил увиденное в офисе Коннора. Я вспомнил, как он лежит там на софе, и у него свешивается правая рука. И на запястье под краем манжеты часы. На правом запястье. Это не бесспорно, но указывает, что Ларри Коннор был левшой. Я попросил подтверждения у секретарши, у Руфи Бентон, и оказался прав. Коннор был левшой.

— Ну и что?

— В рапорте относительно отпечатков пальцев сказано, что отпечатки Ларри Коннора — и только его — находятся на рукоятке орудия убийства. Отпечатки правой руки. Но он был левшой! Понимаете, что это значит? — В бурном энтузиазме Мастерс уткнул свой ороговевший, как коготь дракона, указательный палец в ключицу шефа, и шеф отпрянул. — Это значит, шеф, что отпечатки Коннора были оттиснуты на ноже кем-то, кто не знал или забыл, что Коннор — левша! Отсюда логически вытекает, что они были отпечатаны после того, как Коннор умер в офисе! Это значит, что орудие убийства было только тогда взято в дом Конноров, чтобы убить Лилу Коннор! Это значит, что муж не мог ее убить! А если он не убивал, почему же покончил с собой?

— Подожди, подожди. — застонал шеф, схватившись за голову. — Ты можешь доказать, что нож был взят в дом из офиса?

— Это следует, шеф.

— Когда мой кобель гонится за сухой, — грубо ответил шеф, — вовсе не значит, что он ее получает. — Ты выиграл, Гус. Продолжай. Но я не позволю трехмесячного топтания на месте. Сколько, считаешь, времени тебе нужно?

Мастерс быстро обдумал. Он решил, что хватит недели, и сказал — десять дней.

— Даю неделю. Есть какие-нибудь соображения, кто получит кольцо в нос?

— Еще нет.

— Ты врешь. Отлично, иди. — Но едва Мастерс повернулся, шеф добавил: — Когда соберешься арестовывать, лучше будь уверен.

— Хорошо, шеф.

— Чертовски уверен, — хмуро повторил шеф.

Детектив пошел в свой кабинет. По дороге он заметил, что часы в холле показывают десятый час. Руфь Бентон собиралась прийти в девять тридцать.

На данный момент в его расписании было несколько иных пунктов. Говорили, что второй муж Лилы Коннор покончил с собой. Если так, то должна быть запись в полиции. Мастерс позвонил в полицейский участок в Канзас-сити и спросил об этом и о любой другой подходящей информации. Однако, похоже, запись в полиции сама по себе не содержала того материала, которого он добивался. Он соединился с частным адвокатским агентством и поручил провести быстрое исследование, снабдив бесконечным количеством указаний, чтобы ускорить мероприятие. А пока Мастерс уселся ждать Руфь Бентон, которая должна появиться через пятнадцать минут. Из них прошли только три минуты, как зазвонил телефон. Он по первому слову узнал голос. Какой голос!

— Говорит Нэнси Хауэлл, — сказал голос. Церковные колокола. Чистые церковные колокола

— О, привет, миссис Хауэлл. Не ожидал услышать вас еще раз.

— Из-за вчерашнего?

— Да. У меня создалось впечатление, что я вычеркнул из вашей записной книжки.

— Верно, однако произошло нечто, изменившее все. Хотите узнать, что?

— Очень. Почему бы вам не приехать в город и не рассказать?

— Было бы лучше вам приехать сюда. Мне кое-что хотелось проделать и нужна ваша помощь. Это... ну, эксперимент.

— Не могли бы вы говорить более определенно?

— Пожалуй, нет. Сейчас скажу только, что мы должны войти в дом Конноров.

— В дом Конноров? Отлично, миссис Хауэлл. До скорого.

Едва он повесил трубку, как прибыла, на несколько минут раньше, Руфь Бентон. Мастерс сразу заметил, что она плохо провела это время. У секретарши не появляются такие мешки под глазами от сожаления о добром — и только — начальнике.

— Благодарю, что пришли, мисс Бентон, — сказал Мастерс. — Это займет всего минуту. Как и говорил по телефону, я хотел бы, чтобы вы взглянули на орудие, которым была убита миссис Коннор.

Смертоносный нож для разрезания бумаг лежал на столе в простеленной бумагой коробке. Он открыл крышку, показывая орудие с запекшейся на нем кровью. Руфь Бентон прикрыла глаза, затем вновь открыла их.

— Да, — сказала она. — Это нож Ларри. Он всегда держал его на столе в кабинете.

— Вы уверены?

— Определенно.

— Могли бы вы под присягой повторить это утверждение?

— Думаю, да, но зачем? Означает ли это, что Ларри не убивал своей жены или наоборот?

— Это может доказать, что не убивал.

— Но тогда кто же?

Мастерс встал.

— Благодарю за то, что пришли, мисс Бентон.

Девушка тоже поднялась и, видя, что разговор окончен, пожала плечами.

— Если Ларри виновен, я его не виню. Если он невиновен, я сделаю все, что смогу, чтобы помочь доказать это.

В Тенистых Акрах Мастерс припарковал машину перед домом Хауэллов и обогнул его, направляясь к задней двери, где и нашел Нэнси Хауэлл, обворожительную в шуршащем бледно-лиловом домашнем платье, обрывающую хвостики клубники, которая окрашивала ее руки, создавая весьма впечатляющую иллюзию того, что она погружала их в свежую кровь. Он вошел смиренно, шляпа в руке, чтобы быть приглашенным посидеть за кухонным столом. Предложение выпить кофе взволновало его до глубины души. Это означало — он выпущен под честное слово, если не полностью помилован.

— Извините, миссис Хауэлл, я задержался... О, благодарю вас, — сказал Мастерс, принимая кофе. — Надеюсь, недолго заставил вас ждать?

— Все в порядке, лейтенант, — ответила Нэнси, — дело терпит. Действительно, я решила, что должна перед вами извиниться.

— Что касается меня, миссис Хауэлл, то можете не продолжать. Вы мне ничего не должны. Никаких извинений.

— Что ж, благодарю вас, лейтенант. Очень благородно с вашей стороны.

Мастерс потягивал кофе. По правде говоря, он хотел сливок и сахара, но боялся попросить. А еще кофе был горьким потому, что стоял на плите Бог знает как долго. Тем не менее, кофе он потягивал, будто вкушал нектар.

— Итак, — сказал Мастерс. — Как насчет вашего эксперимента, миссис Хауэлл? Вы говорили о необходимости зайти в дом Конноров?

— Ключ при вас, так ведь? Мне бы хотелось, чтобы вы впустили меня внутрь.

— А зачем вам туда заходить?

— Мне бы хотелось посмотреть лампу в спальне Лилы. Убедиться, что она не перегорела.

Мастерс опустил глаза.

— Кажется, вы не объяснили...

— Я случайно вспомнила, что ночью, когда была убита Лила, свет в ее спальне горел... то есть, после того, как уехал Ларри. Определенно, я помню, что видела свет. Но на следующий день, когда мы нашли тело, свет был выключен.

— Не продолжайте. — Мастерс разглядывал ее с уважением и восхищением. Это могло оказаться важным подтверждением части его теории. — Вы предполагаете, что свет выключила Лила?

— Или еще кто-нибудь. В любом случае это показывает, что кто-то был в доме после отъезда Ларри, и необходимо пройти долгий путь, чтобы очистить имя Ларри.

— Разумеется, если не перегорела лампа.

— Разумеется. Вот почему я бы хотела ее посмотреть.

— Нет необходимости, миссис Хауэлл. Лампа не перегорела. Мы ее включали.

— И свет около кровати?

— Около кровати? Нет... То, что вы видели, могло быть прикроватной лампой?

— Сомневаюсь. Но ведь не должно быть чувства, что не проверена какая-нибудь возможность, лейтенант?

— Здесь вы правы! Давайте пойдем и проверим?

Они через переднюю дверь вошли в дом Конноров и сразу поднялись в спальню Лилы. Мастерс, шедший впереди, посторонился.

— Ваша идея, миссис Хауэлл, — лукаво сказал он. — Пробуйте вы.

Комната была полна теней, и Нэнси неохотно двинулась сквозь них к злополучной двуспальной кровати. Свет приветливо загорелся. Она выключила его, как только Мастерс щелкнул выключателем на стене.

— Теперь понятно, — сказала Нэнси. — Лампа не перегорела, и определенно я видела верхний свет. Лампа возле кровати бросает большую часть света на нее, и в любом случае свет намного слабее.

— Вы указали на важный момент. — Мастерс оглянулся вокруг. — Между делом, пока мы тут, я бы хотел поискать еще кое-что. Вы не подождете?

— Что вам нужно, лейтенант?

— Ключ. Ключ от задней двери. Мы нашли ключ Лилы в ее кошельке. А ключ ее мужа пропал.

— Забавно, — сказала Нэнси. — Как вы смотрите на то, чтобы я помогла вам искать, лейтенант? Мне не очень нравится стоять тут и ждать. У меня начинается зуд в самых неподходящих местах.

— Хорошо, — с сомнением произнес Мастерс. — Противоречит правилам...

— Это правила слабоумного старого шефа полиции? — с презрением спросила Нэнси. — Или, — и Мастерс отступил перед прекрасным огнем, вспыхнувшим в ее глазах, — или я еще в подозреваемых, лейтенант Мастерс?

— Нет-нет-нет, — поспешно ответил он. — Конечно, помогите мне.

Добрую часть часа они прочесывали дом, заглядывая везде, где, по их представлениям, мог быть положен, потерян или же спрятан ключ. Но отыскать его не удалось. Под конец они вернулись в комнату, с которой начали. Нэнси, потерпевшая поражение, уселась на край элегантного шезлонга Лилы. Но Мас-

терс, еще раз обойдя комнату по кругу, исчез в ванной. Когда он вышел, вид у него был вполне таинственный.

— Если вас интересует, — сказала Нэнси, — по-моему, мы зря потратили время. Я говорила, что задняя дверь была не заперта, когда я входила сюда в субботу днем. И не понимаю, почему вы продолжаете думать, будто раньше она была закрыта.

— Разве допустимо, чтобы Коннор оставил заднюю дверь не запертой? К тому же ночью?

— Нет, но они выпили много пива и поругались. Эпизод с выпивкой и ссорой может заставить женатых людей забыть разуться, ложась в постель, а уж думать о таких мелочах, как незакрытая дверь...

— Убийца, миссис Хауэлл, не мог рассчитывать на это. Он должен был принести ключ от задней двери с собой на тот случай, если дверь окажется закрытой.

— Может, ключ у него до сих пор?

— В таком случае он — идиот, — сказал Мастерс, — а кто бы ни был тот, с кем мы имеем дело, он определенно не идиот.

— Или просто выбросил...

— Может быть, — голос Мастерса звучал загадочно.

— Лейтенант, вы что-то знаете! — Нэнси возбужденно схватила Мастерса за руку, придвинувшись очень близко. Мастерс моментально закрыл глаза, запах ее духов вызвал у него головокружение. — В чем дело? Скажите!

— Ну хорошо. У меня действительно есть одна мысль, — слабо произнес он.

— Какая?

— Я бы лучше промолчал. Может, все ерунда.

Это исчерпывало тему, но Нэнси дала Мастерсу проводить ее до дому. На террасе, когда он поднял шляпу и собрался уйти, Нэнси воскликнула: «О, чуть не забыла», — и задержала его еще ненадолго, запоздало вспомнив признание Стэнли Уолтерса о том, что он разговаривал с Лилой ночью, после того, как Нэнси зашла в свой дом. Мастерс слушал с возрастающей злостью, глядя на дорожку, где Стэнли стоял той ночью.

— Теперь все расставлено по местам, — проворчал детектив, когда Нэнси закончила. — Почему Уолтерс не сообщил мне это лично?

— Лейтенант, не вините слишком Стэнли, — сказала Нэнси. — Он до смерти запуган собственной женой. Мэй может быть чрезвычайно неприятной, если дело касается других женщин.

Вспомнив Мэй Уолтерс, Мастерс не усомнился. Опять же, Стэнли сам с придурью.

— Уолтерс должен был сообщить мне, — повторил он. — Утаивание доказательств в ходе следствия об убийстве — серьезное правонарушение. Оно стоило мне кучу времени и головной боли. Я от этого дела мог отделаться резким рывком, а не барахтаться вокруг да около в болоте моей собственной глупости!

— Стэнли не утаивал, — заспешила Нэнси, немного испуганная неожиданной переменой в настроении лейтенанта Мастерса. — Он только немного запоздал, лейтенант. Он действительно просил меня рассказать вам.

Мастерс прорычал:

— Я разберусь с мистером Уолтерсом позже. Дело в том, что это доказательство сейчас — решающее. Лима Коннор действительно была жива после того, как вы увидели, что Ларри Коннор уезжает из дому, и это позволяет сделать окончательное заключение, что он не убивал и, следовательно, также не совершал самоубийства. Свидетельство Уолтерса соответствует другому доказательству, которое у меня есть. Что до меня, то ни капли не сомневаюсь, мы имеем дело с реальным убийцей двух людей, и если я не трехнутый, он живет где-то поблизости.

И Мастерс гордо проществовал к машине.

11

По улице, дергая дверные ручки, шел человек. Если на улицу выходили задворки здания, он останавливался ровно настолько, чтобы убедиться, что задняя дверь цела, но если между дорогой и зданием была автомобильная стоянка, он исчезал на минуту или две. Мастерс знал, что он осматривает дверь, находящуюся вне пределов видимости. Человек, проверяющий двери, приволакивал ногу из-за давней травмы на железной дороге. В свое время ему выплатили солидную компенсацию, но деньги давно кончились, и сейчас он жил на маленькую пенсию, к которой добавлялся заработок ночного сторожа. Звали его Джейк Кимбла.

Мастерс, ожидающий на боковой улице в конце переулка, мог наблюдать за передвижениями Джейка по приближающемуся лучу ручного фонарика, также он мог слышать шаркающий звук покаленной ноги, цепляющейся за камни мостовой. Детектив знал маршрут старого Кимбла. Мастерсу пришло на ум, что сторож, возможно, обладает жизненно важными сведениями.

Следуя привычным курсом, Джейк Кимбла возник из темноты и попал в свет уличного фонаря.

— Привет, Джейк. — поздоровался Мастерс.

— Привет? — испугался старик. При тусклом свете он пытался разглядеть говорившего. — Лейтенант Мастерс?

— Верно. Какие трудности, Джейк?

— Никаких. Никаких трудностей.

— Хотя было у тебя небольшое затруднение прошлой ночью, или не так?

— Не у меня, лейтенант, — быстро отреагировал Джейк.

Мастерс засмеялся:

— По-твоему, самоубийство — не что-то из ряда выходящее?

— А вы подразумеваете самоубийство Коннора в его конторе после того, как он уколошил свою жену? Нет, мне он не причинил никаких хлопот, никоим образом.

— В ночь на воскресенье, не так ли?

— В ночь на воскресенье у меня первый обход. На рассвете обхожу второй раз.

— Ты осматривал заднюю дверь оба раза?

— Да, сэр. И она была закрыта. Я, лейтенант, правила знаю.

— Знаю, Джейк, что знаешь. Я веду расследование, не заметил ли ты чего необычного?

— Не могу сказать, что заметил. В конторе его во время первого обхода не было, в этом я уверен. Но во время второго обхода он был там, ясное дело. Может, уже мертвый.

— Откуда ты знаешь?

— Что он был мертвый? Не знаю. Я сказал — может быть.

— Не то, что мертвый. То, что он был там.

— Потому что машина стояла за домом!

Мастерс уныло улыбнулся самому себе.

— А еще почему?

— Точно. У него поставлен кондиционер в окне, около задней двери, — в первый раз не работал. А во второй был включен.

Шел двенадцатый час. Потратив столь много вечернего времени на следствие, Мастерс решил, что может потратить еще немного. Он выехал из города по центральному шоссе и пятнадцатью минутами позже — на полпути от Канзас-сити — припарковал машину за развалинами здания, декорированного каменными урнами, стеклянными кирпичами и гигантским кишечником неоновых трубок.

Внутри был элегантно убранный коврами холл, а за ним находился огромный зал, заставленный ресторанными столиками, которые видны от самого входа. Заняты были не все столики. Воскресный ночной бизнес шел ни шатко ни валко. К этому времени зал был темен, и только освещенная лучом зеленоватого прожектора девушка в тугом вечернем платье пела под аккомпанемент маленького оркестра.

Возле входа стоял метрдотель, вооруженный кипой меню, в смокинге, чуть более голубом, чем его щеки. Он холодно оглядел вошедшего. Да, заключил Мастерс, определенно, в помятом костюме, несвежей рубашке и надоевшем галстуке я выгляжу не блеск.

— Столик... сэр? — «Сэр» было произнесено недовольно.

— Нет, — сказал Мастерс. — Я ищу одного человека.

— Друга? Могу я чем-нибудь помочь?

— Другом я бы его не назвал. Льюис Шрилл. Он здесь?

— Мистер Шрилл в офисе, но не думаю, что его можно беспокоить.

— Мы побеспокоим друг друга. — Мастерс щелкнул застёжкой удостоверения. — Не волнуйся, приятель, дорогу я знаю.

Кабинет находился слева, за тяжелой дубовой дверью. Мастерс постучал, и голос, казалось, преодолевающий огромное препятствие, предложил войти. Мастерс вошел.

Препятствие состояло из омлета и куриной печенки. Льюис Шрилл ужинал. Мастерсу это напомнило, что времени с обеда прошло много, но до завтрака пройдет еще больше. Он подошел кресло, стоящее возле стола Шрилла.

— Садись, Гус, — сказал тот.

Мастерс положил шляпу на пол рядом с собой.

— Не надо прерывать из-за меня ужин, Лью.

— Хочешь пожрать? Я закажу еще тарелку и вилку.

— Лучше не надо. Кто-нибудь может увидеть и подумает, что меня подкупили.

— Все еще довольствуешься грошами, а, Гус? Единственное, что огорчает меня больше, чем нечестный полицейский, — честный полицейский.

— Я пришел за помощью, — сказал, улыбаясь, Мастерс.

— Ты не на службе сейчас, так ведь?

— Не на службе, в сомнительной компании, и чувствую себя не в своей тарелке.

Шрилл остановился, довольно долго обмозговывая услышанное и глядя на Мастерса. Затем произнес:

— Сначала объясни, в чем дело, а там поглядим.

Он возвратился к омлету и печенке, Мастерс наблюдал за ним, сглатывая слюну и попутно удивляясь. Конечно, это совпадение, но голос Шрилла, даже, когда рот его был набит едой, был почти женский. Высокий, мелодичный. Для такого тучного тела слишком смешно. У Шрилла было темное громадное лицо с маленькими остановившимися глазами, покоящимися в еще более темных складках кожи, волосы, разделенные посередине, черны и блестящи, словно парик, впрочем, это он и был. Также он обладал женской страстью к сплетням, преимущественно постельной тематики. Шрилл знал самые позорные вещи о самых неожиданных людях на Среднем Западе. Целью визита Мастерса было раскопать эти залежи сведений.

— Я за информацией, Лью.

— С каких пор полицейские обращаются ко мне за информацией?

— Не перебивай, а то напрасно потеряем время.

— К делу, Гус. Чего надо? — Шрилл продолжал жевать с неизменной жадностью.

— Что-нибудь о двух людях. О Лиле Коннор и Джеке Ричмонде.

Вилка замерла на полпути. Спустя мгновение, она закончила свое путешествие и вернулась на тарелку. Челюсти Шрилла работали. Его голос проделывал путь через то, над чем трудилась челюсти.

— Леди, Гус мертва. Я о мертвецах не болтаю. Это к несчастью.

— Ну, всего разок, Лью. Нужно.

— Летаешь по ночам или еще что? Занимаешься разводами побочно?

— То есть, для развода есть основания, — ухмыльнулся Мастерс.

— Не делай из меня дурака, Гус. Тут были основания и для убийства, насколько я знаю. Муж ее пришел, и неудивительно, за исключением того, что он сам по себе не был белым и чистым.

— Ты подразумеваешь некую секретаршу?

— А ты знаешь о ней и о Конноре? — Льюис Шрилл выглядел удивленным, но внезапно рассмеялся. — Черт! Не мое дело. Хочешь знать о докторе? Да, он любит разнообразие. Девка Коннора не первая и не последняя.

— Лью, — Мастерс вытянулся вперед, — между Ричмондом и женой Коннора что-то скандальное? Он потерял голову?

Толстяк нахмурился.

— Какой дьявол знает подобные вещи? Он с нею долго забавлялся, вот что я знаю точно. Он даже несколько раз приводил ее сюда — меня это заинтересовало. Я получаю наслаждение от таких парней, как док. И иногда, знаешь ли, Гус, могу заработать честные денюжки на том, что разузнаю. У меня есть связи в адвокатуре — отели, мотели, частные агентства, понимаешь? Я устроился так, что получаю некоторые сведения... И... — Шрилл подмигнул. Это было поразительно, будто видение подмигивающего Будды. — Эти сообщения — пикантное чтиво. Я мог бы рассказать о нескольких ночках, о которых миссис док, должно быть, хотела знать.

— С Лилой Коннор?

Шрилл отодвинул тарелку и вытер губы салфеткой величиной со скатерть, тщательнее свернул ее и положил рядом с вылизанной до блеска тарелкой.

— Ага, с Лилой Коннор. И скажу тебе, Гус, этот парень, Ричмонд, счастливчик, что выкрутился так легко. Она была шлюхой в полном смысле слова — из тех, что действуют, как нимфоманки и едва ли даже переводят дыхание.

Мастерс наклонился и поправил шляпу.

— Ты зарабатываешь честные деньги, Лью, на основании этих сведений?

— Ну, Гус, — пискнул Льюис Шрилл, и его огромный живот сотрясло отрыжкой. — Извини... Ты поверишь, если я скажу «нет»?

— Нет, — ответил Мастерс.

— Чего тогда спрашивать? В действительности я ничего с этого не получил. А Коннор стоил мне кучу честных денег.

Мастерс смотрел скептически. Тем не менее он улыбнулся, произнес: «Спасибо, Лью», — и ушел.

Вера Ричмонд, лежа в постели рядом с мужем, прислушивалась к своему дыханию и считала свой пульс.

Она лежала на спине уже полчаса, но не могла заснуть. Казалось, едва ли она вообще сможет заснуть. Сможет, конечно. Сон, как и смерть, приходит в назначенное время, и в конце концов разница между ними не так уж велика.

— Ты не спишь? — спросила она.

— Нет, — ответил Джек Ричмонд. После паузы он добавил: — Я думаю.

— Я тоже. Как ты считаешь, что будет дальше?

— Не знаю. Кроме того, еще одна вещь. Когда уехал Ларри, Лида была жива. Таким образом, либо он вернулся домой позже, либо... ее убил кто-то другой.

Они замолчали. Немного погодя Вера сказала:

— А как насчет смерти Ларри? Разве можно предположить что-либо кроме самоубийства?

— Вопрос не в том, что я могу предположить. Вопрос в том, что может полиция. Этот парень, Мастерс, показал, что он не дурак. Бог знает, что еще он выкопает или придумает.

— Сначала все казалось таким простым, — прошептала Вера. — Было бы лучше, если бы все так и шло.

Джек прокашлялся.

— Я знаю одно — я могу ждать повестки от Мастера в любое время. Она обязана прийти.

— Но он ведь не может арестовать тебя, Джек! На основании чего?

— Зачем повторять все сначала. Причины и предлоги легко изобрести. Мастерс не может прямо доказать мою вину, я не могу доказать свою невиновность. К тому времени, как он закончит, у него могут появиться косвенные улики, которые будут выглядеть доказательствами, даже если это и не так.

— Но это нечестно! Я не позволю этому произойти!

— Ты ничего не сможешь сделать. Я был глупейшим ослом и, кажется, должен буду расплатиться за это. Прости меня, Вера.

— Все будет хорошо. Увидишь.

— Да, дорогая.

— Джек, мы не можем уехать? Мне бы так хотелось...

— Если не слишком поздно, — ответил доктор Ричмонд.

12

Было позднее, чем они думали. Буквально следующим вечером Мастерс пришел повидать доктора Джека Ричмонда. Существовала возможность, что все будет наоборот — доктора Ричмонда вызовут для встречи с Мастерсом, если бы Мастерсу не случилось появиться по соседству. Точнее, в соседнем доме.

В означенное время происходило незначительное действие на заднем дворе. Джек вышел, вооружившись совком, и начал разбрасывать землю вокруг роз, Дэвид, появившийся несколькими минутами позже, увидел Джека за работой и решил, кроме всего прочего, подойти поближе и понаблюдать. Джек в действительности не был поглощен розами, при появлении Дэвида он немедленно бросил совок и предложил выпить холодного пива на террасе. Дэвид для вида слабо поотнекивался, Джек быстро принес из дома пиво, и они сидели, покачиваясь в плетеных креслах, когда Нэнси вышла на поиски своего помощника.

Надеясь, что он будет под рукой, Нэнси слегка обиделась, когда он куда-то запропастился. Она в жаркой кухне готовила обед, и ей казалось: муж, который не помогает, должен по крайней мере оставаться в своем собственном дворе до тех пор, пока работа не закончена. Он же, однако, удрал на террасу к Ричмондам, где накачивался пивом, словно представитель привилегированной касты.

Она мило подплыла поближе и была приглашена присоединиться к ним, — излишняя любезность, если принять в расчет то, что она уже это сделала, и, когда Джек вернулся, неся пиво для нее, Вера была с ним и с собственным пивом.

По молчаливому соглашению они избегали любых упоминаний о Коннорах, как бы объявленных вне закона, и было весьма трудно откопать иную тему для беседы, когда в мыслях только одно.

Джек и Вера, подумала Нэнси, выглядят изможденными и держатся натянуто. Это необычно, особенно для Веры, которая, как правило, улаживает все без труда.

Неподвижная дверь соседнего дома отбрасывала тень и прохладу на газон, ограду и камни террасы. К собственному неудовольствию Нэнси обнаружила, что то и дело поглядывает на нее через плечо, словно та готова распахнуться. Так и произошло, и когда, оглянувшись, Нэнси внезапно увидела это, она крикнула:

— Смотрите! В комнате Лилы свет.

— Да, — сказала Вера. — Зажегся несколько минут назад.

— Какой дьявол мог туда забраться? — заинтересовался Дэвид. — Что, во имя Господа, что они могут там делать?

— Погодите, — Джек вскочил и отправился вокруг дома, а когда вернулся, проворчал: — Там полицейская машина. Должно быть, эта ищайка, Мастерс.

Он уселся на прежнее место, взял свою банку пива и откинулся назад, уставившись в пространство невидящими глазами. Это было в точности так, как если бы он ощутил окончание чего-то и успокоился.

— Как вы думаете, что он сейчас делает? — задумчиво поинтересовалась Нэнси. — Может, опять ищет ключ?

— Какой ключ? — спросил Джек.

— От задней двери. Он думает, что у Ларри был ключ от задней двери. И каким-то образом пропал. Разве я вам не говорила?

— Нет, не говорила.

— Ну вот, он думает, убийца мог взять ключ после смерти Ларри, чтобы затем войти в дом и убить Лилу.

— Ларри покончил с собой, — сказала Вера. — Какие бы ни были странные мнения у полиции, это несомненно. Если Лила убита кем-то еще, самоубийство Ларри просто случайно произошло приблизительно в то же время.

— Держусь того же мнения, — заявил Дэвид.

— Скажу по секрету, — начала Нэнси, — это не просто мнение лейтенанта Мастерса. Он все разгадал, раскрыл. На другое утро я рассказала ему о свете — про то, что его выключили, хотя он горел после того, как уехал Ларри. В то же утро я рассказала ему и о Стэнли, что он видел Лилу и разговаривал с ней после того, как я оставила его на дорожке.

— Ты ведьма, что ли, или что-то в этом роде? — воскликнул Дэвид. — Всякий раз, когда ты упоминаешь Стэнли, он появляется. Вон и теперь идет сюда с Мэй.

— Думаю, — сказала Вера, — что сегодня не смогу выдержать общество Мэй.

Но Вера, кроме всего прочего, ухитрилась выдержать общество Мэй. Уолтерсы отказались от пива и с напряженным видом сели. Было ясно, что их супружеская связь находится в опасном, колеблющемся равновесии. Стэнли определенно переживал плохие времена и в ближайшем будущем не ждал заметных улучшений.

— Мы сидели, — сказал Стэнли, — и вдруг увидели, по соседству горит свет. Что там творится?

— Это полиция, — с отсутствующим видом протянул Джек, — Мастерс, я полагаю. Должно быть, что-то ищет.

— Что ищет?

— Не знаю. Может, ключ от задней двери, как считает Нэнси. Может, подтверждение того, что ты был в комнате той ночью, когда убили Лилу. Стэнли, ты оставил отпечатки?

— Боже мой, Джек, не говори таких вещей! Ты же знаешь, я был только у двери. Внутрь и не заходил вовсе.

— Знаю? Откуда? С твоих слов?

— Это правда! Клянусь! Меня вызывали в полицейский участок, и я рассказал лейтенанту все, как было.

— Болтай-болтай, парень. Мастерса не так-то просто надуть.

Стэнли на время онемел. А Мэй презрительно заявила:

— То, что происходит сейчас, будет ему уроком на будущее. Дождался, пока я приму снотворное, и сразу почувствовал свободу: можно пробродить полночи, болтая с женщинами в ночных рубашках. Если, конечно, она надела ночную рубашку.

— Мы опять талдычим одно и то же, — зашипел Стэнли. — Я не желаю повторять все заново.

— Возможно, тебе придется повторять все заново, хочешь ты или нет, — сказала Мэй. — Убить Лилу — не единственное, что ты мог с ней сделать. Уже всем известно, что ты теряешь свою дурную голову при виде лифчика.

— Отлично, — горько произнес Стэнли. — Ты просто обязана сообщить об этом Мастерсу. Он будет заинтересован мнением моей собственной жены.

— Давай прекратим, Мэй, — сказал Джек. — Я просто дурачился. Или, может, попытался ненадолго проверить, что это правда. Что бы там ни искали, тот, за кем охотится Мастерс, — это я.

— Почему ты так считаешь? — внезапно спросила Нэнси.

— Я не считаю, Нэнси, я знаю. Когда теория убийства-самубийства затрещала по швам, я понял — дело только во времени, и доберутся до меня. Он уже расспрашивал в больнице. В других местах, без сомнения, тоже.

— Пусть спрашивает, — искренне заявил Дэвид. — Ты той ночью был в больнице и можешь это доказать.

— Я не могу доказать, что не отлучался оттуда. Но и это не все. Есть еще нечто, что он раскопает, если уже не раскопал. Ты должна быть довольна стариной Стэнли, Мэй. А ведь могла выйти замуж за меня.

— Насколько мне помнится, ты женат на мне, — перебила Вера. — И если бы у меня были какие-либо претензии, ты был бы единственным, кому бы я их предъявила.

— Это правда, дорогая. И я благодарен. Да ладно, будь что будет. Что бы Мастерс ни создал против меня, это должно быть разработано очень тщательно. Самое большое, он может утверждать, что я мог совершить убийство, а не то, что я его совершил. Я должен с помощью хорошего адвоката готовиться отразить удар.

— Но это бы разрушило твою жизнь, — воскликнула Вера, — кто пойдет к доктору, оправданному по делу об убийстве?

— Пойдут лучше, чем пошли бы к осужденному. В крайнем случае, всегда существует исследовательская работа или ветеринария.

В этот момент из-под соседней двери выбился свет. Они сидели в сгущающихся сумерках, молчали и ждали. Через несколько минут задняя дверь дома Конноров отворилась, и появился Мастерс. Уже почти стемнело, и очертания его были размыты тенями, казалось, он делает что-то с дверью, которую закрыл за собой. Эта таинственная деятельность вскоре проявилась: дверь открылась вновь. Он отпер ее снаружи.

— Нашел, — воскликнула Нэнси. — Он нашел пропавший ключ!

Отвернувшись от двери, Мастерс заметил, что за ним наблюдают с террасы Ричмондов. И немедленно двинулся туда. Было замечено, что он закончил напряженную работу: галстук безвольно свисал с расстегнутого воротника, на лице, покрытом испариной, лежало пятно грязи. Правой рукой он неприступно подбрасывал и ловил ключ.

— Добрый вечер, — странным тоном произнес Мастерс.

— Почему-то, — ответила Нэнси, — мне он не представляется добрым.

— Не хочу разрушать вашу компанию, миссис Хауэлл. Я бы мог повидаться со всеми позже. Или с тем, кого я особенно хочу повидать.

— Нет уж, спасибо. Лично я предпочла бы не ждать и не волноваться. Нельзя ли ускорить экзекуцию?

— Согласен, — сказал Джек Ричмонд. — Даже сон виновного спокойнее, если все точки расставлены.

— В таком случае, — заявил Мастерс, — буду рад услужить, поскольку вы тот, кого я хотел видеть больше всех, доктор.

— Звучит зловеще. Меня за что-нибудь собираются арестовывать?

— А вы в чем-то хотите признаться?

— Вовсе нет. Присаживайтесь, лейтенант.

— Благодарю.

— Как мы все культурно себя ведем, — усмехнулась Мэй Уолтерс.

— Заткнись, — резко оборвал ее Стэнли Уолтерс. Его тон настолько удивил жену, что она замолчала.

Дэвид Хауэлл сказал:

— Моя жена предполагает, что вы, лейтенант, искали ключ от задней двери дома Конноров. И вижу — нашли.

— Вы правы, мистер Хауэлл.

— Не могу понять, как, — вступила в разговор Нэнси. — В прошлый раз мы с вами искали, искали, лейтенант, и не нашли.

— Потому что искали не там.

— А где же то место, если не секрет?

— Где я и предполагал, — сказал Мастерс не без удовольствия. — Помните, перед уходом я упомянул, что у меня есть мысль? Она возникла в самый последний момент, когда я был наверху в ванной. Открыв аптечку над раковиной, я увидел небольшой паз для использованных лезвий. И подумал — паз для

лезвий может быть великолепным местом, если кто-то захочет спрятать ключ. Сегодня я вернулся, чтобы раскопать это местечко. И оказался прав. Я нашел ключ среди старых лезвий.

— Очень умно, лейтенант, — усмехнулась Вера Ричмонд. — Так быстро заключить, что ключ брошен именно туда.

— Здесь не просто логическое заключение, миссис Ричмонд. Паз очень узок, и более тщательное исследование показало, что недавно в него что-то протиснули.

— Отличная работа, лейтенант, — восхитился Джек Ричмонд. — Как сказала моя жена, очень умно.

— Боюсь, не могу отозваться столь же лестно о нашем убийце, — сердечно сказал Мастерс. — Он допустил несколько грубых ошибок, и то, что спрятал ключ, — одна из них. Если бы он просто положил его где-нибудь поблизости, не было бы особых причин интересоваться этим. Попытавшись спрятать его, убийца только привлек внимание. Сейчас нам доподлинно известно, что убийца использовал ключ, чтобы проникнуть в дом.

— И оставил дверь незапертой, когда удирал? — спросил Джек Ричмонд.

— Он был вынужден так поступить, чтобы тело Лилы Коннор нашли настолько быстро, насколько это нужно для надувательства. Он рассчитывал, кто-нибудь забеспокоится и будет настаивать, чтобы войти в дом, и тогда незапертая дверь облегчит предприятие. Между прочим, я полагаю, если бы миссис Хауэлл не настояла на осмотре дома, это сделал бы убийца.

— Лейтенант, сказать такое — то же, что сказать — убийца расположился где-то по соседству.

— Ближе, доктор. Он на этой террасе.

Повисло обескураживающее молчание. Наконец Джек Ричмонд спросил:

— Хорошо, и что же дальше?

— Я, доктор, не тороплюсь, — успокаивающе произнес Мастерс. — Мне бы хотелось знать, как вы думаете, они были совершены, — уточнил детектив с легким кивком. — Ну, ладно, для начала давайте предположим — просто, чтобы обыграть ситуацию, — давайте предположим, что убийца — вы, доктор Ричмонд.

— Я... Хорошо, давайте.

— Вы заметили, что Ларри Коннор покинул свой дом ночью, оказавшейся ночью убийства. Должно быть, вы слышали его разговор с миссис Хауэлл, поскольку, как показывают события, вы оказались прекрасно осведомлены, куда он собирался, — вы сами сказали, разве не так, что окна вашего дома той ночью были открыты? Возможно, вы еще не составили план убийства и фокуса-покуса. Это решение созрело позже, когда вам позвонили и попросили приехать в больницу, и вы обнаружили, что должны оставаться там продолжительное время. Ожидание преподнесло благоприятный случай, а остальное — дело техники.

— Я выгляжу подлинным чудовищем, — сказал Джек.

Мастерс улыбнулся.

— Нетрудно было организовать пустую личную комнату, чтобы в ней «отдохнуть». Соответствующее положение комнаты сделало элементарно простым выскользнуть из нее, спус-

титься вниз по лестнице и позднее вернуться незамеченным. Конечно, здесь существовал значительный элемент риска. Но вы были бы в безопасности, вернувшись в комнату до того, как вас позовут. Пациентку вы осмотрели заранее, и ее состояние подсказывало: в вашем распоряжении больше часа. Поэтому вы прокрались наружу и поехали к офису Ларри Коннора. Он переживал трудные времена, а вы были врачом и его «другом». Вы убедили его принять седативное. Но дали вместо лекарства очень неврачебное средство — «Микки Финн» в смертельной дозировке, чтобы замести за собой следы. Сымитировав в офисе картину самоубийства Коннора, вы поспешили в больницу, где вас могли хватиться.

Три вещи составили сердцевину плана. Лила Коннор, а не ее муж, была вашей мишенью. Следовательно, надо было представить дело так, будто Ларри умер после того, как умерла Ли-ла, — несмотря на то, что тогда Лила была еще жива. Вы осуществили первую часть обмана, включив кондиционер, иначе — в офисе Ларри, чтобы замедлить разложение тела. Но это значило, что вы должны вернуться в офис в воскресенье рано утром, до того, как тело Коннора обнаружат, и выключить кондиционер, иначе будет учтен фактор кондиционирования воздуха, и ваш обман разрушится. Во-вторых, на оружии, которым предстояло убить Лилу, должны быть отпечатки пальцев ее мужа. Это просто: вы взяли со стола Коннора металлический нож для вскрытия писем, оттиснули пальцы правой руки убитого на рукоятке, осторожно завернули нож, чтобы не повредить отпечатки, и вынесли в медицинском чемоданчике. В-третьих, вы захватили с собой ключ от задней двери из футляра Ларри, чтобы быть уверенным: доступ к дому Конноров и к Лиле Коннор есть. После вы управились с пациенткой в больнице и смогли поехать домой.

— Какая прекрасная реконструкция, лейтенант, — сказал доктор Ричмонд. — Дома вы сочиняете детективы? К счастью, в реальной жизни требуются доказательства.

— Предлагаете мне побеспокоиться? — улыбнулся Мастерс. — Это не отвлеченное теоретизирование. Я могу доказать, что кондиционер в офисе был включен и выключен много позднее. Ночной сторож, когда совершал свой второй обход, слышал звук работающего кондиционера, и он может в этом присягнуть. От себя могу засвидетельствовать вместе с хозяином здания, который впустил меня внутрь и находился рядом, что кондиционер, когда мы обнаружили тело Коннора, был выключен. Это означает — убийца вернулся, как я и «теоретизировал».

Что касается орудия убийства, то Коннор был ярко выраженным левшой. Это позволяет доказать, что он невиновен в смерти собственной жены. Досадной ошибкой было забыть об этом, отпечатывая на рукоятке ножа пальцы правой руки Коннора, — даже учитывая действительное напряжение той ночи, необходимость спешить и все прочее. К тому же нож для вскрытия бумаг взяли со стола в кабинете Ларри Коннора — секретарша твердо опознала его. Очевидно, что другой, а не Коннор, взял нож из офиса в дом, и, так как вы нашли, что нож на-

ходится в груди Лилы Коннор, становится прямо-таки наглядным, что он был взят убийцей из офиса для этого.

Джек Ричмонд внимательно разглядывал пустую банку из-под пива. Затем поднял глаза:

— Да, лейтенант, дело вы проработали прекрасно, но не обязательно против меня. Вы не продемонстрировали ни одного прямого доказательства, связывающего меня с обеими смертями. Это существенно.

— Множество людей оказываются в петле или в каком-нибудь столь же малоприятном месте, — сухо сказал Мастерс, — из-за косвенных улик. Кроме того, тут есть небольшое основание для преступления, побудительные мотивы.

Джек смешался, и Мастерс замолк. Он молчал так долго, что стало казаться, будто он отвлечен какой-то далекой неясной мыслью, неожиданно всплывшей в сумерках.

— Хотите, чтобы я раскрыл ваши побудительные причины, доктор Ричмонд? — наконец произнес он.

— Вы хорошо поработали, лейтенант, не так ли? — пробормотал Джек и резко засмеялся. — Да, я был достаточно глуп, чтобы позволить себе связаться с Лилой. Все кончилось незадолго до того, как она умерла. Не ждите, я не стану вдаваться в подробности. Скорее всего вы знаете большинство из них.

— Я выяснил кое-какие вещи, — кивнул Мастерс. — Смотрите, доктор, может, нам лучше не обсуждать это в присутствии вашей жены...

— Пусть вас не смущает присутствие миссис Ричмонд. Моя жена давно знает все обо мне и Лиле. Я рад, что сам рассказал ей все, а не потому, что она поймала меня. Таким образом, зачем мне было убивать Лилу? С какой стати?

Мастерс повернулся к Вере Ричмонд.

— Это правда, миссис Ричмонд? И пожалуйста, не говорите, что это так, если ваш муж лжет. Ни его, ни вас это до добра не доведет, и если ложь будет повторена официально, для вас это может иметь печальные последствия.

— Джек добровольно рассказал мне, — ровным голосом произнесла Вера. — И я решила — не позволю этому развести нас. По двум причинам, лейтенант. Первая — я люблю его. Вторая — я знаю, он любит меня, несмотря на необычное для него нарушение верности. Мне показалось странным, если наш брак рухнет из-за бродяжки, которая для него не более, чем минутное развлечение.

— Это делает вас довольно примечательной женщиной, миссис Ричмонд. Не слишком ли тяжело было жить по соседству с женщиной, с которой, как признался ваш муж, он спал?

Вера побледнела. Но голос ее не дрогнул.

— Да, лейтенант, это было тяжело, особенно потому, что, соблюдая приличия, мы должны были поддерживать соседские отношения с Коннорами. Что бы вы посоветовали сделать? Бежать? Сказать Джеку, что надо переехать? Это только принесло бы Лиле удовлетворение, которого она не заслужила. И кроме прочего, как бы то ни было, я выиграла, она проиграла.

— Очень занятная позиция, — огрызнулся Мастерс, — но звучит немного жестоко, чтобы удовлетворить меня. Я все же предполагаю, что шашни вашего мужа с Лилой Коннор дали ему повод убить ее.

— Но зачем? — спросила Вера, и сейчас это был возглас протеста. — Он расстался с ней — я знала об этом.

— Мог ли какой-нибудь мужчина расстаться с Лилой Коннор, — сказал намеренно жестко Мастерс, — до того, как она готова его отпустить?

Его тон, его выражения, казалось, возвращают Лилу назад, из смерти. Джек Ричмонд махнул рукой.

— Очевидно, вы изучили Лилу в совершенстве.

— Да, доктор. В ночь, когда у вас происходила вечеринка, Ларри Коннор сделал несколько резких настораживающих замечаний о своей жене. Вы думали, я не обращаю на них внимания? Я проверил, и все оказалось правдой. У Лилы было три мужа, быстро сменивших друг друга до ее брака с Коннором, и со всеми она сыграла дьявольскую шутку. То же она продолжала делать, будучи женой Коннора. Похоже, ею двигала ненависть к мужчинам. Она, возбуждая, притягивала их, затем отбрасывала, словно ненужную вещь. Единственное, что она не могла принять, — это быть брошенной. Тогда она становилась действительно опасной. Чем она угрожала вам, доктор? Скандалом? Профессиональным крахом? Чего она требовала? Денег? Развода и новой женитьбы?

— У меня не было достаточно денег, чтобы удовлетворить ее, а женился я бы скорее на осьминоге.

— Вы признаете, что она угрожала вам!

— Этого я не признаю. Что же до моей репутации и профессиональной карьеры, сколь они для меня ни важны, я не убил бы вследствие такой угрозы, выраженной или предполагаемой.

— Не убил бы? Или не убил?

— И не убил бы, и не убил. У вас нет доказательств, лейтенант, признайте это. Все основано на том, что я мог бы сделать, а не на том, что сделал. А те два часа или около того в больнице, повторяю: — я был в личной комнате и предлагаю вам доказать обратное.

— Докажу, если смогу, и, думаю, смогу.

— Вы говорите, я арестован?

— Арест? — Мастерс, казалось, рассматривает этот вопрос. — Нет. Пока нет, доктор Ричмонд.

— Я так и думал, — Джек рассмеялся и резко встал. — Вы должны меня извинить.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и вошел в дом, со взволнованным видом Вера быстро последовала за ним. Мастерс посидел еще немного, затем хлопнул себя по ляжке и сказал: «Виноват, очень виноват», — но относилось ли это к Ричмонду или к его собственной позиции, осталось неясным. Он вскочил и ушел. Эти внезапные отступления оставили Уолтеров и Хаузлов неловко брошенными на террасе Ричмондов.

— Я знала, — заявила Мэй. — Я с самого начала знала, что Лила потаскуха.

— Заткнись, Мэй, — сказала Стэнли.

— Она непременно должна была плохо кончить.

— Заткнись, Мэй, — повторил Стэнли.

— Действительно, Мэй, — попросила Нэнси, — заткнись, пожалуйста!

— Пойдем, Стэнли, — позвала Мэй. — Очевидно, нам лучше пойти домой.

Стэнли неторопливо поднялся и двинулся с Мэй через двор к дорожке. По пути Мэй взяла его под руку.

— Стэнли опять на коне, — прошептала Нэнси. — Он почти чист.

— Мэй невозможна.

— Это не Вера. Вера великолепно. Я не знаю, что бы сделала, если б узнала, что ты мне изменяешь.

— Ты бы сделала то же, что я в отношении тебя и Стэнли на дорожке, — сказал Дэвид. — Ты бы все замяла.

— Я просто пошутила, Дэвид Хауэлл, и ты это знаешь!

— В таком случае, черт с ним, забудем. Я себя чувствую омерзительно, милочка. Все, чего хочется, пойти домой и напиться.

Мастерс сгорбился за столом Ларри Коннора, ликуя. Он почувствовал. Словно плавание после долгого перерыва, — тяжелые бронхи, руки, будто налитые свинцом, и внезапно... второе дыхание, дышать легко, веса нет, мчишься к приближающемуся берегу, как рыба. Он понял.

270
Таблетка была принята, Ларри Коннор лег на софу, ожидая смерти. И пока он ждал, смерть стала страшной. Он ощутил ужас. Несмотря ни на что, он хотел жить. А чтобы жить, ему необходима помощь, отчаянно, немедленно. Он уже опьянел под действием таблетки, мысли его путались, разум мутнел. Здесь под рукой телефон... сможет ли он? Он боролся с собой, пытаясь дотянуться до стола, снять трубку. Он позвонит... Кому? Возможно, он знает, возможно, пытается. Но он не может вспомнить номер или не может совладать со своими движениями, его указательный палец на диске подобен культишке инвалида. Что он сделает?

Позвонит телефонистке на телефонную станцию. Он мог использовать один поворот диска.

Телефонистка отвечает. Он просит ее вызвать номер... Чей? Руфи Бентон? Умирающий, нуждающийся в помощи, будет ли он требовать Руфь Бентон?

Нет. Человек, умирающий от передозировки таблеток, принятых по собственной воле, уцепился бы только за одного спасителя.

Доктор. Его доктор? Мастерс выпрямился. У него не было ответа на вопрос. На это могла бы ответить телефонистка. Она вспомнит звонок и кому он был адресован.

Она вспомнит. Мастерс был уверен, что вспомнит. Теперь он подвергал сомнению свою уверенность не более, чем подвергал сомнению всю цепочку мыслей, которые привели к ней.

Это было правильно. Это было оно.

Мастерс надавил кнопку звонка и услышал гармоничный перезвон колокольчика. Солнце пылало на ярком голубом небе. Перезвон колокольчика умолок, через мгновение он вновь нацелил указательный палец и ткнул звонок еще раз, снова слушая и глядя на солнце.

Никто так и не подошел. Лучше попытаться у задней двери.

Но никто не ответил и на стук у задней двери. Он взглянул направо, на задний двор Хауэллов, через лежащий между ним и этим двором задний двор Конноров. Вероятность того, что Нэнси Хауэлл была дома, велика, и подумалось, надо пойти и побеспокоить ее еще разок.

Когда Нэнси подошла к двери, он увидел, ему не рады, и почувствовал сожаление и одиночество, но отбросил их. Он был слишком стар и загнан, чтобы сожалеть о том, что ему не хотят помочь, или попытаться возместить свои убытки, вернуть давно ушедшее.

— Здравствуйте, — сказал Мастерс. — Простите, что снова побеспокоил вас.

— Я надеялась, что действительно так, — ответила Нэнси. — Я надеялась, что вы навсегда устыдитесь и не будете беспокоить меня вновь. Я изо всех сил старалась помочь вам, но это только принесло горе людям, которых я люблю и уважаю.

— Я, а не вы, миссис Хауэлл, из тех, кто приносит горе. Это неотделимо от работы.

— Поганая работа — все, что я могу сказать!

— Очень поганая. Но кому-то надо ее делать. Вот вчера вечером у Ричмондов, например. Думаете, мне это доставляет удовольствие?

— Вы, лейтенант Мастерс, худший из бандитов.

— Бандит! — вопиющая несправедливость была причиной того, что голос Мастерса слегка дрогнул. — Что же, возможно и так, я не виню вас. Где Ричмонды? Они не отвечают на звонки, ни у передней двери, ни у задней.

— Ну, Джек — доктор, — холодно сказала Нэнси, — и разумно предположить, что он на вызове.

— А миссис Ричмонд?

— Если Веры нет дома, не знаю, где она. Может, поехала в город или на рынок.

— Хорошо, попытаюсь поймать доктора Ричмонда.

— Хотела бы я пожелать вам удачи, но не желаю.

— Благодарю, — печально отреагировал Мастерс, — за то, что хотите помочь.

Он держал шляпу в руке. Потом надел ее на свою лысеющую голову и отправился, обогнув дом Хауэллов, через улицу, к машине. Вслед раздался злой хлопок двери. Она даже не впустила меня, подумал Мастерс и направил машину в город.

Кабинет доктора Джека Ричмонда располагался в новом здании Медицинских наук, математически четком одноэтажном строении из стекла и зеленоватых кирпичей, окруженном столь густой растительностью, что газон казался искусственным.

Мастерс прошел через холл, миновал сверкающую аптеку и длинным, выглядевшим стерильным коридором двинулся к де-

ревянной двери с надписью «Джон Р. Ричмонд, Д.М.», роскошно выписанной буквами из нержавеющей стали. Мастерс вошел.

Приемная была пуста.

— Доктора Ричмонда нет, — сказала медсестра с острым подбородком, сидящая в застекленной нише. — Вам назначено?

— Я к нему не как к медику, — откликнулся Мастерс. Он показал свой значок, и ее глаза сузились. — Где он?

— Обычно в это время он возвращается из больницы, — ответила медсестра. — Но сегодня он позвонил и сказал, что у него срочный вызов, и он не знает, когда вернется.

— Срочный вызов в больницу?

— Не могу сказать в точности.

— Смогите, сестра, — терпеливо предупредил Мастерс. — Любой ассистент врача знает, где тот находится каждую минуту. Он в больнице?

— Я так думаю, — она была испугана. — Да.

Мастерс поехал в больницу. Доктор Ричмонд находился в операционной. Срочная аппендиктомия. Надо было подождать.

Мастерс выругался шепотом. Он прохаживался. Прочитал вывешенные больничные правила. Изучил большую гравюру, изображающую группу мужчин, облаченных в куртки: мужчины склонились над трупобразным обнаженным мужчиной, лежащим на грубом кухонном столе. Картина называлась «Хирурги».

Внезапно он почувствовал, что не может больше ждать, и заторопился к лифтам. Одна кабина была распахнута, он шагнул внутрь и надавил кнопку с цифрой пять. Дверь лифта закрылась со скоростью улитки. Подъем на верхний этаж длился бесконечно.

Лейтенант Мастерс встал на пост перед большими двойными дверями операционной.

Спиной к стене. Символически.

13

Сначала Лила, подумала Нэнси, теперь Вера. Всегда ли будут исчезать люди из Тенистых Акров? Это бросает в дрожь. Конечно, нелепо думать, что Вера «исчезла». Она просто вышла. Сейчас она, должно быть, в городе, делает покупки у Логанса или в супермаркете, или, может, она в роскошном баре. Существует бездна мест, куда Вера могла пойти по вполне понятной причине. Определенно, нет оснований беспокоиться за нее. Все вина проклятого лейтенанта Мастерса. Каждый раз, когда он возвращается, он приносит дыхание судьбы. С Верой все хорошо.

Тем не менее за час Нэнси нашла дюжину причин пойти взглянуть на дом Ричмондов. Веры не было видно. Но глупо ожидать, что Вера станет поднимать флаг, показывая, что она дома. Она могла бы вернуться в любое время в течение этого часа. А если так, то она скорее всего оставила «фольксваген», небольшую машину, которую водила, когда Джек уезжал на «корvette», на своей стоянке.

Нэнси зашла в гостиную и выглянула наружу. На стоянке у Ричмондов и возле обочины «фольксвагена» не было. Конечно, Вера могла поставить его в гараж. Однако рассуждениями ничего не добьешься, сказала себе Нэнси. Разумнее позвонить Вере под тем или иным предлогом и убедиться, что все в порядке.

Нэнси пошла в холл к телефону и набрала номер Ричмондов.

Она переждала восемь гудков. Ответа не было, и Нэнси повесила трубку. Веры просто нет дома. Но тогда почему Нэнси так упорствовала в навязчивом ощущении, что она там? Может быть, Вера по каким-то соображениям не отвечала на звонки в дверь и по телефону? Но это невероятно. Вера отлично выдрессированная докторская жена, любой звонок может оказаться важным...

Чувство беспокойства начало приобретать форму тревоги. Назови это беспричинным, назови абсурдным, назови как хочешь, беспокойство выросло слишком сильно, чтобы его можно было переносить. Следовательно, либо надо выбросить все из головы, либо что-то делать.

Первое, что сделала Нэнси, — перебежала через улицу к гаражу, пристроенному к дому Ричмондов. Ворота гаража были закрыты, но существовали еще три маленьких окошка, через которые Нэнси могла, поднявшись на цыпочки, заглянуть внутрь.

Она потянулась и взглянула, «фольксваген» был в гараже. Если Вера и отправилась куда-то, то либо пешком, либо ее отвез Джек. Но Вера ненавидит ходить пешком, а Джек обычно уезжает в больницу или в свой кабинет задолго до того, как Вера встанет с постели.

Нэнси пошла к задней двери. Колебалась она только мгновение. Затем повернула круглую ручку и робко толкнула. К ее удивлению, дверь поддалась внутрь. Не заперта, когда Веры нет?

Нэнси шагнула в кухню. Кондиционированный воздух был прохладен и восхитительно сух. Она почувствовала себя легкой и свободной, но в то же время была подавлена тягучим страхом, который превращал каждый шаг в акт воли.

Она задержала дыхание и, подняв голову, прислушалась. Ничего не слышно. Звучало, как и должно звучать в пустом доме, без звука.

Тем не менее Нэнси позвала: «Вера-ааа?» — и продолжала: — «Вера! Ты дома?» Ответа не было. Интересно, подумала Нэнси, что я скажу, если входная дверь сейчас распахнется и войдет Вера. Как объяснить, что тебя застали в доме соседа? Нэнси досадливо рассмеялась. Черт с ним. Она поняла, тут что-то не так, и уверенно пошла в гостиную Ричмондов, находившуюся в глубине дома.

Комната была чудесная, и Нэнси очень давно втайне завидовала. Сейчас она не чувствовала зависти. Ее внимание было приковано к массивной двери из осветленного красного дерева. По некоторой причине.

За этой дверью находился кабинет Джека Ричмонда. За этой дверью находилось нечто ужасное. Нэнси знала это. Подобно

лунатику, она двинулась через гостиную, открыла тяжелую дверь и заглянула в кабинет. Там была Вера Ричмонд. Нэнси в глубине души считала, что она и должна там быть. Вера Ричмонд сидела в большом кожаном кресле с высокой спинкой, лицом к двери, будто ждала, что кто-то войдет. Но она была мертва.

Мертва. Нэнси так была уверена в этом, что не продвинулась ни на четверть шага в кабинет. Она просто стояла на пороге и смотрела на свою подругу со странным чувством отстраненности, вся настойчивость куда-то делась.

Вера расчесала волосы, подкрасила губы, напудрила щеки и надела хрустящее яркое летнее платье, готовясь к смерти. Она выглядит прекрасно, подумала Нэнси. Оконные шторы были раздвинуты, и свет, проходя через жалюзи, рисовал солнечную лестницу на пылящем паркетном полу...

Лестница от жизни к смерти. Действительно, прекрасная комната для смерти.

Вера была мертва. Вера — мертва? Немыслимо. Вера всегда была здесь, спокойная, улыбающаяся, умелая, старающаяся остаться незаметной. «Моя третья рука», как частенько говорил Джек. Вера была из тех людей, которые существуют вечно.

И теперь она сидела мертвая в кресле мужа. И вопрос, кроме всего, заключается в том, почему. Наверное, она расчесала волосы, надела выглаженное платье и наложила грим не для того, чтобы просто сесть и умереть прекрасным летним утром. Наверняка — нет. Но, тем не менее, это так. Она умерла, руководствуясь своими причинами, своим способом и в свое время.

Резко повернувшись, Нэнси увидела стол из полированного красного дерева, кресло от стола отодвинуто, как если бы кто-то только что встал и ушел. Кто-то и сделал это. Вера. На столе, под голубым стеклянным прессом лежали два листка белой бумаги, заполненные четким почерком Веры. Она села сюда, чтобы написать что-то перед смертью, возможно, ожидая смерть.

С некоторым изумлением Нэнси обнаружила, что стоит возле стола. Она не собиралась читать, она очутилась возле стола внезапно. Столкнув стеклянный пресс кончиком пальцев, Нэнси склонилась над столом, не касаясь бумаги, и стала читать, что написала Вера.

«Джек, дорогой.

Еще с прошлого вечера на нашей террасе я с жуткой определенностью знала, что лейтенант Мастерс придет еще раз. Он пришел этим утром. Позвонил у передней двери и затем, обойдя дом, у задней. Но я не отвечала, и через некоторое время он ушел. Поэтому я знаю, что должна сделать. Прости меня, дорогой, как я простила тебя.

Я думала, что время все залечит, но я устала ждать. То, что обвинят тебя, я поняла с самого начала, и потому должна была тебя спасти. Ты все время знал, конечно, что я сделала. Но ты никогда не винил меня, никогда не проклинал, и я так благодарна тебе за это. Ты не забудешь, надеюсь, что я намеками старалась убедить, что не заставляю тебя страдать из-за моей ошибки.

Это была ошибка. Я поняла это сразу, как только сделала, но было слишком поздно. Мастерс проныцателен. Он понял все почти правильно, за исключением самого важного — того, что виновата я, а не ты. Ларри той ночью звонил из офиса. Он хотел видеть тебя. Он принял большую дозу лекарства, что и я скоро сделаю, но он испугался, передумал и просил помощи. Ты была на срочном вызове, а я знала, что дорога каждая секунда. Когда-то я была медсестрой, поэтому сама поехала в нему.

Мне жаль Ларри. Я искренне собиралась, если смогу, помочь ему. Но когда я вошла в офис, прошла через заднюю дверь, которую он как-то умудрился открыть для меня, я нашла его на софе в глубокой коме. И затем, в единой ослепляющей вспышке откровения я увидела, что смогу избавить тебя и себя от Лилы раз и навсегда, — и не окажусь замешанной. Ларри выпил яд и, следовательно, будет обвинен в ее убийстве... Как бы то ни было, там, в офисе, я стояла, смотрела и ждала смерти Ларри. Не знаю, могла ли я спасти его, он уже потерял сознание, когда я приехала. Может, это только слова. Но суть в том, что я оставила его умирать, даже не попытавшись помочь. Бездействием я убила его так же определенно, полагаю, как если бы заставила его принять лекарство в самом начале.

Лилу я убила собственной рукой. Когда я вернулась домой, в ее спальне еще горел свет, и я должна была ждать, пока она заснет. Это было очень рискованно, потому что я в точности не знала, когда ты вернешься из больницы, и действительно, я успела только закончить со всем и лечь в постель, как ты вернулся. Я не жалею, что убила Лилу, мне только обидно, что все так скверно обернулось для меня и для тебя. Самым большим заблуждением Лилы было непонимание того, кто я такая. Она третировала меня сотней разных способов, издевалась надо мной. Действительно ли она считала, что я все несусь? После всего, что она мне причинила из-за тебя?

Нет необходимости повторять здесь детали того, как я убила ее, — игру с кондиционерами и прочее. Мастерс уже проработал все это, он не ошибся ни в чем, кроме, как я сказала, определения виновного. Но я уверена после его утреннего визита, что он больше не ошибется даже в этом.

Джек, дорогой, ты сказал о себе — и не подлец, и не дурак. Я была и тем и другим...»

Это не был конец письма, но Нэнси перестала читать. Она повернулась со вскрипом, сжавшим горло.

Джек Ричмонд стоял в дверях. Он не смотрел на Нэнси, едва ли даже понимал, что она здесь. Он смотрел на свою жену, сидящую в кресле, потускневшим взглядом старика. Лицо его посерело, голос, когда он наконец заговорил, был ровным и лишенным всякого человеческого чувства.

— Она мертва, — сказал он.

Это не было утверждением, требующим ответа, и Нэнси осталась безгласной. Когда она взглянула снова, за Джеком Ричмондом стоял лейтенант Мастерс. Он был здесь все время.

Но не присутствие Мастерса заставило Нэнси прийти в себя и сломя голову броситься вон из комнаты, а то, что сказал Джек Ричмонд.

Муж Веры посмотрел на Нэнси и произнес с холоднейшей учтивостью:

— Надеюсь, теперь вы нас простите?

Затем Мастерс вошел в гостиную, где просил Нэнси посидеть, и сказал:

— Извините, что заставил вас подождать, миссис Хауэлл. Вы выглядите, как смерть. Я могу снять показания позже. Можете сами добраться до дома? — Он слегка поклонился с выражением почтения или мольбы, как бы оправдываясь.

Но Нэнси спросила:

— Это правда?

— Что правда, миссис Хауэлл?

— Что, когда вы пришли сегодня утром, вы пришли за Верой?

— Да, — ответил Мастерс.

Нэнси помолчала. Затем выговорила:

— Как вы узнали?

— Мне показалось что Ларри Коннор мог бы попробовать в конце концов покончить с собой, а попытавшись, мог передумать и позвать на помощь — обычная реакция многих потенциальных самоубийц. Я связался с телефонной компанией и установил телефонистку, с которой он говорил. Она вспомнила, что звонок был в дом доктора Джека Ричмонда. Коннор, конечно, не знал, что у доктора Ричмонда срочный вызов в больницу.

Вывод очевиден. Так как Джека Ричмонда не было дома, то по телефону должна была ответить жена доктора. То есть Вера Ричмонд. Затем тот, кто говорил с Ларри Коннором, знал, что он сделал, слышал его просьбу о помощи. Это был очевидный срочный вызов, а она была опытная медсестра и знала, что муж ее в больнице, на другом вызове, и время дорого. Логично предположить, что она собралась ответить на мольбу Ларри самостоятельно. Если так, то не ее муж, а именно она была в офисе Ларри. Именно она обнаружила, что Ларри мертв — или позволила ему умереть, как теперь выяснилось, — и затем совершила все остальное, включая убийство Лилы Коннор.

Нэнси почувствовала, что дрожит от холода и ужаса. Чтобы согреться, она подтянула колени к подбородку. Но дрожь не унялась.

— Я не могу в это поверить, — сказала она. — Вера... Вера — последний человек, которого бы я заподозрила.

Мастерс ответил:

— Она последняя, кого я подозревал, миссис Хауэлл.

— Джек, должно быть, знал, что он здесь найдет. Он, кажется, допускал это.

— Он боялся чего-то похожего. И я — тоже. Вот почему я пошел его искать, — Мастерс колебался. — В таких случаях муж имеет право знать первым.

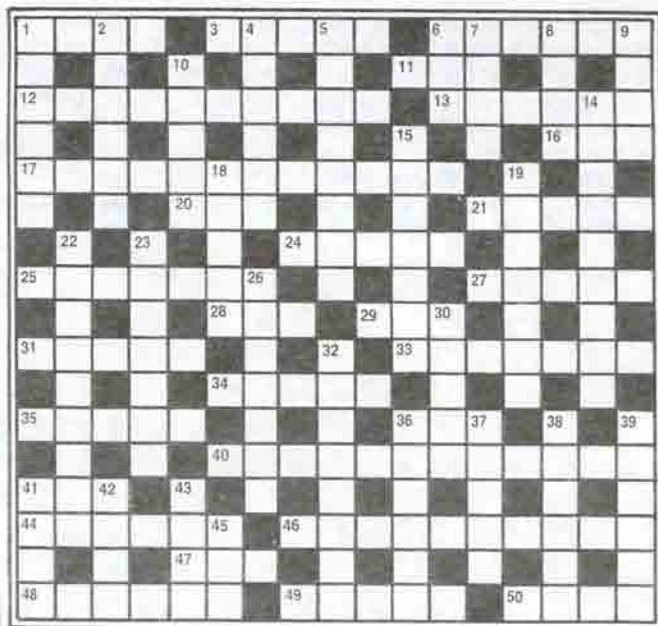
— Как умно, лейтенант, с вашей стороны.

— Простите, сожалею.

— Сожалеете? — Нэнси выпятила свою маленькую нижнюю губку и заплакала. — Я не верю вам. Вы — мусорщик. И Ларри, и Лила, и Вера — все мертвы. Надеюсь, вы удовлетворены!

Мастерс не протестовал. Он проводил Нэнси Хауэлл через холл и кухню и остановился на пороге дома Ричмондов, провожая ее взглядом. Он продолжал стоять так, пока она не скрылась в собственном доме, и чувствовал себя истощенной, пустой, жирной и безобразной оболочкой. Мастерса не удовлетворяли в жизни многие вещи, и слишком много времени упущено, чтобы попытаться что-то изменить. А жизнь пахла настолько прекрасно, и завтра могло быть лучше, чем вчера, но в этом он сомневался.

Перевод с английского
МАРИНЫ КРАСНОВОЙ.

1. Залог долнина в старину. 3. Героиня греческой мифологии, олицетворение горя, печали, страдания. 5. Нандый из первых банниров Англии. 11. Буква старой русской азбуки, бывшая в древности полугласной. 12. Специалист, конструирующий ткань, определяющий ее структуру. 13. Настом балерины в виде пифа и нескольких юбок. 16. Будет крепче, если на ночь выпить отвар ромашки. 17. «Двигатель» науки. 20. Бархатный, владимирский, стебельчатый, тамбурный. 21. Экваториальная страна. 24. Цветие рабины. 25. Человек, свято любивший землю богов, почитаемых преднами. 27. Деватель русской культуры XVIII века, опубликовавший со своими комментариями две летописи. 28. Ходячая грубость. 29. Расстояние на Руси, преодолеваемое между двумя кормлениями лошадей. 31. Каменное оружие Тора и, как полагают, Перуна. 33. «Золотой» гриб. 34. Русский царь, одним из первых разглядевший в Наполеоне могильщика французской революции. 35. Египтяне, исповедующие христианство. 36. Всякий суп на Руси. 40. Жесткая норма престолонаследования в Парфии к началу н. э. 41. Редкая богатая добыча в стихотворении Н. Языкова «Две картины». 44. Шотландский танец из «Евгения Онегина» П. Чайковского. 45. Форма родового общества, возникшая на основе первобытного стада. 47. Тяга вальдшнепов на языке охотников. 48.

Первый японец, попавший в Россию в конце XVII вена. Учил русских подростков японскому языку. 49. Древнеримский поэт, чьи басни были очень популярными в средневековой Европе. 50. Язычник у арабов.

По вертикали.

1. «Духовные горы» болгар. 2. Печеный овощ в Китае уине в 2600 году до н. э. 4. Русский художник, принесший в юности любимую девушку в жертву на алтарь искусства. 5. Волнение недовольных. 6. Земельный надел станицы, хутора в казачьих областях. 7. Рыба, за сутки до ненастья поднимающаяся на поверхность. 8. Француз, чьи «Песни Билитиса» были мистификацией. 9. Город, заставивший М. Волошина написать цикл стихотворений. 10. Последние сто метров в бегах и скачках. 14. Одна из «небольших помещиц», которые плачутся на невромаи, убытки и держат голову несколько набом /Н. Гоголь/. 15. Место в озере, защищенное от ветров. 18. Обмолоченный, но еще не вялный хлеб на Руси. 19. Я тебе не ... /не слуга/. 22. Поповой певец, способный стать добычей волка. 23. Свойство лент, в нание заплетены «косы русые, золотистые» Алены Дмитриевны в «Песне про купца Налашниковца» М. Лермонтова. 26. Пустомеля. 30. Дальневосточный народ, пренде разводивший собак на мясо. 32. Автор книги «Гоголь в низии». 36. Одевание невесты и венцу. 37. Нисломолочный напиток, накой лучше пить сразу после приготовления. 38. Каждый из основных элементов природы у древних греков. 39. Центр круга людей у тасманийцев /не больше семи человек/. 41. Дворянский титул у шотландцев. 42. Каждый из участников древнеримской «черепахи». 43. Африканская муха, влюбленная в синий цвет. 45. Подросок на подхвате у поморских рыбаков.

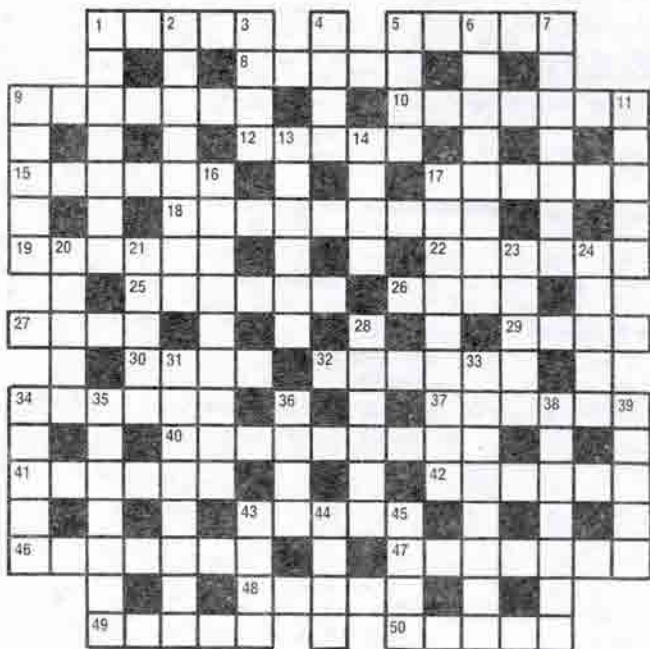
ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 0

По горизонтали.

5. Гуля. 10. Богатство. 11. Стриж. 12. Соул. 13. Рейхсмаршал. 14. Износ. 20. Чий. 21. Югославия. 22. Гранит. 24. Мизинец. 27. Ойна. 29. Слад. 30. Фиалкин. 34. Драхма. 35. Винторина. 36. Ежи. 40. ... Литта. 43. Миттенхофер. 44. ... нчья. 45. ... плечи. 46. Гомеостаз. 47. Ожье.

По вертикали.

1. Номер. 2. Пасха. 3. Псаммит. 4. Зверь. 6. Угол. 7. Ясли. 8. Хрен. 9. Унас. 12. ...сангвинин. 15. Злая. 16. Олиц. 17. Аскет. 18. Игран. 19. Шашни. 20. Чин. 23. Финляндия. 25. ... эпоха... 26. Идеал. 28. Цитра. 31. Кри. 32. Пири. 33. Штат. 34. Дненнер. 37. ...отрок. 38. Томск. 39. Щепач. 40. Липа. 41. Туер. 42. Анио. 43. Медь.

КРОССВОРД
Составил
С. Козлов,
Мурманск

По горизонтали.

1. Волхование по сути. 5. Птица во вкусе сюрреалистов, истребленная человеком на Маскаренских островах. 8. «Плачущее» дерево. 9. Народный артист России, первый исполнитель песен А. Пахмутовой, Д. Тухманова, М. Фрадкина. 10. Самое «жирное» растение. 12. Прут или орудие наказания. 15. Оружие, один из трех старых символов русского театра. 17. Собаку съел, оназаться на мели /оборот речи/. 18. Сани боярыни Морозовой на картине В. Сурикова. 19. Призрак, причудливое явление. 22. Титул, «понамолванный» Волге А. Дюма в 1858 году. 25. Лесная птица, свист которой напоминает звук флейты. 26. Проступок, преступление. 27. «Великий зверь на малые дела» в басне И. Крылова «Воспитание Льва». 29. Кровельный материал. 30. Летит по-птичьи, ревет по-бычьему /загадка/. 32. Повелитель бесов. 34. Южный плод весом до тринадцати миллиграммов. 37. Ниргизская борзая. 40. Самая мелкая хищная птица, занесенная в Книгу рекордов Гиннесса. 41. «Бегущий» типографский шрифт. 42. Соцветие лисохвоста. 43. «Сердце» азиатского средневекового города. 45. Морской червь, личинка которого подсказала принцип движения подводной лодки. 47. Отдельная личность, индивидуум. 48. Старое славянское название февраля. 49. Самый популярный венгерский писатель XIX века. 50. Традиционный танец бразильских весенних карнавалов.

По вертикали.

1. Обычный горожанин, превращенный М. Горьким в символ серости. 2. Русский писатель, с чьей легкой руки деньги стали называть презренным металлом. 3. Белый клен, чьи наросты называют «плавильным деревом». 4. Неприятельское судно, захваченное в морском сражении. 5. Женщина. 6. Вулканическое стекло. 7. Столица Ливии. 9. Изящный античный сосуд. 11. Автор романа «То не ветер ветну клонит...». 13. ...мед пьет и нандалы трет /русская пословица/. 14. Вздор, чепуха. 16. «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец – он все испытал и все проник» /А. Пушкин/. 17. Введенный в сенат конь императора Налигулы /полное латинское написание/. 20. Любимый сын Додона в опере Н. Римского-Нарсаква «Золотой петушок». 21. Божество света в греческой мифологии. 23. Пахарь в Древней Руси. 24. Наморна для съестных припасов в усадьбах Древнего Рима. 28. Народ, среди которого выбрал жену Гайавата, герой поэмы Г. Лонгфелло. 31. Сказочное чудовище, убивающее взглядом. 33. Теория, возводящая религию и почитанию и олицетворению природы. 34. Гуцульский мунской танец. 35. Площадка, где принимают солнечные ванны. 36. Воинское подразделение. 38. Город близ Петербурга, где в 1910 году была открыта первая в России воздухоплавательная школа. 39. Прочная хлопчатобумажная ткань. 43. Индонезийский остров «тысячи храмов». 44. Муж дочери, золовки, сестры. 45. Средневековая португальская серебряная монета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАВЕШАННЫЙ В № 8

По горизонтали.

1. Барыш. 6. Смыслов. 10. Пентех. 11. ...чашка. 12. «Агасфер». 13. Трахен. 17. Газан. 20. Воин. 24. Луняйна. 28. Йогурт. 29. Траур. 31. Бандурист. 32. Нипр. 36. Рена. 37. Дистрофин. 41. Слайд. 42. Щелнин. 44. Инфанта. 47. Гало. 48. Днеб. 53. Веялна. 57. Цигейна. 58. Яство. 59. Чеснок. 60. ...маркиза... 61. Скань.

По вертикали.

1. Бочаг. 2. Решна. 3. Шпат. 4. Юнга. 5. Пюре. 7. Магний. 8. Сысн. 9. Отец. 14. Раж. 15. Хай. 16. Ява. 18. ...заря. 19. Клуб. 21. Ной. 22. Пуццин. 23. Штурм. 25. Уран. 26. Андрей. 27. Наротин. 30. Основа. 33. Працца. 34. Скопа. 35. Лист. 38. Нлад. 39. Эйве. 40. Миг. 43. Наркоз. 44. Иов. 45. Фея. 46. Нок. 49. Жатва. 50. Брошь. 51. Зима. 52. Шейн. 54. Елец. 55. Лань. 56. Аякс.

Шахматная эпиграмма

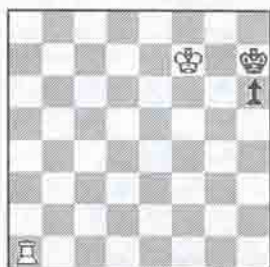

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций V международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр, а также итогов прошлогоднего конкурса. В конкурсе трехходовок за 1995 год участвовало 162 задачи 39 авторов (опубликовано 46). Из конкурса исключены №№ 4, 5, 13, 23, 25, 41, 97, 122 — из-за предшественников, №№ 22, 27, 40 — из-за пробочных решений, № 84 — не опубликованная ранее, № 126 — из-за дуали.

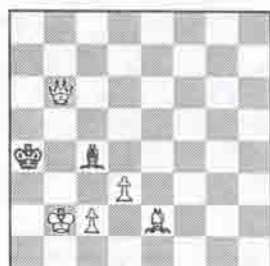
Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после данной публикации.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ
98. С. РАДЧЕНКО
Ростов-на-Дону

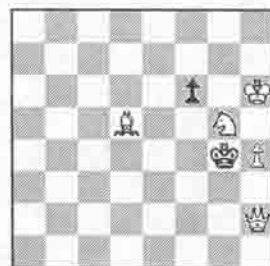
Мат в 2 хода

99. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

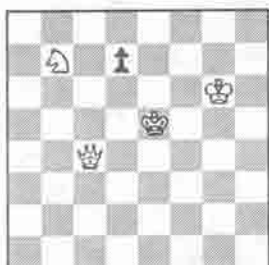
Мат в 2 хода

100. А. КУЗОВКОВ
г. Рыбница, Приднестровье

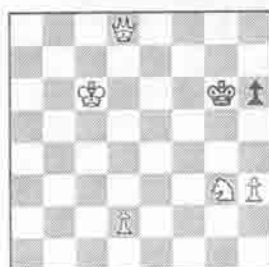
Мат в 2 хода

101. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

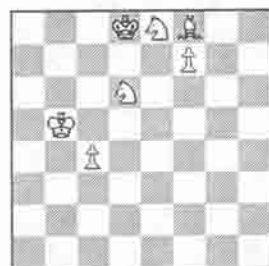
Мат в 3 хода

102. Ан. КУЗНЕЦОВ
г. Реутов Московской обл.

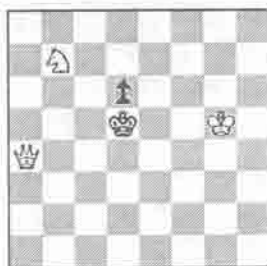
Мат в 3 хода

103. В. МЕЛЬНИЧЕНКО, В. ИВАНОВ
Украина/Карелия

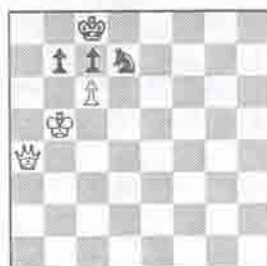
Мат в 3 хода

104. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

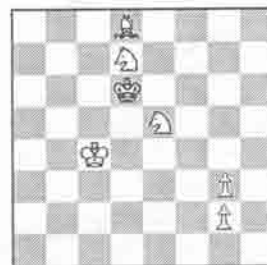
Мат в 4 хода

105. М. ВЕЛУККИ
Италия

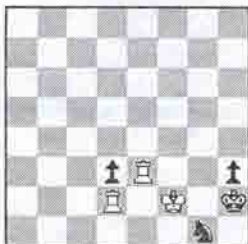
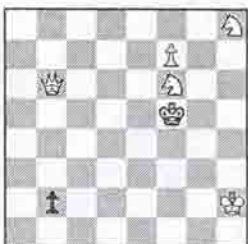
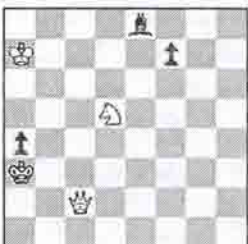

Мат в 5 ходов

106. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия

Мат в 6 ходов

ТРЕХХОДОВКА-95**I приз****В. МЕЛЬНИЧЕНКО****II приз****Л. ГРОЛЬМАН****III приз****Ю. СУШКОВ****Специальный приз****М. МАРАНДЮК****I приз. В. Мельниченко (Украина).**

Трехфазная перемена игры — большая редкость в трехходовой миниатюре! Нельзя сбрасывать со счетов и лонных следов 1. Лef? Кe2! и 1.Лed3? Крh1! Н большому сожалению, в каждом из них содержится дuality на одну из тематических защит, но шахматного содержания они, безусловно, добавляют. Отличная находка!

1. Лd1? Кe2 2. Лh1, 1...Кf3 2. Крf3, но 1...d2!

1. Лg3? Крh1 2. Лg1, 1...Кf3 2. Лf3, но 1...Кe2!

1. Лdd3! Крh1 2. Лh3, 1...Кf3 2. Лf3

II приз. Л. Грольман (Россия). Миниатюрное выражение одной из тем последнего командного первенства России по композиции: в лонном следе игра заканчивается неправильными матами, а в решении — правильными! Превращение пешки f7 в ферзя оказывается дванды неправильным, а в коня — дванды правильным!

1. f8Ф? Кpg5 2. Фe6, 1...Крf4 2. Фf2, 1...Кре5 2. Фfд6, но 1...blФ!

1. f8К! Кре5 (g5) 2. Кf7 Крf5 3.Фf2x, 1...Крf4 2. Фf2 Кре5 (g5) 3.Кf7x

III приз. Ю. Сушков (Россия). Попытка сыграть надежно — 1. Фb1? (с угрозой 2. Ке3) — опровергается путем 1...Сb5! Вернее оказывается ход, выпускающий черного короля из матовой сети — 1. Ке3! (с угрозой 2. Фb1). Свобода черного короля — мнимая: 1... Крb4 2. Фb2 Крс5 3.Фb6x. На основную защиту черных 1... Сb5 следует 2. Кd1! (3.Фb2x) Крb4 3. Фc3x. Все маты — правильные. Впечатляет красивый обходной маневр белого коня!

Специальный приз. М. Марандюк (Украина). Еще одна реализация пропагандируемой украинским мастером идеи (тема Марандюка?!): в четвертом, объединительном, варианте создается двухходовая позиция с теми же защитами черных,

что и в трех первых вариантах.

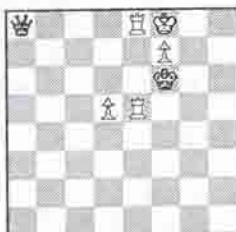
1. Кре6! Крf3 2. Крf5 и 3.Се4x, 1...Кpg5 2. Сf5 и 3. Кf7x.

1...h5 2. Фg2 и 3.Кg6x.

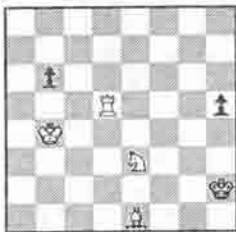
1...h6 2.Кg6 Крf3 3. Ке5x. 2... Кpg5 3. Фh4x, 2... h5 3. Фg2x.

Тонкость вступления подчеркивается лонным следом: 1. Кре5? h6! 2. Кg6 Крf3 3. Ке5??

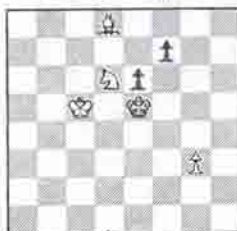
1-й почетный отзыв
В. Коваленко

2-й почетный отзыв
В. Мельниченко

3-й почетный отзыв
В. Иванов, Ю. Сидорович

1-й почетный отзыв В. Коваленко (Россия). Миниатюры с черным ферзем всегда в цене! Особенно с хорошим содержанием! Из трех превращений п. f7 выделяется превращение в коня с развязыванием Лe8.

1. Kpg8 [2.f8Ф] Фе8 2. feП, 1...Kpg6 2. f8Н!, 1...Фd5 2. Ld5

2-й почетный отзыв В. Мельниченко (Украина). Хорошее вступление, перекрывающее важную вертикаль «h», ведет к трем правильным матам. Еще один — в лонном следе.

1. Ch4! b5 2. Ld1 Kph3 3. Lhix, 1...Kph3 2. Lh5 Kph2 3. Cf2x, 1...Kph1 2. Cg3. и 3. Ldx.

1. Ld4? b5 2. Cf2 и 3. Lh4x, но 1...h4! 2. Cf2 h3!

3-й почетный отзыв В. Иванов и Ю. Сидорович (Россия). Блан с переменной одного мата. Хороши лонные следы с позицией взаимного цугцванга.

1. f6 2. Ca5, 1...f5 2. Cg5, 1. Cg5? f5!, 1.Ch4? f6!

1.Ce7! f6 2.Cf8

1-й похвальный отзыв В. Коваленко

(Россия). В задаче четыре правильных мата. Н сонналию, в одном из главных вариантов мат неправильный.

1. Lf4 Kpf2 2. Hd4 Kpg1 (g3) 3. He2x, 1...gH 2. Lg6 Hh3 3. Hh2x, 2... Kf3 3. Lf3x, 1...gФ 2. He1

2-й похвальный отзыв В. Мельниченко (Украина). Чередувание второго и третьего ходов при черной коррекции. Интересен лонный след 1. Cd5? Cc4!

1. Cc6! Ca2 2. Kf5 Kph5 3. Cf3x, 1...Ce6! 2. Cf3 Ca2 3. Kf5x

3-й похвальный отзыв Ж. Рош (Франция). Симпатичный бланк с неожиданным правильным матом со связанным черным слоном.

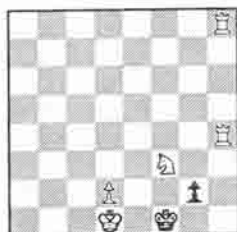
1... Kpe6 2. Lg5: 1. Ch4! Kpe6 2. Lg6 Kpf5 3. Lf6x

Специальный почетный отзыв Ю. Овчинников (Россия): Kpc7, Фh3 — Kpa 7, Cb5, пп. b6, b7.

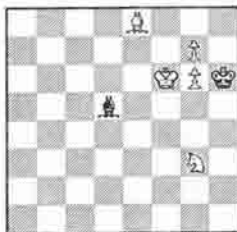
1. Фc8? Cc6!, 1. Фh1? Ca6, 1. Фе6!

Специальный похвальный отзыв В. Желтоножка (Россия): Kpe4, Лb1, Ch4, Hd4 — Kpc4, п. g6, 1. Cg3? g5!, 1. Cg5!

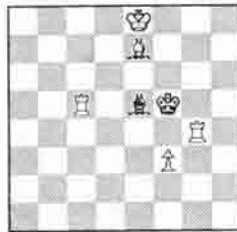
1-й похвальный отзыв
В. Коваленко

2-й похвальный отзыв
В. Мельниченко

3-й похвальный отзыв
Ж. Рош

Сергей Андрияка

Мастерская

286

Весной этого года в Москве, в Малом Манеже, прошла выставка анварелей Сергея Андрияки. Чудесные, стильные анварели поражали безупречным мастерством, с которым они написаны, будь то лирический пейзаж, английский интерьер или роскошный купеческий натюрморт. При осмотре выставки не покидала мысль, что Сергей достиг той степени совершенства, когда для художника почти не существует невозможного, и он любое, даже еле уловимое, тончайшее изменение в цвете неба или воды, в освещении или состоянии воздуха способен передать и выразить простыми анварельными красками на листе бумаги.

Сергей начал заниматься преимущественно анварелью не так уж давно — лет десять назад, хотя интерес к ней проявлял еще с детства. Впрочем, это объяснимо: в советское время на выставках всегда отдавали предпочтение большим полотнам, которые использовались в качестве ударной пропагандистской силы. Анварель же, в силу своих скромных размеров и камерности, считалась не заслуживающей серьезного внимания. Может, именно поэтому, пока Сергей учился (а учился он и в художественной школе при институте имени В.И.Сурикова, где, кстати, директорствовал его отец, и в самом этом институте, и в Творческой мастерской живописи при Академии художеств СССР), он сознательно готовил себя прежде всего к работе с масляной живописью. Позже, выбирая между двумя видами живописи — анварельной и масляной, — он все больше склонялся в сторону первой: воздушность, легкость, прозрачность и цветность анварели привлекали его куда больше...

В конце 80-х Сергей пишет свои первые работы в традиции русской классической многослойной анварели. Чтобы добиться звучности и глубины тона, он накладывает по нескольку слоев (иногда число их доходит до двенадцати) прозрачной краски, так называемых пессировок на уже просохший слой, и оттого его анварели поражают таким невероятным тональным богатством, тончайшими, нежнейшими переходами от самого светлого до самого темного тона. Кроме того, у Сергея Андрияки есть одна очень интересная особенность. Дело в том, что с первого взгляда его работы кажутся написанными «à la prima», то есть в один присест, так в них все дышит непосредственностью и свежестью первого впечатления. На самом же деле это впечатление обманчиво. Все свои очень живые и этюдные вещи он пишет в мастерской, на натуре делает только карандашный рисунок.

И еще удивляют размеры анварелей Андрияки. Ведь мы привыкли к тому, что анварель — это нечто маленькое и миниатюрное. У Сергея же работы приближаются к средним размерам станковых картин, а нередко и намного превышают их. Например, у него есть натюрморт — два метра на полтора, или панорама Москвы — длиной в шесть с половиной метров!

Сейчас Сергей Андрияка — признанный мастер анварели. За его плечами десятки выставок в России, во Франции, Польше, Германии, Японии, Англии. Многие работы закуплены в солидные отечественные и иностранные частные коллекции. Но самое важное — его чудесные анварели действительно знают и любят тысячи людей. Доказательство тому — персональная выставка в Малом Манеже. Подтверждаю, что лично видела нипометровые очереди желающих попасть на нее. Видела растроганные лица мужчин и женщин, подходивших к Сергею и благодаривших его за прекрасное искусство. И разве такая любовь и благодарность сотен совершенно незнакомых людей не есть лучшая награда художнику за его труды?

ГЛИЦИЯ БАЙРАМОВА

«СМЕНА»-97

В первом полугодии мы планируем опубликовать новый роман Андрея Шмидта «Обет Молчания» — 3, детектив молодого писателя Андрея Дышева «Дикий остров», фантастический роман американского писателя Майка Резника «Слон Килиманджаро», немецкий детектив Вернера Тельке «Манс» и детектив Лоуренса Блока «Смерть в медовом месяце».

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал

70820

«СМЕНА»

(индекс издания)

Количество комплектов

1

на 199 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

литер

на _____ журнал

70820

(индекс издания)

«СМЕНА»

Стоимость

подписки пере-
адресовки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество комплектов

1

на 199 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-97

Это — 9500 рублей за один номер, 28500 — за три, полугодовая подписка — 57000 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

СЕРГЕЙ АНДРИЯНКА.
Многоцветные полевых цветов.

Зеленая гостиная в Дурингтоне.

Натюрморт со старинным ларцом.

П И К Н И К

